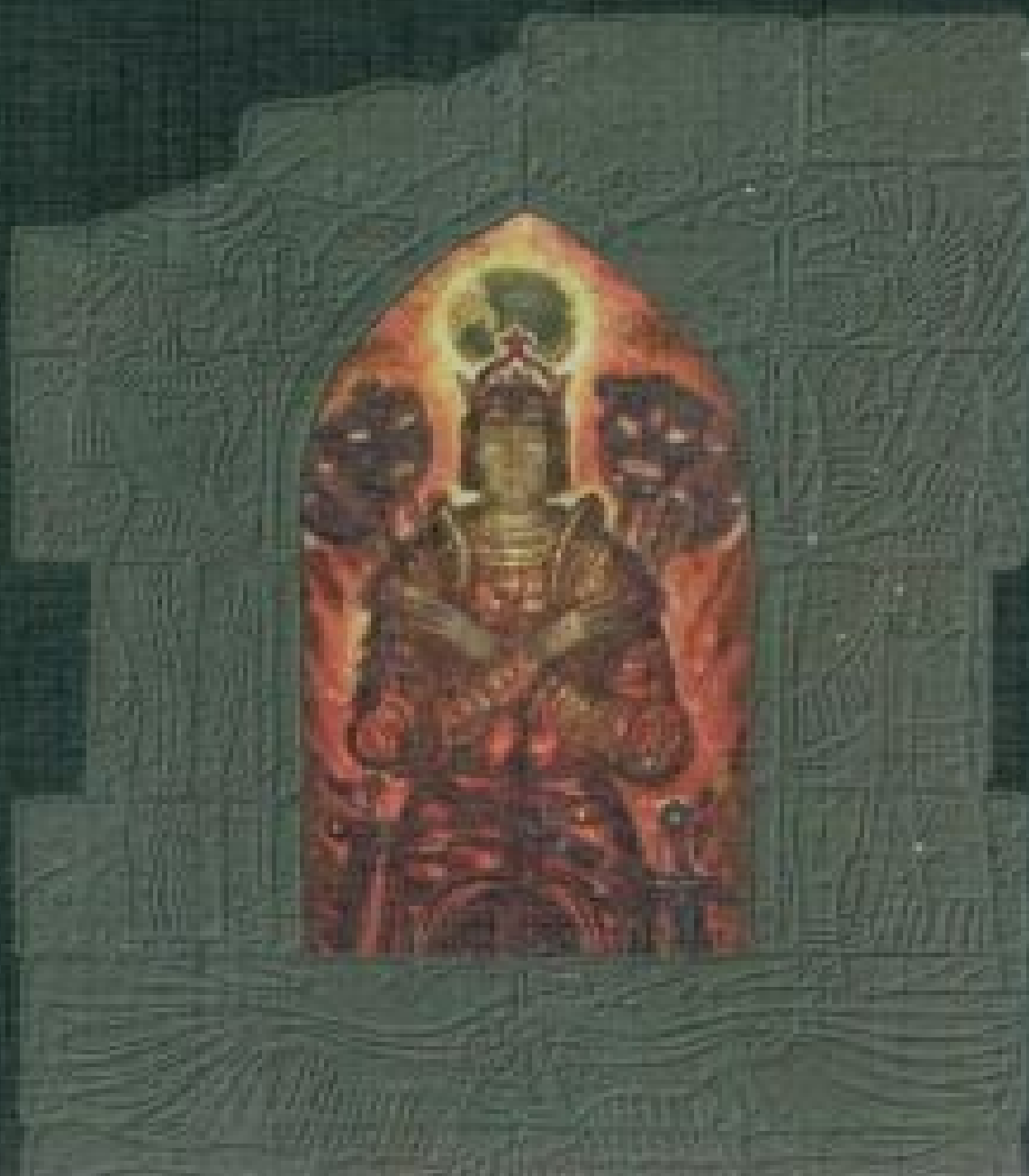

ДЖОЗЕФ
КЭМПБЕЛЛ

ТЫСЯЧЕЛИКИЙ ГЕРОЙ

Annotation

Книга Джозефа Кэмпбелла — классическое исследование мифологии на основе психоанализа, дающего ключ к тайнам языка символов, общего для мифов всех мировых культур с их архетипическим героем.

Переходя от психологической плоскости анализа к метафизической, Кэмпбелл представляет героическое путешествие как космогонический цикл. Пройдя через испытания инициации, преодолев порог между бытием и ничто, герой как воплощение микрокосма и макрокосма растворяется в Высшей Самости, тем самым завершая свою путь.

- [Джозеф Кэмпбелл. Тысячеликий герой](#)
 - [Миф в современном мире](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Вклейка](#)
 - [Пролог. Мономиф](#)
 - [1. Миф и сновидение](#)
 - [2. Трагедия и комедия](#)
 - [3. Герой и бог](#)
 - [4. Центр Мироздания](#)
 - [Часть I. Путешествие героя](#)
 - [Глава I. Исход](#)
 - [1. Зов к странствиям](#)
 - [2. Отвержение зова](#)
 - [3. Сверхъестественное покровительство](#)
 - [4. Преодоление первого порога](#)
 - [5. Во чреве кита](#)
 - [Глава II. Инициация](#)
 - [1. Путь испытаний](#)
 - [2. Встреча с Богиней](#)
 - [3. Женщина как искусительница](#)
 - [4. Примирение с отцом](#)
 - [5. Апофеоз](#)
 - [6. Вознаграждение в конце пути](#)
 - [Глава III. Возвращение](#)
 - [1. Отказ от возвращения](#)
 - [2. Волшебное бегство](#)

- [3. Спасение извне](#)
 - [4. Пересечение порога, ведущего в мир повседневности](#)
 - [5. Властелин двух миров](#)
 - [6. Свобода жить](#)
 - [Глава IV. Ключи](#)
 - [Часть II. Космогонический цикл](#)
 - [Глава I. Эманации](#)
 - [1. От психологии к метафизике](#)
 - [2. Вселенский круг](#)
 - [3. Пустота, порождающая пространство](#)
 - [4. Пространство, несущее в себе жизнь](#)
 - [5. Распад единства в многообразии](#)
 - [6. Народная мифология о Творении](#)
 - [Глава II. Непорочное зачатие](#)
 - [1. Мать Вселенная](#)
 - [2. Предопределенность](#)
 - [3. Лоно Спасения](#)
 - [4. Народная мифология о непорочном зачатии](#)
 - [Глава III. Метаморфозы героя](#)
 - [1. Исконный герой и человек](#)
 - [2. Детство человека-героя](#)
 - [3. Герой как воин](#)
 - [4. Герой как любовник](#)
 - [5. Герой как правитель и тиран](#)
 - [6. Герой как спаситель](#)
 - [7. Герой как святой](#)
 - [8. Уход героя](#)
 - [Глава IV. Растворение](#)
 - [1. Конец микрокосма](#)
 - [2. Конец макрокосма](#)
 - [Эпилог. Миф и общество](#)
 - [1. Многоликий Протей](#)
 - [2. Функции мифа, культа и медитации](#)
 - [3. Герой нашего времени](#)
 - [Список иллюстраций](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)

- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)

- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)

- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)

- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)

- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)

- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)

- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)

- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)

- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)

- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)

- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)

- [472](#)
 - [473](#)
 - [474](#)
 - [475](#)
 - [476](#)
 - [477](#)
 - [478](#)
 - [479](#)
 - [480](#)
 - [481](#)
 - [482](#)
 - [483](#)
 - [484](#)
-

Джозеф Кэмпбелл. Тысячеликий герой

Моим отцу и матери посвящается

Миф в современном мире

В современном рациональном и прагматичном мире, пожалуй, именно в силу этого, интерес к мифологии растет и углубляется. Как и столетия назад, мифы зачаровывают, они загадочны и таинственны, допотопные истории оказываются неожиданно актуальными, человечество продолжает находить в них пищу для души и ума. Глубинная психология раскрыла многие тайны мифа. В трудах З. Фрейда, К. Юнга, Э. Ноймана, О. Ранка, Д. Хилмана показаны бессознательные основы мифологической символики, объяснено происхождение гротескных персонажей мифов, истоки их необычайных приключений и удивительных судеб. Однако, будучи научно «расколдованы», мифы и предания вовсе не лишились для нас своего смысла — наоборот, чтение специальных работ позволяет заново оценить непревзойденное сочетание наивной прелести и огромной мудрости самой незатейливой легенды или сказки.

Книга «Тысячеликий герой» — одна из самых увлекательных работ по сравнительной мифологии. Это исследование психологической основы героических мифов различных времен и народов, опирающееся на огромный фактический материал. Джозеф Кэмпбелл с редким мастерством умеет соединить поэтическое изложение и научный взгляд на проблему. Сказки и волшебные истории в пересказе автора не только не теряют своего очарования, но приобретают новое звучание — благодаря тонкому анализу глубинных сторон человеческой психики, иносказательно представленных в сюжетах и отдельных эпизодах мифов и легенд.

Работа Кэмпбелла посвящена наиболее часто встречающемуся мифологическому сюжету — истории героя, его чудесного рождения, богатырских подвигов, женитьбы на красавице, мудрого правления и загадочной, таинственной гибели. Фольклор многих народов рассказывает о жизни таких персонажей, у шумеров это был Гильгамеш, у евреев — Моисей и Иосиф Прекрасный, у греков — Тесей, Геракл, Ясон, Одиссей, у скандинавов и германцев — Сигурд-Зигфрид, у кельтов — король Артур, у ирландцев — силач Кухулин и доблестный Диармайд, у французов — Роланд и Карл Великий, у югославов — Марко-юнак, у молдаван — солнечный Фэт-Фрумос, у русских — целая плеяда «сильномогучих богатырей». Этот перечень можно продолжать до бесконечности. Почему сказания о героях так популярны?

Кэмпбелл, как и другие авторы (Клаудио Наранхо, Александр

Пятигорский, Геза Рохейм, Виктор Тэрнер, Мирча Элиаде), считает, что основу героического мифа составляют символические формы выражения двух важнейших для коллективной и индивидуальной человеческой истории событий — сотворения мира и становления личности. Иными словами, в героическом эпосе перед нами *космогонический миф* и *ритуал инициации*. Рождение героя и его странствия соответствуют символике инициации (обрядов перехода), а подвиги, свершения и смерть — мироустроению, созиданию Космоса (порядка) из всеобщего Хаоса. Оба эти процесса в некоторой мере едины, а сама инициация часто носит характер космогонического акта — например, в исследованных Ж. Демюзилом кавказских сказаниях о *героях-нартах* или в приведенных самим Кэмпбеллом мифах о Кришне и Будде.

Первая часть книги посвящена индивидуальной истории тысячелетнего героя. Общая схема его приключений соответствует основным стадиям процесса инициации и воспроизводит разнообразные формы обрядов перехода (*rites de passage*). Известный фольклорист Арнольд ван Геннеп выделил три таких стадии — *сепаративную*, состоящую в откреплении личности от группы, в которую она входила раньше; *лиминальную* или стадию «нахождения на грани» и *восстановительную (реинтегративную)*. Смена социального или иного статуса, составляющая основную цель инициационных испытаний, предполагает «выход» из прежнего состояния, отказ от культурных функций, разрушение социальной роли. В мифе это символизируется буквальным уходом, бегством, странствиями и скитаниями героя. Перед этим он слышит призыв, часто сопровождающийся предупреждением о смертельной опасности, угрозами — или, наоборот, обещаниями небывалого блага. Внемлет ли герой призыву или отказывается от него — это всегда начало пути, отделения от всего, что было родным и привычным. Типичная форма призыва воплощена в известной былинно-сказочной завязке: «Направо пойдешь — жену найдешь, налево пойдешь — богатство возьмешь, прямо пойдешь — буйную голову сложишь».

Лиминальная стадия представлена пересечением границ (порогов: *limen* буквально значит «порог»), пребыванием в необычном, промежуточном состоянии. Отсутствие статуса маркируется слепотой, невидимостью, наготой, нелепыми одеяниями (тростниковая шапка, ослиная шкура, вывернутый наизнанку кафтан), грязью, молчанием, запретами (которые касаются сна, смеха, еды, питья и т. п.). «Лиминальные существа, например, неофиты в обрядах инициации или совершеннолетия, — указывает В. Тэрнер, — могут представляться как ничем не владеющие.

Они могут нарядиться чудовищами, носить только лохмотья или даже ходить голыми, демонстрируя отсутствие статуса, имущества, знаков отличия, мирской одежды, указывающей на их место или роль, положение в системе родства, — короче, всего, что могло бы выделить их среди других неофитов или иницируемых. Их поведение — обычно пассивное или униженное; они должны беспрекословно подчиняться своим наставникам или принимать без жалоб несправедливое наказание»^[1].

Лиминальность может сочетаться с пребыванием в потустороннем мире (подземелье, чреве кита или другого чудовища, на дне моря).

Герой находится в царстве смерти, это живой мертвец, которому предстоит новое рождение и преображение.

Составляющее содержание третьей стадии, возрождение (трансфигурация, спасение, волшебное бегство), завершается апофеозом могущества и власти героя. Он приобретает необыкновенную силу, магические умения, красоту, царский сан, женится на принцессе, становится богом. Основное завоевание героя в мифе названо Кэмпбеллом «свобода жить»:

Могущественный в своем озарении, спокойный и свободный в своих действиях, радуясь тому, что его рука будет движима благоволением Виравочи, герой является сознательным орудием великого и ужасного Закона, будь он мясник, плут или царь (Часть I, Глава III, 6).

Однако приключения героя не исчерпываются его апофеозом или гибелью. Индивидуальная судьба божественного героя тесно связана с судьбами мира, его возникновением и обновлением. Само рождение героя, указывает Кэмпбелл, происходит в сакральном центре мира (это так называемый «Пуп Земли»), иногда такой точкой становится, наоборот, место погребения (легенда о том, что Голгофа, место распятия Христа, скрывает в себе череп Адама). От этого центра начинается творение, причем материалом для него часто служит плоть героя или тело убитого им великана, змея, хтонического чудовища. Победа Индры над драконом Вритрой, умерщвление Мардуком ужасной Тиамат, создание мира людей и богов из тела великана Имира — эти и другие примеры подробно разбираются в книге.

Творение мира как героическое деяние есть не единичный, а многократно повторяющийся акт. «То, что было вызвано к жизни в акте творения, — пишет В. Н. Топоров, — стало условием существования и

воспринималось как благо. Но к концу каждого цикла оно приходило в упадок, убывало, «стиралось» и для продолжения прежнего существования нуждалось в восстановлении, обновлении, усилении. Возможности ритуала в этом отношении определялись тем, что он был как бы соприроден акту творения, воспроизводил его своей структурой и смыслом и заново возрождал то, что возникло в акте творения»^[2].

Герой, воспроизводивший действия демиурга-творца, был этим творцом и всеми последующими — события мифа и его участники снова и снова повторяют космогонический акт, они суть его разнообразные вариации — «аллособытия» и «аллогерои». Так возник и вечно шествует по земле герой в тысячах лиц.

Сниженный, частично десакрализованный вариант героического мифа представлен волшебной сказкой. В книге Кэмпбелла не проводится строгих границ между мифом и сказкой — фактически это просто различные жанры одного и того же сюжета. Разбирая аналогичным образом волшебную сказку, В. Я. Пропп^[3] выделил сходные функции сказочного героя — отлучка, запрет и его нарушение («не всходи на резное крыльцо, не покидай золотого терема»), беда или недостача (одряхлевший царь нуждается в молодильных яблоках и живой воде), изгнание, бегство и преследование, испытания мужества, стойкости и силы, обретение волшебного средства или волшебного помощника, таинственный лес, благодарные звери, поход в иное царство (в образе животного, на коне, птице, по дереву или лестнице, падая в пропасть), борьба со змеем (змей связан с горами или водой, выступает как похититель, поглотитель, поборы змея — «каждый месяц молодую девушку брал и пожирал»), переправа через огненную реку, завоевание царевны, трудные задачи (часто в ответ на сватовство), магическое бегство, ложный герой и узнавание истинного, преобразование и воцарение героя.

Героический миф и волшебная сказка — явления, сходные по своей природе. Их повсеместное распространение, огромная популярность, неподвластность времени и всеобщность указывают на психологическую природу этого феномена, которую лучше всего можно объяснить и понять в рамках юнгианства. Хотя в своей книге Кэмпбелл апеллирует к работам и других авторов (преимущественно Фрейда и его первых учеников — Отто Ранка, Гезы Рохейма, Вильгельма Штекеля), влияние Юнга представляется основным и первостепенным.

Странствия и подвиги героя отражают процесс индивидуации — становления и развития личности, достижения ею полноты и целостности

бытия. Этот процесс, по Юнгу, заключается в непрерывном расширении сознания, усилении его функций и возможностей. Центр сознания личности (эго) — это и есть активный, деятельный субъект, а метафорически — герой, главный персонаж мифа или сказки. Развитие эго может приостанавливаться («тридцать лет на печи сиднем сидел») или, наоборот, идти слишком быстро («не по дням, а по часам»). Индивидуация в мифе представлена серией героических подвигов, главные из которых — победа над чудовищами (олицетворение бессознательных содержаний и комплексов) и добывание волшебной невесты (интеграция женского начала). В юнгианстве соответствующие архетипы структуры личности называются тенью и анимой. Эго (герой) должно встретиться с тенью (змеем, драконом) и, победив ее, соединиться с анимой (прекрасная возлюбленная, царевна). Итогом процесса индивидуации является становление самости — изначальной потенциальной целостности личности, которая, как указывает Юнг, «несмотря на свою данность, не может быть познана до конца. Эго, по определению, подчинено самости и относится к ней как часть к целому»^[4].

Мудрость и величие героя по окончании трудных испытаний выражают идею могущества самости.

И здесь можно задать вопрос: а зачем? Что привносит в человеческую жизнь стремление к самости, этот бесконечный процесс познания мира и себя самого? Ради чего совершает тысячеликий герой свои подвиги? Один из возможных ответов на этот вопрос заключается в следующем. Целостная личность, личность-самость умеет преодолевать извечную двойственность существования. Она одинаково хорошо чувствует себя в дневном мире (сознания) и в мир ночном (бессознательное). Любому человеку знакомо «вечернее» чувство важности и ценности глубин душевной жизни, необычных мыслей и чувств — и «утреннее» трезвое, чуть стыдливое и насмешливое разочарование в том, что представлялось таким значимым ночью. Кэмпбелл пишет об этом так:

Однако, с точки зрения нормального бодрствующего сознания, всегда должно оставаться некоторое смущающее разум несоответствие между мудростью, добытой *de profundis*, и благоразумием, эффективным в обыденном мире. Отсюда — привычный разрыв между авантюризмом и благодетелью и, как результат, вырождение человеческого существования. Мученичество — для святых, обычные же люди имеют свои установления, и их нельзя оставить на произвол судьбы, подобно

полевым лилиям; Петр продолжает обнажать свой меч, как в саду Гефсиманском, чтобы защитить творца и спасителя мира. Рационалистическое объяснение превращает благо, принесенное из трансцендентной бездны, в ничто, и назревает потребность в другом герое, чтобы обновить мир (Часть I, Глава III, 4).

Главный подвиг героя и состоит если не в совершенном умении изъяснить на языке освещенного мира неподвластные речи проявления тьмы, то во всегдашней готовности снова и снова мужественно браться за решение этой задачи. Метафорически это выражается заключительными испытаниями героя, уже возвратившегося из *путешествия по ночному морю* (символ странствий в глубинах бессознательного):

Первая проблема возвращающегося героя состоит в том, чтобы после переживания спасительного для души видения по завершении пути принять как реальность все преходящие радости и печали, все банальности и вопиющие непристойности жизни. Зачем возвращаться в такой мир? Зачем пытаться сделать правдоподобным или даже интересным знакомство с трансцендентным блаженством для мужчин и женщин, поглощенных страстями? Как сновидения, исполненные смысла ночью, при свете дня могут казаться пустыми, так и поэт, и пророк могут оказаться в роли дураков в глазах здравомыслящих судий. Легче всего просто верить людское общество дьяволу, а самому вернуться в божественную каменную обитель, закрыть дверь и запереть ее на засов. Но если какой-либо духовный акушер тем временем перекрыл путь отступления (*сименава*), тогда задача представить вечность во времени и осознать во времени вечность оказывается неизбежной (Часть I, Глава III, 4).

Книга Джозефа Кэмпбелла «Тысячеликий герой» очень похожа на такую *сименаву*, соломенную веревку, которая не дает эго раствориться во мраке бессознательного, быть поглощенным самостью. Юнг считал случаи, когда эго ассимилируется самостью, подлинной психической катастрофой. «Образ целостности тогда остается в бессознательном, так что он, с одной стороны, разделяет архаическую природу бессознательного, а с другой — попадает в психически релятивизированный пространственно-временной континуум». Солнечная богиня Ама-тэ-расу, удалившись в темный грот, обрекает землю на холодный мрак смерти. Ее свойства (свет, тепло,

жизненная сила) «жизненно необходимы. Таким образом, если это на какое-то время попадает под контроль бессознательного фактора, его адаптация нарушается, и открывается путь для всевозможных случайностей»^[5].

Кэмпбелл, стремившийся, как он сам говорит в предисловии, раскрыть определенные истины, замаскированные для нашего взгляда образами религии и мифологии, сведя воедино множество нехитрых примеров, использовал для этого «правду в облачении символики». Герой может пониматься не только как метафора эго, но и как символ *трансцендентной функции* — возникающей в процессе индивидуации уникальной психической способности находить срединную область между светом и тьмой, мыслью и чувством, сознанием и бессознательным, нуминозностью архетипа и обыденностью реальности. Функция посредничества, *медиации*, смягчения и примирения противоречий является главным средством поддержания психического равновесия и устойчивости личности. Отсутствие или слабость, несформированность трансцендентной функции обрекают человека на дисгармоничное, смятенное существование, бесцельные блуждания в поисках потерянного рая целостности и красоты. На Востоке это называется *дао* — Срединным Путем. Иногда, как показано у Кэмпбелла, этот путь тоньше волоса, но только он ведет к спасению. Отсюда — *сотериологическая* (спасительная или спасающая) функция мифа и его героя. Психологическая топология такого Пути и составляет основное содержание лежащей перед читателем книги.

Н. Калина, кандидат философских наук

Предисловие

«Истины, содержащиеся в религиозных учениях, все равно настолько искажены и систематически перелицованы, — пишет Фрейд, — что масса людей не может признать в них правду. Это тот же самый случай, как когда мы рассказываем ребенку, что новорожденных приносит аист. Здесь мы тоже говорим истину в символическом облачении. Ибо знаем, что означает эта большая птица. Но ребенок этого не знает, он улавливает только момент искажения, считает себя обманутым, и мы знаем, как часто его недоверие к взрослым и его строптивость бывают связаны как раз с таким его впечатлением. Мы пришли к убеждению, что лучше прекратить манипулирование символическими масками истины и не отказывать ребенку в знании реальных обстоятельств, применительно к ступени его интеллектуального развития»^[6].

Цель этой книги как раз и состоит в том, чтобы раскрыть некоторые из этих истин, выступающие для нас в облачении религиозных фигур и мифологических персонажей, сопоставив множество не слишком сложных для понимания характерных фрагментов, и, тем самым, выявить издревле присущий им смысл. Древние учителя знали, что говорят. Коль скоро мы снова учимся прочтению их языка символов, нам требуется овладеть искусством составителей антологий, с тем чтобы дать современному человеку услышать, чему они учили. Но прежде нам следует изучить саму грамматику символов, и вряд ли найдется лучший инструментарий, — в качестве ключа к ее тайнам, — чем современный психоаналитический подход. Если не рассматривать его выводы как последнее слово в нашем обсуждении, он может послужить собственно подходом к рассмотрению. Следующий шаг — свести воедино множество мифов и народных сказок со всех концов света, дабы можно было услышать, о чем говорят сами символы. Так станут непосредственно видны все смысловые параллели, таким образом мы сможем представить весь обширный и удивительный в своем постоянстве компендиум фундаментальных истин, которыми жил человек на протяжении тысячелетий его обитания на этой планете.

Пожалуй, можно упрекнуть меня в том, что, пытаясь выявить соответствия, я пренебрегал различиями в традициях Востока и Запада, нового времени, древности, примитивных народов. Однако подобное

возражение можно выдвинуть и по отношению к любому пособию по анатомии, где явно пренебрегают расовыми отличиями в физиологических характеристиках ради фундаментального общего понимания физической природы человека. Существуют, безусловно, различия между многочисленными мифологическими и религиозными системами человечества, но эта книга посвящена, собственно, их общим основаниям; и коль скоро мы это уясним себе, мы обнаружим, что различия здесь не столь велики, как это принято считать в широких кругах непросвещенной публики (и, конечно же, среди политиков). Я надеюсь, что такого рода сравнительное исследование внесет свой вклад в, пожалуй, не совсем безнадежное дело тех конструктивных сил, которые делают ставку на универсализм в современном мире, — не во имя некой империи, будь то политического или же церковного толка, но во имя взаимопонимания между людьми. Как сказано в Ведах: «Истина одна, мудрецы говорят о ней, используя многие имена»^[7].

Я бы хотел выразить признательность господину Генри Мортону Робинсону, чьи советы во многом помогли мне на начальной и заключительной стадиях многотрудной работы, связанной с приведением собранных мною материалов в удобочитаемую форму, а также госпоже Питер Джейджер, госпоже Маргарет Уинг и госпоже Хелен МакМастер за их бесценные предложения после многократного чтения моих рукописей и, наконец, моей супруге, которая работала рядом со мной с первого до последнего дня, слушая, читая и перепроверя написанное.

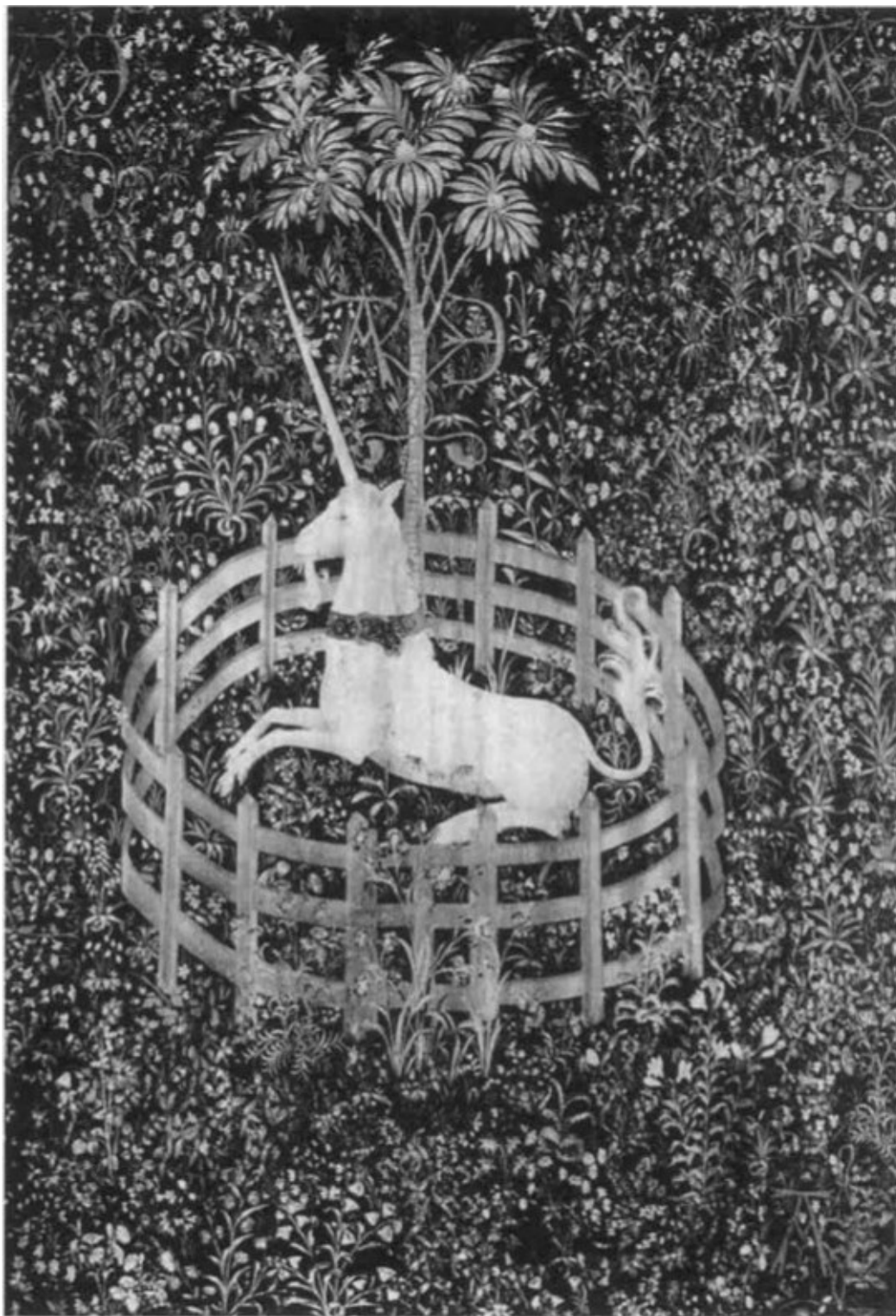
Нью-Йорк, 10 июня 1948 года.

Дж. К.

Вклейка

Илл. I. Укротитель Чудовищ (Шумер).

[Илл. II. Пленный Единорог \(Франция\).](#)

[Илл. III. Мать богов \(Нигерия\).](#)

[Илл. IV. Бог в военном облачении \(Бали\).](#)

[Илл. V. Богиня Сехмет \(Египет\).](#)

[Илл. VI. Медуза \(Древний Рим\).](#)

Илл. VII. Колдун. Пещерный рисунок времен палеолита (Французские Пиренеи).

[Илл. VIII. Плачущий Вселенский Отец, Виракоча \(Аргентина\).](#)

Илл. IX. Шива, Бог Космического танца (Южная Индия).

[Илл. X. Двуполый предок \(Судан\).](#)

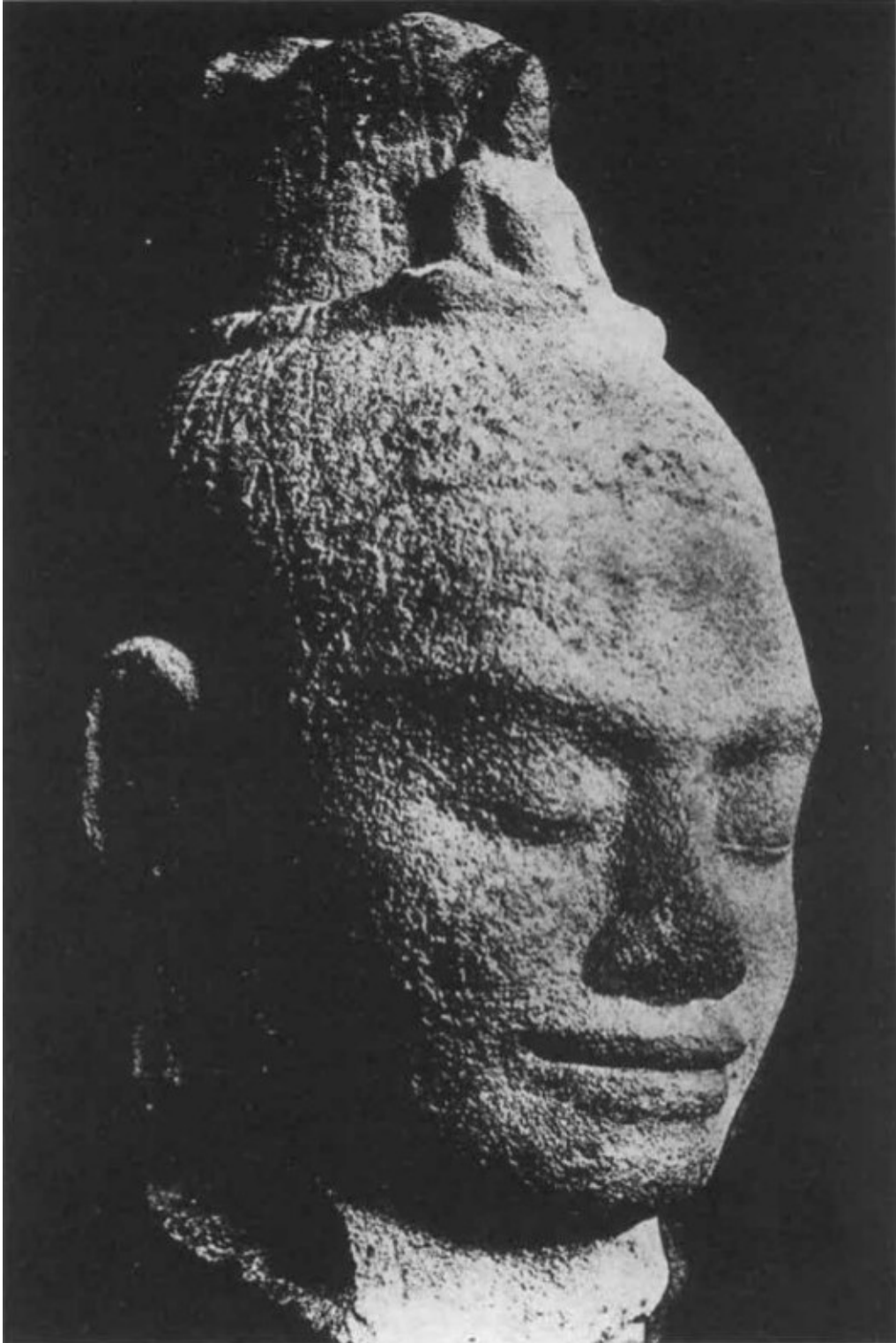
[Илл. XI. Бодхисатва \(Китай\).](#)

[Илл. XII. Бодхисатва \(Тибет\).](#)

Илл. XIII. Ветвь вечной жизни (Ассирия).

[Илл. XIV. Бодхисатва \(Камбоджа\).](#)

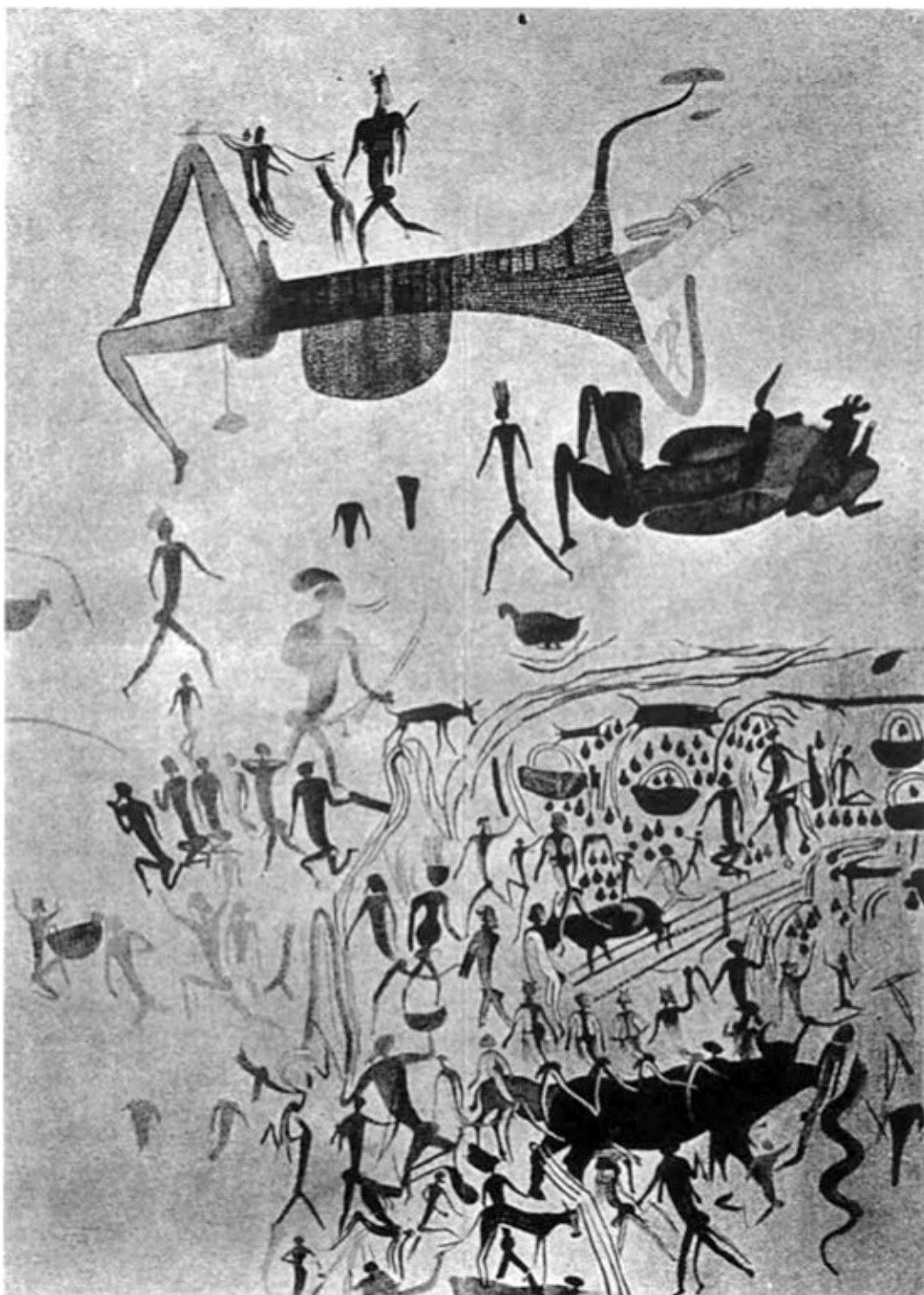
[Илл. XV. Возвращение \(Древний Рим\).](#)

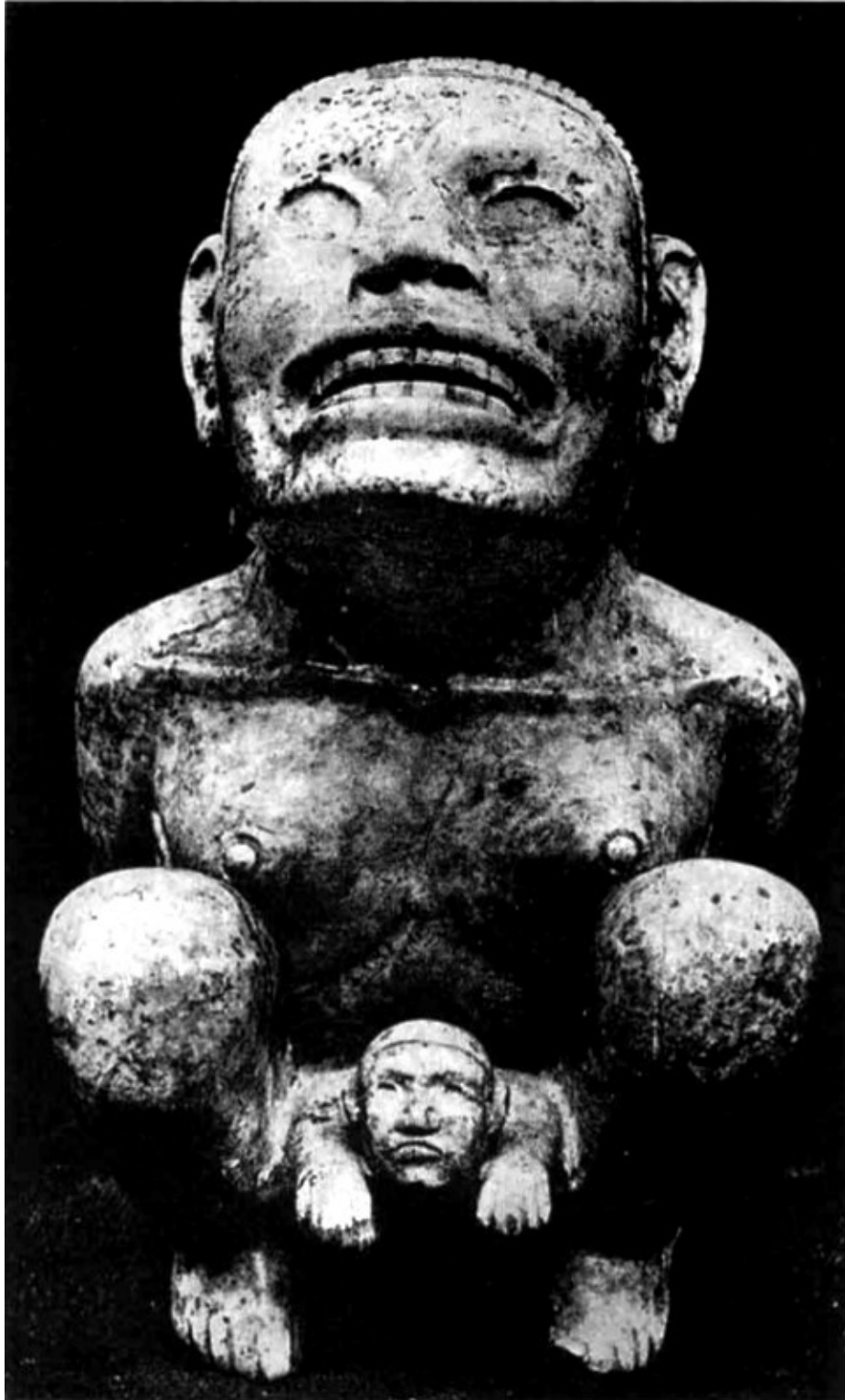
Илл. XVI. Космическая Львица-Богиня, несущая Солнце (Северная Индия).

[Илл. XVII. Источник жизни \(Фландрия\).](#)

Илл. XVIII. Лунный царь и его подданные (Южная Родезия).

[Илл. XIX. Мать богов \(Мексика\).](#)

[Илл. XX. Тангароа, порождающий богов и людей \(Австралия\).](#)

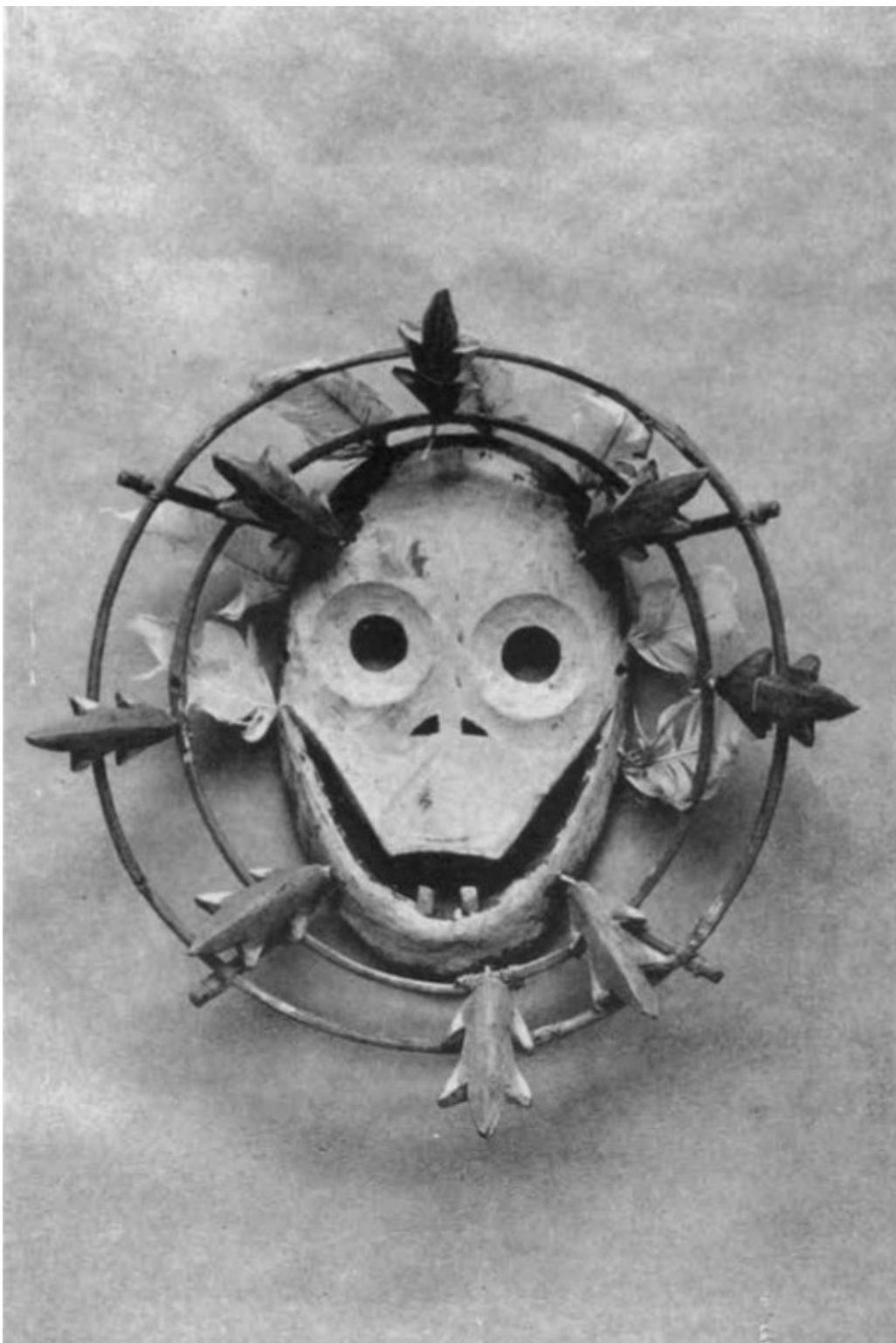
Илл. ХХІ. Чудовище Хаоса и Бог Солнца (Ассирия).

[Илл. XXII. Юный бог майса \(Гондурас\).](#)

[Илл. XXIII. Колесница Луны \(Камбоджа\).](#)

[Илл. XXIV. Осень \(Аляска\).](#)

Пролог. Мономиф

1. Миф и сновидение

Слушаем ли мы со снисходительным интересом какого-нибудь конголезского колдуна с горящими глазами или читаем с изысканным восторгом утонченные переводы мистической поэзии Лао Цзы; пытаемся ли вникнуть в сложную аргументацию Фомы Аквинского или внезапно улавливаем удивительный смысл причудливой эскимосской сказки — всегда мы встречаем одну и ту же изменчивую по форме, но все же на удивление постоянную историю и, вместе с тем, один и тот же вызывающе настойчивый намек на то, что неизведанное, где-то ждущее нас, много больше, чем когда-либо можно будет познать и поведать.

По всему населенному миру, во все времена и при любых обстоятельствах человеческое мифотворчество никогда не увядало; всякое порождение человеческого тела и духа есть плод вдохновения, черпаемого из этого живого источника. Не будет преувеличением сказать, что миф является чудесным каналом, через который неистощимые потоки энергии космоса оплодотворяют человеческую культуру во всех ее проявлениях. Религии, философии, искусства, формы социальной организации первобытного и исторического человека, озарения первооткрывателей в науке и технике, сами сновидения, вспышками врывающиеся в наш сон, — все это зарождается в изначальном, магическом круге мифа.

Просто удивительно, что самая незатейливая детская сказка обладает особой силой затрагивать и вдохновлять глубокие пласты творчества — так же как капля воды сохраняет вкус океана, а яйцо блохи вмещает в себе все таинство жизни. Ибо мифологические символы — не продукт произвола; их нельзя вызывать к жизни волею разума, изобретать и безнаказанно подавлять. Они представляют собой спонтанный продукт психики, и каждый из них несет в себе в зародыше нетронутой всю силу своих первоисточков.

В чем же заключается секрет этого неподвластного времени видения? Из каких глубин мозга оно берет свое начало? Почему за многообразием своих одежд мифология повсюду оказывается одинаковой? И чему она учит?

Сегодня многие науки занимаются решением этой загадки. Археологи проводят раскопки руин в Ираке, на Крите и в Юкатане. Этнологи расспрашивают хантов, живущих на берегах Оби, и буби из африканских племен, живущих в долинах Фернандо-По. Новое поколение востоковедов

не так давно открыло для нас священные писания Востока, а также доиудейские источники нашей Библии. Между тем, другая армия ученых — настойчивых исследователей — еще в прошлом столетии начала работу в области этнопсихологии, пытаясь установить психологические основы языка, мифа, религии, развития искусства и моральных норм.

Однако наиболее поразительны откровения, пришедшие к нам из психиатрических клиник. Смелые и поистине эпохальные работы психоаналитиков незаменимы для изучающего мифологию; ибо, как бы мы ни оспаривали детали их подчас противоречивых толкований конкретных случаев и проблем, Фрейд, Юнг и их последователи неопровержимо продемонстрировали, что логика мифа, его герои и их деяния актуальны и по сей день. В отсутствие общезначимой мифологии каждый из нас имеет свой собственный, непризнанный, рудиментарный, но тем не менее подспудно действующий пантеон сновидений. Новейшие воплощения Эдипа и персонажи нескончаемой любовной истории Красавицы и Чудовища стоят сегодня на углу Сорок второй стрит и Пятой авеню, ожидая, когда поменяется сигнал светофора.

«Мне приснилось, — написал молодой американец автору одной из постоянных рубрик в агентстве печати, — что я перекрываю крышу своего дома. Внезапно я услышал доносящийся снизу голос своего отца, который обращался ко мне. Я резко повернулся, чтобы лучше слышать, и в это время молоток выскользнул из моих рук, пополз вниз по покатой крыше и исчез за ее краем. Я услышал глухой удар, как при падении тела.

Сильно испугавшись, я спустился по лестнице и увидел своего отца лежащим на земле, его голова была в крови. Убитый горем, рыдая, я стал звать свою мать. Она вышла из дому и обняла меня. «Успокойся, сынок, это несчастный случай, — сказала она. — Я знаю, ты будешь заботиться обо мне, даже если его не стало». Когда она поцеловала меня, я проснулся.

Я самый старший ребенок в семье, мне двадцать три года. Уже год, как я не живу со своей женой; почему-то мы не можем с ней поладить. Я очень люблю своих родителей, и у меня никогда не возникало никаких проблем с отцом, за исключением того, что он настаивал, чтобы я вернулся к жене, а я не мог быть счастлив с ней. И никогда не буду»^[8].

Здесь незадачливый муж открывает нам с поистине удивительным

простодушием, что вместо того чтобы направлять свою духовную энергию на любовь и проблемы супружества, в тайных уголках своего воображения он остается зависим от теперь уже нелепо анахроничной драматической ситуации своего первого и единственного эмоционального опыта, трагикомического детского любовного треугольника — сын, соперничающий с отцом из-за любви матери. Из всего животного мира мы дольше всех остаемся у материнской груди, и это определяет наиболее постоянные характеристики человеческой души. Человеческие существа появляются на свет слишком рано; они еще незавершенны, еще не готовы к встрече с миром. Именно мать обеспечивает ребенку защиту от всех опасностей, своей заботой продлевая покой, который он испытывал в период своего внутриутробного развития^[9]. Поэтому спустя месяцы после катастрофы рождения зависимый ребенок и его мать составляют одно целое не только физиологически, но также и психологически^[10]. Любое продолжительное отсутствие родительницы вызывает у младенца чувство беспокойства и как следствие этого — импульс агрессивности; когда мать вынуждена останавливать в чем-то ребенка, это также вызывает агрессивную реакцию. Таким образом, первый объект враждебной настроенности ребенка оказывается тождественен объекту его первой любви, и его первым идеалом (который впоследствии сохраняется в качестве бессознательной основы всех образов блаженства, истины, красоты и совершенства) является идеал двуединства Мадонны и Младенца^[11].

Несчастный отец является первым радикальным вторжением инородной реальности в блаженство этого земного воплощения совершенства внутриутробного состояния; поэтому он в первую очередь воспринимается как враг. На него переносится заряд агрессивности, первоначально направленный на «плохую» или отсутствующую мать, в то время как сильное стремление к «хорошей», находящейся рядом, кормящей и оберегающей матери (обычно) остается. Именно так в детском сознании возникает краеугольное представление о смерти (*танатос: деструдо*) и любви (*эрос: либидо*), что закладывает основу для формирования хорошо известного теперь эдипова комплекса, который около пятидесяти лет тому назад Зигмунд Фрейд назвал одной из основных причин незрелого поведения взрослых. Как выразился Фрейд: «Царь Эдип, убивший своего отца Лайя и женившийся на своей матери Иокасте, представляет собой лишь исполнение желания нашего детства. Но, более удачливые, нежели он, мы сумели с тех пор, поскольку не стали психоневротиками, избавиться

от своих сексуальных побуждений в отношении к матери и забыть свою ревность к отцу»^[12]. Или, как он пишет: «Таким образом, в каждом зафиксированном отклонении от нормальной сексуальной жизни мы должны были увидеть задержку в развитии и инфантилизм»^[13].

Во сне нередко видят люди, будто
Спят с матерью; но эти сны — пустое,
Потом опять живется беззаботно^[14].

О печальной участи жены человека, чувства которого остаются незрелыми, так и не выйдя за рамки детского романа, можно судить по иному, внешне бессмысленному, современному сновидению; и здесь мы начинаем ощущать, что вступаем в сферу древнего мифа, но претерпевшего любопытный поворот.

«Мне приснилось, — пишет встревоженная женщина, — что большой белый конь повсюду следовал за мной. Он испугал меня, и я оттолкнула его. Оглянувшись, чтобы посмотреть, продолжает ли он следовать за мной, я увидела, что конь превратился в мужчину. Я велела ему зайти в парикмахерскую и остричь свою гриву, что он и сделал. Когда он вышел оттуда, то выглядел совершенно как человек, за исключением того, что у него были конские копыта и голова, он следовал за мной повсюду. Он приблизился ко мне, и я проснулась.

Я замужняя женщина, мне тридцать пять лет, у меня двое детей. Я замужем уже четырнадцать лет и уверена, что муж не изменяет мне»^[15].

Бессознательное посылает в наш мозг разного рода фантазии, химеры, ужасы и иллюзии — будь то во сне, среди бела дня или в состоянии безумия; ибо под фундаментом сравнительно упорядоченного строения, которое мы называем нашим сознанием, мир человека простирается глубоко вниз, в неизведанные пещеры Аладдина. Там нас, кроме драгоценных камней, ожидает и опасный джинн: предосудительные или сдерживаемые психические силы, которым мы не захотели или не осмелились дать волю в нашей жизни. И они могут оставаться там неизвестными для нас до тех пор, пока какое-то случайное слово, запах, вкус чашки чая или взгляд не коснется магической пружины, и тогда наш мозг

начинают посещать опасные посланники. Они опасны потому, что угрожают самому остову нашей уверенности в будущем, на который мы сами опираемся и на котором строим свою семью. Но они так же дьявольски пленительны, ибо сулят ключи от целого царства, где после заманчивого и пугающего приключения мы откроем самих себя. Разрушение построенного нами мира, в котором мы живем, и нашей личности, а затем возведение нового мира, более свободного, чистого, просторного, где мы заживем полной жизнью — вот чем нас искушают, что нам обещают и чем пугают эти тревожные ночные гости из мифологического царства, которое заключено в нас самих.

Психоанализ, современная наука толкования сновидений научила нас не оставлять без внимания эти бестелесные образы. Она открыла путь, позволяющий им выполнить свою работу. Опасные кризисы индивидуального развития спокойно проходят под ограждающим присмотром опытного знатока языка и законов сновидений, который принимает на себя роль и обязанности древнего мистагога, или проводника душ, колдуна из первобытных лесных святилищ, где вершится таинство инициации. Врач — это современный властитель мифологического царства, знающий все тайные пути и владеющий заклинаниями. Его роль точно соответствует роли древнего мудреца из мифов и сказок, слова которого помогают герою пройти через испытания и ужасы фантастического приключения. Он — тот, кто, следя за этим невероятным приключением зачарованной ночи, вдруг появляется и указывает на сверкающий магический меч, который сразит ужасного дракона; рассказывает о ждущей впереди невесте и замке, полном сокровищ; прикладывает целительный эликсир к смертельным ранам и наконец возвращает победителя обратно, в нормальный мир повседневной жизни.

Теперь, когда, учитывая все сказанное, мы обращаемся к рассмотрению многочисленных удивительных ритуалов примитивных племен и великих цивилизаций прошлого, становится очевидно, что их цель и фактическая задача заключались в том, чтобы перевести человека через этапы трансформации, которые требовали изменения характера не только сознательной, но и бессознательной жизни. Так называемые обряды перехода, занимающие видное место в жизни примитивного общества (ритуалы рождения, присвоения имени, вступления в зрелый возраст, бракосочетания, погребения и т. д.), отличаются обязательными и обычно очень жесткими актами разрыва, посредством которых разум радикально отсекается от установок, привязанностей и образа жизни той стадии, что остается позади^[16]. Затем следует период более или менее длительного

уединения, на протяжении которого исполняются обряды, нацеленные на то, чтобы ознакомить нашего путешественника по жизни с характером и должными ощущениями его нового положения, чтобы, когда наконец наступит время для возвращения в нормальный мир, посвященный по существу оказался заново родившимся^[17].

Рис. 1. Силены и Менады

Самым удивительным является тот факт, что большое число ритуальных испытаний и символов соответствуют образам, непроизвольно появляющимся в сновидениях в тот момент, когда пациент, проходящий курс психоанализа, начинает отказываться от своих детских фиксаций и делает шаг в будущее. У аборигенов Австралии, к примеру, одним из

основных моментов испытаний инициации (когда юноша с наступлением зрелости отдаляется от своей матери, официально вводится в общество мужчин и знакомится с их тайными знаниями) является обряд обрезания.

«Когда приходит время обрезания, мальчикам из племени мурнджин отцы и старики говорят: «Большой Змей-Отец слышит запах твоей крайней плоти; он требует ее». Мальчики принимают сказанное за чистую правду, это чрезвычайно пугает их. Обычно они находят убежище у матери, бабушки или у какой-либо другой любимой родственницы, так как знают, что мужчины собираются отвести их в мужское место, где рычит великий змей. Женщины ритуально оплакивают мальчиков; это делается для того, чтобы не дать великому змею проглотить их»^[18].

Теперь рассмотрим похожие примеры из области бессознательного. «Я нашел следующую картину в сновидении одного моего пациента, — пишет К. Юнг. — «Из сырой пещеры вырывается змея и жалит спящего в область половых органов». Сон этот явился в тот момент, когда он стал убеждаться в правильности анализа и освобождаться от материнского комплекса»^[19].

Основная функция мифологии и ритуала всегда заключалась в символике, увлекающей человеческий дух вперед, в противодействии тем другим низменным человеческим фантазиям, которые привязывают нас к прошлому. В действительности, вполне может быть, что высокий уровень невротических расстройств в наше время обусловлен упадком институций — носителей такой действенной духовной помощи. Мы остаемся привязаны к неизгнанным образам нашего детства и потому оказываемся не готовы к необходимому переходу в зрелость. В Соединенных Штатах существует даже тенденция к совершенно противоположному, цель заключается не в том, чтобы взрослеть, а в сохранении вечной юности; не в отдалении с наступлением зрелости от матери, а в том, чтобы оставаться верным ей. И поэтому в то время как мужья, став юристами, коммерсантами или руководителями, как того желали их родители, поклоняются своим мальчишеским святыням, их жены даже после четырнадцати лет замужества, родив и воспитав прекрасных детей, все еще ищут любви, которая может прийти к ним только с кентаврами, силенами, сатирами и другими похотливыми демонами из свиты Пана, либо, как в наших популярных, глазированных ванилью храмах сладострастия — под личиной последних героев экрана. В конце концов должен был прийти психоаналитик, чтобы снова утвердить испытанную мудрость древних

учений, обращенных в будущее, носителями которых были пляшущие шаманы в масках и свершающие обряд обрезания колдуны; и вот мы видим, как в сновидении с укусом змеи, что неподвластный времени символизм инициации спонтанно создается самим пациентом в момент поворота к исцелению. Очевидно, в этих образах инициации есть что-то настолько необходимое психике, что если они не привносятся извне, посредством мифа и обряда, то должны заявить о себе изнутри, посредством сновидения — чтобы наши энергии не оставались запертыми в давно изжившей себя детской, в сундуке на дне моря.

Зигмунд Фрейд подчеркивает в своих работах трудности переходных периодов первой половины человеческой жизни — кризисов младенчества и юности, когда наше солнце поднимается к своему зениту. К. Юнг, с другой стороны, подчеркивает переломные моменты второй половины — когда для дальнейшего продвижения лучезарное светило должно опускаться и, наконец, исчезнуть в темном лоне могилы. В этот полдень нашего жизненного пути обычные символы наших желаний и страхов превращаются в свои противоположности; ибо в это время уже не жизнь, а смерть бросает нам вызов. В это время сложно покинуть не лоно, а фаллос — если, конечно же, сердце еще не охватила усталость от жизни, когда смерть зовет к себе обещанием блаженства вместо предшествовавших этому соблазнов любви. Мы проходим полный цикл, от могилы лона к лону могилы: неясное, загадочное вторжение в мир физической материи, которая скоро сойдет с нас, рассеявшись как субстанция сновидения. И, оглядываясь на то, что обещало быть нашим неповторимым, непредсказуемым и опасным приключением, мы видим: все, чем мы будем обладать к концу пути, — это ряд стандартных метаморфоз, таких же, через которые прошли все мужчины и женщины, во всех уголках мира, во все известные времена и под любой самой невероятной маской цивилизации.

Так, например, существует история о великом Миносе, царе острова-империи Крит в период расцвета его торговли. В ней говорится, что Минос нанял известного искусного мастера Дедала, чтобы тот придумал и построил для него лабиринт, где можно было бы спрятать что-то, чего весь его двор одновременно и стыдился и боялся. Ибо в его дворце находился монстр, родившийся у Пасифаи, царицы. Говорится, что царь Минос, защищая торговые маршруты, был занят важными сражениями; а тем временем Пасифаю совратил великолепный, снежно-белый, рожденный морем бык. В действительности ничего хуже того, что совершила собственная мать Миноса, не произошло: матерью Миноса была Европа, и хорошо известно, что на Крит ее перенес бык. Этот бык был богом, Зевсом,

а благородным сыном этого священного союза стал сам Минос — которого теперь повсюду уважали и которому с готовностью служили. Как же в таком случае Пасифая могла предположить, что плодом ее собственной неосторожности будет чудовище: этот маленький сын с человеческим телом, но головой и хвостом быка?

Люди винили во всем царицу; но царь чувствовал и свою долю вины. Очень давно бык этот был послан богом Посейдоном, когда Минос еще соперничал со своими братьями за престол. Минос заявил, что трон принадлежит ему по праву, данному богом, и обратился к богу с молитвой, чтобы тот в качестве знака прислал из моря быка; свою молитву он скрепил клятвой немедленно принести животное в жертву в качестве подношения и символа своего служения. Бык появился, и Минос взошел на престол; но когда он увидел великолепие посланного зверя и представил какие выгоды ему сулит владение таким животным, то решил рискнуть на соответствующую замену — сочтя, что бог не обратит на это особого внимания. И, возложив на алтарь Посейдона своего лучшего белого быка, он присоединил другого к своему стаду.

Критская империя достигла процветания в условиях благоразумного правления этого прославленного законодателя и образца общественных добродетелей. Столица Крита, город Кносс, стал роскошным, изысканным центром главной торговой империи во всем цивилизованном мире. Корабли критского флота отправлялись ко всем островам и портам Средиземноморья; критские товары ценились в Вавилонии и Египте. Отважные суденышки пробивались даже через Геркулесовы Столбы в открытый океан, направляясь затем на север за золотом Ирландии или оловом Корнуолла^[20], а также на юг, огибая выдающийся в море Сенегал, к далекой стране Йоруба и удаленным рынкам слоновой кости, золота и рабов^[21].

Тем временем на родине Посейдон вдохнул в царицу неукротимую страсть к быку. И она уговорила искусного царского мастера, несравненного Дедала, изготовить для нее деревянную корову, которая ввела бы быка в заблуждение — и в которую она с нетерпением вошла; и бык был обманут. Царица родила чудовище, которое со временем стало опасным. И снова был призван Дедал, на этот раз царем, для того чтобы возвести огромный лабиринт с тупиками, в котором можно было бы укрыть это существо. Настолько искусным было это сооружение, что, закончив его, Дедал сам едва нашел обратный путь к выходу. Туда и поместили Минотавра: и впоследствии посылали к нему на съедение юношей и

девушек, доставляемых из критских владений в качестве дани с завоеванных народов^[22].

Таким образом, согласно древней легенде, первичная вина лежала не на царице, а на царе; и он действительно не мог ни в чем ее винить, ибо понимал, что совершил. Он обратил государственное событие в личное обретение, тогда как весь смысл его возведения на трон заключался в том, что он больше не являлся частным лицом. Жертвоприношение быка должно было символизировать его самоотверженное подчинение своему долгу. Присвоение же его, напротив, представляло стремление к эгоцентричному самовозвеличиванию. И таким образом царь «божьей милостью» превратился в опасного тирана Хвата — помышляющего о собственной выгоде. Как традиционные обряды перехода учат человека умереть по отношению к своему прошлому и возродиться к будущему, так и торжественные церемонии, наделяющие его властью, должны положить конец его жизни как частного лица, чтобы он полностью посвятил себя своему призванию. Таков был идеал, будь ты ремесленник или царь. Однако, кощунственно не соблюдая обряд, индивид отрывал себя от единства, от всего сообщества, и таким образом единое становилось множеством, и тут начиналась борьба, в которой каждый выступал сам за себя и мог подчиниться только силе.

Образ тирана-монстра встречается в мифологии, в народных преданиях, легендах и даже кошмарах по всему миру; и повсюду его характерные черты по существу одинаковы. Он присваивает общественное достояние. Он — чудовище, которое алчно защищает «свое по праву». В мифологии и сказках разорение, вызываемое им, охватывает все его владения. Он может разрушить свою семью и свою собственную извращенную психику, жизнь своих друзей или тех, кому он помогает, он может разрушить всю свою цивилизацию. Раздутое эго тирана становится проклятием для него самого и для его мира — независимо от того, каких успехов он достиг. Он мучит себя, боится себя, он готовый во всеоружии дать отпор ожидаемым нападкам со стороны своего окружения (которое главным образом является отражением его внутреннего неподдающегося контролю стремления к обладанию), он могуществен и самодостаточен, он является всемирным предвестником несчастья, хотя и пытается себя убедить, что его намерения исполнены человеколюбия. Куда бы он ни приложил свою руку, там раздаются стенания (если не во всеуслышание, то в каждом сердце — еще более печальные); вздымается мольба о герое-избавителе со сверкающим мечом в руке, удар которого, прикосновение которого, само появление которого освободит землю.

Здесь никто не может ни встать, ни сесть, ни лечь,
Здесь нет даже безмолвия в горах,
А лишь сухой, бесплодный гром без дождя.
Здесь нет даже уединения в горах,
А лишь красные угрюмые лица, ухмыляющиеся и брюзжащие
Из дверей своих домов с потрескавшейся глиной^[23].

Герой — это человек, самостоятельно пришедший к смирению. Но смирению с чем? Именно это и является той загадкой, что мы должны разрешить сегодня, и основной миссией, историческим подвигом героя. Как указывает профессор Арнольд Тойнби в своем шеститомном исследовании законов подъема и гибели цивилизаций^[24], раскол души, раскол общества не может быть разрешен никакой схемой возврата к добрым старым временам (архаизм) или программами, обещающими построение идеального предполагаемого будущего (футуризм), ни даже самой реалистичной, практической работой, направленной на то, чтобы снова сплотить воедино распадающиеся элементы. Только рождение может победить смерть — рождение, но не возрождение старого, а именно рождение нового. В самой душе, в самом обществе — чтобы продлить наше существование — должно длиться «постоянное рождение» (*палингенез*), сводящее к нулю непрерывное повторение смерти. Ибо если мы не возрождаемся, то именно наши победы вершат работу Немезиды: обреченность разрывает личину нашей собственной добродетели. Значит мир — это западня; война — западня; перемены — западня; постоянство — западня. Когда приходит день победы нашей смерти, она настигает нас; и мы ничего не можем сделать, кроме как принять распятие — и воскреснуть; быть расчлененными, а затем возродиться.

Тесей — герой, сразивший Минотавра, попал на Крит извне как символ и орудие поднимающейся греческой цивилизации. Это было явление живое и новое. Но принцип возрождения можно поискать и найти и в пределах империи самого тирана. Профессор Тойнби использует термины *detachment* (отрешенность) и *transfiguration* (преображение) для характеристики кризиса, результатом которого является достижение более высокого духовного уровня, делающего возможным возобновление сознательной работы. Первый шаг — отрешенность, или уход, заключается в радикальном переносе удара с внешнего на внутренний мир, с макро- на микрокосм, в отступлении от безрассудств мирской пустоши к спокойствию вечного внутреннего царства. Но, как нам известно из

психоанализа, именно это царство является детским бессознательным. Это то царство, в которое мы вступаем во время сна. Мы вечно носим его в самих себе. В нем находятся все великаны-людоеды и таинственные помощники из нашей детской, вся магия нашего детства. И что более важно, все потенциальные возможности жизни, которые мы так и не смогли реализовать, став взрослыми, все эти наши другие «я» тоже находятся там; ибо подобные золотые семена не погибают. И если бы лишь часть от общей суммы всего утерянного можно было вынести на свет дня, то мы бы почувствовали удивительный прилив сил, яркое обновление жизни. Мы бы возвысились в наших достоинствах. Более того, если бы нам удалось вынести на свет нечто забытое не только нами самими, а всем нашим поколением или даже всей нашей цивилизацией, то мы действительно могли бы стать благодетелями, героями культуры настоящего — фигурами не только локального, но и всемирного исторического момента. Короче говоря, первая задача героя состоит в том, что уйти с мировой сцены вторичных следствий в те каузальные зоны психики, в которых действительно скрыты все проблемы; в прояснении имеющихся там проблем, в разрешении их для самого себя (то есть в том, чтобы сразиться с демонами детской его собственной культуры) и в прорыве к неискаженному, непосредственному восприятию и ассимиляции того, что К. Юнг назвал «архетипными образами»^[25]. Этот процесс известен в индуизме и буддизме как *viveka*, «установление различия».

Архетипы, которые обнаруживаются и ассимилируются таким образом, полностью соответствуют тем, что в ходе развития человеческой культуры инспирировали основные образы ритуала, мифологии и сновидения. Это «вечные, являющиеся в сновидениях»^[26], которых не следует путать с индивидуально модифицированными символическими фигурами, которые являются человеку в мучительных кошмарах и в бреде сумасшествия. Сновидение — это персонифицированный миф, а миф — это деперсонифицированное сновидение; как миф, так и сновидение символически в целом одинаково выражают динамику психики. Но в сновидении образы искажены специфическими проблемами сновидца, в то время как в мифе их разрешения представлены в виде, прямо однозначном для всего человечества.

Следовательно, герой — это мужчина или женщина, которым удалось подняться над своими собственными и локальными историческими ограничениями к общезначимым, нормальным человеческим формам. Такие видения, идеи и вдохновения человека приходят нетронутыми из

первоистоков человеческой жизни и мысли. И поэтому они отражают не современное переживающее распад общество и психику, а извечный неиссякаемый источник, благодаря которому общество может возрождаться. Герой как человек настоящего умирает; но как человек вечности — совершенный, ничем не ограниченный, универсальный — он возрождается. Поэтому его вторая задача и героическое деяние заключаются в том, чтобы вернуться к нам преображенным и научить нас тому, что он узнал об обновленной жизни.

Следует отметить, что профессор Тойнби серьезно искажает мифологическую картину, когда представляет христианство как единственную религию, проповедующую эту вторую задачу. Все религии учат этому, так же как все мифологии и народные предания во всем мире. Профессор Тойнби приходит к этому заблуждению вследствие банального и ошибочного толкования восточных концептов *Нирваны*, *Будды* и *Бодхисатвы*, которые затем в таком неверном понимании он сопоставляет с очень сложной и специфической интерпретацией христианской идеи *Града Божьего*. Именно это приводит его к ошибочному выводу о том, что средством спасения современного положения в мире может быть возврат в лоно римско-католической церкви.

«Я бродила в одиночестве по предместью большого города, среди глухих грязных улочек, вдоль которых располагались мрачные приземистые дома, — рассказывает современная женщина, описывая свой сон. — Я не знала, где нахожусь, но мне нравилось обследовать место, куда я попала. Я выбрала ужасно грязную улицу, которую пересекала открытая сточная канава, и пошла по ней между рядами лачуг. Вскоре я увидела небольшую речушку, отделявшую меня от более возвышенной и сухой местности, где была мощеная улица. Река была славная, абсолютно чистая, бегущая по травянистому руслу. Я могла видеть колышущуюся под водой траву. Не видно было ни одного места, где можно было перебраться на другую сторону, поэтому я зашла в небольшой домик и попросила лодку. Мужчина, которого я там нашла, сказал, что, конечно же, поможет мне перебраться через реку. Он вынес небольшой деревянный ящик и поставил его у самой кромки реки, и я сразу же увидела, что с помощью этого ящика смогу легко перебраться на другой берег. Я почувствовала, что все опасности остались позади, и мне хотелось хорошо вознаградить этого человека.

Размышляя об этом сне, я отчетливо чувствую, что не было никакой необходимости отправляться туда, где я оказалась, и что я могла выбрать приятную прогулку по мощеным улицам. Я отправилась в это грязное предместье потому, что предпочла приключение и, начав, должна была идти дальше... Когда я думаю о том, как упорно я шла вперед во сне, то кажется, будто я знала, что впереди меня ждет что-то прекрасное, вроде этой чудесной реки с чистой травой вдоль берега и твердой мощеной дорогой за ней. Если размышлять в таком ключе, то это стремление оказывается похожим на решимость родиться — или, скорее, заново родиться — в духовном смысле. Наверное, некоторые из нас должны пройти по мрачным, окольным дорогам, прежде чем найти реку покоя или прямой путь к своей духовной цели»^[27].

Женщина, видевшая этот сон, — выдающаяся оперная актриса, и, подобно всем, кто предпочел идти не по проторенным дорогам современности, а последовать особому, едва слышимому зову приключений, который улавливают лишь те, кто прислушивается не только к тому, что извне, но и к тому, что внутри, ей пришлось идти своим собственным путем в одиночку, преодолевая необычайные трудности, «через запустение грязных улиц»; она познала темную ночь души, тот темный лес в середине нашего жизненного пути, о котором писал Данте, и все круги ада:

Я увожу к отверженным селеньям,
Я увожу сквозь вековечный стон,
Я увожу к погибшим поколениям^[28].

Удивительно, что в этом сновидении детально воспроизводится основная схема универсальной мифологической формулы приключений героя. Эти имеющие глубокое значение образы — препятствия, опасности и удача в пути — мы неоднократно и во множестве облиций повстречаем дальше в этой книге. Вначале на пути сновидца возникает открытая сточная канава^[29], затем абсолютно чистая река, бегущая по траве^[30], затем появление добровольного помощника в критический момент^[31] и высокий берег за последним потоком (Земной Рай, Земля за Иорданом)^[32] — вот вечно повторяющиеся темы чудесной песни возвышенного путешествия души. И каждый, кто отважился прислушаться и последовать тайному зову,

познал опасности рискованного одинокого перехода:

Остер, как лезвие бритвы, неодолим,
Недоступен этот путь — говорят мудрецы ^[33].

В данном случае спящей удастся перебраться через реку с помощью подаренного ей небольшого деревянного ящика, который в этом сновидении занимает место более привычных челна или моста. Это символ ее собственного особого таланта и силы, с помощью которых она была перенесена через воды мира. Женщина, видевшая этот сон, ничего не рассказала нам о своих ассоциациях, поэтому мы не знаем, какое особое содержимое мог скрывать в себе этот ящик; но это, конечно же, разновидность ящика Пандоры — этого небесного дара богов прекрасной женщине, наполненного семенами всех благ и тревог бытия и несущего в себе силу, обещающую заступничество и дарующую надежду. С его помощью спящая перебирается на другой берег. С помощью подобного чуда через океан жизни будет перенесен каждый, чьей трудной и опасной задачей станет раскрытие и совершенствование самого себя.

Множество мужчин и женщин выбирают менее рискованный путь, следуя сравнительно бессознательным требованиям гражданских и родовых установлений. Но эти искатели также спасаются благодаря унаследованным обществом символическим формам поддержки индивида, обрядам перехода, несущим благодать таинств, дарованных древнему человечеству спасителями и дошедших до нас через тысячелетия. В этом лабиринте, который лишен сердца, отчаянной оказывается участь тех, кто не слышит внутреннего зова, не имеет приобретенного знания, то есть большинства из нас сегодня. Где же наш проводник, где наша нежная дева Ариадна, которая снабдила бы нас тонкой нитью, дарующей силу встретиться лицом к лицу с Минотавром и надежду вернуться на волю после того, как чудовище будет найдено и убито?

[Рис. 2. Минотавромахия](#)

Ариадна, дочь царя Миноса, влюбилась в прекрасного Тесея в тот момент, как увидела его сходящим на берег с корабля, который доставил несчастных афинских юношей и девушек на съедение Минотавру. Она нашла способ поговорить с ним и сообщила, что поможет ему выбраться из лабиринта, если он пообещает увезти ее с собой с Крита и взять в жены. Обещание было дано. После этого Ариадна обратилась за помощью к искусному Дедалу, чье мастерство позволило построить лабиринт, единственного обитателя которого произвела на свет мать Ариадны. Дедал дал девушке просто клубок льняной нити, которую попавший в лабиринт герой мог закрепить у входа и разматывать по мере продвижения вперед. Поистине — мы нуждаемся в такой малости! Но без нее вход в лабиринт не оставляет надежды на спасение.

И эта малость почти под рукой. Самое любопытное, что именно тот умелец, который, служа грешному царю, явился «головой», стоящей за безнадежностью спасения из лабиринта, с такой же готовностью может служить и целям освобождения. Но рядом должно биться сердце героя.

Столетиями Дедал олицетворял тип художника-ученого: этот феномен необычайной, почти сатанинской безучастности человека, стоящего вне нормальных рамок социальной оценки и подчиняющегося морали не своего времени, а своего искусства. Он является героем мысли — прямодушным, бесстрашным и полным уверенности в том, что истина, когда он ее отыщет, сделает нас свободными.

Теперь мы, так же как некогда Ариадна, можем обратиться к нему. Лен для своей нити он собрал на полях человеческого воображения. Столетия землепашества, десятилетия селекции, работа бесчисленных рук и сердец — все это пошло на то, чтобы выработать эту плотно сплетенную пряжу. Кроме того, у нас даже нет необходимости пускаться в это рискованное путешествие в одиночку; ибо перед нами прошли герои всех времен; лабиринт тщательно изучен; нам лишь следует придерживаться путеводной нити, отмечающей тропу героя. И там, где мы боялись обнаружить нечто отвратительное, мы найдем бога; там, где мы рассчитывали вырваться наружу, мы попадем в самое сердце своего собственного существования; там, где думали остаться в одиночестве, мы встретимся лицом к лицу со всем миром людей.

2. Трагедия и комедия

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Этими пророческими словами граф Лев Толстой начал свой роман о духовном расколе героини его современности, Анны Карениной. На протяжении семи десятилетий, прошедших с тех пор, как эта пришедшая в полное смятение супруга, мать, охваченная слепой страстью женщина бросилась под колеса поезда — жестом, символизирующим то, что уже произошло с ее душой, завершая трагедию дезориентации — потоки романов, газетных сообщений и не запечатленных воплей отчаяния, сливаясь в неистовый дифирамб, воспевают быка — демона лабиринта — гневного, разрушительного, сводящего с ума, воплощающего в себе того же самого бога, который, в милосердии своем, являет собой обновляющее начало мира. Современный роман, подобно греческой трагедии, воспекает таинство расчленения, каковым и является жизнь во времени. Счастливый конец справедливо презирается как введение в заблуждение; ибо мир, каким мы его знаем и каким мы его видим, сулит нам лишь один конец — смерть, разрушение, расчленение и распятие нашего сердца с уходом того, что мы любили.

«Сострадание — это чувство, которое останавливает мысль перед всем значительным и постоянным в человеческих бедствиях и соединяет нас с терпящими бедствие. Страх — это чувство, которое останавливает мысль перед всем значительным и постоянным в человеческих бедствиях и заставляет нас искать их тайную причину»^[34]. Как отмечал Гильберт Мюррей в своем предисловии к английскому переводу *Поэтики* Аристотеля^[35], трагический *катарсис* (то есть «очищение» или «обновление» эмоций зрителя трагедии через переживание жалости или ужаса) соответствует прежнему ритуальному *катарсису* («очищению общины от скверны пороков прошедшего года, от заразы греха и смерти»), функцию которого выполняли празднество и мистерии с расчленением бога-быка Диониса. В мистерииальном действе медитирующий разум сливается не с телом, смерть которого демонстрируется, а с вечным началом жизни, которое некоторое время пребывало в этом теле и в это время представляло собой реальность в облачении видимости (одновременно страдательного начала, и скрытой причины), субстрат, в котором растворяются наши я, когда «трагедия, что разбивает лицо человека»^[36], раскалывает, разбивает и разрушает наш бранный остов.

Быком обернись ты, наш Вакх, наш бог,
Явись многоглавым драконом,
Иль львом золотистым ты в очи метнись!^[37]

Эта смерть, посягающая на саму логику и эмоциональный смысл выпавшего нам случайного мгновения в великом пространственно-временном континууме, это постижение и смещение смысла вселенской жизни, что бурлит и празднует свою победу в объятиях нашего самоуничтожения, эта *amor fati*, роковая любовь, любовь судьбы, которая неизбежно оборачивается смертью — все это составляет переживание искусства трагедии; в этом заключается ее радость и искупающий экстаз:

Настали дни мои, я слуга,
Идайского Юпитера Посвященный;
Куда бредет полуночный Загрей, бреду и я;
Я выдержал его окрик громовой;
И красные, кровавые пиры его свершил;
Я выдержал Великой Матери горный пламень;
Я свободен и назван именем
Бахус жрецов, в кольчуги облаченных^[38].

Современная литература в значительной мере сводится к способности взглянуть широко открытыми глазами на болезненно расколотые аллегорические образы, которыми изобилует наше окружение, равно как и наши души. Там, где естественное стремление выразить недовольство существующим болезненным положением — через признание вины или предложение панацеи — было подавлено, находит свое воплощение искусство трагедии, еще более убедительной (для нас) силы, чем греческая: реалистичная, откровенная и разнообразно интересная трагедия демократии, где бог предстает распятым в катастрофах не только великих домов, но и самых скромных жилищ, каждого получившего удар плетью и каждого искалеченного лица. И никаких фантазий о небесах, будущем блаженстве и всепрощении, смягчающих горькое величие, а лишь абсолютная тьма, пустота неосуществленности, готовая поглотить жизни, выброшенные из лона лишь для того, чтобы потерпеть неудачу.

В сравнении с этим все наши разговоры о достижениях кажутся довольно жалкими. Мы слишком хорошо знаем, какая горечь поражений,

потерь, разочарований и нереализованности по иронии судьбы бережит кровь даже тех, кому завидует мир. Поэтому мы не расположены приписывать комедии высокие достоинства трагедии. Комедия как сатира — не лишена смысла, как забава — является приятным прибежищем для спасения, но никогда сказка о счастье не может быть воспринята всерьез; она принадлежит далекой, призрачной стране детства, защищенной от реальности, которая достаточно скоро станет до ужаса знакомой; точно так же как мифы о небесах всегда принадлежат пожилым, чьи жизни остались позади, а сердца должны быть готовы к последним вратам, открывающим переход в ночь — трезвое, современное западное суждение о комедии основано на абсолютно неправильном понимании реалий, отображенных в сказке, мифе и божественных комедиях спасения. В древнем мире к ним относились как к стоящим по рангу выше трагедии, как к несущим более глубокую истину, более сложным для понимания, имеющим более здравую структуру и несущим более полное откровение.

Счастливый конец сказки, мифа и божественной комедии души следует рассматривать не как противоречие, а как превосходство над вселенской трагедией человека. Объективный мир остается тем, чем он был, но в связи со смещением центра внимания внутрь самого субъекта, он кажется изменившимся. Там, где раньше боролись жизнь и смерть, появляется бессмертное существо — такое же индифферентное к случайностям времени, как кипящая в котелке вода к судьбе играющих в ней пузырьков, как космос к появлению или исчезновению звездной галактики. Трагедия — это разрушение формы и нашей привязанности к формам; комедия — дикая и беззаботная, неистощимая радость непобедимой жизни. Таким образом, трагедия и комедия являются выражением единой мифологической темы и опыта, который включает и то, и другое, будучи скреплены ими: это нисхождение и восхождение (*kathodos* и *anodos*), которые вместе составляют общее откровение жизни и которые индивид должен знать и любить, чтобы очиститься (*катарсис* — очищение) от скверны греха (неповиновения божественной воле) и смерти (отождествления с тленной формой).

«Так: изменяется все, но не гибнет ничто и, блуждая,
Входит туда и сюда; тела занимает любые
Дух...

Новые вечно, затем что бывшее раньше пропало,

Сущего не было, — все обновляются вечно мгновенья»^[39].

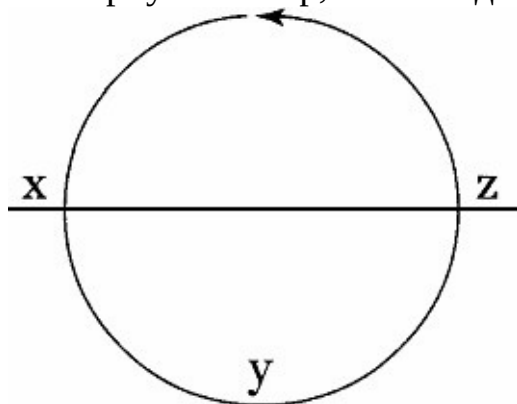
«Преходящи эти тела Воплощенного, именуемого вечным, непреходящего, неисповедимого...»^[40]

Откровение об опасностях и реалиях темного внутреннего перехода от трагедии к комедии является задачей собственно мифологии и сказки. Поэтому происходящее выглядит фантастическим и «нереальным»: оно отражает не физические, а психологические победы. Даже когда легенда имеет в своей основе события жизни реального исторического персонажа, его победоносные свершения преподносятся не в обычном, а в сказочном оформлении; ибо суть заключается не в том, что то-то и то-то было совершено на земле; суть заключается в том, что прежде чем то-то и то-то могло свершиться на земле, что-то другое, более важное, первичное, должно было свершиться в лабиринте, который все мы знаем и посещаем в наших сновидениях. Хотя дорога мифологического героя может проходить по земле, она всегда ведет внутрь — в глубины, где преодолевается подспудное сопротивление и возрождаются давно утерянные, забытые силы, необходимые для преобразования мира. Но вот подвиг свершен, жизнь более не отягощена ужасными увечьями, что нанесли ей вездесущие бедствия, беспощадное к ней время и неподвластное пространство; ее ужас еще жив, ее крики боли еще слышны, но она теперь пронизана всеохватывающей и всеутверждающей любовью и осознанием своей собственной несокрушимой силы. Будто свет, незримо пылающий в пучинах ее обычно непроницаемой материальности, с нарастающим шумом прорывается наружу. И тогда ужасные увечья предстают как тени имманентной, нетленной вечности; время уступает славе; и мир звучит удивительной, ангельской, но, пожалуй, все-таки монотонной и навевающей сон музыкой сфер. Как и счастливые семьи, все мифы спасения и спасенные миры похожи друг на друга.

3. Герой и бог

Путь мифологического приключения героя обычно является расширением формулы всякого обряда перехода: уединение — инициация — возвращение, которую можно назвать центральным блоком мономифа^[41].

Прометей взошел на небеса, похитил у богов огонь и спустился вниз. Ясон, проплыв через Симплегады, попал в море чудес, перехитрил дракона, охраняющего золотое руно, и вернулся с руном и наделенный силой вырвать свой законный трон у узурпатора. Эней спустился в преисподнюю, переплыл Ахерон, подкупил неподкупного Цербера, свирепого трехголового пса, и, наконец, поговорил с тенью своего умершего отца. Ему открылось все: судьбы душ, участь Рима, который он должен был основать, и то, «как невзгод избежать или легче снести их»^[42]. Через ворота слоновой кости он вернулся в мир, к своим делам.

Герой отваживается отправиться из мира повседневности в область удивительного и сверхъестественного: там он встречается с фантастическими силами и одерживает решающую победу; из этого исполненного таинств приключения герой возвращается наделенным способностью нести благо своим соплеменникам.

Величественное изображение трудности задачи героя, ее возвышенная суть, глубина ее постижения и самоотверженность в выполнении ее представлены в передаваемой из поколения в поколение легенде о Великой Борьбе Будды. Молодой принц Гаутама Шакьямуни втайне покинул дворец своего отца, чудом миновал на великолепном коне Кантхака охраняемые ворота и поскакал через ночь при свете факелов четырежды шестидесяти тысяч богов, легко преодолел величавую реку шириной в одиннадцать сотен и двадцать восемь локтей, а затем одним взмахом меча срезал свои

королевские локоны — после чего оставшиеся волосы длиной в два пальца завились вправо и плотно окружили его голову. Облачившись в одеяние монаха, он пошел по миру как нищий и за годы этого, на первый взгляд бесцельного, скитания постиг и прошел восемь стадий медитации. Он жил отшельником еще шесть лет и, подчиняя свои силы великой борьбе, дошел в своем аскетизме до крайнего предела и, казалось, уже умер, но вскоре пришел в себя. Затем он вернулся к менее суровой жизни странствующего аскета.

Однажды, когда он сидел под деревом, созерцая восточную часть света, дерево озарилось сиянием. Явилась юная девушка по имени Суджата и поднесла ему молочный рис в золотой чаше. Когда он бросил пустую чашу в реку, та поплыла вверх, против течения. Это был знак, что момент его победы близок. Он поднялся и направился по дороге, проложенной богами, ширина которой была одиннадцать сотен и двадцать восемь локтей. Змеи, птицы, лесные и полевые божества приветствовали его цветами и райским благоуханием, небесные хоры изливали музыку, десять тысяч миров были наполнены благоуханиями, гирляндами цветов, звуками гармонии и возгласами приветствия; ибо он был на пути к великому Дереву Просветления, Дереву Бо, под которым он должен был спасти вселенную. С решительным намерением он расположился под Деревом Бо в Покоящемся Месте, и тут же перед ним возник Кама-Мара, бог любви и смерти.

Страшный бог явился верхом на слоне, с оружием в тысяче своих рук. Его окружала армия, простиравшаяся на двенадцать лиг перед ним, на двенадцать лиг влево и на двенадцать — вправо от него, а позади него — до самой границы мира; она поднималась вверх на высоту в девять лиг. Боги, защитники вселенной, начали сражение, но будущий Будда оставался без движения под деревом. И тогда бог атаковал его, стремясь нарушить его сосредоточенность.

Противник обрушил на Спасителя смерчи, камни, громы и молнии, дымящееся оружие с острыми лезвиями, горящие уголья, горячий пепел, кипящую грязь, обжигающие пески и четырехкратную тьму, но все брошенное против него превращалось силой десяти совершенств Гаутамы в небесные цветы и притирания. Тогда Мара послал против него своих дочерей, Желание, Томление и Вожделение, окруженных сладострастной свитой, но им не удалось отвлечь разум Великого Сущего. Наконец, оспаривая его право сидеть в Покоящемся Месте, бог в гневе метнул свой острый, как лезвие бритвы, диск и приказал неистовой армаде своего войска забросать его горными утесами. Но Будущий Будда лишь двинул своей рукой, чтобы коснуться кончиками пальцев земли, призывая таким

образом богиню Землю засвидетельствовать его право сидеть там, где он сидит. И она подтвердила это сотней, тысячью, сотней тысяч громов, и слон противника упал на колени в почтительном поклоне перед Будущим Буддой. Армия тут же рассеялась, и боги всех миров рассыпали гирлянды цветов.

Одержав эту предварительную победу перед заходом солнца, победитель в первую стражу ночи обрел знание своих прошлых жизней, во вторую стражу — божественное око всеведущего видения и в последнюю стражу — понимание цепи причинности. С приходом рассвета он испытал полное просветление^[43].

Затем семь дней Гаутама — теперь уже Будда, Просветленный — сидел неподвижно в блаженстве; семь дней он стоял в стороне и созерцал то место, в котором обрел просветление; семь дней он ходил между тем местом, где сидел, и тем местом, где стоял; семь дней он пребывал в шатре, воздвигнутом богами, и обдумывал учение причинности и избавления; семь дней он сидел под деревом, где девушка Суджата поднесла ему молочный рис в золотой чаше, и медитировал о доктрине блаженства Нирваны; он перешел к другому дереву, и страшная буря неистовствовала семь дней, но из корней дерева появился Царь Змей и защитил Будду, развернув свой капюшон; и, наконец семь дней Будда просидел под четвертым деревом, все еще наслаждаясь блаженством освобождения. Затем он усомнился в том, что сможет передать свое откровение другим, и подумал о том, чтобы оставить мудрость в себе; но с зенита снизошел бог Брахма и просил его стать учителем богов и людей. Таким образом Будда приблизился к тому, чтобы провозгласить Путь^[44]. И тогда он отправился обратно в города людей, где, общаясь с обитателями мира, он дарил им бесценное благо знания Пути^[45].

Нечто подобное говорится в Ветхом Завете в легенде о Моисее, который в третий месяц после исхода сыновей Израиля из земли Египетской пришел со своим народом в Синайскую пустыню; и там сыны Израиля расположились станом против горы. И Моисей вззошел на гору, и воззвал к нему Господь с горы. Господь дал ему каменные Скрижали Закона и велел Моисею вернуться с ними к сынам Израиля, избранному Богом народу^[46].

Еврейская народная легенда гласит, что в день откровения различные громы доносились с горы Синай:

«Вспышки молний, сопровождаемые нарастающим трубным

хором, привели народ в сильный трепет и страх. Бог склонил к земле небеса, привел в движение землю и потряс границы мира, так что задрожали глубины и страх объят небеса. Его величие явилось через четверо врат — через огонь, землетрясение, бурю и град. Цари земли затрепетали в своих дворцах. Сама земля в страхе ждала уже начала воскресения мертвых, когда ей придется отвечать за кровь убиенных, что она впитала, и за тела умерщвленных, что она укрыла. Земля не успокоилась до тех пор, пока не услышала первые слова Десяти Заповедей.

Небеса разверзлись, и Гора Синай, освободившись из земли, поднялась в воздух, так что ее вершина ушла в небо, касаясь подножия Трона Господня, а ее склоны укрыло густое облако. Явился Бог, сопровождаемый по одну сторону двадцатью двумя тысячами ангелов с коронами для Левитов — единственного рода, оставшегося верным Господу, в то время как остальные поклонялись Золотому Тельцу. По другую сторону от него стояли шестьдесят мириад^[47] три тысячи пятьсот пятьдесят ангелов, каждый с огненной короной для каждого сына израильского народа. Вдвое большее число ангелов стояло по третью сторону; в то время как с четвертой стороны их было неисчислимое множество. Ибо Господь явился не с одной стороны, а сразу отовсюду одновременно, что, однако, не помешало и небесам и земле преисполниться Его славы. Несмотря на эти несметные армады, на Горе Синай не было толчеи, не было столпотворения, места хватало всем^[48].

Как мы скоро увидим, приключение героя, как правило, следует логике представленного выше центрального блока, независимо от того, представлено ли оно нам в почти немислимых по своей широте образах Востока, в полных энергии преданиях греков или в величественных стихах Библии: уединение от мира, причащение к некоему источнику силы и возвращение с привнесением новой энергии в некогда оставленное русло жизни. Весь Восток был благословен тем благом, что принес с собой Гаутама Будда — его удивительным учением о Добром Законе — точно так же, как Запад Декалогом Моисея. Греки объясняли появление у человека огня, первого средства к существованию всей человеческой культуры, выдающимся подвигом своего Прометея, а римляне приписывали основание своего подпирающего мир города Энею, покинувшему павшую Трою и побывавшему в ужасном потустороннем мире мертвых. Повсюду,

независимо от сферы интереса (будь то область религиозного, политического или личного), акты истинного творчества представляются как смерть героя по отношению к миру; относительно того, что происходит в период небытия героя, после чего он возвращается возрожденным, возвеличенным и преисполненным созидательной силы, человечество также единодушно. Поэтому нам придется всего лишь проследить за множеством героических фигур, проходящих классические стадии универсального приключения, для того чтобы снова увидеть то, что всегда было дано в откровении. Это поможет нам осознать не только значение этих образов для современной жизни, но и единство человеческого духа в его стремлениях и превратностях, в его силе и мудрости.

На следующих страницах в форме одного собирательного приключения будут представлены сказания о целом ряде мировых судьбоносных символов *каждого* человека. Первая большая стадия, стадия *уединения* или *исхода*, будет представлена в пяти подглавках Главы I:

- 1) «Зов к странствиям», или знаки призвания героя;
- 2) «Отвержение зова», или безрассудное бегство от бога;
- 3) «Сверхъестественное покровительство», неожиданная поддержка тому, кто встал на путь предначертанного ему приключения;
- 4) «Преодоление первого порога»;
- 5) «Во чреве кита», или вступление в царство ночи.

Стадия *испытаний и побед инициации* будет рассмотрена в шести подглавках Главы II:

- 1) «Путь испытаний», или опасные лики богов;
- 2) «Встреча с Богиней» (*Magna Mater*), или блаженство вновь обретенного младенчества;
- 3) «Женщина как искушительница», прозрение и агония Эдипа;
- 4) «Примирение с отцом»;
- 5) «Апофеоз»;
- 6) «Вознаграждение в конце пути».

Возвращение и воссоединение с обществом, которое необходимо для постоянного возобновления духовной энергии мира и, с точки зрения общества, является оправданием длительного отшельничества, для самого героя может оказаться наиболее трудным испытанием. Ибо когда он, подобно Будде, преодолев все трудности, приходит к полной гармонии абсолютного просветления, появляется опасность, что блаженство этого состояния может стереть всю его память о горестях мира, весь его интерес к нему и его упованиям; или же задача разъяснения пути к просветлению людям, обремененным житейскими проблемами, может просто показаться

ему слишком сложной. С другой стороны, если герой вместо того, чтобы пройти все предварительные испытания, подобно Прометею, просто устремляется к цели и овладевает (силой, хитростью или благодаря удаче) благом, предназначенным миру, то силы, которые он вывел из равновесия, могут прийти в такое возмущение, что он будет уничтожен как извне, так и изнутри — распят, подобно Прометею, на скале своего собственного бессознательного, которое он хотел обойти безнаказанно. Или если герой благополучно и с готовностью возвращается в мир, он встречается с полным непониманием и равнодушием со стороны тех, кому он пришел помочь, и его деяния терпят крах. Обсуждение возможного исхода героической авантюры представлено в третьей из нижеследующих глав в шести подглавках:

- 1) «Отказ от возвращения», или отвержение мира;
- 2) «Волшебное бегство», или побег Прометея;
- 3) «Спасение извне»;
- 4) «Пересечение порога, ведущего в мир повседневности», или возвращение в мир повседневности;
- 5) «Властелин двух миров»;
- 6) «Свобода жить», характер и функция предельного блага^[49].

Собирательный герой мономифа обладает исключительными способностями. Зачастую он бывает чтим своим сообществом, зачастую — непризнан или даже презираем. Ему или миру, в котором он живет, или им вместе недостает чего-то символического. В сказках это может быть нечто настолько незначительное, как, например, отсутствие золотого колечка, тогда как в апокалиптической картине речь идет об ущербности физической или духовной жизни всей земли и всего человечества, превратившейся или находящейся на грани превращения в руины.

Как правило, герой сказки добывается локальной, в пределах своего микрокосма победы, а герой мифа — всемирно-исторического, макрокосмического триумфа. В то время как герой сказки — младший или презираемый ребенок, который становится обладателем необычайных способностей — одерживает победу над своими личными притеснителями, герой мифа в конце своего приключения добывает средство для возрождения всего своего общества в целом. Родовые или локальные герои, такие как китайский император Хуан-ди, Моисей или Тецкатлипока у ацтеков, передают обретенное ими благо одному единственному народу; всеобщие герои — Магомет, Иисус, Гаутама Будда — несут свое послание всему миру.

Независимо от того, смешон наш герой или преисполнен величия, грек

он или варвар, еврей или нееврей — его приключение незначительно отклоняется от общего плана. Народные сказки изображают героическое деяние как вполне материальное; высокоразвитые религии представляют свершение как духовное; несмотря на это, в морфологии приключения, действующих персонажах и одерживаемых победах обнаруживается удивительно мало различий. Если тот или иной основной элемент архетипной схемы в данной сказке, легенде, ритуале или мифе опущен, он обязательно тем или иным образом подразумевается — а само опущение, как мы вскоре это увидим, может очень многое рассказать нам об истории и патологии данного примера.

Часть II, «Космогонический цикл», разворачивает перед нами великое видение сотворения и гибели мира, ниспосланное как откровение герою в ознаменование успешного осуществления его задачи. Глава I, *Эманации*, рассказывает о зарождении из пустоты различных форм вселенной. Глава II, *Непорочное зачатие*, посвящена рассмотрению созидательной и спасительной роли женского начала — в качестве Матери Вселенной, на уровне макрокосма, а затем Матери Героя, на уровне микрокосма человека. Глава III, *Метармофозы героя*, прослеживает ход легендарной истории человечества через типичные стадии, где герой появляется на сцене в различной форме, соответственно меняющимся потребностям человеческой расы. И, наконец, глава IV, *Растворение*, рассказывает о предреченном конце — сначала героя, а затем окружающего его мира.

В священных писаниях всех континентов космогонический цикл представлен с удивительным постоянством^[50], и это придает приключению героя новый интересный оборот; ибо теперь оказывается, что его рискованное предприятие было делом не нового обретения, а обретения утраченного, не первооткрытия, а открытия заново. Искомые и с риском завоеванные божественные силы раскрываются перед нами как изначально существующие в сердце героя. Он «царский сын», узнавший, кто он есть на самом деле, и вместе с этим ставший хозяином присущей ему силы — «Божьим сыном», постигшим всю полноту смысла этого титула. С этой точки зрения, герой символизирует тот созидательный и искупительный образ, который скрывается внутри каждого из нас и лишь ожидает, когда его познают и воплотят в жизнь.

«Ибо Единое, ставшее многим, остается Единым и неделимым, но в каждой части своей есть весь Христос», — читаем мы в писаниях святого Симеона младшего (949–1022 н. э.). «Я увидел Его в своем доме, — продолжает святой. — Он

появился неожиданно среди всех этих повседневных вещей и стал невыразимо соединенным и слитым со мною и вошел в меня, как будто между нами ничего не было, как огонь в железо и свет в стекло. И Он сделал меня подобным огню и свету. И я стал тем, что я видел прежде и созерцал издалека. Я не знаю, как мне передать вам это чудо... Я человек по природе и Бог по милости Господней»^[51].

Подобное видение описывается и в апокрифическом Евангелии Евы.

«Стал я на высокой горе, и увидел человека рослого и другого изуродованного, и слышал как бы глас грома, и приблизился, чтобы явственнее слышать, и проглаголал он мне, и сказал: я — ты и ты — я, и где ты ни бываешь, там и я, рассеян во всех; и, в чем ни пожелаешь, собираешь меня, собирая же меня, собираешь себя»^[52].

Таким образом, оба — герой и его предельный бог, взыскующий и взыскуемый — понимаются как внешняя и внутренняя стороны одной, самое себя отображающей тайны, которая тождественна мистерии явленного мира. Великий подвиг великого героя заключается в том, чтобы показать это единство во множественности, а затем рассказать об этом другим.

4. Центр Мироздания

Следствием успешного завершения приключения героя является высвобождение и вливание в мир потока жизни. Чудо этого потока может быть представлено в физическом смысле как циркуляция живительной субстанции, динамически — как поток энергии, а духовно — как проявление высшей благодати. Такие представления легко сменяют друг друга, отображая три степени сгущения одной жизненной силы. Обильный урожай является знаком милости Господней; милость Господня — это пища души; удар молнии — это предвестник благодатного дождя и в то же самое время проявление высвобожденной божественной энергии. Милость Господня, питающая материя, энергия — все это вливается в живой мир, и всякий раз, когда этот процесс останавливается, жизнь разлагается и переходит в смерть.

Этот поток изливается из невидимого источника, место его вхождения является центром символического круга вселенной, Покоящимся Местом из легенды о Будде^[53], вокруг которого, можно сказать, вращается мир. Под этой точкой располагается голова космического змея, поддерживающего землю, дракона, символизирующего воды пучины, которые являются божественной житнетворной энергией и субстанцией демиурга, миропорождающим аспектом бессмертного сущего^[54]. Древо жизни, то есть сама вселенная, растет из этой точки. Своими корнями оно уходит в держащую его на себе тьму; на его вершущке золотая птица солнца; у его подножия журчит ручей, берущий свое начало в неисчерпаемом роднике. Или это может быть образ космической горы с градами богов на ее вершине, подобными лотосу света, и городами демонов в ее лоне, освещаемыми драгоценными камнями. Это может быть, опять же, фигура космического мужчины или женщины (например, сам Будда или танцующая древнеиндийская богиня Кали), которые сидят или стоят на этом месте или даже прикованы к дереву (Аттис, Христос, Вotan); ибо герой как воплощение Бога сам является центром мира, пуповиной, через которую энергии вечности вливаются во время. Таким образом, это Пуп Земли — символ непрерывного сотворения; таинства поддержания мира вечным чудом обновления, которое бьет ключом во всех вещах.

У индейцев пауни северных территорий Канзаса и юга Небраски жрец во время церемонии Хако пальцем ноги чертит круг. Рассказывают, что при этом жрец говорит следующее:

«Этот круг представляет гнездо, и рисуется он пальцем ноги потому, что орел строит гнездо своими когтистыми лапами. Хотя мы подражаем птице, строящей гнездо, это действие имеет еще и другой смысл; мы думаем о том, как Тирава создает мир, в котором будут жить люди. Если вы подниметесь на высокую гору и оглянетесь вокруг, то увидите, как со всех сторон небо соприкасается с землей, а внутри этого замкнутого кругом пространства живут люди. Поэтому каждый начертанный нами круг является не только гнездом, но и представляет круг, который Тирава-атиус сотворил для того, чтобы в нем жили все люди. Круги также символизируют родство группы, клана, племени»^[55].

Небесный свод покоится на четырех сторонах земли, иногда его держат, словно кариатиды, четыре царя, карлика, великана, слона или черепахи. Отсюда традиционный смысл математической проблемы квадратуры круга: в ней заключается секрет трансформации небесных форм в земные. Очаг в доме, алтарь в храме являются ступицей колеса земли, лоном Матери Вселенной, чей огонь — это огонь жизни. А отверстие в крыше шатра — или верхушка, вершина или фонарь купола — являет собой сердцевину или центральную точку неба: солнечную дверь, через которую души возвращаются из времени обратно в вечность, подобно аромату подношений, сжигаемых в огне жизни и поднимающихся по оси восходящего дыма от ступицы земного колеса к ступице колеса небесного^[56].

Наполняемое таким образом солнце является чашей Господней, неистощимым Граалем, изобилующим субстанцией жертвоприношения, ибо плоть Господня истинно есть пища, а кровь Его истинно есть питье^[57]. В то же время оно питает все человечество. Солнечный луч, зажигающий очаг, символизирует переход небесной энергии в лоно мира — и опять же является осью, объединяющей и вращающей оба колеса. Через солнечную дверь непрерывно циркулирует энергия. Через нее нисходит Бог и восходит человек. «Я есть дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет, и выйдет, и пажить найдет»^[58]. «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем»^[59].

Для культуры, все еще пребывающей в колыбели мифологии и общий ландшафт, и каждая стадия человеческого бытия оживает благодаря символическим намекам. Холмы и роции имеют своих сверхъестественных стражей и связаны с широко известными эпизодами локальной версии

истории сотворения мира. Кроме того, повсюду есть свои особые святые места. Все места, где герой родился, боролся или снова ушел в небытие, отмечены и освящены. Там воздвигается храм, обозначающий и инспирирующий чудо совершенной центральности, ибо это место является местом прорыва к неистощимому источнику. Некто в этом месте открыл вечность. Поэтому само это место может содействовать плодотворной медитации. Как правило, такие храмы в своем построении воспроизводят четыре направления мирового горизонта, а святое место или алтарь, расположенный в центре, символизирует источник вечной энергии. Человек, входящий внутрь храма и приближающийся к святой святых, имитирует подвиг подлинного героя. Его цель заключается в повторении универсальной схемы, что служит средством пробуждения внутри него самого и воссоздания концентрирующей и обновляющей жизнь формы.

Древние города построены по подобию храмов, их главные ворота располагаются в четырех направлениях, в то время как в центре стоит главное святилище божественного основателя города. Жители города живут и вершат свои труды в границах, заданных этим символом. Подобным образом центром национальных и мировых религий является определенный город: для западного христианства это Рим, для ислама — Мекка. Согласованные поклоны трижды на день всех мусульман по всему миру, направленные, подобно спицам соразмерного миру колеса, к центру, в котором размещается Кааба, образуют огромный живой символ «подчинения» (*islam*) всех и каждого воле Аллаха. «Ибо именно Он, — читаем мы в Коране, — покажет тебе истину всего того, что ты делаешь»^[60]. Или, опять же: великий храм может быть воздвигнут где угодно. Потому что в конечном итоге Все пребывает повсюду, и любая точка может стать местопребыванием силы. В мифе любая травинка может принять образ спасителя и провести ищущего странника в святая святых его собственного сердца.

Таким образом, центр мироздания может быть везде. И, являясь источником всего сущего, он в равной мере наполняет мир как добром, так и злом. Уродство и красота, грех и добродетель, удовольствие и боль — являются в равной мере плодами его творения. «У бога все прекрасно, хорошо и справедливо, — провозглашает Гераклит, — люди же считают одно справедливым, другое несправедливым»^[61]. Отсюда образы, которым поклоняются в храмах мира, никоим образом не являются всегда прекрасными, всегда милосердными или даже всегда обязательно праведными. Подобно божественной сущности из Книги Иова, они выходят

далеко за рамки шкалы человеческих ценностей. Также и мифология не имеет в качестве своего главного героя просто добродетельного человека. Добродетель — это лишь педагогическая прелюдия к кульминационному прозрению, стоящему вне всякой пары противоположностей. Добродетель подавляет самодостаточность эго и делает возможным внеличное сосредоточение; но когда это достигается, что же тогда можно сказать о боли или удовольствии, пороке или добродетели как нашего собственного эго, так и эго любого другого человека. Через все постигается трансцендентная сила, которая живет во всем, во всем прекрасна и достойна глубочайшего почитания.

Ибо, как сказал Гераклит: «Расходящееся сходится, и из различных тонов образуется прекраснейшая гармония, и все возникает через борьбу»^[62]. Или опять же, как поэтически выразил это Блейк: «Львиный рык, волчий вой, ярость бури и жало клинка суть частицы вечности, слишком великой для глаза людского»^[63].

Этот сложный момент становится более понятным из рассказа, который можно услышать среди йоруба (Западная Африка), о богенечестивце Эдшу. Однажды этот странный бог прогуливался по тропинке меж двух полей.

«На каждом поле он увидел работающего в одиночку крестьянина и решил разыграть их.

Он надел шляпу, которая с одной стороны была красная, а с другой — белая, зеленая спереди и черная сзади^[64]; когда два друга отправились домой, в свою деревню, один сказал другому: «Ты видел старика в белой шляпе, который проходил мимо?» Второй ответил: «Ты что, шляпа была красной». На что первый возразил: «Нет, она была белой». — «Но она была красной, — настаивал его друг, — я видел это своими собственными глазами». — «Значит ты, должно быть, слеп», — заявил первый. «А ты, должно быть, пьян», — ответил другой. И так спор перешел в драку. Когда в ход пошли ножи, соседи отвели спорящих к старосте, чтобы тот рассудил их. Эдшу затесался в толпу, собравшуюся в ожидании решения, и когда староста не смог определить, на чьей стороне истина, старый ловкач вышел вперед, рассказал о своем розыгрыше и показал шляпу. «Эти двое не могли не поссориться, — сказал он. — Я хотел этого. Нести раздор — моя величайшая радость»^[65].

Там, где моралист был бы охвачен негодованием, а поэт-трагик — состраданием и ужасом, мифология превращает все в великую и ужасную божественную комедию. Ее «олимпийский смех» ни в коей мере не является эскапизмом, напротив, он суров суровостью самой жизни — которую мы можем считать суровостью Бога, Создателя. В этом отношении мифология выставляет позицию трагика несколько истеричной, а чисто моральную оценку — ограниченной. Однако эта суровость уравнивается заверением в том, что все, что мы видим, является лишь отображением силы, которая, незатронутая болью, продолжает свое существование. Таким образом, сказки являются одновременно и безжалостными и лишенными ужаса — преисполненными радостью трансцендентной анонимности в отношении любой самости, самодостаточности и борений любого эго, которое рождается и умирает во времени.

Часть I. Путешествие героя

Глава I. Исход

1. Зов к странствиям

В старые годы, когда стоило лишь пожелать чего-нибудь и желание исполнялось, жил-был на свете король; все дочери его были одна краше другой, а уж младшая королева была так прекрасна, что даже само солнышко, так много выдавшее всяких чудес, и то дивилось, озаряя ее личико.

Близ королевского замка был большой темный лес, а в том лесу под старой липой вырыт был колодец. В жаркие дни заходила королева в темный лес и садилась у прохладного колодца; а когда ей скучно становилось, брала она золотой мячик, подбрасывала его и ловила: это была ее любимая забава.

Но вот случилось однажды, что подброшенный королевной золотой мяч попал не в протянутые ручки ее, а пролетел мимо, ударился оземь и покатился прямо в воду. Королева следила за ним глазами, но, увы, мячик исчез в колодце. А колодец был так глубок, так глубок, что и дна не было видно. Стала тут королева плакать, плакала-рыдала все громче да горестней и никак не могла утешиться.

Плачет она, заливаясь, как вдруг слышит чей-то голос: «Да что с тобой, королева? От твоего плача и в камне жалость явится». Оглянулась она, чтобы узнать, откуда голос ей звучит, и увидела лягушонка, который высунул свою толстую уродливую голову из воды. «Ах, так это ты, старый водошлеп! — сказала девушка. — Плачу я о своем золотом мячике, который в колодец упал». — «Успокойся, не плачь, — отвечал лягушонок, — я могу горю твоему помочь; но что дашь ты мне, если я тебе игрушку достану?» — «Да все, что хочешь, милый лягушонок, — отвечала королева, — мои платья, жемчуг мой, камни самоцветные, а еще в придачу и корону золотую, которую ношу».

И отвечал лягушонок: «Не нужно мне ни платьев твоих, ни жемчуга, ни камней самоцветных, ни твоей короны золотой; а вот если бы ты меня полюбила и стал бы я везде тебе сопутствовать, разделять твои игры, за твоим столиком сидеть с тобой рядом, кушать из твоей золотой тарелочки, пить из твоей стопочки, спать

в твоей постельке: если ты мне все это обещаешь, я готов спуститься в колодец и достать тебе оттуда золотой мячик». — «Да, да, — отвечала королева, — обещаю тебе все, чего хочешь, лишь бы ты мне только мячик мой воротил».

А сама подумала: «Пустое горюдит глупый лягушонок! Сидеть ему в воде с подобными себе да квакать, где уж ему быть человеку товарищем». Заручившись обещанием, лягушонок исчез в воде, опустился на дно, а через несколько мгновений опять выплыл, держа во рту мячик, и бросил его на траву. Затрепетала от радости королева, увидев снова свою прелестную игрушку, подняла ее и убежала вприпрыжку. «Постой, постой! — закричал лягушонок. — Возьми ж меня с собой. Я не могу так бегать, как ты».

Куда там! Напрасно ей вслед во всю глотку квакал лягушонок: не слушала беглянка, поспешила домой и скоро забыла о бедном лягушонке, которому пришлось не солоно хлебавши опять лезть в свой колодец»^[66].

Это один из примеров того, как может начинаться приключение. Промех — внешне чистая случайность — открывает перед человеком неожиданный мир, и он соприкасается с силами, которые вряд ли способен сразу понять. Как показал Фрейд^[67], ошибки не являются простой случайностью. Они — результат подавленных желаний и конфликтов. Они — волны на поверхности жизни, вызываемые подспудными родниками. Они могут быть очень глубокими — настолько глубокими, как и сама душа. Промех может привести к началу новой судьбы. Так происходит в данной сказке, где потеря шарика является первым знаком того, что в жизни принцессы должно что-то произойти, лягушонок — вторым, а необдуманное обещание — третьим.

Лягушонка, появляющегося чудесным образом как предварительное проявление вступающих в игру сил, можно назвать «предвестником»; критический момент его появления является «зовом к приключению». Предвестник может звать к жизни, как в данном случае, или, в более поздний момент жизненного пути — к смерти. В его устах может звучать призыв к какому-нибудь высокому историческому свершению. Или же он может отмечать начало религиозного озарения. В понимании мистиков он отмечает то, что было названо «пробуждением Самости»^[68]. В случае принцессы из этой сказки он означает не более, чем ее вступление в период юности. Но независимо от того, насколько велик этот зов, на какой стадии

или этапе жизни он приходит, этот зов всегда возвещает о начале таинства преобразования — обряде или моменте духовного перехода, который, свершившись, равнозначен смерти и рождению. Привычные горизонты жизни стали тесны; старые концепции, идеалы и эмоциональные шаблоны уже не годятся; подошло время переступить порог.

Типичными обстоятельствами такого зова являются темный лес, большое дерево, журчащий родник и отталкивающий, и потому вызывающий неправильную оценку внешний вид носителя веления судьбы. В этой сцене мы различаем символы Центра Мироздания. Лягушка, маленький дракон, является детской версией змея преисподней, голова которого подпирает землю и который представляет глубинные порождающие жизнь, демиургические силы. Этот маленький дракон поднимается с золотым шаром солнца, которое только что поглотили его темные пучины: в этот момент маленький лягушонок уподобляется великому Китайскому Дракону Востока, несущему в своей пасти восходящее солнце, или той самой лягушке, на голове которой восседает юный бессмертный Хан Хсиань с корзиной персиков бессмертия в руках. Фрейд выдвинул предположение, что всякое состояние беспокойства воспроизводит болезненные ощущения первого отделения от матери — затрудненное дыхание, прилив крови и т. п., то есть ощущения кризиса рождения^[69]. И наоборот, всякий момент разобщения и нового рождения вызывает чувство тревоги. Будь то царское дитя, стоящее на пороге выхода из упрочившегося состояния блаженства своего единства с Царем Отцом, или Божия дочь Ева, уже созревшая к тому, чтобы покинуть идиллию Райского Сада, или, опять же, достигший высшей степени сосредоточения Будущий Будда, прорывающийся через последние горизонты сотворенного мира, — во всех этих случаях приводятся в движение одни и те же архетипные образы, символизирующие опасность, утешение, испытание, переход и необычную священность таинства рождения.

Отвратительная и отвергнутая лягушка или дракон из сказки поднимает солнечный шар, держа его во рту; лягушка, змей, отверженный — представляют те глубины бессознательного («такие глубокие, что не видно дна»), где собраны все отвергнутые, непризнанные, неизвестные или неопределившиеся факторы, законы и элементы бытия. Это жемчуга сказочных подводных дворцов русалок, тритонов и других водных стражей; это драгоценные камни, освещающие города демонов в преисподней; это семена огня в океане бессмертия, который несет на себе Землю и окружает ее подобно змее; это звезды в глубинах вечной ночи. Это самородки золотого клада дракона; неприступные яблоки Гесперид;

волоски золотого руна. Поэтому предвестник или глашатай приключения часто оказывается мрачным, отвратительным, вселяющим ужас или зловещим в глазах окружающего мира; однако же, если за ним последовать, то откроется путь через границу дня во тьму ночи, где сверкают драгоценные камни. Или же предвестником выступает животное (как в сказке), представляющее подавленные внутри нас самих инстинктивные животворные силы. Или, наконец, это завуалированная таинственная фигура — неизвестный.

Например, существует следующая история о короле Артуре и о том, как он собрался на конную охоту со своими рыцарями.

«Только выехали они в лес, завидел король впереди матерого оленя.

— Погонюсь за этим оленем, — сказал король Артур. Пришпорил он коня и долго скакал за оленем, и часто на полном скаку казалось — вот-вот поразит он его. И так долго гонялся он за тем оленем, что конь его задохнулся и пал наземь, и тогда отправился доезжачий назад привести ему другого коня.

Видит король, что олень ушел от погони, а конь его пал, сел он тут у ручья и глубоко задумался. Так он сидел, и стало чудиться ему, будто он слышит лай собачьей своры глоток в тридцать, и вдруг видит: выходит прямо на него удивительнейший зверь, какого не случалось ему ни видеть, ни рассказов о таком слышать.

Подошел зверь к источнику и стал пить. И такой из брюха у зверя слышался рык, будто лают разом тридцать гончих псов, но, покуда пил он, шума у него в брюхе не было. Наконец с громогласным рыком удалился зверь, а король глядел ему вслед, и показалось ему все это весьма удивительно»^[70].

Или вот история из совершенно другой части света о девочке племени арапах с северо-американских равнин. Она заметила рядом с тополем дикобраза. Девочка попыталась его подстрелить, но животное подбежало к дереву и стало подниматься по стволу. Девочка полезла следом, чтобы схватить дикобраза, но тот все время оставался недостижимым. «Хорошо! — сказала она. — Я взбираюсь по дереву, чтобы поймать дикобраза, потому что мне нужны эти длинные иглы, и, если понадобится, я доберусь до самого верха». Дикобраз добрался до верхушки дерева, но, когда девочка приблизилась и была готова схватить животное, тополь вдруг стал выше, и

дикобраз полез дальше. Глянув вниз, девочка увидела собравшихся внизу друзей, которые, задржав головы, призывали ее спуститься вниз; но, захваченная преследованием и испытывая страх перед расстоянием, что отделяло ее от земли, она продолжала взбираться по дереву до тех пор, пока не превратилась в точку для тех, кто наблюдал за ней снизу, и так вместе с дикобразом она в конце концов добралась до неба^[71].

Рис. 3. Осирис в образе быка переносит своего почитателя в потусторонний мир

Для того чтобы продемонстрировать спонтанное появление образа предвестника в психике, созревшей для преобразования, достаточно будет

привести два сновидения. Первое — это сновидение юноши, ищущего путь к новому пониманию окружающего мира:

«Зеленая страна, где пасется много овец. Это «страна овец». Неизвестная женщина стоит в стране овец и указывает мне путь»^[72].

Второй сон приснился девушке, подруга которой недавно умерла от туберкулеза легких; она боится, что сама больна этой болезнью.

«Я находилась в цветущем саду; солнце садилось в кроваво-красном закате. И тут передо мной появился черный, благородный рыцарь, который проникновенно обратился ко мне глубоким и пугающим голосом: «Не пойдешь ли ты со мной?» Не ожидая ответа, он взял меня за руку и увел с собой»^[73].

Будь то сновидение или миф, во всех этих приключениях образ, внезапно появляющийся в качестве проводника, отмечающий новый период, новый этап жизненного пути, всегда окружен атмосферой необъяснимого очарования. То, с чем необходимо встретиться лицом к лицу, и то, что каким-то образом оказывается хорошо знакомым бессознательному — хотя является неизвестным, удивительным и даже пугающим для сознательного «я» — открыто заявляет о себе; а то, что прежде было исполнено смысла, может удивительным образом утратить свое значение — подобно миру, потускневшему для царского ребенка с неожиданным исчезновением золотого шарика в роднике. После этого герой находит свои прежние занятия пустыми, даже если на некоторое время возвращается к ним. И тогда проявляется целый ряд знаков все возрастающей силы, пока, наконец, призыв уже не может быть отвергнут — как в нижеследующей легенде о «Четырех Знаках», которая является самым известным примером зова к приключению в мировой литературе.

Отец юного принца Гаутамы Шакьямуни, Будущего Будды, оградил его от всякого соприкосновения с понятиями старости, болезни, смерти и монашества, чтобы не допустить у него возникновения какой-либо мысли о самоотречении от жизни; ибо при его рождении было предсказано, что он станет либо властелином мира, либо Буддой. Царь, предпочитавший, чтобы его сын пошел по царской стезе, дал ему три дворца и сорок тысяч девушек-танцовщиц, чтобы поддерживать у сына интерес к жизни. Но это только послужило приближению неизбежного; ибо еще в сравнительно юном возрасте принц уже исчерпал для себя сферу плотских радостей и созрел для иных переживаний. И в тот момент, когда он был готов к этому, сами собой появились должные вестники:

«Однажды Будущий Будда пожелал отправиться в парк и

велел своему возничему приготовить колесницу. Поэтому слуга подготовил великолепную, изысканную колесницу и, роскошно украсив ее, запряг в нее четырех великолепных лошадей породы синхава, белых, как лепестки лотоса, и объявил Будущему Будде, что все готово. И Будущий Будда сел в колесницу, достойную богов, и отправился в парк.

«Близится время для просветления принца Сиддхартхи, — решили боги, — мы должны послать ему знак»; один из них преобразился в дряхлого старика с гнилыми зубами, седыми волосами, кривой и сгорбленной фигурой и, трясясь и опираясь на посох, явился Будущему Будде, но таким образом, что видеть его могли только он и возница.

Тогда Будущий Будда обратился к возничему: «Друг мой, молю тебя, скажи, кто этот человек? Даже волосы его не такие, как у других людей». И, выслушав ответ, он сказал: «Позор рождению, ибо ко всякому, кто родился, должна прийти старость». После чего с волнением в сердце он повернул обратно и вернулся во дворец.

«Почему мой сын так скоро вернулся?» — спросил царь. «Ваше величество, он увидел старика, — прозвучал ответ, — а увидев старика, захотел уединиться от мира». — «Ты хочешь убить меня, говоря такие вещи? Быстро распорядись, чтобы сыну моему показали какие-нибудь игры. Если нам удастся развлечь его, он перестанет думать о том, чтобы уединиться от мира». После чего царь расставил стражу на половину лиги в каждом направлении.

И однажды снова, направляясь в парк, Будущий Будда увидел больного человека, посланного богами; и снова, расспросив о нем, с волнением в сердце он повернул обратно и вошел в свой дворец.

И опять царь спросил, что произошло, отдал тот же приказ, что и прежде, и снова увеличил охраняемую территорию до трех четвертей лиги вокруг.

И опять, в один день, когда Будущий Будда направлялся в парк, он увидел мертвого человека, посланного богами; и снова, расспросив о нем, он повернул обратно и с волнением в сердце вернулся в свой дворец.

И царь задал тот же вопрос и отдал то же повеление, что и раньше; и снова увеличил стражу, расставив ее на расстоянии

лиги вокруг.

И наконец, в один день, когда Будущий Будда направлялся в парк, он увидел аккуратно и пристойно одетого монаха, которого послали боги; и он спросил возницу: «Прошу тебя, скажи мне, кто этот человек?» — «Принц, это человек, который уединился от мира»; после этого возничий начал перечислять достоинства уединения от мира. Мысль об уединении от мира понравилась Будущему Будде»^[74].

Первая стадия мифологического пути героя — которую мы обозначили как «зов к странствиям» — означает, что судьба позвала героя и перенесла центр его духовного тяготения за пределы его общества, в область неизвестного. Эта судьбоносная сфера, таящая как опасности, так и сокровища, может быть представлена по-разному: как далекая страна, лес, подземное, подводное или небесное царство, таинственный остров, высокая горная вершина или как состояние глубокого погружения в сон; но это всегда оказывается место удивительно меняющихся и полиморфных созданий, невообразимых мучений, сверхчеловеческих свершений и невыразимого восторга. Герой может сам, по своей собственной воле, отправиться в свои странствия, как Тесей, услышавший по прибытии в город своего отца, Афины, ужасную историю о Минотавре; или же он может быть послан или унесен в свое приключение какой-нибудь благожелательной или злонамеренной силой, как в случае Одиссея, которого носили по Средиземноморью ветры разгневанного бога Посейдона. Приключение может начинаться с простой ошибки, как в сказке о принцессе; или, опять же, герой может всего лишь случайно прогуливаться и его блуждающий взор остановится на чем-то, что увлечет его с проторенных дорог человека. Примеры можно приводить до бесконечности, со всех уголков света^[75].

2. Отвержение зова

Часто в реальной жизни и нередко в мифах и народных сказках мы встречаемся с печальным случаем зова, оставшегося без ответа; ибо всегда возможно попросту обратить свое внимание на другие интересы. Отвержение зова превращает приключение в его противоположность. Погруженный в рутину, в тяжкие труды, в «культуру», человек теряет способность к значимому решительному действию и превращается в

жертву, требующую спасения. Его цветущий мир становится пустыней, а жизнь его кажется бессмысленной — даже несмотря на то, что, подобно царю Миносу, благодаря титаническим усилиям, он может преуспеть в создании прославленной империи. Какой бы дом он ни построил, это будет дом смерти: лабиринт с исполинскими стенами, предназначенный для того, чтобы скрыть от него его Минотавра. Все, что он может, — это создавать новые проблемы для себя и ожидать постепенного приближения своего краха.

«Я звала, и вы не послушались... За то и я посмеюсь вашей гибели; порадуюсь, когда придет на вас ужас; когда придет на вас ужас, как буря и беда, как вихрь принесется на вас; когда постигнет вас скорбь и теснота». «Потому что упорство невежд убьет их, и беспечность глупцов погубит их»^[76].

Time Jesum transeuntem et non revertentem: «Бойся ухода Иисуса, ибо он не вернется»^[77].

Мифы и народные сказки всего мира ясно показывают, что отказ по своему существу представляет собой нежелание подняться над тем, в чем принято усматривать свои собственные интересы. Будущее рассматривается не с точки зрения беспрестанного ряда смертей и рождений, а так, будто существующая система идеалов, добродетелей, стремлений и достоинств человека является твердо устоявшейся и неизблемой. Царь Минос оставил себе божественного быка, тогда как жертвоприношение означало бы подчинение его общества воле бога; он предпочел то, что считал для себя выгодным. Таким образом, он не сумел справиться с той жизненной ролью, которую он для себя выбрал — и мы видели, к каким пагубным последствиям это привело. Само божественное стало его неизбежным ужасом; ибо очевидно, что, если человек сам для себя является богом, то сам Бог, воля Бога, сила, уничтожающая эгоцентричную систему этого человека, превращается в чудовище.

Я бежал от Него сквозь ночи и дни;
Я бежал от Него сквозь аркады лет;
Я бежал от Него по запутанным тропам
Ума своего; и в самом сердце страхов своих
Укрывался я от Него и среди звучащего смеха^[78].

Человеку день и ночь не дает покоя божественное сущее, являющееся образом его живой самости, замкнутой в лабиринте его собственной

дезориентированной психики. Все пути к выходу утеряны: выхода не существует. Человек может лишь, подобно Сатане, яростно сражаться ради самого себя и жить в аду; или же сломаться и, наконец, раствориться в Боге.

«О безрассудный, слабый и слепой,
Я Тот, Кого ты ищешь!
Меня не принимая, ты гонишь от себя любовь»^[79].

Тот же таинственный голос слышен в зове греческого бога Аполлона, обращенном к убегавшей от него девушке Дафне, дочери речного бога Пеней, за которой он бежит по полю.

«Нимфа, молю, Пенейда, постой, — кричит ей вслед бог, как в сказке юный король лягушек взывает к принцессе. — Не враг за тобою. Беги, умоляю, тише, свой бег удержи, и тише преследовать буду! Все ж полюбилась кому ты, спроси».

«Больше хотел он сказать, — гласит далее легенда, — но, полная страха, Пенейя мчится бегом от него и его неоконченной речи. Снова была хороша! Обнажил ее прелести ветер, сзади одежды ее дуновением встречным трепались. Воздух игривый назад, разметав, откидывал кудри. Бег удвоял красоту. И юноше-богу несносно нежные речи терять: любовью движим самою, шагу прибавил и вот по пятам преследует деву. Так на пустынных полях собака галльская зайца видит: ей ноги — залог добычи, ему ж — спасенья. Вот уж почти нагнала, вот-вот уж надеется в зубы взять и в заячий след впилась протянутой мордой. Он же в сомнении сам, не схвачен ли, но из-под самых песьих укусов бежит, от едва не коснувшейся пасти. Так же дева и бог, — тот страстью, та страхом гонимы. Все же преследователь, крылами любви подвигаем, в беге быстрее; отдохнуть не хочет, он к шее беглянки чуть не приник и уже в разметанные волосы дышит. Силы лишившись, она побледнела, ее победило быстрое бегство; и так, посмотрев на воды Пеней, молвит: «Отец, помоги! Коль могущество есть у потоков, лик мой, молю, измени, уничтожь мой погибельный образ!» Только скончала мольбу, — цепенеют тягостно члены, нежная девичья грудь корой окружается тонкой, волосы — в зелень листвы превращаются, руки же — в ветви;

резвая раньше нога становится медленным корнем, скрыто листвою лицо, — красота лишь одна остается»^[80].

Это действительно печальный и бесславный конец. Аполлон, солнце, властелин времени и бог созревания, уже больше не взывал к испуганной нимфе, он просто назвал лавр своим любимым деревом и не без иронии рекомендовал плести из его листьев венки для победителей. Девушка отступила к образу своего родителя и там нашла защиту — подобно неудачливому мужу, грезы о материнской любви которого не позволяют ему вернуться к своей жене^[81].

Литература по психоанализу изобилует примерами таких закоренелых фиксаций. Они представляют собой неспособность отмежеваться от детского эго, с его сферой эмоциональных отношений и идеалов. Человек оказывается заточенным в стенах детства; отец и мать выступают стражами порога, и робкая душа, боясь какого-нибудь наказания^[82], не в силах пройти через дверь и родиться на свет, во внешний мир.

Юнг описывает сновидение, очень близко напоминающее картину мифа о Дафне. Это сон того же молодого человека, что увидел себя (см. выше) в стране овец — то есть в стране несамостоятельности. Его внутренний голос говорит: «Сначала я должен удрать от Отца»; затем, несколькими ночами позднее, «Змея описывает круг вокруг сновидца, который стоит, вросши в землю как дерево»^[83]. Это образ магического круга, в который личность заключена дьявольской силой родителя, порождающего эту фиксацию^[84]. Так же была защищена и девственность Брунгильды, которая многие годы оставалась в положении дочери, охраняемая кругом огня Всеотца Вотана. Она спала в безвременьи до прихода Зигфрида.

Маленькую Спящую Красавицу усыпила завистливая ведьма^[85]. И заснула не только Спящая Красавица, но и весь ее мир; однако, в конце концов, «после долгих и долгих лет» пришел принц, чтобы разбудить ее.

«Король и королева^[86], которые только что вернулись домой и входили в зал, стали мало-помалу засыпать, заснули одновременно с ними и все их придворные. Заснули также и лошади в стойле, и собаки на дворе, и голуби на крыше, и мухи на стенах, и даже огонь, пылавший на очаге, как бы застыл, и жаркое, которое на огне жарилось, перестало шкворчать, и повар, ухвативший было поваренка за волосы за какую-то провинность,

выпустил его волосы из руки и заснул.

И ветер тоже улегся, и на деревьях перед замком не шелохнулся ни один листок...

А вокруг замка стала мало-помалу вырастать непроницаемо густая изгородь из терновника, и каждый год поднималась она все выше и выше и наконец окружила весь замок, и даже переросла его настолько, что не только замка из-за нее не стало видно, но даже и флага на крыше его»^[87].

Однажды целый персидский город «превратился в камень» — царь с царицей, его жители и все остальное — потому что они не вняли зову Аллаха^[88]. Жена Лота превратилась в соляной столп за то, что оглянулась назад, когда Господь велел ей покинуть свой город^[89]. Есть также сказание о Вечном Жиде, который был проклят оставаться на земле до Страшного Суда за то, что, когда Христос проходил мимо него, неся свой крест, этот человек, бывший среди людей, стоящих вдоль дороги, крикнул: «Пошевеливайся!» Непризнанный, оскорбленный Спаситель обернулся и сказал ему: «Я пойду, но ты останешься ждать до тех пор, пока я не вернусь»^[90].

Некоторые из жертв остаются заколдованными навсегда (по крайней мере, насколько нам известно), другим суждено быть спасенными. Брунгильда оберегалась для настоящего героя, а маленькую Спящую Красавицу спас принц. Молодому человеку, превратившемуся в дерево, также впоследствии приснилась незнакомая женщина и, как таинственный проводник в неизведанное, указала ему путь^[91]. Не все из тех, кто колеблется, потеряны. Психика имеет в запасе множество секретов. И они не раскрываются до тех пор, пока этого не потребуют обстоятельства. Поэтому любое затруднительное положение — следствие упрямого нежелания подчиниться зову — может содержать в самом себе ключ к чудесному освобождению.

В действительности добровольная интроверсия является одним из классических атрибутов творческого гения и может быть использована намеренно. Она загоняет психические энергии вглубь и пробуждает затерянный континент бессознательных детских и архетипных образов. Результатом этого, конечно же, может быть более или менее полное расстройство сознания (невроз, психоз — плачевная участь зачарованной Дафны); но с другой стороны, если личность способна впитать и интегрировать в себя эти новые силы, то появляется ощущение

самоосознания почти сверхъестественной степени и полного контроля. Это основной принцип индийских учений йоги. По этому пути прошли также многие творческие личности Запада^[92]. Это нельзя назвать ответом на некий особый зов. Скорее, это намеренный, категоричный отказ отзываться на что-либо, кроме пока еще смутных требований какой-то ожидающей внутри пустоты, и готовность ответить им глубочайшим, высочайшим и полнейшим образом — что-то вроде всеобщей забастовки, или неприятие предлагаемых условий жизни, — в результате чего некая сила преобразования переносит эту проблему на уровень новых измерений, где она внезапно и окончательно разрешается.

Этот аспект проблемы героя проиллюстрирован в чудесном приключении принца Камар аль-Замана и принцессы Будур из сказок *Тысячи и одной ночи*. Юный и красивый принц, единственный сын царя Персии Шахримана, упорно отвергал неоднократные увещевания, предложения, требования и, наконец, повеления своего отца поступить как нормальный человек и жениться. Когда эта тема была затронута впервые, юноша ответил:

«О мой отец, знай, что у меня нет стремления жениться, и душа моя не расположена к женщинам, ибо много книг я прочел и немало слышал разговоров об их лукавстве и вероломстве, и как сказал поэт:

О женщинах меня ты спрашиваешь,
Я отвечу: На редкость сведущ я в делах их!
Коль голова седеет у мужчины и кошелек пустеет,
Не пользуется он благосклонностью у них.

А другой сказал:

Отвергни женщин — и будешь ты служить полней Аллаху;
Тот юноша, что волю женщинам дает, оставить должен всякую
надежду на взлет мечты.
И в поисках его неведомого и высокого творенья они препятствие
ему
Хоть сотни лет потратить он на изучение наук и разных знаний».

А закончив стихи, он продолжил: «О мой отец, супружество — это то, на что я никогда не дам согласия; нет, даже если бы пришлось мне испытать

чашу смерти». Когда султан Шахриман услышал эти слова от своего сына, свет померк в его очах, и горе охватило его; но из-за большой любви, что он питал к своему сыну, он не был расположен еще раз заводить разговор о своем желании и не сердился, а окружил сына всяческой заботой.

Только когда прошел год, отец снова задал свой вопрос, но юноша был непреклонен в своем отказе жениться и снова зачитал ему стихи поэтов. Султан посовещался со своим визирем, и тот, посоветовал:

«О царь, подожди еще год, и если после этого ты захочешь говорить с ним о женитьбе, то не делай этого наедине, а обратись к нему в день праздника, когда все эмиры и визири со всею армией твоею будут стоять пред тобою. И когда все соберутся, тогда пошли за своим сыном, Камар аль-Заманом и призови его к себе; и когда он явится, заговори с ним о супружестве пред визирями, и знатью, и офицерами, и военачальниками твоего государства; и тогда он наверняка оробеет и, смутившись их присутствием, не посмеет послушаться твоей воли».

Однако когда такой момент наступил и султан Шахриман перед всеми объявил сыну о своей воле, принц на некоторое время опустил голову, а затем поднял ее к своему отцу и, движимый юношеским безрассудством и поистине детской наивностью, ответил: «Что до меня, то я не женюсь никогда; уж лучше мне испить чашу смерти! Что ж до тебя, то ты велик годами и мал умом: разве ты уже дважды до сего дня не говорил со мною о женитьбе, и разве я не отказался? Воистину страдаешь ты старческим слабоумием и не годен править даже стадом овец!» Сказав так, в приступе ярости Камар аль-Заман расцепил сжатые за спиной руки и закатал рукава до плеч перед своим отцом; более того, будучи в разгоряченном состоянии духа, он прибавил множество слов своему родителю, сам не ведая, что говорит.

Царь был смущен и посрамлен, так как все произошло в присутствии знати и военачальников, собравшихся по случаю большого праздника и государственного события; но вскоре в нем заговорило величие царского сана, он закричал на сына и привел того в трепет. Затем он обратился к стражникам, стоящим перед ним, и приказал: «Схватите его!» И те вышли вперед, схватили принца и подвели к отцу, который велел связать сыну руки за спиной и в таком виде поставить пред всеми присутствующими. И принц склонил голову в страхе и боязни, лоб и лицо его покрылись капельками пота; его охватил сильный стыд и замешательство. Затем отец

стал ругать его и осыпать бранью и закричал: «Будь ты проклят, дитя прелюбодеяния и выкормыш омерзенья! Как осмеливаешься ты отвечать мне подобным образом в присутствии моих военачальников и солдат? Никто прежде не наказывал тебя. Знаешь ли ты, что содеянное тобою унизило меня пред всеми моими подданными?» И царь приказал своим стражникам ослабить ремни на руках сына и заточить его в одном из бастионов цитадели.

Принца схватили и бросили в старую башню с полуразрушенным залом, в центре которого размещался развалившийся колодец, но прежде этот зал подмели, отряхнули от пыли подстилку на полу, и внесли ложе, на которое положили матрац, покрывало и подушку. А затем принесли большой фонарь и восковую свечу; ибо в этом месте было темно даже днем. И, наконец, стражники привели туда Камар аль-Замана и поставили у двери евнуха. Когда все ушли, принц, опечаленный духом и с тяжелым сердцем, виня себя и раскаиваясь в том, что оскорбительно вел себя по отношению к отцу, упал на ложе.

Тем временем в далекой Китайской империи подобное приключилось с дочерью царя Газура, Властителя Островов и Морей и Владыки Семи Дворцов. Когда красота ее явила себя во всем великолепии, а молва о ней разнеслась по всем сопредельным странам, все цари стали слать к ее отцу гонцов и просили руки принцессы; отец говорил с ней об этом, но ей была ненавистна сама мысль о замужестве. «О мой отец, — отвечала она, — я не хочу замуж; ни в коей мере, ибо я женщина, наделенная верховной властью, и царица-властительница, вольная повелевать всякому. Зачем же мне это, чтобы мужчина стал повелевать мною». И чем больше она отвергала тех, кто искал ее руки, тем сильнее становилось их рвение, и все царственные особы — властители островов, лежащих в китайских пределах, посылали дары и редкостные подношения ее отцу, сопровождаемые посланиями, в коих просили ее руки. Поэтому он настаивал, вновь и вновь затевая разговоры о свадьбе; но она неизменно отвечала ему отказом, пока наконец в ярости не обратила к нему свой гневный взор и вскричала: «О мой отец, если ты хоть раз еще упомянешь при мне о замужестве, я уйду в свою комнату и возьму меч и, вонзив его рукоять в землю, нацелю его острие себе в живот; затем изо всех сил я ринусь вперед и буду падать, пока он не пронзит мою спину, и так я убью себя».

Когда царь услышал эти слова, свет погас в его глазах, и сердце его опалил огонь, ибо он боялся, как бы она не убила себя; и он был преисполнен смятения, не зная как ему быть с нею и со всеми

царственными искателями ее руки. И тогда он сказал ей: «Если уж тебе предопределено никогда не жениться и это непоправимо, тебе придется воздержаться от того, чтобы гулять где вздумается и выходить к людям». Затем он поместил ее в доме и закрыл в комнате, назначив десять старух в качестве нянек и соглядательниц, чтобы караулить ее, и запретил ей посещать Семь Дворцов. Более того, он уже не скрывал, что гневается на нее, и отправил послания всем царям, дав им знать, что она одержима безумием от руки Великого Джинна^[93].

Когда и герой и героиня, разделенные целым азиатским континентом, оба следуют путем отречения, воистину можно уповать лишь на чудо, дабы свершилось единение этой изначально обреченной четы. Где же искать ту силу, что способна разорвать заклятие отречения от жизни, разрешив негодование двух инфантильных отцов?

Ответ на этот вопрос — всегда один и тот же во всей мировой мифологии. Ибо, как настойчиво повторяется на священных страницах Корана: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного! Тебе мы поклоняемся и просим помочь!» Вся проблема сводится к тому, в чем состоит механизм этого чуда. И секрет этот откроется нам только на последующих страницах нашей *Тысяча и одной ночи*.

3. Сверхъестественное покровительство

Что же касается тех, кто не отверг зов, — первый, с кем им предстоит столкнуться в их героическом путешествии, представляет собой фигуру защитника (чаще всего это древняя старуха или старик), который должен снабдить путешественников амулетами против несокрушимой силы драконов, с которыми непременно пересечется их путь.

Восточноафриканские племена, например, вачага из Танганьики, рассказывают об очень бедном человеке по имени Къязимба, который отправился в путь в страну, где восходит солнце. Путешествие его было долгим и, изрядно устав, он остановился, устремив свой взгляд к горизонту, где ждала его страна, куда он держал свой путь, и тут он услышал, как у него за спиной кто-то приближается к нему. Он обернулся и увидел дряхлую старушонку. Она подошла и спросила, что он здесь делает. Когда он рассказал ей, она обернула его своим покрывалом и, оторвавшись вместе с ним от земли, поднялась прямо в небо, где полуденное солнце застыло в зените. Затем с чудовищным грохотом с востока появилось множество воинов, среди которых был Великий Вождь; он слез со своего быка и сел

пировать со своими подданными. Старуха попросила его помочь Къязимбе. Вождь благословил его и отправил домой. Далее говорится, что отныне он жил в достатке^[94].

Среди американских индейцев, населявших некогда юго-западные территории, излюбленным персонажем в роли заступника и благодетеля всегда была Женщина-Змея — чья-то бабка, маленькая женщина, живущая под землей. Боги войны навахо, близнецы, следуя священным путем к дому своего отца, Солнца, и едва успев покинуть свой дом, столкнулись с подобным удивительным маленьким созданием.

«Мальчики быстро шли по священному пути и вскоре после восхода солнца увидели дым, поднимающийся вверх. Они направились к месту, откуда шел дым и увидели, что он выходит из отверстия для дыма в подземном жилище. Из этого же отверстия выступала черная от дыма лестница. Заглянув вниз, внутрь жилища, они увидели старую женщину, Женщину-Паука, которая посмотрела на них и сказала: «Добро пожаловать, дети. Входите. Кто вы и откуда пришли?» Мальчики не ответили, но спустились по лестнице. Когда они добрались до пола, женщина снова обратилась к ним, спрашивая: «Куда вы направляетесь?» — «Никуда конкретно, — ответили они, — мы пришли сюда, потому что нам больше некуда было идти». Женщина задавала этот вопрос четыре раза и каждый раз получала один и тот же ответ. Тогда она сказала: «Может быть, вы хотели бы отыскать своего отца?» — «Да, — ответили дети, — если бы мы только знали дорогу к его жилищу». — «Ах!» — воскликнула женщина. — Путь к дому вашего отца, Солнца, долог и опасен. Множество чудищ обитает в тех местах, где проходит этот путь, и, возможно, когда вы попадете к отцу, он не обрадуется встрече с вами и накажет вас за то, что вы пришли. Вам придется пройти четыре опасных места: между скал, что обрушиваются на путника, сквозь камыш, что режет его на куски, мимо тростниковых кактусов, что разрывают его на части, и по зыбучим пескам, что засасывают его. Но я дам вам кое-что, что усмирит ваших врагов и сохранит вам жизнь». Она дала им амулет под названием «перо чужих богов», который представлял собой обруч с двумя перьями жизни (выдернутыми из живого орла) и еще одно перо жизни, чтобы сохранить им жизнь. Она также научила их магическому заклинанию, которое, если его произносить перед врагами,

смиряет их гнев: «Опусти свои ноги в пыльцу. Опусти свои руки в пыльцу. Опусти свою голову в пыльцу. И тогда твои ноги — пыльца; твои руки — пыльца; твоё тело — пыльца; твой ум — пыльца; твой голос — пыльца. Путь прекрасен. Будь спокоен»^[95].

Образы благожелательной старухи и сказочной крестной являются характерной чертой европейского сказочного фольклора; в христианских легендах о святых эту роль обычно играет Дева Мария. Дева Мария своим заступничеством может помочь снискать милость Отца. Женщина-Паук со своей паутиной может управлять движением Солнца. Герою, оказавшемуся под защитой Космической Матери, не может быть причинен вред. Нить Ариадны благополучно провела Тесея через опасности лабиринта. Это направляющая сила, которая выступает у Данте в женских образах Беатриче и Девы Марии и появляется в *Фаусте* Гете последовательно как Гретхен, Елена Троянская и Дева Мария. Пройдя через опасности Трёх Миров, к ней обращает свою молитву Данте.

Ты так властна, и мощь твоя такая,
Что было бы стремить без крыл полет —
Ждать милости, к тебе не прибегая.
Не только тем, кто просит, подает
Твоя забота помощь и спасенье,
Но просьбы исполняет наперед.
Ты — состраданье, ты — благоволенье,
Ты — всяческая щедрость, ты одна —
Всех совершенств душевных совмещенье!^[96]

Такой образ представляет благосклонную к нам, оберегающую силу судьбы. Он сулит нам, что блаженство Рая, которое впервые было познано в материнском лоне, не будет утеряно; что оно поддерживает настоящее и присутствует как в будущем, так и в прошлом (есть и омега, и альфа); что всемогущество лишь кажется утраченным с преодолением порогов и пробуждением к жизни — оберегающая сила всегда и при любых обстоятельствах присутствует в тайнике сердца и даже внутренне присуща этим незнакомым явлениям мира или стоит непосредственно за ними. Необходимо только знать и верить, и вечные ангелы-хранители появятся. Ответив на зов и продолжая смело следовать ему по мере того, как разворачиваются обстоятельства, герой обнаруживает на своей стороне все

силы бессознательного. Сама Мать Природа помогает выполнить великую задачу. И насколько свершение героя совпадает с тем, к чему готово само общество, настолько он представляется несущимся на гребне огромной волны исторического процесса. «Я ощущаю себя гонимым к какой-то цели, мне неведомой, — сказал Наполеон в начале русской кампании. — Как только я ее достигну, как только я стану больше не нужным, достаточно будет и атома, чтобы меня раздавить. До этого момента, однако, ни одна человеческая сила не способна сделать со мной что-либо»^[97].

Нередко сверхъестественный помощник выступает в мужском облике. В сказке это может быть некий маленький лесной человечек, некий чародей, отшельник, пастух или кузнец, появляющийся для того, чтобы дать амулет или совет, которые потребуются герою. Более высокоразвитые мифологии представляют в этой роли возвышенный образ наставника, учителя, паромщика, проводника душ в потусторонний мир. В классическом мифе — это Гермес-Меркурий; в египетском — как правило, Тот (бог-ибис, бог-бабуин); в христианском — Святой Дух^[98]. Гете в *Фаусте* представляет проводника-мужчину в образе Мефистофеля — и нередко подчеркивает опасную сторону этой «деятельной» фигуры; ибо Мефистофель увлекает невинные души в царство искушения. В изложении Данте эту роль играет Вергилий, который уступает ее Беатриче у порога Рая. Обороняющий и опасный, материнский и отцовский одновременно, этот сверхъестественный источник покровительства и руководства объединяет в себе все неопределенности бессознательного — и таким образом выражает поддержку нашей сознательной личности, которую ей оказывает эта другая, большая система, но вместе с тем выражает и непостижимость проводника, за которым мы следуем с риском для всех наших рациональных представлений^[99].

Обычно герой, которому является такой помощник, — один из тех, кто откликнулся на зов. Фактически зов — это первая весть о приближении этого иницилирующего жреца. Но даже перед теми, кто явно ожесточил свои сердца, может предстать сверхъестественный заступник; ибо как мы видели: «Аллах милостив и милосерден».

И так произошло, что совершенно случайно в древней заброшенной башне, где спал Камар аль-Заман, персидский принц, находился старый колодец^[100], в котором жила ифритка из племени Иблиса Проклятого, по имени Маймуна, дочь Аль-Димирайята, царя джиннов^[101]. Прошла первая треть ночи, и Камар аль-Заман продолжал спать. В это время Маймуна решила выбраться из колодца, намереваясь подняться к небесному своду,

чтобы тайком подслушать речи ангелов, но когда она поднялась к проему колодца, то, против обыкновения, заметила свет в башне. Удивившись, она поднялась выше и выбралась из колодца, и тогда она увидела ложе, а на нем фигуру человека с восковой свечой, горящей в изголовье, и фонарем в ногах. Она сложила свои крылья, подошла к кровати и, стянув покрывало, увидела лицо Камар аль-Замана. Целый час она простояла без движения в восхищении и изумлении. «Хвала Аллаху, — воскликнула она, придя в себя, — Господу миров, милостивому, милосердному», — ибо она была из правоверных джиннов.

Затем она поклялась себе, что не причинит Камар аль-Заману никакого вреда и испугалась, как бы его, отдыхающего в этом заброшенном месте, не убил кто-либо из ее родственников, маридов^[102]. Склонясь над ним, она поцеловала его меж глаз и накрыла его лицо покрывалом, спустя некоторое время она расправила крылья, взмыла в воздух и полетела вверх, пока не приблизилась к самому нижнему из небес.

И благодаря случаю или судьбе произошло так, что парящая в воздухе Маймуна вдруг услышала рядом с собой громкое трепетание крыльев. Направившись на звук, она обнаружила, что он доносится от ифрита по имени Дахнаш. И она устремилась на него вниз, как ястреб-перепелятник. Когда Дахнаш увидел ее и признал в ней дочь царя джиннов, Маймуну, то ужасно испугался, его бока задрожали, и он стал умолять ее о пощаде. Но она велела ему отвечать, откуда он явился в эту пору ночи. Он ответил, что возвращается с островов Внутреннего Моря земли китайской, владений царя Гяура, Владыки Островов и Морей и Семи Дворцов.

«Там, — сказал он, — я видел его дочь, красивее которой в отпущенное ей время не сотворил Аллах». И он пустился пышно восхвалять принцессу Будур.

«Ее нос, — сказал он, — как лезвие блестящего клинка, а щеки, как пурпурное вино или кроваво-красные анемоны, ее губы подобны кораллу и сиянью сердолика, а вкус ее уст слаще старого вина, он может погасить боль адского огня. Ее речи подвижны мудростью великой и остроумны, ее грудь — искушение для всех, кто видит ее (слава Ему, придавшему ей форму и доведшему до совершенства); ко всему этому прибавь две руки, гладкие и округлые, как сказал о ней поэт:

«Ее запястия и без браслетов
Сияют серебром из рукавов».

Восхваление красоты принцессы продолжилось, и, выслушав все это, Маймуна застыла в изумленном молчании. Дахнаш продолжил и описал могущественного царя, ее отца, его богатства и Семь Дворцов, а также всю историю отказа дочери выйти замуж. «И я, — сказал он, — о моя госпожа, каждую ночь отправляюсь к ней, дабы насытить свой взор созерцанием ее лица, и целую ее меж глаз, и из-за своей любви к ней я не могу причинить ей никакого вреда». Он предложил Маймуне слетать с ним в Китай и взглянуть на красоту, очарование и совершенство принцессы. «И после этого, если пожелаешь, — сказал он, — можешь наказать меня или сделать рабом своим, ибо в твоей воле карать и миловать».

Маймуна пришла в негодование от того, что кто-то осмелился так превозносить какое-то создание в мире после того, как она только что созерцала Камар аль-Замана. «Тьфу! Тьфу!» — вскричала она, рассмеялась и плюнула Дахнашу в лицо. «Поистине, сегодня ночью видела я юношу, — сказала она, — встретив которого, хоть даже и во сне, ты окаменел бы от восхищенья, и слюна потекла бы из твоего рта». И она описала то, что видела сама. Дахнаш усомнился, что кто-либо может быть красивее принцессы Будур, и Маймуна велела ему спуститься вместе с ней вниз и посмотреть самому.

«Слушаю и повинуюсь», — сказал Дахнаш.

И так они спустились вниз и оказались в башне. Маймуна подвела Дахнаша к постели и, протянув руку, откинула шелковое покрывало, скрывающее лицо Камар аль-Замана, и оно засверкало, заблестело, замерцало и засияло, как восходящее солнце. Она секунду смотрела на него, а затем обернулась к Дахнашу и сказала: «Смотри, о ненавистный, и не будь самым низким из безумцев, я дева, и все ж сердце мое он пленил».

«Клянусь Аллахом, о моя госпожа, тебя можно понять, — ответил он, — но есть иная сторона, которую следует принять во внимание, все дело в том, что достоянье женское отличается от мужского. Клянусь могуществом Аллаха, милый твоему сердцу принц из всех созданий сотворенных по красоте своей, очарованью, изяществу и совершенству более всего подобен моей возлюбленной; будто бы они были созданы по одним меркам красоты».

Свет померк в очах Маймуны, когда она услышала эти слова, и она с такой силой ударила крылом по голове Дахнаша, что чуть не лишила того жизни. «Я заклинаю тебя светом восхитительного обличья моей любви, о ненавистный, — приказала она, — сейчас же отправляйся и доставь сюда

свою возлюбленную, которую ты так нежно и безрассудно любишь, и возвращайся немедленно, чтобы мы смогли положить их вместе и посмотреть на них, спящих бок о бок; и тогда станет ясно, кто из них красивее и прекраснее».

Итак, благодаря чему-то происходящему в сфере, совершенно неосознаваемой принцем, судьба противящегося жизни Камар аль-Замана начала свершаться сама собою, без какого-либо вмешательства его сознательной воли^[103].

4. Преодоление первого порога

В сопровождении глашатаев своей судьбы, которые помогают ему и указывают путь, герой продвигается вперед в своем приключении до тех пор, пока не приходит к «стражу порога», стоящему у входа в царство, где правят некие высшие силы. Такие хранители оберегают мир с четырех сторон — а также сверху и снизу — они определяют границы настоящего или горизонт жизни героя. За ними тьма, неизвестное и опасность, так же как вне родительской опеки для ребенка лежит опасность, а вне защиты общества скрывается опасность для члена племени. Обычный человек более чем удовлетворен тем, что остается в пределах указанных границ, он даже гордится этим, и общественное мнение дает ему все основания опасаться малейшего шага в неизвестное. Так, моряков на кораблях Колумба, дерзнувших вырваться за горизонты средневекового разума — и выйти, как они считали, в безбрежный океан бессмертного бытия, окружающего космос подобно не имеющей ни начала ни конца мифологической змее, кусающей свой хвост^[104] — нужно было, как детей, подгонять вперед хитростью и убеждением, когда они боялись сказочных левиафанов, русалок, драконов и других чудищ пучины.

Народная мифология населяет вероломными и опасными существами все безлюдные места, находящиеся в стороне от обыденной жизни племени. Так, например, готтентоты описывают великана-людоеда, которого порой можно встретить среди кустарниковых зарослей и песков. Глаза у него размещены на подъеме стопы, поэтому, чтобы увидеть, что происходит, он должен опуститься на четвереньки и поднять вверх одну ногу. Тогда его глаз видит то, что происходит сзади; в остальное же время он постоянно обращен в небо. Этот монстр охотится на людей, которых разрывает в клочья своими страшными, длинными, как пальцы, зубами. Говорится также, что эти создания охотятся группами^[105]. Другое

призрачное существо готтентотов, Хай-ури, продвигается вперед, перепрыгивая через заросли кустов, вместо того чтобы обходить их^[106]. Опасное одноногое, однорукое и однобокое существо-получеловек — невидимое, если смотреть на него сбоку, встречается во многих частях земли. В Центральной Африке существует поверье, что такой получеловек говорит встретившему его следующее: «Раз мы встретились с тобой, то давай драться». Если его победить, он взмолится: «Не убивай меня. Я покажу тебе множество целебных средств», — и тогда удачливый человек становится искусным врачом. Но если побеждает получеловек (которого называют Чируви, «загадочное существо»), его жертва умирает^[107].

Области неизведанного (пустыня, джунгли, морские глубины, далекая земля и т. п.) являются открытым полем для проекции содержания бессознательного. Поэтому кровесмесительное *либидо* и отцеубийственное *деструдо* индивида и его общества отражаются в образах, предполагающих угрозу насилия и воображаемое опасное наслаждение — не только в фигурах великанов-людоедов, но и в виде сирен загадочно обольстительной, ностальгической красоты. Русским крестьянам, например, известны некие «дикие женщины» лесов, которые живут в горных пещерах, где ведут домашнее хозяйство, как обычные люди. Это статные женщины с крупной широкой головой, длинными косами и телом, покрытым волосами. Когда они бегут или кормят своих детей, то перебрасывают свои груди через плечо. Ходят они группами. С помощью притираний, приготовленных из корней лесных деревьев, они могут делаться невидимыми. Они норовят уморить плясками или защекотать до смерти каждого, кто в одиночку забредет в лес, и всякий, кто случайно оказался свидетелем их игрищ с танцами, которых нельзя видеть, умирает. С другой стороны, людям, которые оставляют для них еду, они жнут пшеницу, прядут, присматривают за их детьми и прибирают в доме; если девочка начешет конопли для их пряжи, они дают ей листья, которые превращаются в золото. Они с удовольствием берут себе в любовники людей, часто выходят замуж за деревенских юношей и слывут прекрасными женами. Но, как и все сверхъестественные супруги, они безо всякого следа исчезают, как только муж малейшим образом погрешит против их эксцентричных представлений о супружеском долге^[108].

Еще одним примером, иллюстрирующим связь опасного злого существа с элементом обольщения, является русский водяной. Он может искусно менять свой вид и по поверью топит людей, которые купаются в

полночь или в полдень. Бесприданниц или утонувших девушек он берет себе в жены. У него особый талант заманивать несчастных женщин в свои сети. Он любит танцевать лунными ночами. И всегда, когда его жена собирается рожать, он отправляется в деревню за повивальной бабкой. Но его можно распознать по воде, сочащейся из-под краев его одежды. Он лыс, имеет похожий на бочонок живот, одутловатые щеки, зеленую одежду и высокую шапку из камыша; но он может также появляться в образе привлекательного юноши или какого-нибудь хорошо известного в деревне человека. Водяной не так силен на берегу, но в своей стихии он не имеет равных себе. Он живет в глубинах рек и озер, предпочитая места поближе к водяным мельницам. На протяжении дня он прячется, как старая форель или лосось, но ночью всплывает на поверхность и плещется и бьется, как рыба, выгоняя свой подводный скот, овец и лошадей, пастись на берег, или же взбирается на верхушку колеса водяной мельницы и не спеша расчесывает свои зеленые волосы и бороду. Весной, просыпаясь от долгого сна, он разбивает лед вдоль реки, нагромождая огромные торосы. Он на потеху ломает колеса водяных мельниц. Но в хорошем расположении духа он гонит стаи рыб в сети рыбаков или предупреждает о приближающихся наводнениях. Повивальную бабку, которая следует за ним, он щедро одаривает золотом и серебром. Его прекрасные дочери, высокие, бледные и с оттенком печали, одетые в прозрачные зеленые платья, терзают и мучают утонувших. Они любят сидеть на ветвях деревьев и красиво поют^[109].

Аркадский бог Пан является самым известным классическим примером опасного создания, обитающего сразу же за пределами защищенной территории человеческого поселения. Его латинскими двойниками были Сильван и Фавн^[110]. Он изобрел пастушью свирель, на которой играл танцующим нимфам, а его спутниками были сатиры^[111]. У людей, случайно забредших в его владения, он вызывал чувство «панического» страха, внезапного беспричинного испуга. И тогда любая мелочь — треснувшая ветка, трепетание листа — наполняла разум воображаемой опасностью, и в безумном усилии избавиться от своего собственного разбуженного бессознательного жертва испускала дух в своем бегстве от ужаса. Однако Пан был милостив к тем, кто почитал его, и дарил им блага божественной природы: достаток фермерам, скотоводам и рыбакам, которые подносили ему свои первые плоды, и здоровье всем, кто должным образом относился к его святилищам исцеления. А также дарил он мудрость — мудрость Средоточия, Центра Мироздания; ибо преодоление порога является первым шагом в священную область

вселенского источника. На горе Ликаон пророчествовала нимфа Эрато, которую вдохновлял Пан, так же как Аполлон — предсказательницу в Дельфах. Плутарх приводит экстаз оргиастических обрядов Пана — наряду с исступлением Кибелы, вакхическим неистовством Диониса, поэтическим самозабвением, вдохновленным музами, военным безумием бога Ареса (Марса) и, самой неистовой из всех, безумной страстью любви — в качестве примера божественного «наития», что подавляет разум и высвобождает разрушительно-созидательные силы тьмы.

«Мне приснилось, — говорит женатый мужчина среднего возраста, — что я хочу попасть в удивительный сад. Но перед ним стоял сторож, который не разрешал мне войти. Я видел в саду мою приятельницу фройляйн Эльзу; она хотела протянуть мне руку над оградой. Но сторож помешал этому, он взял меня за руку и отвел домой. «Будьте благоразумны — в конце концов, — сказал он. — Вы же знаете, что не должны делать этого»^[112].

Это сновидение выявляет значение первого, или охраняющего аспекта стража порога. Лучше не бросать вызов надзирателю установленных границ. И все же, лишь переступив эти границы и пробудив другой, деструктивный аспект этой же силы, человек, живой или после смерти, переходит в новую область реального. На языке пигмеев Андаманских островов слово *oko-juti* («мечтатель», «тот, кто говорит из грез») обозначает тех глубоко уважаемых и внушающих страх индивидов, которые отличаются от своих соплеменников наличием сверхъестественных способностей, которые можно обрести, только встретившись с духами — непосредственно в джунглях, в необычном сновидении или через смерть и возврат к жизни^[113]. Всегда и повсюду приключение — это переход за завесу, отделяющую известное от неизвестного; силы, которые стоят на границе, опасны; иметь с ними дело — рискованно; однако перед всяким, кто обладает уверенностью и отвагой, эта опасность отступает.

[Рис. 4. Одиссей и сирены](#)

На островах Банкс (Новые Гебриды), если юноше, возвращающемуся ближе к закату с рыбалки на камнях, случается увидеть «девушку, голова которой увенчана цветами, подзывающую его со склона горы, мимо которой лежит его тропа, и он узнает в ней какую-то девушку из своей или соседней деревни, юноша в нерешительности останавливается и думает, что она, должно быть, *тае*^[114]; он вглядывается пристальнее и замечает, что ее локти и колени сгибаются не в ту сторону; это открывает ее подлинную сущность, и юноша убегает. Если ему удастся ударить искусительницу листом драконова дерева, та обретает свою собственную форму и змеей уползает прочь».

Но эти же самые змеи, что вызывают такой сильный страх, по поверью становятся близкими друзьями для тех, кто вступает с ними в сношения^[115]. С такими демонами, одновременно представляющими опасность и являющимися дарителями магической силы, предстоит встретиться каждому герою, который хотя бы на дюйм выходит за рамки своей традиции.

Два ярких восточных сюжета послужат нам для разъяснения неоднозначности этого сложного перехода и покажут, каким образом, несмотря на то что перед подлинной психологической готовностью все ужасы должны отступить, излишне дерзкого искателя приключений,

переоценившего свои силы, может постигнуть постыдное поражение.

Первая история — о проводнике каравана из Бенареса, который дерзнул повести свой богато нагруженный караван в пятьсот повозок в безводную пустыню демонов. Заранее зная о риске, он предусмотрительно погрузил на повозки огромные глиняные кувшины, наполненные водой, так что, здраво рассуждая, его шансы успешно совершить переход через пустыню, длиной не более шестидесяти лиг, были очень велики. Но когда он прошел половину пути, великан-людоед, обитавший в этой пустыне, подумал: «Я заставлю этих людей вылить ту воду, что они взяли с собой». И он сотворил чарующую взор повозку, запряженную молодыми чисто белыми бычками и с заляпанными грязью колесами, и появился с ней на пути у нашего каравана. Впереди него и позади него шагали демоны, составлявшие его свиту. Головы и одежды их были мокрыми, а сами они были обвешаны гирляндами белых и голубых водяных лилий, в руках несли букеты белых и красных цветов лотоса и жевали мясистые стебли водяных лилий, с которых стекали капельки воды и грязь. И когда караван и компания демона разошлись в стороны, чтобы уступить друг другу дорогу, великан-людоед дружески приветствовал проводника. «Куда вы направляетесь?» — вежливо спросил он. На что проводник каравана ответил: «Господин, мы идем из Бенареса. Но я вижу, что вы идете обвешанные голубыми и белыми водяными лилиями, с белыми и красными цветами лотоса в руках, жуete мясистые стебли водяных лилий, перепачканные грязью, и капли воды стекают с ваших одежд. Разве там, откуда вы держите путь, идет дождь? А озера сплошь покрыты голубыми и белыми водяными лилиями и красными и белыми цветами лотоса?»

И великан-людоед сказал: «Ты видишь эту темно-зеленую полосу деревьев? За ней одна сплошная масса воды, все время идет дождь; все рывины залиты водой; а повсюду озера, сплошь укрытые красными и белыми цветами лотоса». А затем, пока мимо него одна за другой проезжали повозки, он поинтересовался: «А какой же у вас товар в этой повозке, и вот в той? Последние идут очень тяжело; что же за товар на них?» «Там у нас вода», — ответил проводник. «Вы, конечно же, поступили разумно, взяв с собой воду; но теперь у вас нет причины обременять себя. Разбейте глиняные кувшины на куски, вылейте воду, идите налегке». Великан-людоед отправился своей дорогой, а скрывшись из виду, сразу вернулся в свой город людоедов.

А безрассудный проводник каравана по своей собственной глупости внял совету людоеда, разбил глиняные кувшины и направил повозки вперед. А впереди не было ни капельки воды. Его люди изнывали от

жажды. Они двигались до заката солнца, а затем распрягли повозки, поставили их в круг, а быков привязали к колесам. Не было ни воды для быков, ни жидкой овсянки, ни вареного риса для людей. Обессилевшие люди попадали кто где придется и уснули. В полночь из своего города пришли великаны-людоеды, поубивали всех до единого быков и людей, обглодали их мясо, оставив одни лишь голые кости, после чего удалились. Кости людей и животных остались лежать, разбросанные на все стороны света, а пять сотен повозок стояли полными и нетронутыми^[116].

Вторая история несколько иного плана. Она повествует о юном принце, который только что закончил обучение военному искусству у всемирно известного учителя. Получив в качестве знака отличия титул Принца Пяти Оружий, он принял от своего учителя пять видов оружия, поклонился и вооруженный таким образом зашагал по дороге, ведущей в город его отца, царя. На его пути находился некий лес. Люди предостерегли принца. «Господин, не входите в этот лес, — сказали они, — в нем живет великан-людоед по имени Липкие Волосы; он убивает всех, кого увидит».

Но принц был самоуверен и бесстрашен, как гривастый лев. Он вошел в лес, невзирая ни на что. Когда он добрался до его середины, показался сам великан-людоед. Он вырос перед принцем внезапно, ростом с пальмовое дерево, а голову себе он сделал такую большую, как летний домик с колоколообразной крышей, с глазами огромным, как жертвенные чаши, и с двумя клыками, такими большими, как гигантские луковицы или почки; у него был ястребиный клюв; брюхо его было покрыто пятнами; руки и ноги его были темно-зеленого цвета. «Куда ты направляешься? — грозно спросил он. — Остановись! Ты моя добыча!».

Принц Пяти Оружий ответил безо всякого страха, с большой уверенностью в своем умении и мастерстве, каким он недавно обучился. «Людоед, — сказал он, — я знал, что делаю, когда вошел в этот лес. Подумай хорошо, прежде чем нападать на меня; ибо моя ядовитая стрела пронзит твою плоть, и ты упадешь, не сойдя с места!»

Пригрозив таким образом людоеду, молодой принц вложил в свой лук стрелу, пропитанную ядом, и выпустил ее. Она прилипла прямо к волосам людоеда. Тогда принц одну за другой выпустил в него пятьдесят стрел. И все они прилипли прямо к волосам людоеда; тот стряхнул их все до единой, и они попадали к его ногам, а сам он приблизился к молодому принцу.

Принц Пяти Оружий пригрозил великану-людоеду во второй раз и, вытащив свой меч, нанес ему мастерский удар. Меч, длиной в тридцать три дюйма, прилип прямо к волосам людоеда. Тогда принц ударил его копьем. Но и оно прилипло к волосам людоеда. Увидев это, принц ударил людоеда

булавой, которая также прилипла к волосам людоеда.

Увидев, что и булава прилипла, принц сказал: «Господин людоед, ты никогда прежде не слышал обо мне. Я Принц Пяти Оружий. Когда я вошел в этот лес, в котором ты обитаешь, я надеялся не на лук и подобное оружие; когда я вошел в этот лес, я надеялся лишь на себя. И сейчас я разобью тебя и сотру тебя в прах!» Заявив так о своей решимости, с громким криком он ударил людоеда правой рукой. И его рука прилипла прямо к волосам людоеда. Он ударил его левой рукой. Но и она прилипла. Он ударил правой ногой. Она также прилипла. Он ударил левой ногой, но и она прилипла. Тогда принц подумал: «Я разобью его своей головой и сотру его в прах!» И он ударил великана головой. Но и она также прилипла прямо к волосам людоеда^[117].

Принц Пяти Оружий попал в ловушку пять раз и, прочно прилипнув пятью частями тела, свисал с великана-людоеда. Но, невзирая на все, он не утратил отваги. Что ж до великана-людоеда, то он подумал: «Это непростой человек, это человек благородного происхождения, это лев, а не человек! Ибо, хотя такой великан-людоед, как я, поймал его, он не дрожит и не трясется! За все время, что я поджидаю путников на этой дороге, мне еще никогда не встречался человек, подобный ему! Почему, скажите на милость, он не боится?» Не отваживаясь съесть принца, он спросил: «Юноша, почему ты не боишься? Почему ты не дрожишь от страха смерти?»

«А почему, людоед, я должен бояться? Ведь всякая жизнь неизменно имеет свой конец. Да кроме всего, в животе у меня еще одно оружие — удар молнии. Если ты съешь меня, то это оружие переварить не сможешь. Оно разорвет твои внутренности на куски и клочья и убьет тебя. В этом случае мы погибнем оба. Вот почему я не боюсь!»

Читатель должен понимать, что Принц Пяти Оружий имел в виду Оружие Знания, которое было в нем. В действительности этот молодой герой был не кто иной, как Будущий Будда в своем предшествующем воплощении^[118]. «Этот юноша говорит правду, — подумал людоед, охваченный ужасом перед смертью. — Мой желудок не сможет переварить даже такого маленького, как фасолина, кусочка плоти этого человека-льва. Я отпущу его!» И он отпустил Принца Пяти Оружий. Будущий Будда изложил ему Учение, покори́л его, убедил пожертвовать своими интересами, а затем превратил в духа, имеющего право принимать подношения в лесу. Напомнив великану-людоеду, что он должен быть внимательным, юноша покинул лес и, едва выйдя из него, рассказал всю

эту историю людям; после чего отправился своей дорогой^[119].

Символизируя собой мир, к которому нас привязывают пять органов чувств и от которого невозможно отрешиться действиями физических органов, великан-людоед был покорен лишь тогда, когда Будущий Будда, оставшись без защиты пяти оружий своего преходящего титула и физической природы, прибегнул к не имеющему названия, невидимому шестому: божественному удару молнии знания трансцендентного закона, который лежит вне воспринимаемой чувствами сферы имен и форм. И сразу же ситуация изменилась. Он оказался уже не пойманным, а освобожденным; и теперь он воспринимал себя навеки свободным. Сила монстра из чувственного мира явлений была развеяна, а сам он встал на путь самоотречения. Отрекшись от своих интересов, он приобщился к божественному — стал духом, имеющим право принимать подношения — как и сам мир, если его осознавать не как что-то конечное, а просто как имя и форму того, что превосходит и в то же самое время присуще всем именам и формам.

«Стены Рая», скрывающие Бога от человеческого взора, Николай Кузанский описывает как «совпадение противоположностей», а его ворота охраняются «высочайшим духом разума, который не даст войти, пока не одолеешь его»^[120]. Пары противоположностей (бытие и небытие, жизнь и смерть, красота и уродство, добро и зло и все остальные полярности, что подчиняют чувства надежде и страху, а органы действия — самозащите и захвату) — это те же сталкивающиеся скалы, Симплегады, которые грозят неминуемой смертью путникам, но между ними всегда проходят герои. Эта тема известна во всем мире. У греков это были два скалистых островка в Черном море, которые сталкивались вплотную как будто под властью шторма, но Ясон на «Арго» проплыл между ними, и с тех пор они стоят в отдалении друг от друга^[121]. Близнецы из легенды навахо были предупреждены о подобной опасности Женщиной-Пауком; однако защищенные цветочной пылью, символом пути, и перьями, выдернутыми из живого орла, птицы солнца, они смогли продолжить свой путь^[122].

Как дым жертвоприношения поднимается к небу через солнечную дверь, так и герой, освободившийся от эго, проходит сквозь стены мира, свое эго он оставляет в волосах великана-людоеда, сам же идет дальше.

5. Во чреве кита

Идея о том, что преодоление магического порога является переходом в

сферу возрождения, символически представлена распространенным образом лона как чрева кита. Герой, вместо того чтобы покорить или умиловить силу, охраняющую порог, бывает проглочен и попадает в неизвестное, представляясь умершим.

Быстро выскочил всем телом
На сверкающую воду
И своей гигантской пастью
Поглотил в одно мгновенье
Гайавату и пирогу^[123].

Эскимосы, живущие на берегах Берингова пролива, рассказывают о герое-хитреце Вороне: однажды, сидя на берегу и просушивая свою одежду, он увидел самку кита, степенно приближающуюся к берегу. Он закричал: «Дорогая, в следующий раз, когда вынырнешь, чтобы глотнуть воздуха, открой рот и закрой глаза». Затем он быстро облачился вороном, собрал палочки для разведения огня и взлетел над водой. Самка кита вынырнула на поверхность. Она сделала так, как ей сказали. Ворон устремился через ее раздвинутые челюсти прямо в утробу. Пораженная самка кита защелкнула челюсти и издала трубный звук; Ворон внутри нее встал на ноги и огляделся вокруг^[124].

У зулусов есть история о двух детях и их матери, проглоченных слоном. Когда женщина попала в желудок животного, «она увидела огромные леса и большие реки и много возвышенностей; с одной стороны располагалось множество скал; еще было много людей, построивших там свою деревню; и много собак, и много скота; все это было внутри слона»^[125].

Ирландский герой Финн МакКул был проглочен чудовищем неопределенной формы, известным в кельтском мире как *peist*. Маленькую немецкую девочку Красную Шапочку проглотил волк. Любимого героя полинезийцев, Мауи, проглотила его прапрабабушка Хайн-нуи-те-по. И весь греческий пантеон, исключая лишь Зевса, был проглочен их отцом Кроносом.

Греческий герой Геракл, остановившийся в Трое на пути домой с поясом царицы Амазонок, узнает, что городу не дает покоя чудовище, посланное морским богом Посейдоном. Зверь выходил на берег и пожирал людей. В качестве искупительной жертвы царь велел приковать к морским скалам свою дочь, прекрасную Гесиону, и замечательный герой согласился

спасти ее за вознаграждение. В должное время чудовище всплыло на поверхность моря и разверзло свою огромную пасть. Геракл бросился в его глотку, прорубил себе путь через его брюхо и вышел из мертвой твари целый и невредимый.

Этот распространенный сюжет подчеркивает, что переход порога является формой самоуничтожения. Сходство с темой Симплегад очевидно. Но здесь, вместо того чтобы выходить наружу, за рамки видимого мира, герой, чтобы родиться заново, отправляется вовнутрь. Исчезновение соответствует вхождению верующего в храм — где он вспоминает, кем и чем является, а именно: прахом и пылью — если, конечно, он не бессмертен. Внутренность храма, чрево кита и божественная земля за пределами мира — одно и то же. Поэтому подходы и входы в храмы защищены огромными фантастическими фигурами, расположенными по обе стороны: драконами, львами, разителями дьявола с обнаженными мечами, злобными карликами и крылатыми быками. Это хранители порога, призванные отгонять всякого, кто не готов встретиться с высшим безмолвием внутри. Это — предварительные ипостаси опасного аспекта духа, соответствующие мифологическим великанам-людоедам на границе привычного мира или же двум рядам зубов кита. Они иллюстрируют тот факт, что истово верующий в момент входа в храм претерпевает преобразование. Его мирская природа остается снаружи; он сбрасывает ее, как змея кожу. Находясь внутри, он, можно сказать, умирает по отношению ко времени и возвращается в Лоно Мира, к Центру Мироздания, в Земной Рай. Тот факт, что любой может физически пройти мимо стражей храма, не умаляет их значения; ибо если самозванец не способен прикоснуться к святой святых, значит по сути он остался снаружи. Всякий, кто не способен понять бога, видит в нем дьявола, и потому не допускается к нему. Таким образом, аллегорически вхождение в храм и прыжок героя в пасть кита являются тождественными событиями, одинаково обозначающими на языке образов «центростремительное» и обновляющее жизнь действие.

«Ни одно существо, — пишет Ананда Кумарасвами, — не может достичь высшего уровня Бытия не прекратив своего существования»^[126]. Действительно, физическое тело героя на самом деле может быть умерщвлено, расчленено и разбросано по земле или над морем — как в египетском мифе о спасителе Осирисе: он был помещен в саркофаг и брошен в Нил своим братом Сетом^[127], а когда вернулся из мертвых, брат убил его снова, разорвал тело на четырнадцать частей, и разбросал их по всей земле. Воинственные близнецы-герои навахо должны были пройти не

только между сталкивающимися скалами, но и сквозь камыш, что режет путника на куски, и мимо тростниковых кактусов, что разрывают его на части, и по зыбучим пескам, что засасывают его. Герой, чья привязанность к эго уже уничтожена, переступает границы мира и возвращается обратно, попадает в дракона и выходит из него так же легко, как царь переступает порог покоев своего дворца. И в этом заключается его способность спасать; так как его переход и возвращение демонстрируют, что за всеми противоречиями феноменального мира остается Несотворенное и Нетленное и что бояться нечего.

И так происходит по всему миру — люди, чья функция заключалась в том, чтобы сделать оплодотворяющую жизнь мистерию убиения дракона очевидной, свершали над своими телами великий символический акт — разбрасывание своей плоти, подобно телу Осириса, ради обновления мира. Во Фригии, например, в честь умерщвленного и воскресшего спасителя Аттиса двадцать второго марта срубали сосну и приносили ее в храм Великой матери, Кибелы. Там ее, подобно телу умершего, обматывали лентами и убирали фиалковыми венками. К середине ствола привязывали изображение юноши. На следующий день происходило церемониальное оплакивание под звуки труб. Двадцать четвертое марта было известно как День Крови — верховный жрец пускал кровь из своих рук, которую подносил как жертвоприношение; жрецы низшего ранга кружились в ритуальном танце под звуки барабанов, горнов, флейт и цимбал до тех пор, пока не впадали в экстаз, они кололи ножами свои тела, орошая кровью алтарь и дерево; а новообращенные, подражая богу, смерть и воскрешение которого они праздновали, кастрировали себя и падали без чувств^[128].

И точно так же царек Куилакары, одной из южных провинций Индии, по завершении двенадцатого года своего правления, в день торжественного праздника, велит возвести деревянные подмости и задрапировать их шелком. Совершив ритуальное омовение в бассейне, с пышными церемониями, под звуки музыки, он затем отправляется в храм, где совершает богослужение. После чего перед всем народом он восходит на помост и, взяв в руки несколько очень острых ножей, начинает отрезать нос, уши, губы и остальные мягкие части тела. Он разбрасывает вокруг куски своего тела, пока не начинает терять сознание от пролитой крови, и тогда в завершение он перерезает себе горло^[129].

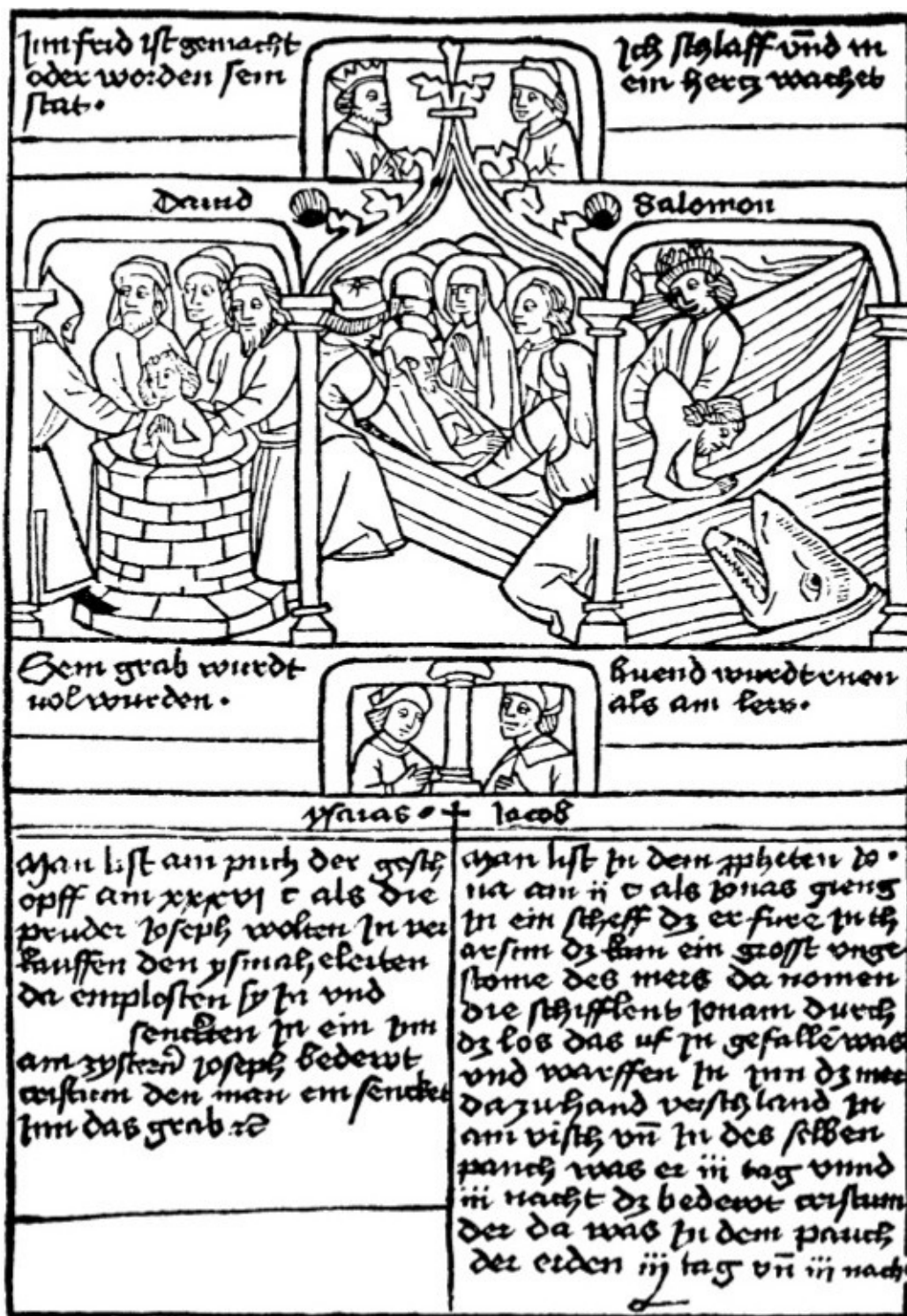

Рис. 5. Поездка по ночному морю. Иосиф в колоде. Погребение Христа.
Иона и Кит

Глава II. Инициация

1. Путь испытаний

Перейдя через порог, герой оказывается в фантастической стране с удивительно изменчивыми, неоднозначными очертаниями, где ему предстоит пройти ряд испытаний. Это излюбленная часть мифа-приключения. Она составила целый мир литературы об удивительных странствиях, состязаниях и судилищах. Герою неявно помогает советом, амулетами и тайными силами сверхъестественный помощник, которого он встречает перед входом в эту страну. Или же может быть так, что о существовании милосердной силы, всюду помогающей ему в этом сверхчеловеческом переходе, он впервые узнает только здесь.

Одним из наиболее известных и самых очаровательных примеров темы «трудного испытания» является поиск Психеей своего пропавшего возлюбленного, Купидона^[130]. Здесь все главные роли поменялись местами: вместо влюбленного, стремящегося завоевать невесту, как раз сама невеста стремится найти своего возлюбленного; и вместо жестокого отца, не пускающего дочь к ее возлюбленному, здесь ревнивая мать, Венера, скрывает своего сына, Купидона, от его невесты. Когда Психея обратилась с мольбой к Венере, богиня схватила ее за волосы и сильно ударила головой о землю, затем взяла целую гору пшеницы, ячменя, проса, семян мака, гороха, чечевицы и бобов, смешала все это и велела девушке перебрать до наступления ночи. Психее помогла целая армия муравьев. Затем Венера велела ей настричь золотой шерсти опасных диких овец с острыми рогами и ядовитыми зубами, которые паслись в недоступной лесной чаще. Но зеленый тростник научил Психею, как собрать в тростниковых зарослях клочья золотой шерсти, которые овцы оставляли на своем пути. Теперь богиня потребовала принести воды из ледяного ключа, бьющего на вершине высокой скалы, охраняемой недремлющим драконом. Это трудное задание выполнил за Психею орел. И наконец ей было велено принести из самой преисподней шкатулку сверхъестественной красоты. Но высокий заступник научил ее, как спуститься в подземный мир, дал ей монеты для Харона и приманку для Цербера и ускорил ее путь.

Путешествие Психеи в потусторонний мир является всего лишь одним из подобных бесчисленных путешествий бесчисленных героев сказок и мифов. Самыми опасными из них являются походы шаманов у народов

Крайнего Севера (саамов, жителей Сибири, эскимосов и некоторых племен американских индейцев), когда они отправляются на поиски потерявшейся или похищенной души больного соплеменника, чтобы вернуть ее обратно. Сибирские шаманы для такого путешествия облачаются в магические одежды, изображающие птицу или оленя, постоянного спутника шамана, образ его души. Его барабан представляет его животное — орла, оленя или лошадь; считается, что он летает или ездит верхом на нем. Другим его вспомогательным инструментом является шест, который он носит с собой. Ему также прислуживает целая армия невидимых духов, его приближенных.

Один из ранних путешественников, побывавших у саамов, оставил нам яркое описание причудливого исполнения обряда одним из этих странных эмиссаров, имеющих доступ в царство мертвых^[131]. Так как иной мир (тот свет) — это мир вечной ночи, то обряд шамана должен происходить после наступления темноты. В тускло освещаемом мерцающим огнем жилище заболевшего человека собираются его друзья и соседи и внимательно наблюдают за жестами колдуна. Сперва он вызывает духов-помощников, те появляются, невидимые для всех, кроме самого шамана. Две женщины в церемониальных нарядах, но без поясов и с льняными капюшонами на головах, мужчина без пояса или капюшона и не достигшая зрелости девочка помогают шаману. Тот обнажает свою голову, развязывает пояс и шнурки на обуви, закрывает лицо ладонями и начинает кружиться. Внезапно, отчаянно жестикулируя, он кричит: «Запрягите оленя! Подготовьте его в дорогу!» Схватив топор, он начинает ударять себя им по коленям и замахиваться в направлении женщин. Он голыми руками вытаскивает из костра горящие поленья, три раза обегает вокруг каждой из женщин и, в конце концов, падает на землю, «как мертвый». На протяжении всего этого времени никому не разрешается дотрагиваться до него. Пока он лежит в трансе, за ним нужно наблюдать настолько внимательно, чтобы даже муха не могла сесть на него. Его дух покинул его и осматривает священные горы, на которых обитают боги. Женщины-помощницы перешептываются друг с другом, пытаясь угадать, в какой части иного мира он может сейчас находиться^[132]. Если они правильно определяют, на какой горе находится шаман, он двигает рукой или ногой. Наконец он начинает возвращаться. Тихим, слабым голосом он произносит несколько слов, услышанных в потустороннем мире. Затем женщины начинают петь. Шаман медленно пробуждается, называет причину болезни и то жертвоприношение, что требуется совершить. Затем он объявляет,

сколько времени потребуется для выздоровления больного.

«Во время своего утомительного путешествия, — пишет другой наблюдатель, — шаману приходится встречаться с рядом препятствий (*pudak*), которые ему следует преодолеть и с которыми не всегда можно легко справиться. Пройдя через темный лес и широкую горную гряду, где он иногда натывается на кости других шаманов и их верховых животных, погибших в пути, шаман достигает дыры в земле. Теперь, когда перед ним открываются глубины потустороннего мира с его удивительными явлениями, начинается самый сложный этап приключения... Задоблив стражей царства мертвых и преодолев многочисленные опасности, он наконец приходит к Владыке Преисподней, самому Эрлику. И последний с ужасным ревом бросается на него; но если шаман достаточно искусен, то ему удастся успокоить чудовище и обещаниями роскошных подношений заставить отступить. Этот момент диалога с Эрликом является критическим моментом обряда. Шаман впадает в экстатическое состояние»^[133].

«В каждом примитивном племени, — пишет Геза Рохейм, — мы находим в центре общины знахаря-шамана, и нетрудно показать, что этот знахарь является либо невротиком, либо психотиком, или что, по крайней мере, в основе его мастерства лежат процессы, которые характерны для невроза и психоза. Человеческие группы приводятся в действие своими групповыми идеалами, а они всегда коренятся в инфантильных ситуациях»^[134]. «Ситуация младенчества модифицируется или претерпевает инверсию в процессе созревания, снова модифицируется в связи с необходимостью приспособления к реальности, и все же она не исчезает совсем и задает те незримые либидозные связи, без которых не может существовать ни одна человеческая группа»^[135]. Таким образом, знахари просто делают явственными и открытыми для всех фантастические символы, которые присутствуют в психике каждого взрослого члена их общины. «Они являются лидерами в этой инфантильной игре и громоотводами общей тревоги. Они сражаются с демонами, для того чтобы остальные могли охотиться за своей добычей и в целом бороться с реальностью»^[136].

Итак, получается, что если кто-либо — в каком-либо обществе — предпринимает опасное путешествие во тьму, намеренно или ненамеренно нисходя в извилистые закоулки своего собственного духовного лабиринта,

он скоро оказывается в стране символических образов (любой из которых может его поглотить), которая не менее удивительна, чем дикий мир сибирских священных гор и препятствий инициации. В терминологии мистиков это вторая стадия Пути, стадия «очищения Самости», когда чувства «очищаются и смиряются», а энергии и влечения «сосредоточиваются на трансцендентных вещах»^[137]; или, говоря более современным языком, это процесс разложения, преодоления или преобразования инфантильных образов нашего собственного прошлого. Каждую ночь в наших сновидениях мы все так же встречаемся с вечными опасностями, фантастическими существами, испытаниями, таинственными помощниками и фигурами наставников; в их облике нам представляется не только вся картина настоящего, но также и ключ к тому, что мы должны сделать, чтобы спастись.

«Я стоял перед темной пещерой, — рассказывает о своем сновидении в начале курса психоанализа один пациент, — и содрогался от мысли, что не смогу найти дорогу обратно»^[138]. «Я видел одного зверя за другим, — записал в своей книге сновидений Эмануэль Сведенборг виденное им в ночь с 19 на 20 октября 1744 г., — они расправили свои крылья, и оказалось, что это драконы. Я летел над ними, но один из них поддерживал меня»^[139]. А столетие спустя (13 апреля 1844 г.) драматург Фридрих Геббель написал: «Во сне меня с огромной силой несло по морю; кругом были ужасные бездны, и то там, то здесь встречались скалы, за которые можно было ухватиться»^[140]. Фемистоклу приснилось, что дракон обвил его тело, затем приблизился к шее, а когда коснулся лица, то превратился в орла, который схватил его когтями, поднял вверх, перенес на значительное расстояние и опустил на внезапно появившийся золотой кадуцей, причем так благополучно, что он сразу же избавился ото всех своих больших тревог и страхов^[141].

Специфические психологические проблемы человека очень часто с трогательной простотой и силой раскрываются в сновидении: «Я должен был взобраться на гору. На пути было множество разного рода препятствий. Мне приходилось то перепрыгивать через канаву, то пробираться через густой кустарник, и наконец я вынужден был остановиться, потому что у меня перехватило дыхание». Это сновидение заики^[142].

«Я стояла у озера, которое казалось совершенно спокойным. Внезапно налетела буря, поднялись высокие волны, так что все мое лицо забрызгало водой». Это сновидение девушки, которая боялась краснеть (эрейтофобия),

когда она краснела, ее лицо покрывалось испариной^[143].

«Я следовал за девушкой, которая шла впереди меня по темной улице. Я мог видеть ее только сзади и восхищался ее великолепной фигурой. Меня охватило страстное желание, и я побежал за ней. Внезапно луч света, будто бы отпущенный пружиной, пересек улицу и преградил мне путь. Я проснулся с колотящимся сердцем». Этот пациент гомосексуалист; пересекающий луч является фаллическим символом^[144].

«Я сел в машину, но не знал, как ею управлять. Сидящий за мной человек давал мне указания. Наконец все наладилось, и мы приехали на площадь, где стояло много женщин. Мать моей невесты приветствовала меня с огромной радостью». Этот мужчина был импотентом, но нашел в психоаналитике своего учителя^[145].

«Камень разбил лобовое стекло моего автомобиля. Теперь я была открыта ветру и дождю. И я заплакала. Доберусь ли я когда-нибудь до нужного места на этом автомобиле?» Этот сон приснился девушке, которая потеряла свою девственность, и это ее беспокоило^[146].

«Я увидел, что на земле лежит половина лошади. У нее была только одна передняя нога, она пыталась встать, но ей это не удавалось». Этот пациент поэт, которому приходилось зарабатывать на жизнь, работая журналистом^[147].

«Меня укусил ребенок». Этот сон приснился человеку, страдающему психосексуальным инфантилизмом^[148].

«Я оказался заперт в темной комнате вместе со своим братом. У него в руке был большой нож. «Ты сведешь меня с ума и доведешь до сумасшедшего дома», — сказал я ему. Он рассмеялся со злобным удовлетворением, отвечая: «Ты никуда не денешься от меня. Нас сковывает цепь». Я посмотрел на свои ноги и впервые заметил, что меня с братом сковывала толстая железная цепь». Брат, комментирует Штекель, репрезентирует болезнь пациента^[149].

«Я иду по узкому мостику, — снится шестнадцатилетней девушке, — внезапно он ломается подо мной, и я падаю в воду. За мной ныряет полицейский и крепкими руками вытаскивает на берег. И тут мне неожиданно кажется, что я мертва. И полицейский тоже выглядит очень бледным, как мертвец»^[150].

«Человеку снится, что он оказывается абсолютно покинут и одинок в глубоком подвале. Стены помещения, в котором он находится, становятся все уже и уже, так что он не может шевельнуться». В этой картине сочетаются идеи материнского лона, заточения, тюремной камеры и

могилы^[151].

«Мне снится, что я должен пройти через бесконечные коридоры. Затем я долгое время остаюсь в маленькой комнатке, которая выглядит, как бассейн, какие бывают в банях. Меня заставляют оставить бассейн, и я должен пройти через мокрый, скользкий, узкий коридор, после чего я выхожу через маленькую решетчатую дверь наружу. Я чувствую себя как заново рожденный и думаю: “Это означает для меня духовное возрождение благодаря психоанализу”»^[152].

Не может быть никакого сомнения в том, что психологические проблемы, которые предшествующие поколения решали с помощью символов и ритуалов своего мифологического и религиозного наследия, сегодня мы (поскольку являемся неверующими, а если и верующими, то унаследованные нами верования не в состоянии отражать реальные проблемы современной жизни) должны решать самостоятельно или, в лучшем случае, лишь с пробным, импровизированным и зачастую не очень эффективным направляющим руководством. В этом наша проблема как современных, «просвещенных» индивидуумов, для которых вследствие рационализма все боги и демоны перестали существовать^[153]. Тем не менее в том множестве мифов и легенд, что дошли до нас и собраны со всех уголков земли, мы по-прежнему способны узреть в расплывчатых очертаниях нечто такое, чем отмечен и наш человеческий путь. Однако для того чтобы внять и последовать ему, человек должен каким-то образом пройти очищение и отречение. И наша проблема отчасти состоит в том, как это сделать. «Или вы думали, что войдете в рай, когда вам еще не пришло подобное тому, что пришло к прошедшим до вас?»^[154]

Самым древним из дошедших до нас повествований о прохождении через ворота метаморфоз является шумерский миф о нисхождении богини Инанны в преисподнюю.

С Великих Небес к Великим Недрам
Помыслы обратила.
Богиня с Великих Небес к Великим Недрам
Помыслы обратила.
Инанна с Великих Небес к Великим Недрам
Помыслы обратила.
Моя госпожа покинула небо, покинула землю,
В нутро земное она уходит.
Инанна покинула небо, покинула землю,

В нутро земное она уходит.
Жреца власть покинула, власть жрицы покинула,
В нутро земное она уходит [\[155\]](#).

Она облачилась в свои королевские одежды и драгоценные камни. Семь божественных повелений пристегнула она к своему поясу. Она была готова войти в «страну, из которой нет возврата», в потусторонний мир смерти и тьмы, где правит ее сестра и ее враг, богиня Эрешкигаль. Опасаясь, что сестра может убить ее, Инанна велела Ниншубуру, своему посланнику, в том случае, если она не вернется через три дня, отправиться на небо и бить тревогу в месте, где собираются боги.

И Инанна спустилась вниз. Она пришла к замку из лазурита, у ворот которого ее встретил главный привратник, который спросил, кто она и зачем пришла. «Я царица небес, места, где восходит солнце», — ответила она. «Если ты царица небес, — сказал привратник, — места, где восходит солнце, то скажи на милость, зачем пришла ты в страну, из которой нет возврата? Как сердце твое привело тебя на дорогу, на которой путнику нет возврата?» Инанна заявила, что она пришла, чтобы присутствовать на церемонии похорон мужа своей сестры, господина Гугальанны, после чего Нети, привратник, попросил ее подождать, пока он не доложит Эрешкигаль. Нети было велено отворить перед царицей небес семь ворот, но придерживаться установленного обычая и у каждого входа снимать часть ее одежды.

Светлой Инанне молвит так:
«Войди же, Инанна!»
И у нее, когда вошла,
Венец Эдена, Шугур, снял с головы.
«Что это, что?»
«Смирись, Инанна, всеильны законы подземного мира!
Инанна, во время подземных обрядов молчи!»
И когда вошла во вторые врата,
Знаки владычества и суда у нее отобрал.
«Что это, что?»
«Смирись, Инанна, всеильны законы подземного мира!
Инанна, во время подземных обрядов молчи!»
И когда вошла она в третьи врата,
Ожерелье лазурное с шеи снял.

«Что это, что?»
«Смирись, Инанна, всеильны законы подземного мира!
Инанна, во время подземных обрядов молчи!»
И когда в четвертые вошла врата,
Двойную подвеску с груди ее снял.
«Что это, что?»
«Смирись, Инанна, всеильны законы подземного мира!
Инанна, во время подземных обрядов молчи!»
И когда в пятые вошла врата,
Золотые запястья с рук ее снял.
«Что это, что?»
«Смирись, Инанна, всеильны законы подземного мира!
Инанна, во время подземных обрядов молчи!»
И когда в шестые вошла врата,
Сетку «Ко мне, мужчина, ко мне» с груди ее снял.
«Что это, что?»
«Смирись, Инания, всеильны законы подземного мира!
Инанна, во время подземных обрядов молчи!»
И когда в седьмые вошла врата,
Повязку, одеянье владычиц, с бедер снял.
«Что это, что?»
«Смирись, Инанна, всеильны законы подземного мира!
Инанна, во время подземных обрядов молчи!»

Обнаженную ее подвели к трону. Она низко поклонилась. Перед тронем Эрешкигаль сидели семь судей преисподней, Ануннаков, устремив взгляды на Инанну — взгляды смерти.

Крик издала — проклятья крик!
Ту, что вошла, обратила в труп.
Труп повесила на крюк^[156].

Инанна и Эрешкигаль, две сестры, свет и тьма, согласно древнему способу символизации, вместе представляют одну богиню в двух ее ипостасях; и их конфронтация резюмирует всю суть трудной дороги испытаний. Герой, будь то бог или богиня, мужчина или женщина, персонаж мифа или человек, наблюдающий за собой во сне, обнаруживает

и ассимилирует свою противоположность (свою собственную ранее неизвестную самость), либо проглатывая ее, либо будучи проглочен ею. Один за другим барьеры сопротивления разбиваются. Он должен отречься от своего достоинства, добродетели, красоты и жизни и подчиниться или покориться абсолютно невыносимому. Тогда он обнаруживает, что он и его противоположность не разнородны, а есть одна плоть ^[157].

Тяжелое испытание является углублением проблемы первого порога, когда все еще не решен вопрос: может ли эго предать себя смерти? Ибо эта неотступная Гидра многоголова; отрубишь одну голову — появятся две новые, если не прижечь обрубок надлежащим образом. Исход в страну испытаний представляет только лишь начало долгого и действительно опасного пути завоеваний и озарений инициации. Теперь следует убить дракона и преодолеть множество неожиданных препятствий — снова и снова. В ходе этого будет еще немало сомнительных побед, преходящих наитий и мимолетных картин чудесной страны.

2. Встреча с Богиней

Последнее приключение, когда все преграды и великаны-людоеды остались позади, обычно представляется как мистический брак торжествующего героя-души с Царственной Богиней Мира. Это переломная точка — в надире, в зените или на краю земли, в центре Вселенной, под сводами храма или в самом потаенном уголке нашего сердца.

На западе Ирландии бытует сказка о принце Острова Одиночества и хозяйке удивительного пылающего колодца Туббер Тинти. Надеясь исцелить королеву Эрина, отважный юноша отправился за водой из колодца Туббер Тинти. Следуя совету своей тетки-волшебницы, которую он повстречал в пути, принц верхом на удивительно грязной, тощей, маленькой, косматой лошаденке, которую она дала ему, пересек огненную реку и благополучно миновал рощу ядовитых деревьев. Лошадь со скоростью ветра промчалась мимо замка Туббер Тинти; принц запрыгнул с нее в открытое окно и оказался внутри, цел и невредим.

«Все это необозримое место было заполнено спящими морскими и земными чудовищами — огромными китами, скользкими угрями, медведями и зверьем всякого вида и формы. Принц, пробираясь мимо них и переступая через них, наконец

подошел к огромной лестнице. Поднявшись наверх, он вошел в комнату, где увидел самую красивую женщину из тех, что ему когда-либо доводилось видеть, она спала, лежа на кушетке. «Мне нечего сказать тебе», — подумал он и пошел дальше; и так он заглянул в двенадцать комнат. В каждой была женщина прекраснее, чем в предыдущей. Но когда он подошел к тринадцатой комнате и открыл дверь, взор его был ослеплен блеском золота. Он застыл на месте, пока снова не обрел способность видеть, а затем вошел. В большой светлой комнате стояла золотая кровать на золотых колесах. Колеса непрерывно вращались; кровать неустанно двигалась по кругу, не останавливаясь ни днем, ни ночью. Там почивала королева Туббер Тинти; и хотя двенадцать ее девушек были прекрасны, рядом с ней они не казались бы такими. В ногах кровати находился сам Туббер Тинти — огненный колодец. На колодце была золотая крышка, и он вращался по кругу вместе с кроватью королевы.

«Честное слово, — сказал принц, — я отдохну здесь немного». И он прилег на кровать и не вставал с нее шесть дней и ночей»^[158].

Хозяйка Дома Сна является хорошо известным персонажем сказок и мифов. Мы уже сталкивались с ней, говоря об образах Брунгильды и маленькой Спящей Красавицы^[159]. Она — образец всех образцов красоты, ответ на все желания, сулящая блаженство цель земных и внеземных поисков каждого героя. Она мать, сестра, возлюбленная, невеста. Все, что в этом мире манит нас, все, что обещает наслаждение — все это знаки ее существования, если не в реальном мире — в его городах и лесах, то в глубинах сна. Ибо она есть воплощение обещания совершенства; залог возвращения души по завершении ее изгнания и скитаний в мире упорядоченных неполноценностей к испытанному ранее блаженству, к несущей покой, питающей «доброй» матери, молодой и красивой, которую мы некогда познали и, можно сказать, вкусили в далеком прошлом. Время развело нас, но она не исчезла, а как бы застыла в безвременьи на дне вечного моря.

Однако сохранившийся в памяти образ не только милосерден; ибо в скрытой сфере детских воспоминаний взрослого человека также сохраняется, а иногда даже имеет большую силу образ «злой» матери: 1) отсутствующей, недоступной матери, против которой направлены

агрессивные фантазии и со стороны которой страшатся ответной агрессивности; 2) не разрешающей, запрещающей, наказывающей матери; 3) матери удерживающей подле себя растущего ребенка, пытающегося оттолкнуться от нее; и наконец, 4) желанной, но запретной матери (эдипов комплекс), присутствие которой является соблазном опасного желания (комплекс кастрации). Это и лежит в основе образов таких недостижимых великих богинь, как целомудренная и ужасная Диана — ее расправа над юным охотником Актеоном лишь демонстрирует то, какой заряд страха содержится в подобных символах запретных желаний ума и тела.

Актеону случилось увидеть опасную богиню в полдень; в тот роковой момент, когда солнце завершает свой по-юношески полный сил подъем, останавливается и срывается вниз навстречу смерти. Все утро посвятив охоте за дичью, он оставил своих друзей отдыхать, с ними были перепачканные кровью добычи собаки, а сам безо всякой цели, покинув знакомые ему охотничьи угодья, отправился бродить, исследуя окрестные леса. Он обнаружил долину, густо поросшую кипарисами и соснами. С любопытством он спустился туда и нашел там пещеру с тихим журчащим родником и ручейком, который привел его к озеру, поросшему камышом. Этот тенистый укромный уголок был излюбленным местом отдыха Дианы, и в этот момент она нагая купалась здесь вместе со своими нимфами. Она оставила в стороне охотничье копье, колчан, лук с ослабленной тетивой, а также сандалии и платье. Одна из нимф уложила ее косы в узел; а другие поливали ее водой из больших кувшинов.

Когда молодой странник внезапно появился в этом укромном уголке, женщины подняли крик и окружили свою госпожу, стараясь своими телами скрыть ее от недостойного взора. Но ее голова и плечи возвышались над ними. Юноша увидел ее и продолжал смотреть. Она поискала взглядом свой лук, но он лежал далеко, поэтому она быстро зачерпнула то, что у нее было под рукой, а именно воду, и плеснула в лицо Актеону. «Теперь рассказывай, как ты меня без покрова увидел, ежели сможешь о том рассказать», — гневно крикнула она ему.

На голове юноши выросли рога. Его шея стала большой и длинной, кончики ушей заострились. Его руки вытянулись до ног, а ладони и ступни превратились в копыта. В ужасе он бросился прочь — удивляясь тому, как стремительно он бежит. Но, остановившись, чтобы перевести дух и напиться воды, он увидел свое отражение в воде и в ужасе отпрянул.

Страшная участь затем постигла Актеона. Его собственные собаки, учуяв запах большого оленя, с лаем бросились в лес. На мгновение он обрадовался, услышав их, и остановился, но вдруг испугался и побежал.

Стая преследовала его, постепенно приближаясь. Когда собаки нагнали его, и первая из них бросилась, чтобы вцепиться ему в бок, Актеон попытался окликнуть их по именам, но голос, вырвавшийся из его глотки, не был человеческим. Собаки вонзили в него свои клыки. Он упал, и его собственные товарищи по охоте, криками подгоняя собак, успели нанести ему *coup de grace*^[160]. Диана, чудесным образом знавшая об этом паническом бегстве и смерти Актеона, теперь могла быть спокойна^[161].

Мифологическая фигура Вселенской Матери привносит в космос женственные черты первой питающей, ласковой заботы. Этот образ возникает спонтанно, ибо существует близкое и явное соответствие между отношением маленького ребенка к своей матери и отношением взрослого к окружающему его материальному миру^[162]. Но во многих религиозных традициях встречается и сознательно контролируемое воспитательное использование этого архетипного образа, чтобы очистить и уравновесить ум и открыть ему природу зримого мира.

В тантрической литературе средневековой и современной Индии обитель этой богини называется Мани-двипа, «Остров Драгоценных Камней»^[163]. Там в роще исполняющих желания деревьев стоит ложе-трон богини. Пляжи этого острова — из золотого песка. Их омывают неспешные волны океана, образуемого нектаром бессмертия. Сама богиня пылает огнем жизни; земля, солнечная система, галактики уходящего вдаль космоса — все растет в ее лоне. Ибо она есть создательница мира, вечная мать и вечная дева. Она объемлет объемлющее, питает питающее и дает жизнь всему живущему.

Она также есть смерть всего смертного. Весь цикл существования свершается под ее властью, от рождения, через юность, зрелость и старость, к могиле. Она является и лоном и могилой: свиньей, пожирающей свой опорос. Таким образом, она объединяет «доброе» и «злое», являя собой две формы сохранившегося в памяти образа матери, и не только собственной матери человека, но и вселенской матери. Верующий должен рассматривать и одну и другую с равным беспристрастием. Развивая такое отношение, человек очищает свой дух от своих инфантильных сантиментов и обид, и его ум открывается непостижимому присутствию, которое существует в первую очередь не как «добро» или «зло» с точки зрения его детского комфорта, его благополучия и невзгод, но как закон и образ сущности бытия.

Великий индуистский мистик прошлого столетия Рамакришна (1836–1886) был священником во вновь возведенном храме в честь Космической

Матери в Дакшинесваре, пригороде Калькутты. Скульптурное изображение богини в храме представляло ее в двух ее аспектах одновременно, ужасном и милосердном. Ее четыре руки представляют символы ее вселенской силы: верхняя левая рука угрожающе воздета с окровавленной саблей, нижняя — держит за волосы отрубленную человеческую голову; верхняя правая рука поднята в жесте «не бойся», нижняя — простерта в даровании благ. На шее у нее ожерелье из человеческих голов; ее юбка — кольцо из человеческих рук; ее длинный язык высунут в готовностилизать кровь. Она представляет собой Космическую Силу, всеединство вселенной, гармонию всех пар противоположностей, удивительным образом сочетающую в себе ужас абсолютного разрушения с безличным, но все же материнским утешением. Как само изменение, река времени, поток жизни, богиня одновременно создает, сохраняет и уничтожает. Ее имя — Кали, Черная; ее титул — Проводник через Океан Бытия^[164].

Однажды в тихий полдень Рамакришна увидел прекрасную женщину, вышедшую из Ганга и идущую к роще, где он медитировал. Он понял, что она вот-вот должна родить. Через мгновение ребенок появился на свет, и женщина начала нежно качать его. Но вскоре облик ее стал ужасен, она вцепилась в младенца своими, теперь страшными, зубами и сожрала его. Проглотив его, она снова вошла в Ганг и исчезла^[165].

Лишь гений, способный к высочайшему пониманию, может во всей полноте осознать величественность этой богини. Для более ограниченных людей она приглушает свой блеск и являет себя в образах, которые они способны воспринять. Увидеть ее в полном блеске было бы невыносимо для любого духовно неподготовленного человека: свидетельством чему является несчастный случай с сильным и молодым мужчиной, Актеоном. Он не был святым, а был охотником, не готовым понять образ, который следует созерцать без обычных человеческих (то есть инфантильных) оттенков и подтекстов желания, удивления и страха.

Женщина, на образном языке мифологии, представляет всеобщность того, что может быть познано. Герой — это тот, кто приходит, дабы познать. По мере развития постепенного процесса познания, который составляет его жизнь, образ богини претерпевает для него ряд преобразований: она никогда не может быть величественнее, чем он сам, хотя всегда может обещать большее, чем он способен на данный момент постичь. Она манит, она направляет, она наставляет его разорвать свои путы. И, если он способен соответствовать ее сущности, то он и она, познающий и познаваемая, будут свободны от всех ограничений. Женщина является проводником к

возвышенной кульминации чувственного приключения. Взгляд неподготовленного низводит ее до низшего состояния; злой взгляд невежды делает ее банальной и безобразной. Но понимающий взгляд восстанавливает ее величие. Герой, который может принять ее такой, какая она есть, без излишнего смятения, но с той сердечностью и твердостью, которых она требует, — потенциальный царь, воплощенный бог ее сотворенного мира.

Так, например, существует рассказ об ирландском царе Эохаиде и его пяти сыновьях: о том, как, отправившись однажды на охоту, сыновья заблудились, оказавшись в совершенно незнакомом месте. Мучимые жаждой, они поочередно отправлялись на поиски воды. Первым отправился Фергюс:

«и он наткнулся на колодец, который сторожила старуха. Облик ее был таков: от головы до стоп вся она была чернее угля; седые пучки жестких волос, что пробивались сквозь кожу головы, были похожи на хвост дикой лошади; серпами своих позеленевших от времени клыков, что торчали у нее изо рта и загибались назад, касаясь ушей, она могла бы срубить зеленую ветку дуба в полном соку; у нее были почерневшие, слезящиеся и помутневшие глаза; кривой, с широкими ноздрями нос; морщинистый, весь в пятнах, мерзкого вида живот; кривые, бугристые голени с массивными лодыжками и парой широких ступней, угловатые колени и синюшные ногти. Весь вид старой карги был омерзителен. «Так вот как обстоит дело», — произнес юноша. «Именно так», — ответила она. «Значит, ты сторожишь этот колодец?» — спросил он, и она ответила: «Да». — «Ты не позволишь мне набрать немного воды?» — «Позволю, — согласилась она, — только, если ты поцелуешь меня». — «Нет», — сказал он. «Тогда не получишь воды». — «Клянусь, — продолжал он, — что скорее умру от жажды, чем поцелую тебя!» После чего юноша отправился туда, где остались его братья, и поведал им, что не добыл воды.

Подобным образом отправлялись на поиски воды Олиол, Бриан и Фиахра и тоже приходили к тому же колодцу. Каждый из них просил у старухи воды, но отказывался целовать ее.

И наконец, когда пришла очередь Ниала отправиться за

водой, он также пришел к этому самому колодцу. «Женщина, позволь мне набрать воды!» — попросил он. «Я дам тебе воды, — сказала она, — только поцелуй меня». Он ответил: «Я не только поцелую, а даже обниму тебя!» После чего он наклонился, обнял ее и поцеловал. Когда он сделал это и посмотрел на нее, то увидел девушку, грациознее которой не было во всем мире, с лицом, прекраснее которого не было во вселенной: каждой своей частичкой, от головы до пят, она была словно только что выпавший снег, лежащий на обочинах дороги; у нее были округлые и царственные плечи, длинные, тонкие пальцы и прямые ноги, радующие глаз; ее гладкие, мягкие белые ступни отделяли от земли бледно-бронзовые сандалии; на ней была просторная накидка из чистейшей шерсти малинового цвета, а в платье — брошь из белого серебра; зубы ее сверкали жемчугом, у нее были царственные глаза и алый, как ягоды рябины, рот. «Эта женщина — галактика очарования», — сказал юноша. «Воистину это так». — «Но кто же ты?» — продолжал он. «Я Королевская Власть», — ответила она и произнесла следующее:

«Король Тары! Я Королевская Власть... Теперь иди к своим братьям, — продолжала она, — и возьми с собой воду; кроме того, отныне и вовеки веков королевство и верховная власть будут принадлежать тебе и твоим детям. И так же как вначале меня ты увидел уродливой, безобразной и отвратительной, а в конце прекрасной, — такова и королевская власть: ибо без сражений, без жестоких столкновений ее нельзя завоевать; но в конечном итоге тот, кто, несмотря ни на что, стал царем, оказывается благородным и справедливым»^[166].

Такова, стало быть, королевская власть. Сама жизнь такова. Богиня, страж неистощимого колодца — независимо от того, найдет ли ее Фергюс или Актеон, или Принц Острова Одиночества — требует, чтобы герой был наделен тем, что трубадуры и менестрели называют «милостью сердечной». Ни животное желание Актеона, ни утонченное отвращение Фергюса не могут ее постичь, оценить ее способна лишь доброта: в романтической изысканной поэзии Японии X–XII столетий это называлось *awaré* («милостивое участие»).

В милостивом сердце Любовь находит пристанище,
Как птицы под сенью зеленой дубрав.

Прежде милостивого сердца природа
Не знала Любви, как и милостивого сердца — прежде Любви.
Ибо с появлением солнца тут же
И свет разливается; не могло быть
Прежде солнца рождения света.
Так и Любовь проявляется в милосердии
Самости; пусть даже
В жаре чрезмерном срединного пламени^[167].

Встреча с богиней (которая воплощена в каждой женщине) является последним испытанием способности героя заслужить благо любви (милосердие: *amor fati*), которая, как оболочка вечности, присуща самой жизни.

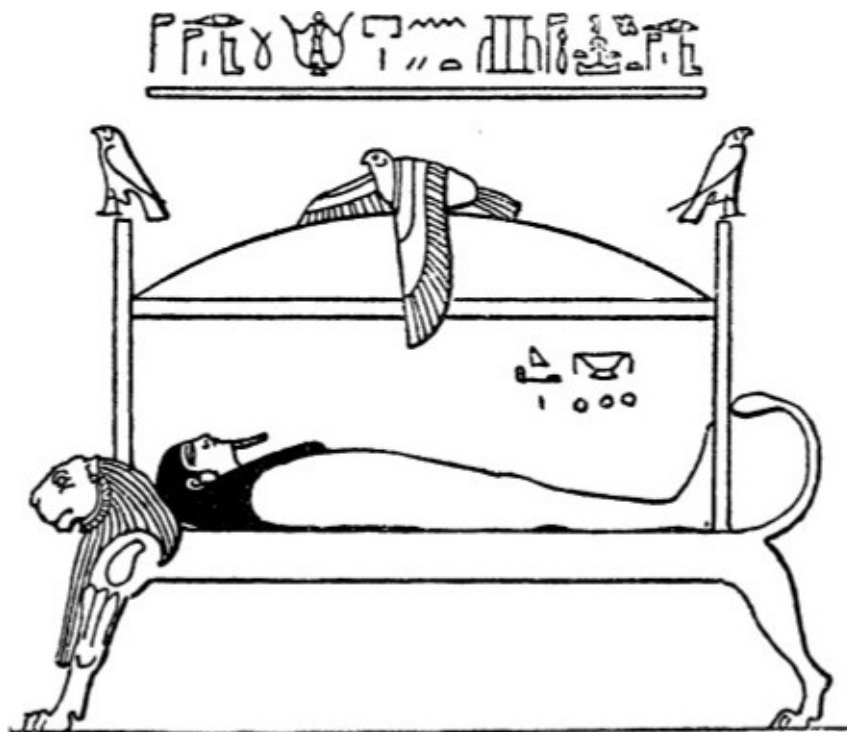

Рис. 6. Исида в образе ястреба соединяется с Осирисом в потустороннем мире

Когда же искатель приключения в данном контексте представлен не

юношей, а девушкой, то она, благодаря своим качествам, своей красоте или своему страстному желанию, достойна стать супругой бессмертного. В этом случае небесный жених нисходит к ней и ведет к своему ложу — хотела она того или нет. И если она избегала его, то пелена спадает с ее глаз; если она искала его, то ее желание находит удовлетворение.

Девушку из племени арапахо, которая последовала за дикобразом по выросшему до небес дереву, заманили в стан небесного народа. Там она стала женой небесного юноши. Именно он, в образе манящего дикобраза, завлек ее в свое небесное жилище.

Царская дочь из детской сказки на следующий день после происшествия у родника услышала стук в дверь своей комнаты в замке: это явился Король лягушек с требованием исполнить обещание. И, несмотря на огромное отвращение принцессы, лягушонок последовал за ней к ее стулу за столом, ел вместе с ней с ее маленькой золотой тарелочки и пил из ее чашечки и даже настоял на том, чтобы лечь спать с ней в ее маленькой шелковой постели. В гневе принцесса схватила лягушонка и швырнула о стену. Когда тот упал на пол, то оказался царским сыном с добрыми и прекрасными глазами. А затем мы узнаем, что они поженились и в красивой карете отправились в ожидавшее юношу царство, где они стали царем и царицей.

Или опять же, когда Психея прошла все трудные испытания, сам Юпитер дал глотнуть ей эликсира бессмертия; так что с тех пор и навеки она соединилась с Купидоном, своим возлюбленным, в раю, где царит совершенство.

Православная и римско-католическая церкви отмечают подобное таинство праздником Успения.

«Дева Мария вознесена в брачный чертог небесный, где Царь Царей восседает на звездном престоле. О Дева Премудрая, камо грядеши, лучезарная, аки утренняя звезда? Вся Ты краса и услада Дщерь Сиона, блага яко луна, избрана яко солнце»^[168].

3. Женщина как искушительница

Мистический брак с царственной богиней мира символизирует полное господство героя над жизнью; ибо женщина есть жизнь, а герой есть познавший ее господин. А испытания героя, в результате которых он обрел опыт и совершил подвиг, символизировали те кризисы осознания, благодаря которым его сознание расширилось и оказалось в состоянии

вынести полное обладание матерью-разрушительницей, его суженой. С этим он узнает, что он и отец едины: он занимает место отца.

Таким образом, проблема, представленная в пограничной ситуации, может показаться далекой от интересов обычных людей. Тем не менее всякая неспособность справиться с жизненными коллизиями, в конечном счете, должна быть отнесена на счет ограниченности сознания. Войны и вспышки раздражения являются паллиативами невежества; раскаяние — слишком поздно пришедшим озарением. Весь смысл повсеместно распространенного мифа о пути героя заключается в том, что он должен служить общим примером для всех мужчин и женщин, независимо от их социального статуса. Поэтому он сложен из самых общих образов. Человек должен только определить свое собственное местоположение относительно этой общей человеческой формулы, а затем с ее помощью преодолеть сдерживающие его ограничения. Где и кто они, его великаны-людоеды? Это нерешенные загадки его собственной человеческой сущности. Что есть его идеалы? Это знаки его постижения жизни.

В кабинете современного психоаналитика этапы героической авантюры снова и снова обнаруживаются в сновидениях и иллюзиях пациента. С психоаналитиком в роли помощника, жреца инициации, постигаются бездны неведения о своей душе. И всегда после первых тревожных в самом начале приключение оборачивается путешествием во тьму, ужас, к отвращению и фантасмагорическим страхам.

Сущность этой любопытной коллизии заключается в том, что наши сознательные представления о том, какой должна быть жизнь, редко соответствуют тому, какая она действительно есть. Как правило, мы отказываемся признать в себе или в наших близких обилие того давящего, обороняющегося, зловонного, плотоядного, развратного нервного возбуждения, которое составляет самую суть органической клетки. Мы склонны скорее все приукрашивать и истолковывать по-своему; всячески убеждая себя, что все ложки дегтя в бочке меда, все волоски в супе являются виной кого-то другого, неприятного и отталкивающего.

Но когда нас внезапно осеняет или мы просто не можем не заметить, что все, что мы думаем или делаем, неизменно несет на себе печать плоти, тогда мы, как правило, переживаем отвращение: жизнь, явления жизни, органы жизни, в частности, женщина как великий символ жизни — все это становится невыносимым для чистой души.

О, если б этот плотный сгусток мяса
Растаял, сгинул, изошел росой!

Иль если бы предвечный не уставил
Запрет самоубийству! Боже! Боже!

Так восклицает великий герой своего времени, Гамлет:

Каким докучным, тусклым и ненужным
Мне кажется все, что ни есть на свете!
О мерзость! Это буйный сад, плодящий
Одно лишь семя; дикое и злое
В нем властвует. До этого дойти![\[169\]](#)

Простодушный восторг Эдипа от первого обладания царицей превращается в агонию духа, когда он узнает, кто эта женщина. Как и Гамлета, его постоянно преследует моральный образ отца. Подобно Гамлету, он отворачивается от прелестей мира и ищет во тьме царство иное, более высокое, чем это, отравленное кровосмешением и изменой, управляемое погрязшей в роскоши и пороках матерью. Ищущий жизнь за гранью жизни должен пройти мимо нее, преодолеть искушения ее зова и подняться ввысь, в чистый и беспредельный эфир.

И многократно, ясно бог воззвал:
Эдип, Эдип, что медлишь ты идти?
И так уже ты запоздал намного![\[170\]](#)

Там, где это отвращение Эдипа-Гамлета не перестает терзать душу, там мир, тело и прежде всего женщина становятся символами уже не победы, а поражения. Тогда монашеско-пуританская, отрицающая все мирское этическая система радикально и немедленно преобразует образы мифа. Герой уже больше не может оставаться в невинности с воплощенной богиней, ибо она стала царицей греха.

«До тех пор, пока человек не отрешился от этого похожего на труп тела, — пишет монах-индуист Шанкарачарья, — он является нечистым и страдает как от своих врагов, так и от рождения, болезни и смерти; но когда он думает о себе как о Чистом, как о сущности Добра и как о Недвижимом, он

становится свободным... Отбросьте прочь ограничение тела, которое инертно и развратно по своей природе. Не думайте больше о нем. Ибо вещь, которую изрыгнули наружу (как вы должны были вытолкнуть наружу ваше тело), может вызвать лишь отвращение, едва снова подумаешь о ней»^[171].

Эта точка зрения знакома Западу по житиям и писаниям святых.

«Когда святой Петр увидел, что его дочь Петронилла слишком красива, он стал молить Бога о милости, чтобы она заболела лихорадкой. Однажды, когда его ученики были подле него, Тит спросил: «Ты лечишь все недуги, почему ты не сделаешь так, чтобы Петронилла поднялась с постели?» И Петр ответил ему: «Потому что я доволен ее состоянием». Это никоим образом не означает, что не в его власти было излечить ее; ибо тут же он сказал ей: «Встань, Петронилла, и поторопись обслужить нас». И девушка, излечившись, встала и подошла, чтобы прислужить им. Но когда она закончила, ее отец сказал ей: «Возвращайся в постель, Петронилла!» Она вернулась, и ее тут же охватила лихорадка. Позднее же, когда она стала совершенной в своей любви к Богу, ее отец вернул ей совершенное здоровье.

В ту пору благородный господин, по имени Флакк, пораженный ее красотой, пришел просить ее руки. Она ответила: «Если ты хочешь жениться на мне, то пришли девушек, чтобы они проводили меня к твоему дому». Но когда девушки прибыли, Петронилла тотчас стала поститься и молиться. Получив причастие, она снова слегла в недуге и спустя три дня отдала свою душу Богу»^[172].

«В детстве святой Бернар Клервосский страдал от головных болей. Однажды к нему пришла молодая женщина, чтобы своими песнями облегчить его страдания. Но возмущенный ребенок выпроводил ее из комнаты. И Бог вознаградил его за такое рвение; ибо он тут же встал со своей постели и был исцелен.

Извечный враг человека, увидев в юном Бернаре такое устремление к целомудрию, постарался расставить для него ловушки. Однако, когда однажды юнец, подстрекаемый дьяволом, все-таки задержал свой взгляд на женщине, ему вдруг стало стыдно за самого себя, и он вошел в ледяную воду пруда для

искупления и оставался там, пока не продрог до костей. В другой раз, когда он спал, в постель к нему легла обнаженная девушка. Бернар, заметив ее, молча отвернулся от нее, уступив таким образом ей часть своего ложа, и снова уснул. Лаская и поглаживая его некоторое время, несчастная вскоре настолько устыдилась своего поступка, несмотря на все свое бесстыдство, что вскочила с кровати и бежала, полная отвращения к самой себе и восхищения перед юношей.

Опять же, когда однажды Бернар вместе со своими друзьями воспользовался гостеприимством одной богатой госпожи и остался в ее доме, она, увидев его красоту, вспылала страстью к нему. Ночью она поднялась со своего ложа и легла рядом с гостем. Но он, как только почувствовал кого-то рядом с собой, начал кричать: «Воры! Грабители!» После чего женщина сразу же убежала, весь дом поднялся на ноги, зажгли фонари, и все бросились на поиски грабителя. Но так как никого не нашли, все вернулись в свои постели и уснули, кроме той самой госпожи, которая, будучи не в силах сомкнуть глаза, снова поднялась и юркнула в постель к своему гостю. Бернар опять стал кричать: «Воры!» И снова поднялся крик, и начались поиски. И даже после этого хозяйка дома в третий раз предприняла попытку и вновь была отвергнута; после чего она наконец отказалась от своей порочной затеи, либо по причине страха, либо отчаявшись добиться успеха. На следующий день в дороге спутники Бернара спросили его, почему ночью ему так навязчиво снились воры. И он ответил: «Мне действительно пришлось отражать нападения вора; ибо хозяйка пыталась лишить меня сокровища, потеряв которое я бы уже никогда не обрел его вновь».

Все это убедило Бернара в том, что жить рядом со змеей опасно. Поэтому он решил уйти от мира и вступить в монашеский орден цистерцианцев»^[173].

Однако даже монастырские стены и уединение пустыни не могут защитить от женского присутствия; ибо до тех пор пока плоть отшельника облекает его кости и пульсирует жизнью, мирские образы всегда готовы возмутить его разум. Святого Антония, который предавался аскезе близ египетских Фив, смущали сладострастные галлюцинации — дело рук демонов-искусителей, привлеченных магнетизмом его одиночества. Видения такого рода, с чреслами неотразимой привлекательности и

персями, вызывающими к прикосновению, на протяжении всей истории монашества не покидали пристанищ отшельников. «Ах, прекрасный отшельник! прекрасный отшельник!.. Положи палец на мое плечо, — и точно огненная струя пробежит по твоим жилам. Обладание малейшей частью моего тела наполнит тебя более сильной радостью, чем завоевание целой империи...»^[174]

Житель Новой Англии Коттон Мадер пишет:

«Пустыня, через которую мы идем в Землю Обетованную, полна огненных летающих змеев. Но, хвала Богу, ни одному из них пока еще не удалось окончательно сбить нас с пути! Весь наш путь к небесам лежит мимо *логовищ львов* и *леопардовых гор*; на пути нашем толпятся сонмища дьяволов... Мы бедные путники, идущие по миру, который есть не что иное, как дьяволово поле или дьявольский *острог*, где каждый укромный уголок есть прибежище дьявола с сущей бандой разбойников, готовых наброситься на всякого, кто обращен своим ликом к Сиону»^[175].

4. Примирение с отцом

«Тетива Божьего гнева натянута, и лук готов выпустить стрелу; правосудие нацеливает стрелу в ваше сердце и натягивает тетиву; и нет ничего, кроме соизволения Господа, гнев Господний, — и никаких обещаний и обязательств, ничего, что бы удержало эту стрелу за миг от того, как хлынет из жил ваша кровь...»

Эти слова Джонатана Эдвардса вселяли страх в сердца его прихожан в Новой Англии, раскрывая перед ними не приукрашенный ничем страшный лик отца. Проповедь была призвана пригвоздить их к скамьям жуткими картинами мифологического суда божьего; ибо хотя пуританство не допускало образов рукотворных, оно не ограничивало себя в образах словесных.

«Гнев Божий, — вещал Эдвардс, — подобен великим водам, пока еще сдерживаемым; но их собирается все больше и больше, они поднимаются все выше и выше, пока им не будет дан выход; и чем дольше сдерживается поток, тем стремительнее и сильнее хлынут его воды, если наконец дать ему волю. Воистину правосудие над вашими порочными деяниями еще не

свершилось; потоки возмездия Божьего сдерживаемы; но вина ваша со временем непрестанно растёт, и каждый день вы навлекаете на себя все больший гнев Его; воды непрестанно поднимаются и прибывают; и нет ничего, кроме соизволения Господнего, что бы сдерживало эти воды, не поддающиеся усмирению и с силой рвущиеся вперед; и стоит Господу лишь убрать свою руку от преграждающих путь этим водам врат, как они тут же отворятся, и огненные потоки неудержимого гнева Господнего ринутся вперед с немыслимой яростью и падут на вас со всемогущей силой; и будь сила ваша в десять тысяч раз более, чем теперь, да и в десять тысяч раз сильнее силы самого упорного, несокрушимого дьявола в аду, то и тогда ничто не поможет вам противостоять и вынести гнев Божий...»

Пригрозив водной стихией, пастор Джонатан далее обращается к картине огня.

«Для Бога, что держит вас над преисподней ада, как держат паука или другое мерзкое насекомое над огнем, вы ненавистны и достойны страшного гнева; Его гнев, обращенный к вам, пылает подобно огню, Он видит в вас исчадия, достойные лишь быть брошенными в огонь; Его очи настолько чисты, что не могут вынести вашего вида; в Его глазах вы в десять тысяч раз мерзостнее самой отвратительной ядовитой змеи в наших глазах. Вы согрешили против Него бесконечно больше, чем любой упрямый бунтовщик против своего господина; и все же каждое мгновение ничто, кроме Его руки, не удерживает вас от падения в огонь...

О грешник!.. Ты висишь на тонкой нити, вокруг которой сверкают вспышки пламени гнева Господнего, готового каждую секунду оборвать ее, объяв огнем; и никакой заступник вам не поможет, и вам не за что ухватиться, чтобы спасти себя; нет ничего, что могло бы удержать вас от пламени гнева, — ничего вам присущего, ничего из того, что вы когда-либо свершите, ничего из того, что вы могли бы свершить, — ничего, что бы побудило Господа подарить вам одно лишь мгновение...»

А теперь, наконец, предлагается картина второго рождения — однако лишь на мгновение:

«Так все вы, никогда не испытывавшие великой перемены в сердцах своих от действия могучей силы Духа Господнего на ваши души, все, не рожденные заново и не ставшие новыми существами и не восставшие из смерти во грехе к обновлению и к прежде никогда не испытанному свету и жизни (как бы вы ни исправляли свою жизнь во множественных вещах, какие бы набожные чувства вы ни питали, какую бы форму религии вы ни исповедовали в семьях своих и в уединении и в храме Господнем и как бы строго ее ни придерживались), — все вы в руках разгневанного Бога; ничто, кроме одного Его соизволения, не удерживает вас от того, чтобы сию же секунду и на веки вечные быть подвергнутым уничтожению»^[176].

«Одно лишь соизволение Бога», что оберегает грешника от стрелы, потопа и огня, в традиционной фразеологии христианства называется «милосердием» Божьим, а «могучая сила духа Господа», которая изменяет сердце — это «милость» Божья. В образах мифологии, как правило, милосердие и милость представлены так же ярко, как справедливость и гнев, и таким образом сохраняется равновесие, и сердце всю жизнь скорее ощущает поддержку, чем наказывается. «Не бойтесь!» — гласит жест руки бога Шивы, исполняющего перед поклоняющимися ему танец вселенского разрушения^[177]. «Не бойтесь, ибо все благополучно пребывает в Боге. Формы, что приходят и уходят — одной из которых и есть ваше тело — это мелькание моих конечностей в танце. Узнавайте Меня во всем, и чего вам тогда бояться?» Магия священных таинств (обретающих действенность через Страсти Господни или благодаря медитациям Будды), оберегающая сила примитивных амулетов и талисманов и сверхъестественные помощники из мифов и сказок всех народов мира — все это заверения человечества в том, что стрела, огонь и потоп не так жестоки, как кажутся.

Ибо страшный лик отца является отражением собственного эго его жертвы — берущего свое начало от чувственной картины детства, оставшейся позади, но проецируемой вперед; идолопоклонство, заикленное на этой несуществующей вещи, само по себе уже есть нечто несправедливое, оставляющее человека охваченным ощущением греха, что и удерживает потенциально созревший дух от более уравновешенного и реалистичного взгляда на отца, а вместе с этим и на мир в целом. Примирение — не более, чем избавление от этого самопорождаемого двойного монстра, в коем слиты воедино дракон, представляемый Богом (супер-эго)^[178], и дракон, представляемый Грехом (подавляемое ид). Но это

требует отрешения от привязанности к самому эго, что и есть всего сложнее. Человек должен верить, что отец милосерден, и полагаться на это милосердие. Вместе с этим центр веры переносится за пределы заколдованного круга скупых данных Богом ограничений, и страшные великаны-людоеды исчезают.

Именно в этом испытании герой может обрести надежду и поддержку в женском образе заступничества, магией которого (заклинаниями или покровительством) он защищен в ходе всех пугающих переживаний отцовской инициации, грозящей расколом эго. Ибо если невозможно верить во вселяющий ужас облик отца, вера тогда должна быть сосредоточена на ком-то другом (на Женщине-Пауке, на Благословенной матери); и эта надежда на поддержку помогает пережить кризис — который в конечном итоге приводит к осознанию того, что отец и мать есть отражение друг друга и по существу суть одно и то же.

Когда воинственные боги-близнецы навахо оставили Женщину-Паука и благодаря ее совету и оберегающим талисманам благополучно завершили опасный путь между сталкивающимися скалами, сквозь камыш, что режет на куски, мимо кактусов, что разрывают на части, и по зыбучим пескам, они наконец пришли к дому Солнца, их отца. Дверь охраняли два медведя, которые встали на дыбы и зарычали; но слова, которым научила мальчиков Женщина-Паук, заставили зверей лечь на землю. После этого на них напали две змеи, затем обрушились ветра, потом молнии — стражи последнего порога^[179]. Однако всех их легко успокоили слова молитвы.

Выстроенный из бирюзы дом Солнца, огромный и квадратный в основании, стоял на берегу могучего потока. Мальчики вошли в него и увидели женщину, сидящую у западной стены, двух красивых юношей — у южной и двух красивых девушек — у северной. Девушки, не говоря ни слова, поднялись, окутали новоприбывших четырьмя небесными покрывалами и уложили их, и те спокойно лежали, пока трещотка, висевшая над дверью, не простучала четыре раза, и одна из девушек сказала: «Идет наш отец».

Носящий солнце вошел в свой дом, снял со своей спины солнце и повесил его на крючок на западной стене комнаты, где оно некоторое время раскачивалось, издавая мерные звуки. Он повернулся к старшей женщине и гневно спросил: «Кто эти двое, что вошли сюда сегодня?» Но женщина не ответила. Юноши и девушки лишь молча глядели друг на друга. Носитель солнца еще четыре раза задавал свой вопрос, прежде чем женщина наконец ответила: «Было бы лучше, если бы ты не говорил так много. Двое юношей пришли сюда сегодня в поисках своего отца. Ты же говорил мне, что ни к

кому не заходишь, когда покидаешь дом, и что у тебя не было другой женщины, кроме меня. Тогда чьи же это сыновья?» Она указала на покрывала, и дети многозначительно глянули друг на друга.

Носящий солнце развернул все четыре покрывала (одеяния рассвета, голубого неба, желтого вечернего света и тьмы), и мальчики упали на пол. Он тут же схватил их и в ярости швырнул на огромные острые шипы белой раковины, что лежала у восточной стены. Мальчики крепко держались за свои перья жизни и отскочили назад. Тогда он бросил их на острые выступы из бирюзы на южной стене, затем на желтый гелиотис на западе и на черную скалу на севере^[180]. Мальчики каждый раз крепко держались за свои перья жизни и отскакивали обратно. «Хотелось бы, — сказал Отец-Солнце, — чтобы они действительно были моими детьми».

Затем страшный отец попробовал обварить мальчиков паром в бане. Но им помогли ветры, которые защитили от пара один уголок, где дети смогли спрятаться. «Да, это мои дети», — сказал Отец-Солнце, когда они вышли, но это была лишь его уловка, ибо он все еще намеревался уличить их во лжи. Последним испытанием явилась курительная трубка, набитая ядом. Покрытая колючими волосками гусеница предупредила мальчиков и дала им положить что-то себе в рот. Они курили трубку безо всякого вреда для себя, передавая ее друг другу, до тех пор пока не выкурили. Они даже сказали, что она пришлась им по вкусу. Отец-Солнце возгордился ими. Он был полностью удовлетворен. «А теперь, дети мои, — спросил он, — что вы хотите от меня? Зачем вы искали меня?» Так герои-близнецы завоевали полное доверие Солнца, своего отца^[181].

Необходимость большой осторожности со стороны отца, принимающего в свой дом только тех, кто прошел тщательную проверку, иллюстрируется неудачей юного Фаэтона, описанной в известном греческом мифе. Фаэтон родился в Эфиопии у девственницы, товарищи донимали его вопросами об отце, и он отправился через Персию и Индию на поиски дворца Солнца, ибо мать сказала ему, что его отец — бог Феб, правящий солнечной колесницей.

Солнца высокий дворец подымался на стройных колоннах,
Золотом ясным сверкал и огню подражавшим пиропом.
Поверху был он покрыт глянцевитой слоновою костью,
Створки двойные дверей серебряным блеском сияли.
Материал превзошло мастерство.

Поднявшись по крутой лестнице, Фэтон вошел во дворец. Там он увидел Феба, восседавшего на изумрудном троне в окружении Часов и Времен Года, а также Дня, Месяца, Года и Столетия. Отважному юноше пришлось остановиться у порога, ибо его глаза смертного не могли вынести такого сияния; но отец мягко заговорил с ним из другого конца зала.

В путь для чего ты пошел? Что в этом дворце тебе надо,
Чадое мое, Фэтон? Тебя ли отвергну?

Юноша почтительно ответил:

О свет всеобщий великого мира,
Феб, мой отец, если так называть себя мне позволяешь,
Если Климена вины не скрывает под образом ложным!
Дай мне, родитель, залог, по которому верить могли бы,
Что порожден я тобой.

Великий бог отложил свою сверкающую корону в сторону и попросил юношу приблизиться. Он заключил его в свои объятия и затем пообещал, скрепив свое обещание клятвой, что любое желание юноши будет удовлетворено.

Фэтон желал на целый день получить колесницу и крылатых лошадей его отца. Тот отвечал ему:

Смертного рок у тебя, а желание твое не для смертных.
Больше того, что богам касаться дозволено горним,
Ты домогаешься. Пусть о себе мнит каждый, как хочет,
Все же не может никто устоять на оси пламеносной,
Кроме меня одного. И даже правитель Олимпа.

Так убеждал его Феб. Но Фэтон был непреклонен. Не в состоянии нарушить свою клятву, отец медлил, насколько это было возможно, но в конце концов был вынужден провести своего упрямого сына к удивительной колеснице: ее ось и дышло были золотыми, ее колеса — с золотыми ободами и с серебряными спицами. Упряж была отделана

самоцветами и хризолитами. Часы уже выводили четверку пышущих огнем и насытившихся амброзией лошадей из их высоких стойл. Они надели на них звонкие узды; огромные животные били копытами по засову. Феб смазал лицо Фаетона особой мазью, чтобы защитить его от огня, а затем надел на его голову сияющую корону.

Ежели можешь ты внять хоть этим отцовским советам,
Сын, берегись погонять и крепче натягивай вожжи.
Кони и сами бегут, удерживать трудно их волю.
Не соблазняйся путем, по пяти поясам вознесенным.
В небе прорезана вкось широким изгибом дорога,
Трех поясов широтой она ограничена: полюс
Южный минует она и Аркт, аквилонам соседний.
Этой дороги держись: следы от колес ты заметишь.
Чтоб одинаковый жар и к земле доносился и к небу,
Не опускайся и вверх, в эфир, не стреми колесницу.
Если выше помчишь — сожжешь небесные д`омы,
Ниже — земли сожжешь. Невредим серединой проедешь.

...

Я говорю, а уже рубежи на берегах гесперийских
Влажная тронула ночь; нельзя нам долее медлить.
Требуют нас. Уже мрак убежал и Заря засветилась.
Вожжи рукою схвати!

Тетида, богиня моря, открыла ворота, и кони резко рванули с места; разбивая своими копытами тучи, разгоняя своими крыльями воздух, опережая все ветры, что поднимались в той же восточной части. И тут же — ибо колесница была слишком легка без своего привычного веса — колесницу начало раскачивать, как корабль без балласта, бросаемый волнами. Охваченный ужасом возникший забыл о поводьях и уже не обращал никакого внимания на дорогу. Дико взметнувшись вверх, упряжка задела небесные высоты, потревожив самые далекие созвездия. Большая и Малая Медведицы согрелись. Змий, что лежал, свернувшись кольцом вокруг полярных звезд, разгорячился и приобрел от жары небывалую ярость. Волопас, бросив свой плуг, бежал. Скорпион стал бить своим хвостом.

А далее, после того как колесница, сталкиваясь со звездами, некоторое время неслась по неизведанным небесным путям, она низверглась к

облакам у самой земли; и Луна в изумлении увидела коней своего брата, что мчатся ниже ее собственной колесницы. Облака превратились в пар. Земля вспыхнула пламенем. Горы запылали; стены городов обрушились; народы превратились в пепел. Это было время, когда народ Эфиопии стал черным; ибо от жара кровь прилиwała к поверхности тела. Ливия превратилась в пустыню. Нил в ужасе бежал на край света и спрятал там свою голову, где она скрыта и поныне.

Мать Земля, прикрывая рукой свои опаленные брови, задыхаясь от горячего дыма, зычным голосом призвала Юпитера, отца всех вещей, спасти его мир.

...взгляни ты на оба
Полюса — оба в дыму. А если огонь повредит их,
Рухнут и ваши дома. Атлант и тот в затрудненье,
Еле уже на плечах наклоненных держит он небо,
Если погибнут моря, и земля, и неба палаты,
В древний мы Хаос опять замешаемся. То, что осталось,
Вырви, молю, из огня, позаботься о благе вселенной!

Юпитер, всемогущий отец, призвал в свидетели богов, что если быстро не предпринять меры, то все будет потеряно. После чего он поспешил к зениту, взял в свою правую руку молнию и метнул ее из-за спины. Повозка разлетелась; охваченные ужасом кони вырвались на свободу; Фаэтон с охваченными пламенем волосами, подобно метеору, полетел вниз. И его горящее тело упало в реку Эридан.

И наяды той земли поместили его тело в гробницу, на которой была начертана следующая эпитафия:

Здесь погребен Фаэтон, колесницы отцовской возница;
Пусть ее не сдержал, но, дерзнув на великое, пал он ^[182].

Эта история о родительском потворстве иллюстрирует античное представление о том, что когда силы жизни оказываются в руках неправильно инициированных, то это влечет за собой хаос. Когда ребенок перерастает широко распространенную идиллию материнской груди и обращается лицом к миру зрелых деяний, он духовно переходит в сферу отца, который становится для своего сына знаком его назначения, а для

дочери знаком ее будущего мужа. Известно ему это или нет, независимо от его положения в обществе, отец является иницирующим жрецом, при посредничестве которого юное создание вступает в большой мир. И точно так же как ранее мать представляла «добро» и «зло», так теперь это воплощается в нем, но только с одним усложнением — в картине появляется новый элемент соперничества: сына с отцом за господство во вселенной и дочери с матерью за то, чтобы *быть* этим завоеванным миром.

Традиционная идея инициации сочетает приобщение кандидата к приемам, обязанностям и прерогативам своего призвания с радикальной коррекцией его эмоционального отношения к родительским образам. Мистагог (отец или фигура, его замещающая) вверял символы своего служения только сыну, который действительно достиг очищения от изживших себя инфантильных фиксаций, которому ни бессознательные, ни даже сознательные и, возможно, логически обоснованные мотивации самовозвеличивания, собственного предпочтения или негодования уже не помешают справедливо, бесстрастно использовать обретенные силы. В идеале посвященный человек оказывается лишенным своей обычной человеческой сущности и представляет беспристрастную космическую силу. Он является дважды рожденным: он сам стал отцом. И поэтому он сам теперь может играть роль иницирующего, проводника, солнечной двери, через которую человек может пройти от инфантильных иллюзий «добра» и «зла» к восприятию величия космического закона, чистого от надежды и страха, к состоянию покоя в понимании откровения бытия.

«Однажды мне приснилось, — рассказывает маленький мальчик, — что меня взяли в плен пушечные ядра (*sic*). Они все начали подпрыгивать и кричать. Я с удивлением увидел, что нахожусь в гостиной своего дома. На огне стоял котел, полный кипящей воды. Они бросили меня в него, и время от времени появлялся повар, который тыкал в меня вилкой, проверяя, не приготовился ли я уже. Затем он вытащил меня и передал хозяину, который собирался откусить от меня, и в этот момент я проснулся»^[183].

«Мне приснилось, что я за столом со своей женой, — рассказывает культурный джентльмен, — во время еды я протягиваю руку через стол, беру нашего второго ребенка, младенца, и как ни в чем не бывало начинаю засовывать его в зеленую суповую чашку, полную горячей воды или какой-то еще жидкости; ибо он приготовлен, как куриное фрикасе.

Я положил кушанье на доску для нарезания хлеба и разрезал его своим ножом. Когда мы съели почти все, за исключением

маленького кусочка, вроде куриного желудка, я обеспокоенно взглянул на жену и спросил: «Ты уверена, что именно этого от меня хотела? Ты хотела съесть его на ужин?»

Привычно нахмурившись, она ответила: «После того, как он так хорошо получился, уже больше ничего не оставалось делать». Я заканчивал последний кусочек, когда проснулся»^[184].

Этот архетипный кошмар отца-людоеда реализуется в испытаниях примитивной инициации. Как мы уже видели, мальчиков австралийского племени мурнджинов вначале сильно пугают, вынуждая их убегать к своим матерям. Великий Змей-Отец требует их крайней плоти^[185]. Это возлагает на женщин роль защитниц. Звучит чудовищный рог, называемый Йурлунггур, что означает зов Великого Змея-Отца, который вылез из своей норы. Когда мужчины приходят за мальчиками, женщины хватают копья и делают вид, что не только сражаются, но также плачут и причитают, так как маленькие создания будут отняты у них и «съедены». Треугольная площадка для плясок мужчин представляет собой тело Великого Змея-Отца. На ней в течение многих ночей мальчикам показывают многочисленные танцы, символизирующие различных тотемных предков, и учат мифам, объясняющим существующий мировой порядок. Их также отправляют в длительное путешествие к соседним и далеким кланам, имитирующее мифологические блуждания фаллических предков^[186]. Таким образом, так сказать, «в утробе» Великого Змея-Отца их знакомят с интересным новым предметным миром, что компенсирует для них потерю матери; и центральной точкой (*axis mundi*) воображения вместо женской груди становится мужской фаллос.

Кульминацией посвящения в долгом ряду обрядов является освобождение собственного героя-пениса мальчика от защиты его крайней плоти, посредством пугающего и болезненного нападения на него мужчины, выполняющего обрезание^[187]. У арунта, например, звук трещоток доносится со всех сторон, когда наступает момент этого решающего разрыва с прошлым. Ночью в причудливом свете костра внезапно появляется обрезающий и его помощник. Шум трещоток — это голос великого демона церемонии, а пара оперирующих — его призраки. Засунув свои бороды в рот, что означает гнев, широко расставив ноги и вытянув вперед руки, двое мужчин стоят совершенно неподвижно. Тот, кто непосредственно будет проводить операцию, стоит впереди с маленьким кремнёвым ножом в правой руке, которым он и будет оперировать. Его

помощник стоит сразу же за ним, так что их тела соприкасаются друг с другом. Затем в свете костра приближается другой мужчина, удерживая щит на своей голове и одновременно постукивая по нему пальцами обеих рук. Трещотки создают невероятный шум, который слышен даже женщинам и детям в их далеко отстоящем лагере. Мужчина со щитом на голове опускается на одно колено немного впереди оперирующего, и тут же одного из мальчиков поднимают с земли несколько его дядьев, которые подносят его ногами вперед к щиту и кладут на него, в то время как все мужчины глубокими громкими голосами повторяют нараспев монотонный речитатив. Операция проходит быстро, страшные фигуры тут же покидают освещенное место, мальчика, который находится в полубессознательном состоянии, берут под свою опеку и поздравляют мужчины, к статусу которых он только что присоединился. «Ты вел себя хорошо, — говорят они, — ты не кричал»^[188].

Мифология австралийских туземцев свидетельствует о том, что в ранних обрядах инициации юношей убивали^[189]. Таким образом, видно, что, кроме всего прочего, этот ритуал является драматизированным выражением агрессии старшего поколения в эдиповском преломлении; а обрезание — смягченной кастрацией^[190]. Но эти обряды также удовлетворяют каннибалический отцеубийственный импульс подрастающей группы мужчин и в то же самое время открывают милосердный акт самопожертвования архетипного отца; ибо в течение длительного периода символического посвящения иницируемых некоторое время заставляют питаться только свежей кровью, взятой у старших мужчин.

«Туземцы, — как рассказывали нам, — особенный интерес проявляют к христианскому обряду причастия и, услышав о нем от миссионеров, сравнивают его со своими собственными обрядами принятия крови»^[191].

«Вечером приходят мужчины и занимают свои места согласно племенному обычаю. Мальчик ложится головой на колени своего отца. Он должен лежать совершенно неподвижно, иначе умрет. Отец закрывает ему глаза ладонями, ибо считается, что если мальчик увидит то, что будет происходить, умрут его *отец и мать*. Сосуд из дерева или коры ставится рядом с одним из братьев матери мальчика. Мужчина, легко перетянув свою руку, протыкает ее в верхней части костью из носа и держит руку

над сосудом до тех пор, пока в нем не наберется некоторое количество крови. Затем свою руку протыкает мужчина, сидящий рядом с ним, и так далее до тех пор, пока сосуд не наполнится. Он может вмещать около двух кварт^[192].

Мальчик делает большой глоток крови. На тот случай, если его желудок не примет ее, отец мальчика держит его за горло, чтобы не дать ему извергнуть кровь, потому что, если это случится, *умрут его отец, мать и все братья и сестры*. Остаток крови выливается на него.

Далее, начиная с этого времени, иногда в течение целого месяца, мальчику не разрешается принимать никакой иной пищи, кроме человеческой крови. Этот закон установил Йамминга, мифический предок... Иногда крови в сосуде дают застыть, и тогда опекун своей костью из носа разрезает ее на части, и мальчик ест их, в первую очередь две крайние части. Кровь должна быть правильно разделена, иначе мальчик умрет»^[193].

Часто мужчины, дающие свою кровь, теряют сознание и остаются вследствие потери крови в состоянии комы в течение часа или более^[194]. «В былые времена, — пишет другой исследователь, — эту кровь (которую ритуально пили новообращенные) брали от убиваемого с этой целью человека, а части его тела съедали»^[195]. «Здесь, — комментирует Рохейм, — мы подходим как никогда близко к ритуальному представлению убийства и поедания первичного отца»^[196].

Не может быть никакого сомнения в том, что какими бы непросвещенными ни казались нам совершенно голые австралийские дикари, их символические церемонии представляют сохранившуюся до нынешних времен невероятно древнюю систему духовного просвещения, широко распространенные свидетельства которой можно встретить не только во всех землях и островах Индийского океана, но также и в памятниках древних центров, которые мы склонны считать своей собственной особой ветвью цивилизации^[197]. Что именно было известно древним людям, по опубликованным материалам наших западных исследователей судить сложно. Но, сравнивая картины австралийского ритуала со знакомыми нам в более высокоразвитых культурах, можно видеть, что и великие темы, и вечные архетипы, и их воздействие на душу не меняются.

Приди, о Дифирамб,
Войди в мое мужское лоно^[198].

Крик Зевса, Громовержца, обращенный к его сыну Дионису, звучит лейтмотивом всех греческих мистерий иницирующего второго рождения.

И неведомо, где, невидимо, как
Вдруг грянет гул, словно бычий рев,
И бубном ответит подземный гуд,
Раскатясь пугающим громом^[199].

Само слово «Дифирамб» в качестве эпитета смерти и воскресения Диониса понималось греками со значением «двувратный», то есть тот, кто пережил ужасающее чудо второго рождения. И мы знаем, что хоровые песни (дифирамбы) и мрачные, кровью отдающие обряды в честь этого бога — ассоциировавшиеся с возрождением растительности, возрождением луны, возрождением солнца, возрождением души и свершаемые в сезон воскрешения года и, стало быть, воскрешения бога — представляют собой ритуальные начала аттической трагедии. Во всем древнем мире такие широко распространенные обряды и мифы, как смерть и воскрешение Таммуза, Адониса, Митры, Вирбия, Аттиса, Осириса и различных животных, их представляющих (коз и овец, быков, свиней, лошадей, рыб и птиц), хорошо известны всем, обратившимся к сравнительному анализу религии; популярные карнавальные празднества — вроде Зеленой Троицы, чествования Джона Ячменного Зерна, Проводов Зимы, Встречи Лета и Умерщвления Рождественского Крапивника — продолжают эту традицию, в атмосфере веселья, уже в нашем календаре^[200]; через христианскую церковь (в мифологии Падения и Искупления, Распятия и Воскресения, крещения как «второго рождения», символического удара по щеке во время конфирмации, символического причастия Кровью и Плотью) в ее ритуалах, а иногда на деле мы приобщаемся к этим бессмертным образам иницирующей мощи, благодаря священному действию которой человек, начиная со своих первых дней на земле, рассеивал ужас своей феноменальности и приходил ко всепреображающему видению бессмертного бытия. «Ибо, если кровь тельцов и козлов и пепел телицы чрез окропление освящает оскверненных, дабы чисто было тело, то кольми паче Кровь Христа, Который Духом Святым принес Себя непорочного

Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному!»^[201]

У басумбва в Восточной Африке есть народная сказка о мужчине, которому явился его мертвый отец, гнавший скот Смерти, и провел его по дороге, что вела под землю, как бы в огромную нору. Они пришли к просторному месту, где находились какие-то люди. Отец спрятал сына и отправился спать. На следующее утро появился Великий Вождь, Смерть. Одной стороной он был прекрасен; другая же — гниющая — кишела червями. Его спутники подбирали падающие на землю личинки. Когда они закончили промывать его язвы, Смерть сказал: «Тот, кто родился сегодня, если отправится торговать, будет ограблен. Женщина, зачавшая сегодня, да умрет с зачатым ребенком. Мужчина, что возделывает землю сегодня, да потеряет весь урожай. Тот, кто отправится в джунгли, да будет съеден львом».

Таким образом, провозгласив всеобщее проклятие, Смерть отправился отдыхать. Но на следующее утро, когда он появился, его спутники промыли его прекрасную сторону, умастив ее маслом. Когда они закончили, Смерть произнес благословение: «Тот, кто родится сегодня, да будет богат. Пусть женщина, зачавшая сегодня, родит ребенка, который проживет до старости. Тот, что родится сегодня, пусть идет торговать; пусть заключает только выгодные сделки; пусть смело торгует вслепую. Мужчина, что войдет в джунгли, да будет у него богатая добыча; да совладеет он даже со слонами. Потому что сегодня я провозглашаю благословение».

Тогда отец сказал сыну: «Если бы ты пришел сегодня, то обладал бы многим. Но теперь ясно, что тебе предопределена бедность. Завтра тебе лучше уйти».

После чего сын вернулся к себе домой^[202].

Солнце Преисподней, Повелитель Мертвых, является другой стороной того же лучезарного царя, что дарит день и правит днем; ибо «Кто посылает вам удел с неба и земли? И кто выводит живое из мертвого и выводит мертвое из живого? И кто правит делом?»^[203] Здесь уместно вспомнить сказку вачага об очень бедном человеке, Къязимба, которого старуха перенесла к зениту неба, где в полдень отдыхает Солнце^[204]; там Великий Вождь одарил его процветанием. Можно также вспомнить лукавого бога Эдшу, описанного в сказке, родившейся у другого берега Африки^[205]: его величайшим удовольствием было сеять раздор. Это различное видение одного и того же страшного Провидения. Оно вмещает в себя и от него исходят все противоречия, добро и зло, жизнь и смерть,

боль и радость, блага и лишения. Как фигура, стоящая у солнечной двери, это источник всех пар противоположностей. «У Него — ключи тайного... к Нему ваше возвращение, потом Он сообщит вам, что вы делали»^[206].

Таинство внутренне противоречивого отца прекрасно передает образ великого доисторического перуанского бога по имени Виракоча. Его тиарой является солнце; в каждой руке он держит по молнии; а из его глаз в виде слез идут дожди, что освежают жизнь долин мира. Виракоча — Вселенский Бог, творец всех вещей; и тем не менее в легендах о его появлениях на земле он изображается бредущим, как нищий, в лохмотьях и всеми поносимый. При этом вспоминается проповедь о Марии и Иосифе, которым некогда было в Вифлееме отказано в ночлеге^[207], и классическая история о том, как Юпитер и Меркурий просили о ночлеге в доме Филемона и Бавкиды^[208]. Также вспоминается никем не узнанный Эдшу. Эта тема часто встречается в мифологии; ее суть хорошо выражают слова из Корана «и куда бы вы ни обратились, там лик Аллаха»^[209]. «Этот Атман, скрытый во всех существах, не проявляется, но острым и тонким рассудком его видят пронизательные»^[210]. «Разломи палку, — гласит афоризм в духе гностиков, — и там найдешь Христа»^[211].

Следовательно, проявляя таким образом свою вездесущность, Виракоча сходен по своему характеру с высочайшими вселенскими богами. Более того, знаком нам и этот синтез бога-солнца и бога-бури. Мы знаем его из древнеиудейской мифологии о Яхве, в котором объединены черты двух богов (бога бури и солнечного бога); он обнаруживается в представлении навахо об отце богов-близнецов; он виден в фигуре Зевса, а также в сочетании молнии и солнечной короны в некоторых формах образа Будды. Суть заключается в том, что милость, льющаяся во вселенную через солнечную дверь, — это и энергия молнии, которая разрушает, сама являясь неразрушимой: разбивающий иллюзии свет — то же самое, что и свет творящий. Или опять же, с точки зрения вторичной полярности природы: пламя, горящее в солнце, присутствует также и в грозе, несущей влагу земле; за элементарной парой противоположностей, огнем и водой, стоит одна и та же энергия.

Но самая удивительная и трогательная черта Виракоча, этой возвышенной перуанской визуализации универсального бога, — деталь, которая является его специфической особенностью, его слезы. Живительные воды — это слезы Бога. В этом смысл монашеского отречения от мира; «Все в жизни есть тлен» соотносится с миропорождающим заветом отца: «Да будет жизнь!» В полном понимании

жизненных мучений сотворенных его рукой созданий, в полном осознании моря страданий, раздирающих разум огней заблуждающейся и самое себя опустошающей, похотливой и гневливой, им же сотворенной вселенной, этот бог уступает жизни право поддерживать жизнь. Удерживать оплодотворяющие воды означало бы уничтожение мира; дать им волю означает создание мира, который мы знаем. Ибо сущность времени — это течение, разложение существующего на мгновения; а сущность жизни — это время. В своем сострадании, в своей любви к тленным формам творец людей сохраняет это море страданий; но так как он осознает, что делает, то осеменяющие воды жизни, которые он дарует миру, — это слезы из его глаз.

Парадокс сотворения, приход из вечности тленных форм — это отцовская тайна зачатия. Ее никогда нельзя объяснить полностью. Поэтому в каждой системе теологии существует своя пуповинная точка, Ахиллесово сухожилие, которого коснулся перст матери жизни, и возможность совершенного знания здесь ограничена. Проблема героя заключается в том, чтобы постичь себя (а вместе с тем и мир) именно в этой точке; разбить и уничтожить этот ключевой узел своего ограниченного существования.

Проблема героя, собирающегося встретиться с отцом, заключается в том, чтобы, забыв про ужас, открыть свою душу до такой степени, чтобы быть готовым понять, каким образом величие Бытия оправдывает самые отвратительные и безумные трагедии этой огромной безжалостной вселенной. Герой преступает пределы жизни с ее своего рода слепым пятном и на мгновение поднимается до способности смотреть на источник. Он видит облик отца, понимает его и приходит к примирению с ним.

В библейском сказании об Иове Господь не делает никакой попытки оправдать — ни с человеческой, ни с какой-либо иной точки зрения — недостойную плату, определяемую им своему добродетельному слуге, «человеку непорочному, справедливому и богобоязненному и уклоняющемуся от зла». И вовсе не за их собственные грехи слуги Иова были убиты халдейскими воинами, а его сыновья и дочери раздавлены упавшей крышей. Когда его друзья прибыли, дабы утешить его, они с благочестивой верой в правосудие Господне сказали, что Иов, должно быть, свершил какой-то грех, за что и заслужил такое страшное наказание. Но честный, смелый, отстаивающий истину на земле и страдающий Иов настаивал, что свершения его были благами; после чего утешитель его, Елиуй, обвинил его в богохульстве за то, что мнит он себя более справедливым, чем Бог.

Когда Господь отвечает Иову из бури, Он не делает никакой попытки

оправдать с этической точки зрения содеянное Им, а лишь восхваляет Свое Присутствие и советует Иову поступать на земле подобным образом в человеческом подражании небесному пути:

«Препояшь, как муж, чресла твои: Я буду спрашивать тебя, а ты объясняй Мне. Ты хочешь ниспровергнуть суд Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя? Такая ли у тебя мышца, как у Бога? И можешь ли возгреметь голосом, как Он? Укрась же себя величием и славою, оденься в блеск и великолепие. Излей ярость гнева твоего, посмотри на все гордое, и смири его. Взгляни на всех высокомерных, и унижь их, и сокруши нечестивых на местах их. Зарой всех их в землю, и лица их покрой тьмою. Тогда и Я признаю, что десница твоя может спасти тебя»^[212].

Нет ни слова объяснения, никакого упоминания о двусмысленном споре с Сатаной, описанном в первой главе Книги Иова; только лишь немилосердная демонстрация факта из фактов, а именно: человек не может судить волю Бога, которая исходит из того, что лежит вне человеческих категорий. Категорий, которые окончательно разрушает Всемогущий в Книге Иова и которые остаются разрушенными до конца. Тем не менее для самого Иова это откровение представляется имеющим душеспасительный смысл. Он был героем, который своей отвагой в огненном горниле, своим нежеланием сломиться и пасть ниц перед распространенным пониманием образа Всевышнего доказал свою способность смело встретить откровение большее, чем все, что удовлетворяло его друзей. Его слова из последней главы никак нельзя истолковывать как простое отчаяние. Это слова человека, который *увидел* нечто превосходящее все, что было *сказано* в оправдание случившегося. «Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле»^[213]. Набожные утешители посрамлены; Иову дарован новый дом, новая прислуга и новые дочери и сыновья. «После того Иов жил сто сорок лет, и видел сыновей своих и сыновей сыновних до четвертого рода. И умер Иов в старости, насыщенный днями»^[214].

Сын, который действительно созрел, чтобы понять отца, муки испытания переносит с готовностью; для него мир уже не является юдолью слез, а блаженство дарующим проявлением вечного Присутствия. Сравните с гневом рассерженного Бога, каким он являлся Джонатану Эдвардсу и его пастве, нижеследующий полный любви стих, написанный в одном из

жалких восточноевропейских гетто в том же столетии:

О Владыка Вселенной,
Я буду петь Тебе песнь.
Где Тебя можно найти,
И где Тебя не найти?
Куда я иду — там ты.
Где я остаюсь — там тоже Ты.
Ты, Ты и только Ты.
Все, что добро — благодаря Тебе.
Все, что зло — тоже благодаря Тебе.
Ты есть, Ты был и Ты будешь.
Ты правишь, Ты правил и Ты будешь править.
Небеса — Твои и Земля — Твоя.
Ты заполняешь высшие сферы,
И низшие Ты тоже заполняешь.
Куда бы я ни обернулся, там есть Ты^[215].

5. Апофеоз

Одним из самых могущественных и почитаемых Бодхисатв в Махаяне Тибета, Китая и Японии является Держащий Лотос, Авалокитешвара, «Владыка, Глядящий Вниз с Жалостью», называемый так потому, что он с состраданием относится ко всем живым существам, страдающим от экзистенциального зла бытия^[216]. К нему обращена повторяемая миллионом молитвенных кругов и храмовых гонгов Тибета молитва *Om mani padme hum*, «Драгоценный камень — в лотосе». К нему, наверное, ежеминутно направлено больше молитв, чем к любому другому из богов, известных человечеству; ибо когда в своей последней жизни на земле в качестве человеческого существа он разбил для себя все преграды последнего порога (что открыло перед ним безвременье пустоты за всеми ведущими к разочарованию загадками — миражами определяемого именами и границами космоса), он остановился: он поклялся, что прежде чем войдет в пустоту, он приведет к просветлению все без исключения существа; и с тех пор он привносит в зримый облик существования божественную благодать своего спасительного присутствия, так что самая скромная молитва, адресованная ему, оказывается благосклонно

услышанной во всей обширной духовной империи Будды. В различных образах он пересекает десять тысяч миров и появляется в час нужды и молитвы. В человеческой форме он являет себя двуруким, в сверхчеловеческих образах — с четырьмя руками или с шестью, а также с двенадцатью или же с тысячей рук, и в одной из своих левых рук он держит лотос мира.

Подобно самому Будде, это богоподобное создание является образом божественного состояния, которого достигает человеческий герой, когда переступает последний порог ужаса незнания. «Когда оболочка сознания разрушается, тогда он становится свободным ото всех страхов, вне досягаемости перемен»^[217]. Это потенциальное освобождение, которое есть внутри всех нас и которого может достичь каждый, становясь героем; ибо, как мы читаем: «Всякое существование есть существование Будды»^[218]; или опять же (и это иной способ выражения одного и того же утверждения): «Все сущее лишено самости».

Весь мир наполняет собой и освещает Бодхисатва («тот, чье бытие есть просветление»); но не мир вмещает его — скорее, именно он держит мир, лотос. Боль и радость не окружают его, но он вмещает их — в своем глубоком покое. И так как он есть тот, кем можем быть все мы, само его присутствие, его образ, простое произнесение его имени спасительно.

«На нем венок из восьми тысяч лучей — полное отражение состояния совершенной красоты. Его тело пурпурно-золотого цвета. В его ладонях смешан цвет пяти сотен лотосов, в то время как на кончике каждого пальца его восемьдесят четыре тысячи печатей, и в каждой печати восемьдесят четыре тысячи цветов; каждый цвет излучает восемьдесят четыре тысячи лучей, мягких и нежных и освещающих все существующие вещи. Этими драгоценными руками он привлекает и обнимает все существа. По всему нимбу, окружающему его голову, рассеяны чудесно преображенные Будды, число которых пятьсот, каждого из них окружают пятьсот Бодхисатв, они же, в свою очередь, окружены бесчисленными богами. Когда он ступает своей ногой на землю, во всех направлениях все покрывается цветами рассыпающихся бриллиантов и драгоценных камней. Лицо его цвета золота. В своей высокой короне из драгоценных камней Будда возвышается на полных двести пятьдесят миль»^[219].

В Китае и Японии этот возвышенно мягкий Бодхисатва представлен не

только в мужском образе, но также и в женском. Кван Инь в Китае, Кваннон в Японии — дальневосточная Мадонна — являет миру милосердную заботу женщины. Ее можно встретить в каждом буддийском храме Дальнего Востока. Она одинаково священна как для простака, так и для мудреца; ибо за ее обетом стоит глубокое понимание, спасающее и поддерживающее мир. Остановка на пороге нирваны, решение воздержаться до скончания времени (которое не кончается никогда) от погружения в безмятежную заводь вечности представляют собой осознание того, что разделение между вечностью и временем является лишь кажущимся — созданным рациональным разумом в силу необходимости, но растворяющимся в совершенном знании разума, который переступил через пары противоположностей. Это — понимание того, что время и бесконечность являются двумя аспектами одной и той же целостной реальности, двумя плоскостями одного и того же неделимого и невыразимого; драгоценный камень вечности находится в лотосе рождения и смерти: *om maṇi padme hum*.

Первым удивительным моментом, который следует здесь отметить, является двоякополюй характер Бодхисатвы: в мужском образе — Авалокитешвара, в женском — Кван Инь. Объединяющие в себе мужское и женское начало боги нередко встречаются в мире мифа. Их появление всегда связано с некой тайной; они уводят ум за грани объективного восприятия в символическую сферу, где двойственность отсутствует. Об Авонавилоне, главном божестве народности зуни, боже-создателе и вместилище всего сущего, иногда говорят как о мужском образе, однако в действительности это он-она. Святая женщина Т'ай Юань, Великий Образец из китайских хроник, сочетает в себе мужское начало Ян и женское — Инь ^[220].

Каббалистические учения средневековых иудеев, так же как писания христианских гностиков II столетия представляют Слово, Ставшее плотью, как андрогинию — каковым было состояние Адама на момент его сотворения, пока его женская сторона, Ева, не была помещена в другую форму. И у греков не только Гермафродит (сын Гермеса и Афродиты) ^[221], но также и Эрос, бог любви (первый из богов согласно Платону) ^[222], были двуполы.

«И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчиной и женщиной сотворил он их» ^[223]. Если задаться вопросом относительно природы образа Божьего, то ответ на него следует искать в тексте, где он выражен вполне ясно. «Когда Священный, будь Он

Благословен, создал первого человека, Он создал его двуполым»^[224]. С перемещением женского начала в другую форму начинается нисхождение от совершенства к двойственности; за этим, естественно, следует открытие двойственности добра и зла, изгнание из Рая, где «Бог ходил по земле», и возведение стены Рая, образуемой «совпадением противоположностей»^[225]; посредством этой стены Человек (теперь мужчина и женщина) отрезан не только от видения, но даже от воспоминания образа Бога.

Это библейский вариант мифа, известного во многих странах. В нем представлен один из основных путей символизации таинства творения: развитие вечности во время, разделение одного на два, а затем на множество, а также зарождение новой жизни посредством воссоединения пары. Этот образ относится к началу космогонического цикла^[226] и столь же правомерно — к моменту завершения миссии героя, когда стена Рая исчезает и происходит новое открытие и восстановление божественной формы и новое обретение мудрости^[227].

Тиресий, слепой провидец, был двупол — его глаза были закрыты для ломаных форм мира отраженного света и пар противоположностей, однако в своей внутренней темноте он увидел судьбу Эдипа^[228]. В одной из своих форм, известной как Ардханариша (Бог-полуженщина), Шива является слитым в одном теле с Шакти, своей супругой (он как правая сторона, она как левая)^[229]. Образы предков некоторых африканских и меланезийских племен имеют на одном теле груди матери, бороду и пенис отца^[230]. И в Австралии, примерно через год после тяжелого испытания обрезания юноша, вступающий в полную зрелость, подвергается второй ритуальной операции — нижнего надрезания (нижняя часть пениса разрезается для образования постоянной щели в уретре). Этот разрез называется «лоном пениса», символизируя мужское влагалище. Благодаря обряду герой становится больше, чем мужчиной^[231].

Кровь для ритуальных рисунков и для приклеивания белых птичьих перьев к своему телу австралийские отцы берут из своих нижних надрезов. Они вновь вскрывают старые раны и пускают кровь, которая одновременно символизирует менструальную кровь и мужскую сперму, а также мочу, воду и мужское молоко^[232]. Кровотечение демонстрирует, что старики несут в себе источник жизни и питания^[233], то есть они являют собой неистощимый мировой фонтан^[234].

Зов Великого Змея-Отца звучал для ребенка тревожно, мать была его заступницей. Но приходил отец. Он был проводником и вершителем

посвящения в тайны неведомого. Как первый незванный гость в раю ребенка с его матерью отец является архетипным врагом, поэтому на протяжении всей жизни любой враг символизирует (для бессознательного) отца. «Кто бы ни был убит, становится отцом»^[235]. Отсюда и почитание голов, принесенных домой с набегов на враждебные племена, в общинах, где практикуется охота за головами (в Новой Гвинее, например)^[236]. Отсюда и непреодолимое стремление воевать — побуждение уничтожить отца постоянно трансформируется в общественно значимое насилие. Старшие мужчины родовой общины или племени защищают себя от своих растущих сыновей психологической магией своих тотемных обрядов. Они разыгрывают роль страшного отца, а затем намекают, что являются также и кормящей матерью. Таким образом образуется новый рай, раздвигающий границы прежнего. Но в этот рай не допускаются традиционно враждебные роды или племена, на которые продолжает систематически проецироваться агрессия. Все «доброе» содержание матери-отца сохраняется для дома, в то время как «злое» выносится во внешний круг. «Кто этот необрезанный филистимлянин, что так поносит воинство Бога живого?»^[237] «И не слабейте в поисках этих людей. Если вы страдаете, то и они страдают так, как вы страдаете, притом что вы надеетесь от Аллаха на то, на что они не надеются»^[238].

Тотемный, родовой, племенной или агрессивно насаждаемый миссионером культ — все это лишь частичные решения психологической проблемы преодоления ненависти любовью, они иницируют лишь отчасти. В них эго не уничтожается, скорее, рамки его раздвигаются, вместо того чтобы заботиться только о себе, индивид становится преданным своему обществу. Тем временем остальная часть мира (то есть большая часть человечества) остается за пределами сферы его симпатии и заботы, потому что она вне сферы заботы его бога. И здесь происходит драматический разрыв между двумя принципами — любви и ненависти, который щедро иллюстрируют страницы истории. Вместо того чтобы очистить свое собственное сердце, фанатик пытается очистить мир. Законы Града Божьего применяются лишь к непосредственно окружающей его общности (племени, церкви, нации, классу и т. п.), в то время как огонь вечной священной войны направляется (с чистой совестью и с искренним чувством благочестивого служения) против любого необрезанного, любого варвара, язычника, «местного», любого чужого народа, оказавшегося по соседству^[239].

Мир составляют возникшие в результате этого, борющиеся друг с

другом группы людей: приверженцы тотема, флага, партии. Даже так называемые христианские нации — которые, как предполагается, должны следовать учению Мирового Спасителя — более известны в истории своей колониальной жестокостью и междоусобной борьбой, чем каким-либо практическим проявлением абсолютной любви, синонимичной действительному покорению эго, мира эго и родового бога эго, — любви, которой учил открыто признаваемый ими верховный Бог.

«Но вам, слушающим, говорю, любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас. Ударившему тебя по щеке подставь и другую, и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку. Всякому, просящему у тебя, давай, и от взявшего твое не требуй назад. И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними. И если любите любящих вас, какая вам за то благодарность, ибо и грешники любящих их любят. И если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность, ибо и грешники то же делают. И если займы даете тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность, ибо и грешники дают займы грешникам, чтобы получить обратно столько же. Но вы любите врагов ваших, и благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего, и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего, ибо Он благ и к неблагодарным и злым. Итак будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд»^[240].

Если мы освободимся от предрассудков своего собственного, локально ограниченного церковного, племенного или национального толкования мировых архетипов, то сможем понять, что высшая инициация — это не инициация наших местных заботливых отцов, которые затем ради собственной защиты проецируют агрессию на соседей. Благая весть, которую принес Спаситель Мира и которой столь многие возрадовались, жаждали проповедовать, но, по-видимому, не желали демонстрировать, заключается в том, что Бог есть любовь, что его можно и должно любить и что мы все без исключения — его дети^[241]. Такие сравнительно тривиальные вопросы, как устоявшиеся детали символа веры, формы вероисповедания и устройство епископальной организации (которые настолько поглотили интерес западных теологов, что сегодня они серьезно обсуждаются как принципиальные вопросы религии^[242]), сводятся к

изоощрениям в педантизме, если не удерживать их в подчинении основам учения. Действительно, там, где об этом забывали, сказывался регрессивный эффект: образ отца сводился к тотемному смыслу. Именно это, конечно же, и случилось во всем христианском мире. Как будто нам было предоставлено решать или постигать, кому из нас всех отдает предпочтение Отец. Тогда как учение представляет нас далеко не так лестно: «Не судите, да не судимы будете»^[243]. Крест Спасителя Мира, несмотря на поведение на словах поклоняющихся ему священников, является гораздо более демократичным символом, чем местный флаг^[244].

Понимание предельного — и решающего — смысла спасительных для мира слов и символов традиции христианства было столь основательно извращено на протяжении бурных столетий, прошедших с момента объявления св. Августином священной войны *Civitas Dei* против *Civitas Diaboli*, что современный мыслитель, желая познать смысл мировой религии (то есть доктрины всеобщей любви), должен обращаться к другому великому и (намного более древнему) всеобщему вероучению: вероучению Будды, где первичным словом до сих пор остается мир — мир всему сущему^[245].

Нижеследующие тибетские стихи, например, из двух гимнов поэта — святого Миларепы были сложены приблизительно в то же время, когда Папа Урбан II призывал к Первому Крестовому походу.

В Городе Иллюзий Шести Плоскостей Мира
Всем движет грех и помрачение, рожденные пороком;
Там существо следует велениям пристрастий и
предубеждений,
Так никогда и не постигнув Равенства:
О сын мой, избегай пристрастий и предубеждений^[246].

Осознайте Пустоту Всех Вещей,
И сострадание родится в сердцах ваших;
Утратьте все различия меж собой и другими,
И будете готовы служить другим вы;
И когда в служении другим вы добьетесь успеха,
Тогда вы встретитесь со мною;
И, найдя меня, вы достигнете Просветления^[247].

Покой лежит в основе всего, потому что Авалокитешвара — Кваннон, великий Бодхисатва, Безграничная Любовь, включает в себя каждое чувствующее существо, внимает каждому и пребывает в каждом (без исключения). Он видит все — и мимолетное совершенство изящных крылышек насекомого — он сам и есть их совершенство и их мимолетность; и длящееся годами страдание человека, самого себя терзающего, заблудшего, запутавшегося в сетях своего собственного незамысловатого бреда, потерявшего надежду, но все же несущего в себе нераскрытую, абсолютно неизведанную тайну освобождения. И он безмятежен над человеком и над ангелами; и ниже человека, демонов и несчастных умерших: все они притягиваются к Бодхисатве лучами его драгоценных рук, и они — это он, а он — это они. Мириады ограниченных, скованных центров сознания на каждом уровне существования (и не только в этой нашей вселенной, ограниченной Млечным Путем, но и далее в глубинах космоса) — галактика за галактикой, вселенная за вселенной, миры, возникающие из вечной бездны пустоты, вспыхивающие жизнью, а затем как мыльный пузырь исчезающие; снова и снова; бесчисленное множество жизней; все страдающие; каждый ограничен своим собственным скудным узким кругом — дерущиеся, убивающие, ненавидящие и жаждущие успокоения с победой: все они — дети, безумные персонажи преходящего, но неисчерпаемого, длящегося мирового видения. Видения всеобъемлющего, сущностью которого есть сущность Пустоты: «Бог, Взирющий Вниз с Состраданием».

Но это имя означает также: «Бог, Видимый Внутри»^[248]. Мы все являемся отражениями образа Бодхисатвы. Страждущий внутри нас есть это божественное сущее. Мы и этот оберегающий нас отец едины. Это спасительное проникновение в сущность. Этим оберегающим отцом является каждый встречающийся нам человек. И поэтому следует знать, что, хотя для этого несведущего, ограниченного, страдающего, защищающего себя тела всякое угрожающее ему другое тело есть враг, это тело тоже есть Бог. Великан-людоед разбивает нас, но герой достойно проходит инициацию «как мужчина»; и смотрите — это и был отец: мы в Нем и Он в нас^[249]. Милостивая, оберегающая нас мать нашего тела не может защитить нас от Великого Змея-Отца; смертное, материальное тело, которое она подарила нам, отдано в руки этой пугающей силы. Но не смерть венчает наше испытание. Нам даны новая жизнь, новое рождение, новое знание бытия (так что мы живем не только в этом теле, а во всех телах мира, как Бодхисатва). Наш отец сам явил себя как лоно, как мать,

как второе рождение^[250].

В этом заключается значение образа двуполого бога. Он и есть главное таинство инициации. Нас отнимают от матери, «пережевывают» и по кусочкам ассимилируют в уничтожающее мир тело великана-людоеда, для которого самые бесценные формы и существа являются лишь блюдами на его пиру; но затем, чудодейственно возродившись, мы оказываемся чем-то большим, чем были прежде. Если Бог — это родовой, племенной, национальный или конфессиональный архетип, то мы, стало быть, борцы за его дело; но если он — господь самой вселенной, тогда мы выступаем как просветленные, для которых все люди — братья. И в том и в другом случае родительские образы и идеи «добра» и «зла» остаются позади. Мы больше не желаем и не боимся; мы теперь и есть тот, к кому стремились и кого боялись. Все боги, Бодхисатвы и Будды присутствуют в нас, как в ореоле могущественного держателя лотоса мира.

Поэтому: «пойдем и возвратимся к Господу! ибо Он уязвил — и Он исцелит нас, поразил — и перевяжет наши раны; оживит нас через два дня, в третий день восставит нас, и мы будем жить пред лицом Его. Итак познаем, будем стремиться познать Господа; как утренняя заря — явление Его, и Он придет к нам как дождь, как поздний дождь оросит землю»^[251].

Это суть первого чуда Бодхисатвы: двуполый характер его образа. К тому же два явно противоположных мифологических свершения объединяются: Встреча с Богиней и Примирение с Отцом. Ибо в первом посвященный узнает, что мужчина и женщина являются (как это сказано в *Упанишадах*) «двумя половинами расколотой горошины»^[252]; тогда как во втором обнаруживается, что Отец предшествует разделению полов: местоимение «Он» было не более чем манерой выражения, миф с привлечением темы Сына — не более чем направляющей линией, которую следует стереть. И в обоих случаях обнаруживается (или, скорее, вспоминается), что герой сам является тем, кого он был призван найти.

Второй удивительный момент в мифе о Бодхисатве, который следует отметить, — это стирание границы между жизнью и освобождением от жизни, что символизируется (как мы уже видели) самоотречением Бодхисатвы от Нирваны. Вкратце: Нирвана означает «Гашение Тройственного Огня Желания, Враждебности и Иллюзии»^[253]. Как должен помнить читатель, в легенде об искушении под Деревом Бо (см. выше: Пролог, § 3) противником Будущего Будды был Кама-Мара, буквально

«Желание-Враждебность» или «Любовь и Смерть», маг Иллюзии. Он был олицетворением Тройственного Огня и трудностей последнего испытания, стражем последнего порога, пройти который необходимо вселенскому герою на своем высочайшем пути к Нирване. Подавив в себе до переломной точки первичного тлеющего уголька Тройственный Огонь, который есть движущая сила Вселенной, Спаситель видит вокруг себя отраженными, как в зеркале, последние проекции фантазий, порожденных примитивным желанием физического тела жить, как живут другие люди — согласно обычным побуждениям страсти и вражды, в иллюзорном окружении причин и следствий, целей и средств, воспринимаемых чувствами. Он подвергается последней яростной атаке пренебреженной плоти. И это является моментом, от которого зависит все; ибо от одного уголька может вновь занять большой пожар.

Эта знаменательная легенда дает нам прекрасный пример близкой связи восточного мифа с психологией и метафизикой. Яркие воплощения готовят разум к доктрине о тесной зависимости внутреннего и внешнего миров. Читателя, несомненно, поразило определенное сходство этой древней мифологической доктрины движущих сил психики с современным учением школы Фрейда. Согласно Фрейду, желание жизни (*эрос* или *либидо*, соответствующие буддийскому *Кама*, «страсть») и Желание смерти (*танатос* или *деструдо*, соответствующие буддийскому *Мара*, «враждебность или смерть») — два побуждения, которые не только движут индивидом изнутри, но также и оживляют для него весь окружающий мир^[254]. Кроме того, скрытые в бессознательном иллюзии, пробуждающие желание и отвращение, в обеих системах рассеивает психологический анализ (санскритское *viveka*) и просветление (санскритское *vidyā*). Однако цели этих двух учений — дошедшего до нас через поколения и современного — не совсем сходны.

Психоанализ — это метод лечения людей, чрезмерно страдающих от того, что бессознательно направляют не в ту сторону свои желания и неприязни, которые сплетают вокруг них свою паутину из нереальных страхов и амбивалентностей; освобожденный от них пациент оказывается способен со сравнительным удовлетворением занять свое место в культуре своего времени с ее более реалистичными страхами и предубеждениями, эротическими и религиозными устремлениями, деловыми предприятиями, войнами, развлечениями и домашними заботами. Но для того, кто намеренно предпринял сложное и опасное путешествие за пределы владений своей общины, эти интересы также предстают как основанные на заблуждении. Поэтому целью религиозного учения является не излечение

индивида с целью, чтобы вернуть его к общим иллюзиям, а полное отделение его от иллюзий, и не посредством реорганизации желания (эроса) и враждебности (*танатоса*) — ибо это лишь помещает иллюзию в новый контекст — а посредством радикального *погашения* побуждений, следуя прославленным Восьмеричным Путем буддистов.

Правильная Вера, Правильные Намерения,
Правильная Речь, Правильные Действия,
Правильная Жизнь, Правильные Старания,
Правильная Забота, Правильная Концентрация.

С окончательным «уничтожением иллюзии, желания и враждебности» (нирвана) разум постигает, что все не так, как он думал: мысль уходит. Дух покоится в своем истинном состоянии. И может пребывать в нем до тех пор, пока не сбросит с себя тело.

Звезды, тьма, лампа, призрак, роса, пена,
Сон, вспышка молнии и облако
Так мы будем смотреть на все сотворенное^[255].

Однако Бодхисатва не отвергает жизнь. Обратив свое внимание от внутренней сферы истины, выходящей за пределы мысли (которая может быть описана как «пустота», так как она превосходит речь), вновь наружу, к миру явлений, он постигает вовне тот же океан бытия, который нашел внутри. «Форма есть пустота, а пустота воистину есть форма. Пустота не отличается от формы, а форма не отличается от пустоты. Что есть форма, то и есть пустота; а что есть пустота, то есть форма. И то же самое относится к восприятию, имени, концепции и знанию»^[256]. Превзойдя иллюзии своего прежнего самоутверждающегося, самообороняющегося, озабоченного самим собой эго, он познает, как внутри, так и снаружи, один и тот же покой. То, что он видит снаружи, является видимым аспектом великой, превосходящей мысль пустоты, обуславливающей его собственные восприятия эго, форму, ощущения, речь, концепции и знания. Он полон сострадания к запугавшим самих себя существам, живущим в страхе перед своим собственным кошмаром. Он поднимается, возвращается к ним и пребывает с ними как центр, не имеющий эго, демонстрирующий принцип пустоты во всей его простоте. И в этом состоит его великий «акт

сострадания»; ибо посредством этого акта открывается истина — в понимании того, кто погасил в себе Тройственный Огонь Желания, Враждебности и Иллюзии, этот мир *есть* Нирвана. От такого человека идут «волны благодати», несущие всем нам освобождение. «Эта наша жизнь в мире есть активность самой Нирваны, ни малейшего различия не существует между ними»^[257].

Таким образом, можно сказать, что современная терапевтическая цель, заключающаяся в возвращении к жизни, в конечном итоге достижима благодаря древнему религиозному учению, только круг, пройденный Бодхисатвой, является большим кругом; и его отход от мира рассматривается не как упущение, а как первый шаг на этом благородном пути, в отдаленнейшей поворотной точке которого достигается понимание глубокой пустоты вселенского круга. Такой идеал хорошо известен также и в индуизме: человек, свободный в жизни (*jīvan mukta*), не имеющий желаний, сострадательный и мудрый; «Истинный йог видит Меня во всех существах, и также видит все существа во Мне. Такой йог поклоняется Мне и всегда остается во Мне, при всех обстоятельствах»^[258].

Существует сказание о последователе Конфуция, который обратился к двадцать восьмому буддийскому патриарху, Бодхидхарме, с просьбой «успокоить его душу». Бодхидхарма ответил: «Покажи мне ее, и я успокою ее». На что конфуцианец сказал: «В этом моя беда, я не могу найти ее». Тогда Бодхидхарма сказал: «Твое желание исполнено». Конфуцианец понял и ушел с миром^[259].

Те, кто знают не только то, что Вечный живет в них, но и то, что и они и все вещи в действительности *есть* Вечный, обитают в рощах исполняющих желания деревьев, пьют напиток бессмертия и повсюду слышат неслышимую музыку вечного согласия. Они бессмертны. Даосские пейзажи Китая и Японии в высшей степени выразительно передают божественность этого земного состояния. Четыре благоволящих животных — феникс, единорог, черепаха и дракон — обитают в ивовых садах, бамбуковых рощах, среди слив, в дымке священных гор, недалеко от высокочтимых сфер. Мудрецы с изможденными телами, но вечно молодыми душами медитируют среди этих скал, скачут верхом на странных символических животных через вечные потоки или восхитительно беседуют за чашкой чая под звуки флейты Лан Цзай-хо.

Хозяйкой земного рая китайских бессмертных является сказочная богиня Хси Ванг Му, «Золотая Мать Черепахи». Она живет во дворце на горе Кун-лун, окруженном благоухающими цветами и золотой стеной

вокруг сада, с зубчатыми башнями из драгоценных камней^[260]. Она есть чистая квинтэссенция западного ветра. Ее гостей на «Празднике Персиков» (празднуется, когда созревают персики, один раз каждые шесть тысяч лет) обслуживают грациозные дочери Золотой Матери в беседках и павильонах у Озера Драгоценных Камней. В нем играют воды удивительного источника. Подаются костный мозг феникса, печень дракона и другие мясные кушанья; персики и вино даруют бессмертие. Слышна музыка невидимых инструментов; песни, что слетают с бессмертных уст; танцы девиц, которых можно здесь видеть, являются проявлениями радости вечности во времени^[261].

Церемонии чаепития в Японии устраиваются в духе даосского земного рая. Помещение для чайной церемонии, которое называется «обителью фантазии», является эфемерным строением, сооружаемым, чтобы огородить момент поэтической интуиции. Называемое также «обителью пустоты», оно лишено украшений. Временно там вешается одиночная картина или ставится композиция из цветов. Домик для чаепития называется «обителью несимметричного»: несимметричное предполагает движение; намеренно незаконченное оставляет вакуум, в который может погружаться воображение наблюдателя.

Гость идет по садовой дорожке и должен пригнуться, чтобы пройти под низким сводом. Он почтительно кланяется картине или композиции из цветов, кипящему чайнику и занимает свое место на полу. Простейший предмет, обрамленный господствующей в чайной церемонии простотой, выделяется своей загадочной красотой, его безмолвие хранит тайну существования во времени. Каждому гостю предоставляется возможность почувствовать это в самом себе. Таким образом, каждый гость созерцает вселенную в миниатюре и начинает осознавать свое скрытое родство с бессмертными.

Великие мастера чайных церемоний стремились создать момент, подводящий к переживанию божественного чуда; затем это ощущение из чайного домика переносилось в дом; а из каждого дома переходило на всю нацию^[262]. На протяжении длительного и мирного периода Токугава (1603–1868), до прихода commodora Перри в 1854 г., весь уклад японской жизни настолько был пропитан значимой формализацией, что бытие до мельчайших деталей превращалось в сознательное выражение вечности, а сам ландшафт — в святилище. Подобным же образом по всему Востоку, по всему античному миру и в доколумбовой Америке общество и природа являли разуму невыразимое. «Растения, камни, огонь, вода — все они

живые. Они смотрят на нас и видят наши нужды. Они видят, когда у нас нет ничего, чтобы защитить себя, — говорил старый рассказчик из племени апачей, — и именно тогда они открываются и заговаривают с нами»^[263]. Это то, что буддисты называют «проповедью неодушевленного».

Однажды один аскет-индуист прилег отдохнуть у священного Ганга, положив ноги на символ Шивы («лингам», сочетание фаллоса и вульвы, символизирующее союз Бога и его Супруги). Проходивший мимо жрец увидел отдыхающего в таком положении мужчину и отчитал его. «Как осмелился ты осквернить этот символ Бога, положив на него ноги?» — гневно обратился он к нему. Аскет ответил: «Добрый господин, я сожалею об этом, но не могли бы вы взять мои ноги и положить туда, где нет такого священного лингама?» Жрец схватил аскета за лодыжки и повернул ноги вправо, но когда он опустил их, из земли вырос фаллос, и ноги по-прежнему попирали его. Жрец снова подвинул их, и другой фаллос принял их. «Я понял!» — сказал посрамленный жрец, поклонился отдыхающему святому и отправился своей дорогой.

Третий удивительный момент мифа о Бодхисатве заключается в том, что первое чудо (а именно двуполоая форма) символизирует второе (тождественность вечности и времени). Ибо на языке божественных образов мир времени является великим материнским лоном. Жизнь в нем, зачатая отцом, состоит из ее тьмы и его света. Мы были зачаты в матери и жили в ней отделенные от отца, но когда мы покидаем лоно времени в момент нашей смерти (которая является нашим рождением в вечность), мы попадаем в его руки. Мудрые понимают, даже пребывая в этом лоне, что они пришли от отца и вернутся к нему; в то время как очень мудрые знают, что он и она по существу есть одно.

В этом заключается смысл тех тибетских образов соединения Будды и Бодхисатвы со своими собственными женскими проявлениями, что казались такими непристойными многим христианским критикам. Согласно одному из традиционных взглядов на эти вспомогательные средства медитации, женскую форму (тибетское: *yum*) следует рассматривать как время, а мужскую (*yab*) — как вечность. Объединение этой пары дает начало миру, в котором все вещи являются одновременно преходящими и вечными, созданными по образу этого познавшего самого себя полумужского-полуженского воплощения Бога. Посвященный через медитацию подходит к воспоминанию этой Формы форм (*yab-yum*) внутри себя. Или же, с другой стороны, мужскую фигуру можно рассматривать как символизирующую иницирующий принцип и путь инициации; в этом случае женская представляет цель, к которой ведет инициация. Но этой

целью является Нирвана (вечность). Таким образом, получается, что обе фигуры, мужскую и женскую, следует попеременно представлять себе и как время, и как бесконечность. То есть обе они суть одно и то же, каждая есть и то и другое, и двойственная форма (*yab-yum*) является лишь следствием иллюзии, которая сама по себе, однако, ничем не отличается от просветления^[264].

Это высшее выражение великого парадокса, посредством которого раскалывается стена, образуемая парами противоположностей, и кандидату позволяет узреть Бога, который, создавая человека по своему подобию, сотворил его мужчиной и женщиной. В правой, мужской, руке он держит молнию, которая является наиболее полным соответствием его мужского образа, в то время как в своей левой руке он держит колокол, символизирующий богиню. Молния представляет одновременно и путь и вечность, тогда как колокол — «просветленный дух»; звук этого колокола есть прекрасный голос вечности, который слышим для чистого ума во всем мироздании, а следовательно и в себе самом^[265].

Именно этот колокол звонит во время христианской мессы причастия в тот момент, когда Бог, благодаря силе слов освящения, нисходит в хлеб и вино. Таково же и христианское толкование смысла происходящего: *Et Verbum caro factum est*^[266], или, иными словами, «Драгоценный камень — в Лотосе»: *Om mani padme hum*^[267].

6. Вознаграждение в конце пути

Принц Острова Одиночества шесть дней и ночей оставался на золотом ложе со спящей королевой Туббер Тинти. Ложе помещалось на золотых колесах, которые непрерывно вращались. Ложе катилось по кругу, не останавливаясь ни днем, ни ночью. На седьмой день он сказал: «Пришло время оставить это место». И он сошел с ложа и наполнил три сосуда водой из огненного колодца. В золотой комнате стоял золотой стол, а на столе лежала баранья нога и хлеб; и если бы все люди Эрина на протяжении двенадцати месяцев ели со стола, эта баранья нога и этот хлеб не убавились бы.

«Принц сел за стол, вволю насытился бараниной с хлебом и оставил их такими, какими нашел. Затем он поднялся, взял сосуды с водой, положил их в свою котомку и уже собирался выйти из комнаты, когда вдруг подумал: «Жаль уходить, не оставив чего-нибудь, чтобы королева могла узнать, кто здесь побывал, пока она спала». И он написал письмо, сообщая,

что сын короля Эрина и королевы Острова Одиночества провел шесть дней и ночей в золотой комнате Туббер Тинти, набрал воды из огненного колодца и поел с золотого стола. Положив письмо под подушку королевы, он подошел к открытому окну, прыгнул на спину своей худой и косматой лошаденки, и та целым и невредимым доставила его домой, миновав деревья и реку»^[268].

Легкость, с которой завершается здесь путешествие, означает, что герой выше простого человека, он королевской крови. Такая легкость характерна для многих сказок и всех легенд, в которых описываются свершения воплощенных богов. Там, где обычному герою предстояло бы испытание, избранный не встречает никаких препятствий и не делает никаких ошибок. Колодец — это Центр Мироздания, его огненная вода — это неразрушимая сущность бытия, кровать, безостановочно катящаяся по кругу, подразумевает Ось Мира. Спящий замок — это пучина, в которую погружается сознание во сне, где индивидуальная жизнь находится на грани растворения в огне однородной энергии: растворение в ней означало бы смерть; но отсутствие огня — это тоже смерть. Тема неиссякающей пищи (берущая свое начало в детской фантазии), символизирующая вечно животворные, формообразующие силы вселенского источника, является сказочным соответствием мифологического образа неистощимой щедрости пира богов. Сведение вместе двух великих символов — встречи с богиней и похищения огня — с предельной ясностью и простотой раскрывает статус антропоморфных сил в сфере мифа. Сами по себе они являются не конечной целью, а стражем, воплощением или носителем — живительным напитком, молоком, пищей, огнем — благодати нетленной жизни.

Такой образ можно легко интерпретировать как изначально (хотя, вероятно, и не всецело) психологический; на самых ранних стадиях развития ребенка можно наблюдать признаки зарождения «мифологии», отражающей состояние вне превратностей времени. Они появляются как реакция, как спонтанный эффект защитных механизмов против страшных фантазий о разрушении тела, которые осаждают ребенка, когда его отлучают от материнской груди^[269]. «Ребенок реагирует вспышкой раздражения, и фантазия, которая сопровождает эти вспышки раздражения, состоит в том, чтобы вырвать все из тела матери... После этого ребенок боится возмездия за эти свои побуждения, то есть боится, что у него самого все будет вырвано изнутри»^[270]. Беспокойство за целостность своего тела, фантазии о ее восполнении, безмолвная глубокая потребность в невредимости и защите от «злых» сил, грозящих нам изнутри и снаружи,

начинают руководить развивающейся психикой; они сохраняются в качестве определяющих факторов и в последующей невротической и даже нормальной жизненной деятельности, в духовных стремлениях, религиозных верованиях и ритуальных обычаях взрослого.

Практика, например, знахаря, этого центрального ядра всех примитивных обществ, «зарождается... на основе детских фантазий разрушения тела с привлечением ряда защитных механизмов»^[271]. В Австралии основная концепция знахарства заключается в том, что духи изымают внутренности колдуна и заменяют их галькой, кристаллами кварца, чем-то вроде веревки, а иногда еще и небольшой змеей, наделяя их силой^[272].

«Первая формула сводится к фантазии (мои внутренности уже уничтожены), за этим следует реакция (мои внутренности — это не что-то разлагающееся, полное фекалий, а нечто неподвластное разложению, наполненное кристаллами кварца). Второй является проекция: «Это не я пытаюсь проникнуть в тело, а чужие колдуны, которые вводят субстанцию болезней в людей». Третья формула — восстановление: «Я пытаюсь не разрушать внутренности людей, я исцеляю их». Однако в это же время элемент первоначальной фантазии, относительно ценного содержимого, вырванного из тела матери, возвращается в виде техники врачевания: высосать, вытащить, стереть что-то с пациента»^[273].

Другой образ неподвластности разрушению представлен в народных представлениях о духовном «двойнике» — внешней душе, которую не затрагивают повреждения и утраты данного тела и которая пребывает в безопасности в некотором отдаленном месте^[274].

«Смерть моя, — говорит один из таких устрашающих персонажей, — находится далеко отсюда, и найти ее трудно. На широком море есть остров, на нем растет зеленый дуб, под дубом стоит железный ларец, внутри его есть корзинка, а в ней заяц, в зайце — утка, а в утке — яйцо. Так вот, тот, кто найдет это яйцо и раздавит его, убьет меня»^[275].

Сравните со сновидением современной преуспевающей деловой женщины:

«Меня выбросило на берег пустынного острова. Там оказался также и католический священник. Он пытался что-то сделать, чтобы перебросить доски с одного острова на другой, так чтобы по ним можно было пройти. Мы перешли на другой остров и там спросили женщину, куда я ушла. Она ответила, что я ныряю с какими-то ныряльщиками. Затем я пошла куда-то вглубь острова, где было прекрасное озеро, полное драгоценностей и самоцветов, и другая «я» ныряла там с аквалангом. Я стояла там, глядя вниз и наблюдая за самой собой»^[276].

Существует прелестная древнеиндийская сказка о царской дочери, которая была согласна выйти замуж только за того мужчину, который найдет и разбудит ее двойника в Стране Солнечного Лотоса, на дне морском^[277]. В Австралии прошедшего инициацию после женитьбы дед подводит к священной пещере и показывает небольшой кусок дерева с вырезанными на нем аллегорическими рисунками: «Это, — говорят ему, — твое тело; это и твое тело — одно и то же. Не переноси его в другое место, иначе тебе будет больно»^[278]. Манихейцы и христианские гностики I века н. э. учили, что когда душа блаженного попадает на небеса, ее встречают святые и ангелы и преподносят ей «одеяние из света», которое ждало ее.

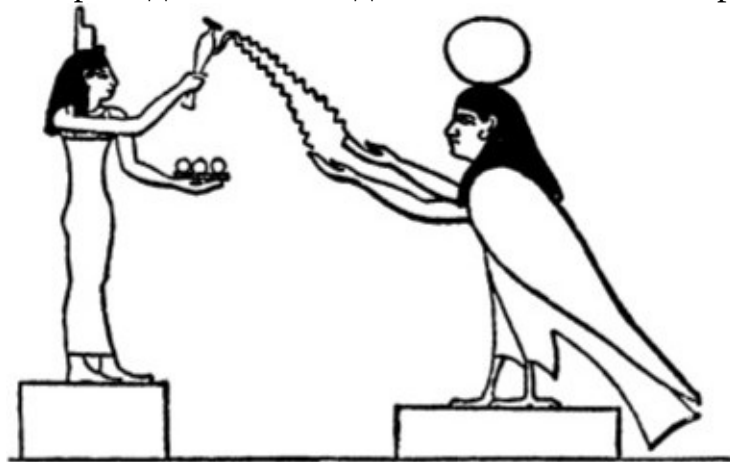

Рис. 7. Исида, дающая душе хлеб и воду

Высшим блаженством для Нетленного Тела является длящееся непрерывно пребывание в Неиссякаемом Молочном Раю:

«Возвеселитесь с Иерусалимом и радуйтесь о нем, все любящие его! возрадуйтесь с ним радостью, все сетовавшие о нем, чтобы вам питаться и насыщаться от сосцев утешений его, упиваться и наслаждаться преизбытком славы его. Ибо так говорит Господь: вот, Я направляю к нему мир как реку, и богатство народов — как разливающийся поток для наслаждения вашего; на руках будут носить вас и на коленях ласкать»^[279].

Даром «Все Исцеляющего», неистощимого сосца, является пища для души и тела, сердечный покой. Гора Олимп поднимается к небесам; боги и герои пируют там амброзией (от греч.: α — не, $\beta\rho\omicron\tau\omicron\varsigma$ — смертный). В зале Вотана в горах четыреста тридцать две тысячи героев вкушают неиссякаемую плоть Сахримнира, Космического Вепря, и запивают ее молоком, что струится из вымени козы Хейдрун — она кормится листьями Иггдрасиля, Мирового древа. На сказочных холмах Эрина бессмертные Туата Де Данаан питаются самовозрождающимися свиньями Мананнана, вволю запивая их элем Гоибниу. В Персии в саду на горе Хара Березайти боги пьют дающую бессмертие *хаома*, приготовленную из Древа жизни Гаокерена. Японские боги пьют *sake*, полинезийские — *аве*, ацтекские боги пьют кровь мужчин и девушек. И спасенным в горнем саду Яхве подают неиссякающее восхитительное мясо химерических созданий — Бегемота, Левиафана и Зиза, и пьют они напитки четырех сладких рек Рая^[280].

Очевидно, что детские фантазии, которые сохраняются в нашем бессознательном, постоянно питают и миф, и сказку, и церковные учения как символы неразрушаемого существа. Это позитивный фактор, потому что разум чувствует себя в своей стихии среди этих образов и как бы вспоминает что-то, уже известное ранее. Но это обстоятельство является к тому же и негативным фактором, ибо при этом чувства опираются на символы и яростно сопротивляются всякой попытке выйти за их пределы. Чудовищная пропасть между этими по-детски блаженными толпами, что наполняют мир набожностью, и теми, кто поистине свободен, открывается на границе, где символы отступают и остаются *по ту сторону*. Вот что пишет Данте, покидая Рай Земной:

О вы, которые в челне зыбучем,
Желая слушать,плыли по волнам
Вослед за кораблем моим певучим,
Поворотите к вашим берегам!
Не доверяйтесь водному простору!

Как бы, отстав, не потеряться вам!
Здесь не бывал никто по эту пору:
Минерва веет, правит Аполлон,
Медведиц — Музы указуют взору^[281].

Здесь лежит линия, за которую мышление не выходит, за которой все чувства поистине мертвы: как последняя станция на железной дороге в горах, откуда уходят альпинисты и куда они возвращаются, чтобы общаться с теми, кто любит горный воздух, но боится высоты. Невыразимое понимание неопишемого блаженства приходит к нам непременно облаченное в образы, напоминающие воображаемое блаженство детства; отсюда обманчивая детскость сказок. Отсюда также и неадекватность любого чисто психологического толкования^[282].

Изогранный юмор детских представлений, подвергнутых искусной мифологической обработке метафизического учения, великолепно передает один из самых известных великих мифов восточного мира: древнеиндийское предание о великой битве в начале времен между асурами и богами за напиток бессмертия. Прадавнее земное существо, Кашьяпа, «Человек-Черепашка», взял в жены тринадцать дочерей еще более древнего демиургического главы рода Дакши, «Бога добродетели». Двое из этих дочерей, по имени Дити и Адити, родили соответственно асуров и богов. Однако в бесконечном ряде семейных распрей многие из этих сыновей Кашьяпы были убиты. Но вот верховный жрец асуров великим аскетизмом и медитациями снискал благосклонность Шивы, Бога Вселенной. Шива наделил его способностью оживать мертвых. Это обеспечило асурам преимущество над богами, что вскоре дало о себе знать в одной из последующих битв. Боги в смятении отступили и, устроив совет, обратились к верховным богам Брахме и Вишну^[283]. Те посоветовали богам заключить со своими братьями-врагами временное перемирие, во время которого они бы вместе с асурами взбили Молочный Океан бессмертной жизни, чтобы добыть из него амриту (*a* — не, *mrita* — смертный), «напиток бессмертия». Польщенные приглашением, которое они посчитали за признание своего превосходства, асуры с радостью согласились принять в этом участие; и таким образом началось эпохальное совместное приключение в начале четырех веков мирового цикла. В качестве мутовки для взбивания была выбрана гора Мандара. Васуки, змеиный царь, согласился быть веревкой, с помощью которой нужно было крутить гору. Сам Вишну, в образе черепахи, нырнул в Молочный Океан,

чтобы своей спиной поддерживать основание горы. После того как змея намотали на гору, боги ухватились за его хвост, а асуры — за его голову. И затем на протяжении тысячи лет они все вместе взбивали океан.

Первым с поверхности океана поднялся черный ядовитый дым, называющийся Калакута, «Черная Вершина», то есть высочайшая концентрация силы смерти. «Выпей меня», — сказала Калакута; и работу нельзя было продолжать до тех пор, пока не найдется кто-нибудь, способный выпить ее. Обратились к отстраненно сидящему в одиночестве Шиве. Величаво вышел он из глубоко сосредоточенной медитации и направился к месту взбивания Молочного Океана. Набрав настой смерти в кубок, он одним глотком осушил его и своей силой йога удерживал напиток в горле. Горло его посинело. Поэтому к Шиве обращаются как к «Синей Шее», Нилакантха.

Взбивание возобновилось, и вскоре из неистощимых глубин начали подниматься совершенные формы концентрированной силы. Появились Апсары (нимфы), богиня счастья Лакшми, молочно-белый конь по имени Уччайхшравас, «Громко Ржущий», драгоценный камень Каустубха и другие замечательные вещи числом тринадцать. Последним появился искусный лекарь богов Дханвантари, держащий в руке луну, чашу нектара жизни.

И тут началась великая битва за обладание бесценным напитком. Одному из асуров, Раху, удалось украсть глоток, но он был обезглавлен до того, как жидкость прошла по его горлу; его тело истлело, а голова осталась бессмертной. Эта голова и сейчас непрестанно следует через небеса за луной, пытаясь снова схватить ее. Когда ей это удастся, чаша луны легко проходит через рот и снова выходит из горла: вот почему бывают затмения луны.

Но Вишну, беспокоясь о том, чтобы боги не потеряли своего превосходства, превратился в прекрасную танцующую девушку. И пока асуры, которые были весьма похотливыми созданиями, стояли, застыв без движения, очарованные прелестями девушки, она схватила чашу-луну с амритой, немного подразнила их ею, а затем неожиданно передала чашу богам. Вишну тут же снова превратился в могущественного героя, встал на сторону богов против асуров и помог оттеснить врага к скалам и темным ущельям нижнего мира. Теперь боги вечно вкушают амриту в своих прекрасных дворцах на вершине горы Сумеру, в Центре мира^[284].

Юмор является критерием истинно мифологической тональности, в отличие от более буквальной и сентиментальной теологической. Боги, как и иконы, сами по себе не являются конечной целью. Их занимательные мифы переносят разум и дух не куда-то *наверх* к ним, а *по ту сторону* их, в

пустоту, откуда более тяжеловесные теологические догмы кажутся не более чем педагогическими уловками: их функция — увести недалекий интеллект прочь от нагромождения конкретных фактов и событий в сравнительно возвышенную область, где в качестве последнего воздаяния мы можем наконец узреть все бытие — небесное, земное или inferнальное, которое превратилось в нечто вроде мимолетного, повторяющегося, обычного детского сна, блаженного и ужасного. «С одной точки зрения, все эти божества существуют, — ответил недавно тибетский лама на вопрос разумного западного гостя, — с другой — они нереальны»^[285]. Ортодоксальное учение древних Тантр гласит следующее: «Все эти мысленно представляемые божества являются лишь символами, отображающими различные явления, что встречаются на Пути»^[286]; это же утверждает и доктрина современных психоаналитических школ^[287].

То же самое метатеологическое понимание, по-видимому, подразумевается в последних строках Данте, где просветленный путешественник наконец-то способен проникнуть своим бесстрашным взором за пределы блаженного видения Отца, Сына и Святого Духа к единому Вечному Свету^[288].

Таким образом, богов и богинь следует рассматривать как воплощения и хранителей эликсира Бессмертного Бытия, но не как что-то Предельное в его первичном состоянии. Следовательно, то, что герой ищет в своей встрече с ними, это в конечном итоге не они сами, а их благосклонность, то есть сила их всеподпирающей субстанции. Эта чудесная энергия-субстанция, и только она, есть Нетленное; имена и образы богов, которые повсюду воплощают, распространяют и представляют ее, приходят и уходят. Это чудодейственная энергия молний Зевса, Яхве и Высшего Будды, плодородие дождя Виракоча, добродетель, провозглашаемая колокольным звоном во время Мессы, когда вершится причастие^[289], это свет окончательного просветления святого и мудреца. Ее стражи осмеливаются допустить к ней только должным образом проверенных.

Но боги могут быть слишком строгими, слишком осторожными, в этом случае герой должен хитростью выманить у них их сокровище. Такая проблема стояла перед Прометеем. В таком расположении духа даже высшие боги кажутся злобными, коллекционирующими жизни монстрами, и героя, который обманывает, убивает или усмиряет их, почитают как спасителя мира.

Полинезийский Мауи отправился к Маху-ика, стражу огня, чтобы добыть у него его сокровище и отдать его человечеству. Мауи подошел

прямо к гиганту Маху-ика и сказал ему: «Расчисти от кустарника это ровное поле, чтобы мы смогли помериться с тобой силами в честном соревновании». Мауи, следует сказать, был великим героем и мастером на всякие хитрости.

Маху-ика поинтересовался: «В какой же доблести и мастерстве мы будем с тобой соревноваться?»

«В мастерстве бросания», — ответил Мауи. Маху-ика согласился; тогда Мауи спросил: «Кто начнет?» Маху-ика ответил: «Я начну». Мауи дал свое согласие, и Маху-ика схватил Мауи и подбросил его в воздух; Мауи взлетел высоко и упал прямо в руки Маху-ика; снова Маху-ика бросил Мауи вверх, приговаривая: «Я брошу — подброшу — ты вверх полетишь».

Мауи полетел вверх, и Маху-ика произнес следующее заклинание:

Лети вверх до первого неба,
Лети вверх до второго неба,
Лети вверх до третьего неба,
Лети вверх до четвертого неба,
Лети вверх до пятого неба,
Лети вверх до шестого неба,
Лети вверх до седьмого неба,
Лети вверх до восьмого неба,
Лети вверх до девятого неба,
Лети вверх до десятого неба!

Мауи несколько раз перевернулся в воздухе, полетел вниз и упал рядом с Маху-ика; тогда Мауи сказал: «Все веселье достается тебе!»

«Конечно же! — воскликнул Маху-ика. — А ты думаешь, что сможешь подбросить кита высоко в небо?»

«Я могу попытаться!» — ответил Мауи. И Мауи ухватился за Маху-ика и подбросил его вверх, приговаривая: «Я брошу — подброшу — ты вверх полетишь».

Маху-ика полетел вверх, и теперь Мауи произнес заклинание:

Лети вверх до первого неба,
Лети вверх до второго неба,
Лети вверх до третьего неба,
Лети вверх до четвертого неба,
Лети вверх до пятого неба,
Лети вверх до шестого неба,
Лети вверх до седьмого неба,
Лети вверх до восьмого неба,
Лети вверх до девятого неба,
Лети вверх до десятого неба!

Маху-ика несколько раз перевернулся в воздухе и начал падать вниз; когда он почти достиг земли, Мауи выкрикнул следующие волшебные слова: «Тот человек, что вверху, — пусть упадет прямо на свою голову!»

Маху-ика упал; его шея сложилась в гармошку, и Маху-ика умер.

Герой Мауи тут же ухватил голову великана Маху-ика и отрубил ее, затем он завладел сокровищем пламени, которое он подарил миру^[290].

Рис. 8. Укрощение чудовища. Давид и Голиаф. Муки Ада. Самсон и Лев

Самой замечательной сказкой о поиске эликсира в месопотамской

добиблейской традиции является сказание о Гильгамеше, легендарном царе шумерского города Урука, который отправился на поиски растения вечной молодости. Благополучно миновав львов, охраняющих подножия гор, и людей-скорпионов, сторожащих несущие на себе небо вершины, он оказался среди гор, в райском саду цветов, плодов и драгоценных камней. Устремившись вперед, он пришел к морю, окружающему мир. В пещере рядом с морем жила Сидури-Сабиту, воплощение богини Иштар, и эта женщина, пряча от него свое лицо, закрыла перед ним ворота. Но когда он рассказал ей свою историю, она пустила его к себе и посоветовала ему прекратить поиски и научиться довольствоваться радостями смертной жизни:

Гильгамеш! Куда ты стремишься?
Жизни, что ищешь, не найдешь ты!
Боги, когда создавали человека, —
Смерть они определили человеку,
Жизнь в своих руках удержали.
Ты же, Гильгамеш, насыщай желудок,
Днем и ночью да будешь ты весел,
Праздник справляй ежедневно,
Днем и ночью играй и пляши ты!
Светлы да будут твои одежды,
Волосы чисты, водой омывайся,
Гляди, как дитя твою руку держит,
Своими объятьями радуй подругу^[291].

Но так как Гильгамеш продолжал настаивать, Сидури-Сабиту позволила ему пройти и предупредила об опасностях в пути.

Женщина посоветовала Гильгамешу отыскать перевозчика Уршанаби, у которого есть идола и который ловит змея в лесу. Гильгамеш разбил идолов перевозчика и задушил змея, и Уршанаби согласился переправить его через воды смерти. Это путешествие заняло полтора месяца. Перевозимого предупредили о том, чтобы он не дотрагивался до воды.

Далекая земля, к которой они приближались, была местом жительства Утнапишти, героя первого потопа^[292], который обитал здесь со своей женой в вечном мире. Утнапишти издадека заметил на нескончаемых водах приближающееся одинокое маленькое суденышко и подумал про себя:

Почему это идола на ладье разбиты,
И плывет на ней не ее хозяин?
Тот, кто подходит, не мой человек он.

Высадившись на берег, Гильгамеш должен был выслушать от патриарха долгий пересказ истории о потопе. Затем Утнапишти велел своей жене испечь семь хлебов и положить их у изголовья Гильгамеша, спящего рядом с лодкой. Утнапишти дотронулся до Гильгамеша, тот проснулся, и хозяин велел, чтобы перевозчик Уршанаби отвел гостя умыться и дал ему чистую одежду. После этого Утнапишти открыл Гильгамешу тайну растения.

Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово,
И тайну цветка тебе расскажу я:
Этот цветок — как терн на дне моря,
Шипы его, как у розы, твою руку уколют.
Если этот цветок твоя рука достанет, —
Будешь всегда ты молод.

Это растение росло на дне космического моря.

Уршанаби снова вывез героя в открытое море. Гильгамеш привязал к своим ногам камни и нырнул^[293]. Он устремился вниз, превосходя все рекорды выносливости, в то время как перевозчик оставался в лодке. Достигнув дна бездонного моря, ныряльщик сорвал растение, хотя оно поранило его руку, избавился от камней и устремился к поверхности. Когда он вынырнул на поверхность и лодочник втащил его обратно в лодку, Гильгамеш с триумфом произнес:

Уршанаби, цветок тот — цветок знаменитый,
Ибо им человек достигает жизни.
Принесу его я в Урук огражденный,
Накормлю народ мой, цветок испытаю:
Если старый от него человек молодеет,
Я поем от него — возвратится моя юность.

И они поплыли через море. Когда они пристали к берегу, Гильгамеш

искупался в холодном водоеме. Но змея учуяла удивительный аромат растения, поднялась из норы и утащила его. Съев растение, змея тут же обрела способность сбрасывать кожу и таким образом возвращать себе молодость. А Гильгамеш, проснувшись, сел и заплакал, «по щекам его побежали слезы»^[294].

И по сей день возможность физического бессмертия пленяет сердца людей. Утопическая пьеса Бернарда Шоу *Назад к Мафусаилу*, написанная в 1921 г., превращает эту тему в современную социобиологическую притчу. За четыреста лет до этого более педантичный Понсе де Леон в поисках земли Бимини, где он рассчитывал найти источник юности, открывает Флориду. А за столетия до этого и на большом расстоянии от этих мест китайский философ Ко Хун провел последние годы своей долгой жизни, изготавливая пилюли бессмертия.

«Возьмите три фунта чистой киновари, — писал он, — и один фунт белого меда. Смешайте их. Высушите смесь на солнце. Затем подержите над огнем до тех пор, пока из этой смеси можно будет сформовать пилюли. Каждое утро принимайте по десять пилюль размером с конопляное семя. В течение года седые волосы потемнеют, сгнившие зубы заменятся новыми, а тело станет гладким и лоснящимся. Если старик будет долгое время принимать это снадобье, то превратится в юношу. Тот, кто принимает его постоянно, будет наслаждаться вечной жизнью и никогда не умрет»^[295].

Однажды в гости к одинокому экспериментатору и философу явился его друг, но все, что он нашел, — пустые одежды Ко Хуна. Старец исчез, он ушел в царство бессмертных^[296].

Поиск *физического* бессмертия берет свое начало от ошибочного понимания традиционного учения. Основная же проблема, напротив, — расширить зрачок глаза, так чтобы *тело*, сопутствующее личности, не загораживало поле зрения. В этом случае бессмертие воспринимается как реальный факт «Вот оно, здесь!»^[297]

Дойди в пустоте до предела.
Блюда покой со всем тщанием.
Все вещи в мире возникают совместно,
Я так прозреваю их возврат.
Вещи являются без порядка, без счета,

И каждая возвращается к своему корню.
Возвращение к корню — это покой,
Покой — это возвращение к судьбе.
Возвращение к судьбе — это постоянство,
Знание постоянства — это просветленность,
А не знать постоянства — значит слепотой навлечь беду.
Кто знает постоянство, тот все вместит в себя;
Кто все вместит в себя, тот беспристрастен.
Кто беспристрастен, тот царствен,
Кто царствен, тот подобен Небу.
Кто подобен Небу, тот претворяет Путь.
Кто претворяет Путь,
Тот пребудет долго
И до конца дней избегнет вреда»^[298].

У японцев есть пословица: «Боги только смеются, когда люди молят их о богатстве». Благо, даруемое верующему, всегда соизмеримо с его достоинствами и характером его высшего желания, благо — это просто символ жизненной энергии, приземленный до уровня сиюминутных запросов. Ирония, конечно же, заключается в том, что, хотя герой, завоевавший благосклонность бога, может просить его о благе полного просветления, все, чего он обычно ищет, — это продление жизни, оружие, чтобы убить соседа, или здоровье для своего ребенка.

Греки рассказывают о царе Мидасе, которому посчастливилось заслужить обещание Бахуса исполнить любое его желание. Он попросил о том, чтобы все, к чему бы он ни прикоснулся, превращалось в золото. Когда Мидас ушел от Бахуса, по пути для пробы он сорвал веточку дуба, и та сразу стала золотой; он поднял камень, тот превратился в золото; яблоко стало золотым самородком в его руке. В восторге он приказал устроить великолепный пир, чтобы отпраздновать это чудо. Но когда он сел за стол и коснулся пальцами жареного мяса, оно превратилось в золото; вино, коснувшись его губ, стало жидким золотом. А когда его маленькая дочь, которую он любил больше всего на свете, пришла утешить отца в его несчастье, то она превратилась в прелестную золотую статую в ту же секунду, как Мидас обнял ее.

Муки преодоления собственных ограничений есть муки духовного роста. Искусство, литература, миф и религия, философия и аскетические дисциплины являются инструментами, помогающими индивиду переступить черту своих ограниченных горизонтов в нескончаемо

ширящиеся сферы осознания. По мере того, как он переступает порог за порогом, одолевает дракона за драконом, величие божества, к которому он взывает для исполнения своего высочайшего желания, растет и распространяется, в конце концов, на весь космос. И тогда, наконец, разум прорывается сквозь ограничивающую сферу космоса к осознанию, превосходящему все восприятия формы — все символизации, всех божеств, — к осознанию неотвратимой пустоты.

Поэтому когда Данте делает последний шаг в своих духовных странствиях и приближается к предельному символическому видению Триединого Бога в образе Небесной Розы, ему суждено испытать еще одно просветление, сделав шаг за пределы образа Отца, Сына и Святого Духа. Он пишет:

Бернард с улыбкой показал безгласно,
Что он меня взглянуть наверх зовет;
Но я уже так сделал самовластно.
Мои глаза, с которых спал налет,
Все глубже и все глубже уходили
В высокий свет, который правда льет.
И здесь мои прозренья упредили
Глагол людей; здесь отступает он,
А памяти не снести таких обилий»^[299].

«Туда не проникает глаз, не проникает ни речь, ни разум. Мы не знаем, не распознаем, как можно учить этому. Поистине, это отлично от познанного и выше непознанного»^[300].

Это высшее и предельное распятие не только героя, но и его бога. Здесь в равной мере прекращают свое существование и Сын, и Отец — как две личины, скрывающие то, чему нет имени. Ибо как плоды мечтаний, питаемые жизненной энергией одного мечтателя, являют нам лишь смутный рисунок наложения сложно и разнонаправленно устремленных векторов одной единой силы, так и все возможные формы всех сущих миров, будь то земных или божественных, отражают вселенскую силу одной непостижимой тайны: силу, которая строит атомы и управляет орбитами звезд.

Этот источник жизни образует саму сердцевину человеческого индивида, и человек откроет его в себе — если сможет сорвать скрывающие его покровы. Языческий германский бог Один (Вотан) отдал

глаз за то, чтобы разорвать пелену света, заслоняющую знание этой бесконечной тьмы, а затем перенес ради него мучения распятия:

Знаю, висел я
в ветвях на ветру
девять долгих ночей,
пронзенный копьем,
посвященный Одину,
в жертву себе же,
на дереве том,
чьи корни сокрыты
в недрах неведомых [\[301\]](#).

Победа Будды под Деревом Бо является классическим восточным примером такого подвига. Мечом своего разума он пронзил пузырь вселенной — и она превратилась в ничто. Весь мир естественного восприятия, а также континенты, небеса и преисподняя традиционных религиозных верований распались — вместе с их богами и демонами. Но чудом из чудес явилось то, что и распавшись все, однако, затем возродилось, ожило и засияло в лучезарном свете истинного бытия. Воистину, даже боги спасенных небес, сливая свои голоса в дружном хоре, приветствуют человека-героя, который проник выше их, в ту пустоту, что была их истоком, их жизнью:

«Флаги и знамена, стоящие на восточном краю мира, развернули свои полотнища до западного края мира; а стоящие на западном краю мира — до восточного края мира; стоящие на северном краю мира — до южного края мира; а стоящие на южном краю мира — до северного края мира; в то время как те, что стояли на земле, взметнули свои полотнища вверх, до самого мира Брахмы; а те, что стояли в мире Брахмы, опустили до самой земли. Во всех десяти тысячах миров все зацвело, благоухая; деревья в садах сгибались под тяжестью своих плодов; на стволах других деревьев расцвели лотосы стволов; на ветвях деревьев расцвели лотосы ветвей; на лианах — лотосы лиан; висящие лотосы — в небе; лотосы побегов пробились меж камней и поднялись семерками. Все десять тысяч миров уподобились гирлянде цветов, подброшенной в воздух, или же толстому ковру

из живых цветов; между мирами все преисподние, протяженностью в восемь тысяч лиг, которые ранее даже свет семи солнц не в состоянии был осветить, теперь были залиты сиянием; океан глубиною в восемьдесят четыре тысячи лиг стал сладким на вкус; реки остановили свое течение; слепые от рождения прозрели; калеки от рождения исцелились; а путы и кандалы плененных разорвались и упали»[\[302\]](#).

Глава III. Возвращение

1. Отказ от возвращения

Когда герой завершает свои искания, проникнув к источнику силы или снискав благосклонность некоего мужского или женского, человеческого или животного ее воплощения, искателю приключений еще предстоит возвращение со своим обретенным, преобразующим жизнь трофеем. Полный круг, правило мономифа, требует, чтобы герой приступил теперь к выполнению следующей своей задачи — доставил руны мудрости, золотое руно или спящую принцессу в царство людей, откуда он вышел и где это благо может помочь возрождению общины, нации, планеты или десяти тысяч миров.

Но нередко герой отказывается исполнить свой долг. Даже Будда после своего триумфа сомневался, можно ли донести до других откровение осознанного им. Рассказывают и о святых, что так и ушли из мира, пребывая в божественном экстазе. Таких героев, о которых рассказывают, что они навечно избрали своей обителью благословенный остров не ведающей старения Богини Бессмертного Бытия, действительно немало.

Существует трогательная сказка о древнеиндийском царе-воителе по имени Мучукунда. Он родился от левой половины своего отца, так как отец по ошибке проглотил детородную настойку, приготовленную браминами для его жены^[303]; и как подтверждение многообещающего символизма этого чуда, рожденное без матери диво, плод мужского лона, выросло таким царем из царей, что когда однажды боги потерпели поражение в своей вечной борьбе с демонами, они обратились к нему за помощью. Он помог им одержать великую победу, и они со своего божественного соизволения обещали ему исполнение его самого большого желания. Но что может пожелать тот царь, что сам почти всемогущ? Какое величайшее благо из благ мог бы представить себе такой господин среди людей? Сказание гласит, что царь Мучукунда очень устал после битвы: все, что он попросил, — это чтобы ему даровали сон без конца и чтобы любой человек, случись ему нарушить сей сон, был бы сожжен дотла, как только царь откроет глаза.

Это благо было даровано ему. Глубоко в недрах горы, в пещерном гроте царь Мучукунда лег спать и покоем там в глубоком сне. Одна эра сменяла другую, люди, народы, цивилизации, мировые эпохи поднимались

из небытия и уходили снова, а допотопный царь оставался в своем бессознательном блаженстве. Безвременно, словно фрейдовское бессознательное под исполненным драматизма и подвластным времени миром колеблющихся восприятий нашего «я», этот старик в недрах горы, погруженный в глубокий сон, продолжал жить.

Его пробуждение наступило — но с неожиданным поворотом, который в совершенно новом свете представляет всю проблему завершения героического круга, а также проясняет тайну просьбы могущественного царя о сне как величайшем мыслимом благе.

Вишну, Владыка Мира, воплотился в личность прекрасного юноши по имени Кришна, который после спасения Индии от тиранической расы демонов занял в ней престол. Он правил, и ничто не нарушало поистине утопический мир его владений до тех пор, пока с северо-запада неожиданно не вторглась армия варваров. Царь Кришна выступил против них. И, как подобает его божественной природе, он одержал победу играючи, простой хитростью. Без оружия и увешанный лотосами Кришна вышел из своей крепости и, когда вражеский царь поддался соблазну погнаться за ним, надеясь поймать его, он неожиданно спрятался в пещеру. Варвар последовал за ним и обнаружил, что в пещере кто-то спит.

«Ага! — подумал он. — Он заманил меня сюда, а теперь притворяется безобидно спящим».

Он пнул ногой лежащего перед ним на земле человека, и тот зашевелился. Это был царь Мучукунда. Человек поднялся, и глаза, что были сомкнуты на протяжении бесчисленных циклов сотворения, мировой истории и разрушения, медленно открылись свету. Первый же взгляд поразил вражеского царя, который вспыхнул огненным факелом и тут же превратился в дымящуюся кучку пепла. Мучукунда повернулся, и второй его взгляд упал на увешанного цветами прекрасного юношу, в котором разбуженный царь по сиянию сразу же узнал воплощение Бога. И Мучукунда преклонился перед своим Спасителем с такими словами:

«Владыка мой, Бог! Когда я жил и трудился как человек, я просто жил и трудился — непрестанно сбиваясь с пути; в течение многих жизней, рождение за рождением, я искал и страдал, не зная, где остановиться или отдохнуть. Горе я ошибочно принимал за радость. Миражи, рожденные над пустыней, я в заблуждении принимал за сулящие свежесть воды. Я гнал за наслаждениями, а получал лишь страдания. Царская власть и земные блага, богатство и могущество, друзья и сыновья, жена и последователи,

все, что прельщает чувства, — всего этого я желал, ибо верил, что оно принесет мне блаженство. Но как только что бы то ни было становилось моим, в то же мгновение оно меняло свою природу и оборачивалось обжигающим огнем.

Затем я нашел свою дорогу в общество богов, и они с радостью приняли меня своим товарищем. Так где же можно остановиться? Где покой? Все создания этого мира, включая богов, обмануты игрою твоих уловок, мой Бог, мой Владыка; вот почему они продолжают свой тщетный круг рождений, жизненной борьбы, старости и смерти. В промежутке между жизнями они предстают перед владыкой смерти и вынуждены терпеть нещадные муки всех и всяческих преисподних. И все это исходит от тебя!

Мой Бог и Владыка, обманутый хитрой твоей игрою, я также был жертвою мира, блуждая в лабиринте иллюзий, я бился в сетях сознания своего «я». Поэтому теперь я пытаюсь утешиться твоим Присутствием — безграничным, и невыразимым — желая лишь свободы от всего этого».

Когда Мучукунда вышел из своей пещеры, он увидел, что со времени его ухода из мира люди стали меньше ростом. Он был среди них гигантом. И тогда он снова удалился от них, ушел в высочайшие горы и там посвятил себя аскезе, которая в конце концов должна была освободить его от последней привязанности к формам бытия^[304].

Другими словами, Мучукунда, вместо того чтобы вернуться, решил еще на один шаг удалиться от мира. И кто может с уверенностью сказать, что это решение совсем не имело смысла?

2. Волшебное бегство

Если герой в своей победе добился благословения богини или бога, а затем был явно уполномочен вернуться в мир с какой-нибудь панацеей для спасения общества, то на конечной стадии приключения его поддерживают все силы его сверхъестественного покровителя. И напротив, если трофей был добыт против воли стражей сокровища, либо желанию героя вернуться в мир противятся боги или демоны, тогда последняя стадия мифологического круга превращается в живую часто не лишенную комизма погоню. Этот побег обрastaет подробностями — всяческими чудесами

магических препятствий и уловок.

Валлийцы, например, рассказывают о герое Гвион-Бахе, который оказался в Подводной Стране, собственно, на дне озера Бала, вблизи Мерионетшира, на севере Уэльса. Там на дне озера жил древний великан Тегид Лысый вместе со своей женой Каридвеной. Последняя в одном из своих обличей была покровительницей пшеницы и щедрых урожаев, а в другом — богиней поэзии и письма. У нее был огромный котел, в котором она хотела сварить напиток вдохновения и науки. С помощью колдовских книг она приготовила черную смесь, которую затем поставила вариться на огонь в течение года. По истечении этого времени у нее должно было получиться три благословенных капли благодати вдохновения.

Она поставила нашего героя помешивать варево в котле, а слепого человека по имени Морда — поддерживать огонь, «и велела им следить за тем, чтобы зелье не переставало кипеть в течение одного года и одного дня. А сама она, по книгам астрономов, каждый день в определенные планетарные часы собирала всевозможные колдовские травы. И однажды, когда год близился к концу, в то время как Каридвена срывала растения и произносила заклинания, случилось так, что три капли волшебной жидкости выплеснулись из котла и упали на палец Гвион-Баха. И так как они были обжигающе горячие, он сунул палец в рот, и как только эти чудодейственные капли оказались у него во рту, он тут же увидел все, что свершится в будущем, и осознал, что главная его забота отныне — остерегаться коварства Каридвены, ибо мастерство ее было непревзойденным. И в великом страхе он бежал к себе домой. А котел раскололся надвое, потому что все содержимое его, за исключением этих трех несущих в себе чары капель, было ядовито, и поэтому все лошади Гвидно Гарангира отравились водой из ручья, в который попало варево из котла, а место впадения этого ручья с тех пор называется Отравой Лошадей Гвидно.

Когда вернулась Каридвена, она увидела, что все труды целого года оказались впустую. Она схватила полено и била бедного слепого по голове до тех пор, пока один его глаз не выскочил на щеку. И он сказал: «Несправедливо ты покалечила меня, ибо не я виноват. Твоя потеря произошла не по моей вине». — «Ты говоришь правду, — сказала Каридвена, — это Гвион-Бах обворовал меня».

И она пустилась за ним в погоню. Он увидел ее и, обратившись в зайца, метнулся прочь. Но она превратилась в борзую и бросилась за ним. Он побежал к воде и стал рыбой. И она в образе выдры преследовала его под водой до тех пор, пока он не обратился в птицу. Она же ястребом последовала за ним и не отстала от него и в небе. И как раз в тот момент, когда она была готова камнем упасть на него, он, в смертельном страхе, заметил вдруг на полу амбара кучу просеянной пшеницы, упал в зерна и превратился в одно из них. Тогда она стала черной курицей с высоким гребнем и подошла к пшенице и начала разгребать зерно своей лапой, нашла его и проглотила. И, как гласит история, она носила его девять месяцев, а когда разрешилась им, то не смогла убить по причине его красоты. Тогда она положила его в кожаный мешок и бросила в море на милость Бога, двадцать девятого дня, апреля месяца»^[305].

Побег является излюбленным эпизодом народной сказки, где он развился во множество ярких форм.

Буряты из-под Иркутска (Сибирь), например, рассказывают, что Моргон-Кара, их первый шаман, был настолько сведущ, что мог возвращать обратно души умерших. И потому Владыка Мертвых пожаловался Верховному Богу Небес, и Бог решил испытать шамана. Он завладел душой одного человека и поместил ее в сосуд, закрыв отверстие своим большим пальцем. Этот человек заболел, и его родственники послали за Моргон-Карой. Шаман искал пропавшую душу повсюду. Он искал ее в лесу, в воде, в горных ущельях, в стране мертвых и, наконец, «сев верхом на свой барабан», поднялся в верхний мир, где ему опять пришлось долго искать ее. В конце концов он заметил, что Верховный Бог Небес держит бутыл, зажав ее большим пальцем. Правильно оценив ситуацию, он понял, что внутри нее и находится та самая душа, что он ищет. Хитрый шаман превратился в осу. Он подлетел к богу и так ужалил его в лоб, что тот отдернул палец от отверстия, и плененная душа вылетела. Следующее, что увидел Бог, — это шаман Моргон-Кара, спускающийся вниз к земле с отвоеванной душой, сидящий верхом на своем барабане. Однако на этот раз его полет был не совсем успешным. Ужасно рассердившись, Бог немедленно и навсегда уменьшил силу шамана, расколов его барабан надвое. Вот почему барабаны шаманов, на которые раньше (согласно этому рассказу бурятов) натягивалось два слоя кожи, с тех пор и поныне имеют только один^[306].

Популярным вариантом волшебного бегства является бегство, во время которого беглец оставляет за собой различные предметы, которые говорят его голосом и таким образом задерживают погоню. Маори из Новой Зеландии рассказывают о рыбаке, который, придя однажды домой, обнаружил, что его жена проглотила двоих их сыновей. Она лежала на полу и стонала. Рыбак спросил, что случилось, и жена сказала, что заболела. Он спросил, где двое мальчиков, она сказала, что они ушли. Но рыбак знал, что жена лжет. Своей магией он заставил ее отрыгнуть детей: они вышли из нее целыми и невредимыми. После этого рыбак стал бояться своей жены и решил бежать от нее вместе с мальчиками при первой же возможности.

Когда людоедка вышла набрать воды, мужчина своей магией заставил воду отступить перед ней, так чтобы ей пришлось уйти как можно дальше. Затем жестами он велел хижинам, деревьям, растущим возле деревни, свалке мусора и храму на вершине холма отвечать за него, когда жена вернется и станет звать. Он бежал с детьми к своему каноэ и поднял парус. Женщина вернулась и, никого не найдя, начала звать их. Первой ответила мусорная куча. Женщина направилась в ее сторону и позвала снова. Ответили дома; затем деревья. Один за другим различные предметы, расположенные поблизости, отвечали ей, и, сбивая с толку, она бросалась в разные стороны. Она ослабела, начала тяжело дышать и всхлипывать, а затем наконец поняла, что ее провели. Она поспешила к храму на вершине холма и вгляделась в море, где каноэ уже превратился в пятнышко на горизонте^[307].

Другим хорошо известным вариантом волшебного побега является побег, во время которого стремительно убегаящий герой бросает за спину ряд предметов, задерживающих погоню.

«Сестрица с братцем играли у колодца. Играли, играли, да и свалились в него. А на дне его жила русалка. И сказала она: «Вот вы ко мне попали, должны хорошенько поработать», — и увела их с собою.

Девочке дала она прясть спутанный, плохой лен, да сверх того приказала ей носить воду в бездонную бочку, а мальчику велела рубить дерево тупым топором; пища же их состояла из одних клеток, крепких, как камень. Деткам все это наконец так надоело, что они, выждав воскресенье, когда русалка отлучилась в кирху, бежали из ее дома.

Когда русалка увидела, что птички улетели, и погналась за ними, дети заметили ее еще издали, и девочка бросила позади

себя щетку; из той щетки выросла щетинистая гора с тысячами тысяч игл, и русалка с великим трудом перебралась через ту гору.

Тогда мальчик бросил позади себя гребешок, и из того гребешка выросла гребнистая гора с тысячами тысяч острых зубцов; однако же русалка и через ту гору перебралась.

Тогда девочка бросила на дорогу зеркальце, оно превратилось в зеркальную гору, такую гладкую, что русалка через нее не могла перелезть.

«Дай-ка я домой схожу за своим топором, — подумала она, — да ту гору пополам рассеку».

Но пока она домой ходила да гору зеркальную рассекала, дети далеко от нее убежали, и русалке опять пришлось одной сидеть в колодце»^[308].

Рис. 9а. Сестра Медузы Горгоны преследует Персея, убегающего с

Рис. 9в. Персей, убегающий с головой Медузы Горгоны

Силам хаоса нельзя легкомысленно бросать вызов. На Востоке всячески подчеркивают опасность возникновения психического расстройства при занятиях йогой в отсутствие компетентного наставника. Медитации послушника должны соответствовать его успехам, чтобы его воображение на каждом шагу могло быть защищено *devatas* (соответствующими его видению богами), пока не наступит момент, когда подготавливаемая душа сможет шагнуть вовне сама. Как очень мудро заметил Юнг:

«Исключительно полезная функция догматического символа заключается в том, что он защищает человека от прямого восприятия Бога до тех пор, пока он не перестает опрометчиво ставить себя под удар. Но если... он оставляет дом и семью, слишком долго живет в одиночестве и слишком глубоко вглядывается в темное зеркало, тогда на его долю может выпасть страшное событие встречи. И даже тогда передаваемый из поколения в поколение символ, пришедший в ходе столетий к своему полному расцвету, может подействовать как исцеляющий глоток воды и отвратить роковое вторжение живого божества в освященное пространство церкви»^[309].

Волшебные предметы, которые охваченный паникой герой бросает за спину — защитные толкования, принципы, символы, обоснования, все что угодно — задерживают и поглощают силы сорвавшейся с цепи Небесной Гончей, позволяя искателю приключений благополучно вернуться к своим соплеменникам и, возможно, с даром. Но иной раз требуемая за это плата оказывается непосильной.

Одним из наиболее потрясающих примеров бегства «с препятствиями» является бегство греческого героя Ясона. Он отправился в дорогу, чтобы добыть золотое руно. Выйдя в море на великолепном «Арго» в компании великих воинов, он поплыл к Черному морю и, хотя в пути его подстерегало множество невероятных опасностей, прибыл наконец в город царя Ээта, расположенный за много миль от Босфора. За дворцом Ээта была роща и дерево, где и висело охраняемое драконом руно.

Дочь царя, Медея, воспыкала непреодолимой страстью к прославленному чужеземному гостю, и, когда ее отец в качестве цены за золотое руно потребовал выполнения неосуществимого задания, она приготовила волшебное средство, которое позволило Ясону добиться успеха. Задание заключалось в том, чтобы вспахать поле огнедышащими быками с бронзовыми ногами, затем засеять его зубами дракона и убить воинов, которые тут же должны были взойти. Но благодаря своей силе и кольчуге, смазанной волшебной мазью Медеи, Ясону удалось управиться с быками; а когда из семян дракона возшла армия воинов, он бросил камень в самую середину поля, и это заставило их повернуться лицом к лицу, и сражаться друг с другом, пока они не были уничтожены все до единого.

Влюбленная до безумия девушка провела Ясона к дубу, на котором висело золотое руно. Его охранял дракон со страшным гребнем, языком с тремя жалами и угрожающе изогнутыми клыками; но с помощью сока

определенной травы эти двое влюбленных усыпили грозное чудовище. После чего Ясон сорвал трофей, Медея решила бежать вместе с ним, и «Арго» вышел в море. Но царь незамедлительно отправился за ними в погоню. Когда Медея увидела, что паруса отца сокращают расстояние между ними, она убедила Ясона убить Апсирта, своего младшего брата, которого она взяла с собой, и бросить куски расчлененного тела в море. Это заставило царя Ээта остановиться, собрать куски и вернуться на берег, чтобы с надлежащими почестями предать их земле. Тем временем «Арго», гонимый ветром, оказался вне пределов досягаемости для разгневанного царя^[310].

В японских *Записях о делах древности* представлена другая страшная сказка, имеющая, однако, совершенно иной смысл, — о том, как Идзанаги, всеотец начала времен, спустился в преисподнюю, чтобы вернуть из страны Желтой Реки свою умершую сестру-супругу Идзанами. Она встретила его у двери в преисподний мир, и он сказал ей: «О августейшая, о любимая моя младшая сестра! Земли, что ты и я создавали, еще далеки от завершенности; поэтому возвращайся обратно!» Она же ответила: «Воистину прискорбно, что ты не пришел раньше! Я уже отведала пищи этой Страны Желтой Реки. И все же меня покорила оказанная мне твоим августейшим посещением честь, о восхитительный мой брат, поэтому я хочу вернуться. Более того, я сама обговорю это с богами Желтой Реки. Будь осторожен, не смотри на меня!»

Она удалилась во дворец; но так как она оставалась там очень долго, Идзанаги устал ждать. Он отломал зубец от гребня, который придерживал слева его августейшие волосы, поджег его как маленький факел, вошел и огляделся. Тут он увидел разлагающуюся Идзанами, кишачую червями.

В ужасе от этого зрелища Идзанаги бежал обратно. Идзанами сказала: «Ты открыл мой позор».

Идзанами послала в погоню за ним Отвратительную Женщину из преисподней. Идзанаги на полном бегу снял со своей головы черную шапку и бросил ее вниз. Она тут же превратилась в виноград, преследовательница задержалась, поедая его, а Идзанаги смог оторваться. Но женщина, возобновив погоню, стала догонять его. Идзанаги вытащил правый гребень со множеством часто расположенных зубчиков, разломал его и бросил вниз. Гребень тут же превратился в побеги бамбука, преследовательница стала срывать и есть их, а Идзанаги бежал дальше.

Затем его младшая сестра послала в погоню за ним восемь богов грома и с ними полторы тысячи воинов Желтой Реки. Вытащив саблю о десяти рукоятях, что висела на его августейшем поясе, Идзанаги побегал,

размахивая ею позади себя. Но войны продолжали преследование. Достигнув границы, разделяющей мир живых и страну Желтой Реки, Идзанаги сорвал три персика, что росли там, подождал и, когда армия приблизилась к нему, швырнул их. Персики из мира живых разбили воинство страны Желтой реки, преследователи повернули и бежали прочь.

Последней настигла его сама августейшая Идзанами. Тогда Идзанаги взял камень, поднять который было под силу лишь тысяче человек, и загородил им путь. И разделенные камнем они стояли друг против друга, обмениваясь прощальными речами. Идзанами сказала: «О августейший, восхитительный мой старший брат, раз уж ты так поступил, то впредь я сделаю так, что в твоём царстве каждый день будет умирать по тысяче людей». Идзанаги ответил: «О августейшая, о очаровательная моя младшая сестра! Если ты сделаешь так, то я сделаю, что каждый день полторы тысячи женщин будут рожать»^[311].

Шагнув из созидательной сферы всеотца Идзанаги в область разложения, Идзанами стремилась защитить своего брата-мужа. Увидев больше, чем он мог вынести, он лишился наивных представлений о смерти, но своей высочайшей волей к жизни поставил могучую скалу в качестве оберегающей завесы, которая с тех пор для каждого из нас стоит между нашим взором и могилой.

Греческий миф об Орфее и Эвридике и сотни аналогичных сказаний по всему миру, так же как и эта древняя легенда Дальнего Востока, внушают мысль, что, несмотря на известные неудачи, у героя есть возможность вернуться с утерянной возлюбленной, оказавшейся по ту сторону от ужасного порога. Малейший просчет, самое незначительное, но решающее проявление человеческой слабости неизменно делает невозможным открытие взаимосвязи между мирами, так что возникает искушение почти поверить, что если бы этой небольшой досадной случайности можно было избежать, то все было бы хорошо. Однако в полинезийских вариантах романтической истории, в которых влюбленной паре обычно удается убежать, и, скажем, в греческой комедии *Алкеста*, где мы также имеем счастливое возвращение, результат отнюдь не вселяет надежды, а лишь указывает на сверхчеловечность свершившегося. Мифы о неудаче трогают нас трагедией жизни, а мифы об успехе — всего лишь своей невероятностью. И все же, для того чтобы мономиф выполнил свое обещание, мы должны увидеть не человеческие неудачи или сверхчеловеческие успехи, а человеческий успех. В этом заключается проблема критического момента на пороге возвращения. Вначале мы рассмотрим ее в сверхчеловеческих символах, а затем поищем

практические наставления для исторического человека.

3. Спасение извне

Возвращение героя из его сверхъестественного приключения может потребовать помощи извне. Тогда посланник мира должен прийти к нему и забрать его. Ибо блаженство пребывания в глубинах нелегко поменять на саморазрушение бодрствующего состояния. «Кто, отрекшись от мира, — читаем мы, — возжелает снова вернуться в него? Он бы желал быть только там»^[312]. И тем не менее, пока человек жив, жизнь будет призывать его. Общество завидует тому, кто остается вне его, и приходит, чтобы постучать в его дверь. Если герой, подобно Мучукунде, непреклонен, нарушитель спокойствия переживает страшный удар; но, с другой стороны, если призванный всего лишь не спешит с возвращением, погруженный в блаженное состояние совершенного бытия (напоминающее смерть), совершается очевидное освобождение, и искатель приключения возвращается.

Когда Ворон из эскимосской сказки нырнул со своими палочками для разведения огня в чрево самки кита, он оказался у входа в большую комнату, в дальнем конце которой горела лампа. Он удивился, увидев там красивую девушку. Комната была сухой и чистой, ее потолок подпирал позвоночник кита, а ребра образовывали ее стены. Из трубки, идущей вдоль позвоночника, в лампу медленно капало масло.

Когда Ворон вошел в комнату, девушка взглянула на него и закричала: «Как ты сюда попал? Ты первый человек, что вошел сюда». Ворон рассказал ей, что он сделал, и она предложила ему присесть у противоположной стены комнаты. Эта девушка была душой (*inua*) кита. Она накрыла стол для гостя, дала ему ягод и масла, рассказывая о том, как она собирала эти ягоды в прошлом году. Ворон на протяжении четырех дней оставался гостем *inua* в чреве кита, и все это время пытался определить, что за трубка идет по потолку. Каждый раз, когда женщина выходила из комнаты, она запрещала ему прикасаться к ней. Но на этот раз, когда она вышла, он подошел к лампе, протянул лапу, и в нее упала большая капля, которую он слизал языком. Она оказалась такой сладкой, что Ворон снова сделал то же самое, а затем стал ловить одну за другой каждую падающую каплю. Однако вскоре от жадности ему показалось, что капли падают слишком медленно, поэтому он потянулся вверх, оторвал кусок трубки и съел его. Едва он сделал это, как в комнату хлынул поток

масла, загасил свет, а сама комната стала сильно раскачиваться. Эта качка продолжалась четыре дня. Ворон едва не умер от усталости и от грохота, не прекращавшегося все это время. Затем все стихло, и комната перестала раскачиваться. Ворон повредил одну из сердечных артерий, и самка кита умерла. *Inua* никогда больше не появилась. Тело кита водой выбросило на берег.

Но теперь Ворон оказался узником. В то время как он размышлял, что ему делать, он услышал разговор двух мужчин, взобравшихся на спину кита, которые решили позвать всю деревню, чтобы помочь им справиться с китом. Очень скоро люди прорубили дыру в верхней части огромной туши^[313]. Когда дыра стала достаточно большой, и все люди ушли с кусками мяса, чтобы отнести их на высокий берег, Ворон незаметно вышел.

Но, спустившись на землю, он тут же вспомнил, что оставил внутри свои палочки для разведения огня. Он снял свое облачение ворона, и, вернувшись, люди увидели маленького черного человека, одетого в шкуру неизвестного животного. Они с любопытством смотрели на него. Он предложил им свою помощь, засучил рукава и принялся за работу.

Вскоре один человек из тех, что работали внутри кита, закричал: «Смотрите, что я нашел! Палочки для разведения огня в брюхе кита!» Ворон сказал: «Но это ужасно! Моя дочь однажды рассказывала мне, что когда внутри кита, брюхо которого разрезали люди, находили палочки для разведения огня, то многие из этих людей умирали. Нужно бежать отсюда». Он спустил рукава и ушел. Люди поспешили последовать его примеру. Поэтому сам Ворон, когда он затем вернулся, некоторое время пировал совсем один^[314].

[Рис. 10. Воскрешение Осириса](#)

Один из наиболее важных и занятных мифов японской синтоистской традиции (считавшийся древним еще тогда, когда в VIII столетии он был внесен в *Записи о делах древности*) повествует о том, как во время самого первого критического периода в существовании мира из своего жилища в скале вышла прекрасная богиня солнца Аматэрасу.

Это пример, когда спасаемая не очень желает этого спасения. Бог бури, Сусаново, брат Аматэрасу, начал вести себя непростительно плохо. И хотя она всячески пыталась успокоить его, и ее всепрощение уже перешло все границы, он продолжал уничтожать ее рисовые поля и осквернять ее порядки. Последним оскорблением для нее стало, когда он проломил дыру в крыше ее ткацкого зала и бросил вниз «небесного пегого коня, предварительно содрав с него шкуру», при виде его все богини, что деловито ткали августейшие одежды богам, настолько перепугались, что умерли от страха.

Аматэрасу, пришедшая в ужас от этого зрелища, удалилась в небесную пещеру, закрыла за собой дверь и заперла ее. Это был ужасный поступок с

ее стороны, ибо исчезновение солнца в конце концов означало бы конец вселенной — конец, еще прежде ее должного начала. С исчезновением Амата́расу вся равнина верхних небес и вся срединная земля тростниковых полей погрузились во тьму. По всему миру разбушевались злые духи, появились многочисленные предвестники беды, голоса мириад богов были подобны мухам, роящимся во время пятой луны.

По этой причине восемь миллионов богов собрались на божественную ассамблею в русле небесной реки и попросили одного из их числа, бога по имени Мысль-Несущий, придумать план. В результате их совещания было изготовлено множество вещей божественной силы, среди них зеркало, меч и ткани для подношения. Установили огромное дерево, украшенное драгоценностями, принесли петухов, которые могли непрерывно петь, зажгли костры, начали читать молитвы. Зеркало высотой восемь футов привязали к средним ветвям дерева. А юная богиня по имени Удзуме исполняла веселый, шумный танец. Восемь миллионов богов так веселились, что их смех заполнял воздух, а равнина высоких небес сотрясалась.

Богиня солнца слышала в своей пещере этот веселый шум и изумилась. Ей было интересно знать, что происходит. Слегка приоткрыв дверь своего небесного каменного жилища, она так заговорила изнутри: «Я думала, что после моего ухода равнина небес погрузится во тьму, равно как и тростниковые равнины срединной земли: почему же тогда веселится Удзуме и подобно ей смеются все восемь миллионов богов?» Тогда заговорила Удзуме, молвив: «Мы радуемся и довольны, потому что есть божество более яркое, чем ты, августейшая». Пока она говорила это, двое из богов вынесли вперед зеркало и почтительно показали его богине Солнца Амата́расу; после чего она, все более приходя в изумление, вышла из двери и уставилась в зеркало. Могучий бог схватил ее за августейшую руку и вытащил наружу; в это время другой бог протянул через вход позади нее соломенную веревку (называемую *сименава* — *shimenawa*), сказав при этом: «Ты не должна возвращаться дальше веревки!» После чего и равнина верхних небес и тростниковые равнины срединной земли снова осветились^[315]. Теперь солнце каждую ночь на некоторое время могло уходить — как и сама жизнь — в освежающий сон; но великая *сименава* не допускала того, чтобы оно исчезло на долгое время.

Тема солнца как богини, а не бога является редкой и ценной деталью, дошедшей до нас из архаического, по-видимому, когда-то широко распространенного мифологического контекста. Великое материнское божество Южной Аравии является женщиной-солнцем Илат. На немецком

слово солнце женского рода (*die Sonne*). По всей Сибири, так же как и в Северной Америке, в разных местах сохранились рассказы о женщине-солнце. И в сказке о Красной Шапочке, которая была съедена волком, но вызволена из его брюха охотником, мы можем видеть отдаленные отголоски того же приключения, что произошло с Амата́расу. Такие следы сохранились во многих странах; но только в Японии некогда великая мифология все еще имеет силу в культуре; ибо Микадо является прямым потомком внука Амата́расу, и как предок императорской семьи она почитается как одно из верховных божеств национальной традиции Синто [316]. В ее приключении ощущается иное отношение к миру, чем в более известных сейчас мифологиях солнечного бога: какая-то нежность к чудесному дару света, мягкая благодарность за вещи, сотворенные видимыми — то, что раньше, должно быть, было характерно для религиозного духа многих людей.

Зеркало, меч и дерево мы узнаем. Зеркало, отражающее богиню и выманивающее ее из величественного покоя ее божественного непроявления, символизирует мир, сферу отраженного образа. Божеству доставляет удовольствие видеть в нем свою собственную славу, и это удовольствие само по себе является побуждением к акту проявления или «творения». Меч является соответствием молнии. Дерево — это Ось Мира в ее исполняющем желания, плодоносном аспекте; такое же дерево ставится в христианских домах во время зимнего солнцестояния, в период возрождения или возвращения солнца: радостный обычай, унаследованный от германского язычества, которое дало современному немецкому языку его женское имя *Sonne*. Танец Удзуме и шумный смех богов являются частью карнавала: после ухода верховного божества мир, погруженный в хаос, радуется приближающемуся возрождению. А великая *сименава*, веревка из соломы, которая была натянута за спиною богини, когда она снова явилась в мир, символизирует милосердное чудо возвращения света. Эта *сименава* является одним из самых заметных, важных и безмолвно выразительных традиционных символов народной религии Японии. Висящая над входами в храмы, увешанная гирляндами вдоль улиц в праздник Нового Года она обозначает обновление мира на пороге возвращения. Если христианский крест является самым выразительным символом мифологического перехода в пучину смерти, то *сименава* является простейшим условным знаком воскрешения. Оба они представляют таинство границы между мирами — существующую несуществующую линию.

Амата́расу является Восточной сестрой великой Инанны, верховной богини древних шумерских клинописных храмовых табличек, нисхождение

которой в нижний мир мы уже рассматривали. Инанна, Иштар, Астарта, Афродита, Венера — таковы имена, которые она носила в разных культурах следующих друг за другом периодов развития Запада — она ассоциировалась уже не с солнцем, а со звездой, носящей ее имя, и в то же время с луной, с небесами и с плодородной землей. В Египте она стала богиней Пёсьей звезды, Сириуса, ежегодное появление на небе которой оповещало о наступлении сезона разлива реки Нил, когда земля становится плодородной.

Как мы помним, Инанна спустилась с небес в преисподнюю, страну своей сестры-противоположности, Царицы Смерти Эрешкигаль. Она оставила позади своего посланника Ниншубура с указаниями, как вызволить ее, если она не вернется. Она предстала нагою перед семью судьями; они обратили на нее свои взоры, и она превратилась в труп, а труп — как мы видели — был повешен на столбе.

Когда прошло три дня и три ночи^[317],
Ниншубур, ее посол,
Глашатай слов милосердных ее,
Вестник слов быстрокрылых ее,
На холмах погребальных заплакал о ней,
В доме собраний забив в барабан,
Храмы богов для нее обошел...
Рубище, точно бедняк, надел.
В Экур, храм Энлиля, одиноко побрел.

Это начало спасения богини, иллюстрирующее тот случай, когда героине мир, в поле действия сил которого она вступает, уже хорошо известен, так что она позаботилась о том, чтобы ее оттуда вызволили. Сперва Ниншубур отправился к богу Энлилю; но бог сказал, что Инанна, спустившись с великих небес к великим недрам, должна подчиниться законам нижнего мира. Затем Ниншубур отправился к богу Нанна; но бог сказал, что она сошла с великих небес к великим недрам и что в нижнем мире нужно подчиняться законам нижнего мира. Ниншубур отправился к богу Энки; и бог Энки придумал план^[318]. Он создал два бесполох существа, вручил им «травы жизни» и «воду жизни» и приказал отправиться в нижний мир и шестьдесят раз причастить этой пищей и водой подвешенное мертвое тело Инанны.

«Труп с крюка они взяли.
И один — травой жизни и второй —
Водой жизни ее тела коснулись.
Инанна встает.
Инанна из подземного мира выходит.
Ануннаки ее хватают.
«Кто из спускавшихся в мир подземный
Выходил невредимо
Из мира подземного?
Если Инанна покинет «Страну без возврата»,
За голову голову пусть оставит!»
Инанна из подземного мира выходит.
И малые демоны гала, как острые стрелы,
И большие демоны, подобные стилям табличным,
Шли рядом с ней.
Тот, кто шел впереди нее, держал в руке жезл,
Тот, кто шел рядом с ней, имел оружие у пояса.
Те, что шли перед ней,
Перед Инанной,
Были существами, не знавшими ни пищи, ни воды,
Не евшими окропленной муки,
Не пившими вина возлияния,
Отнимающими жену от чресел мужа,
Отрывающими дитя от груди кормящей матери».

Окруженная этой ужасной толпой призраков Инанна бродила от города к городу по землям Шумера^[319].

Эти три примера из далеко отстоящих друг от друга культурных областей — Ворон, Ама́тэрасу и Инанна — в достаточной мере иллюстрируют тему спасения извне. На последних стадиях приключения они демонстрируют непрекращающееся действие сверхъестественной содействующей силы, которая не оставляла избранного на протяжении всего его испытания. Несмотря на то, что его сознание отступает, бессознательное предъявляет свои собственные противовесы, и он снова рождается в мир, из которого пришел. Вместо того чтобы держаться за свое эго и спасать его, как в случае волшебного побега, он теряет его, но все же, великой милостью, оно возвращается.

Это подводит нас к последнему критическому моменту героического

круга, моменту, для которого весь удивительный экскурс был лишь прелюдией — а именно, к парадоксальному и в высшей степени сложному моменту пересечения порога героем, возвращающимся из сферы мистического в повседневный мир. Независимо от того, получает ли он спасение извне, движем ли он внутренним убеждением или незаметно направляем богами, он должен вновь войти вместе со своим обретением в давно забытую среду, где люди, будучи разделенными, считают себя целым. Он еще должен предстать перед обществом со своим разрушительным для эго и спасительным для жизни эликсиром и получить в ответ разумные вопросы, непримиримое негодование и неспособность добрых людей понять его.

4. Пересечение порога, ведущего в мир повседневности

Два мира, божественный и человеческий, можно изобразить лишь как отличные друг от друга — разнящиеся как жизнь и смерть или же день и ночь. Герой отваживается отправиться из мира, нам известного, во тьму; там он либо успешно завершает свое смелое предприятие, либо, опять же, оказывается просто потерянным для нас, лишаясь свободы, либо ему грозит опасность, и его возвращение описывается как побег из этого другого мира. Тем не менее — и в этом заключается важнейший ключ к пониманию мифа и символа — два мира в действительности есть одно. Царство богов является забытым измерением знакомого нам мира. И в открытии этого измерения, вольном или невольном, заключается вся суть свершения героя. Ценности и особенности, которые в обычной жизни кажутся важными, исчезают со всеяющим ужас растворением самости в том, что прежде было всего лишь непохожестью. Как и в рассказах о великанах-людоедах, страх потери этой собственной индивидуальности приобретает всю тяжесть опыта трансцендентных переживаний для неподготовленных душ. Но душа героя смело входит в это измерение — и обнаруживает, что ведьмы превратились в богинь, а драконы — в псов на службе у богов.

Однако, с точки зрения нормального бодрствующего сознания, всегда должно оставаться некоторое смущающее разум несоответствие между мудростью, добытой *de profundis*^[320], и благоразумием, эффективным в обыденном мире. Отсюда — привычный разрыв между авантюризмом и благодетелью и, как результат, вырождение человеческого существования. Мученичество — для святых, обычные же люди имеют свои установления,

и их нельзя оставить на произвол судьбы, подобно полевым лилиям; Петр продолжает обнажать свой меч, как в саду Гефсиманском, чтобы защитить творца и спасителя мира [\[321\]](#). Рационалистическое объяснение превращает благо, принесенное из трансцендентной бездны, в ничто, и назревает потребность в другом герое, чтобы обновить мир.

Рис. 11. Возвращение героя. Самсон, несущий притвор храма.
Воскресение Христа. Иона

Однако как же вновь учить тому, что уже верно преподавалось и неверно было усвоено тысячи раз на протяжении тысячелетий благоразумной глупости человечества? В этом заключается последняя труднейшая задача героя. Как перевести обратно на язык светлого мира невыразимые речью откровения тьмы? Как представить на двухмерной поверхности трехмерную форму или в трехмерном образе многомерный смысл? Как выразить посредством «да» и «нет» истины, которые становятся бессмысленными при каждой попытке определения через пары противоположностей? Как передать людям, которые настаивают на исключительности свидетельства своих чувств, послание всепорождающей пустоты?

Множество провалов подтверждают трудность пересечения этого жизнеутверждающего порога. Первая проблема возвращающегося героя состоит в том, чтобы после переживания спасительного для души видения по завершении пути принять как реальность все преходящие радости и печали, все банальности и вопиющие непристойности жизни. Зачем возвращаться в такой мир? Зачем пытаться сделать правдоподобным или даже интересным знакомство с трансцендентным блаженством для мужчин и женщин, поглощенных страстями? Как сновидения, исполненные смысла ночью, при свете дня могут казаться пустыми, так и поэт, и пророк могут оказаться в роли дураков в глазах здравомыслящих судий. Легче всего просто вверить людское общество дьяволу, а самому вернуться в божественную каменную обитель, закрыть дверь и запереть ее на засов. Но если какой-либо духовный акушер тем временем перекрыл путь отступления (*сименава*), тогда задача представить вечность во времени и осознать во времени вечность оказывается неизбежной.

Примером незавидной участи возвращающегося героя является история о Рип Ван Винкле. Рип отправился в страну приключений неосознанно, как и все мы каждую ночь, когда отправляемся спать. В глубоком сне, утверждают индусы, самость нерушима и блаженна; поэтому глубокий сон называется состоянием познания^[322]. Но, хотя эти еженочные погружения во тьму как в источник освежают и укрепляют нас, саму нашу жизнь они не меняют; подобно Рипу, мы возвращаемся, не имея ничего в подтверждение пережитого нами, кроме отросшей бороды.

Он осмотрелся, разыскивая свое ружье, но, вместо нового, отлично смазанного дробовика нашел рядом с собою какой-то ветхий самопал; ствол был изъеден ржавчиною, замок отвалился,

червями источено ложе... Поднявшись на ноги, он почувствовал ломоту в суставах и заметил, что ему недостает былой легкости и подвижности... Подходя к деревне, Рип повстречал нескольких человек, но среди них никого, кто был бы ему знаком; это несколько удивило его, ибо он думал, что у себя в округе знает всякого встречного и поперечного. Одежда их к тому же была совсем другого покроя, чем тот, к которому он привык. Все они глазели на него с одинаковым удивлением и всякий раз, взглянув на него, неизменно хватались за подбородок. Видя постоянное повторение этого жеста, Рип невольно последовал их примеру и, к своему изумлению, обнаружил, что у него выросла борода длиной в добрый фут!.. Рип начал подумывать, уж не попали ли под власть колдовских чар он сам и весь окружающий мир...

Появление Рипа, его длинная белая борода, ржавое-прержавое ружье, странное платье и целая армия женщин и ребятишек, следовавших за ним по пятам, немедленно привлекли внимание трактирных политиканов. Они обступили его и с великим любопытством стали разглядывать с головы до ног и с ног до головы. Оратор в мгновение ока очутился возле Рипа и, отведя его в сторону, спросил, за кого он будет голосовать. Рип недоуменно уставился на него. Не успел он опомниться, как какой-то низкорослый и юркий маленький человечек дернул его за рукав, поднялся на носки и зашептал ему на ухо: «Кто же вы — федералист, демократ?» Рип и на этот раз не понял ни слова. Вслед за тем почтенный и важный пожилой джентльмен в треуголке с острыми концами пробился к нему сквозь толпу, расталкивая всех и слева и справа локтями, и, остановившись пред Рипом ван Винклем, подбоченился, оперся другою рукой на трость и, проникая как бы в самую душу его своим пристальным взглядом и острием своей треуголки, строго спросил, на каком основании он явился на выборы вооруженным и чего ради привел с собою толпу: уж не намерен ли он поднять в деревне мятеж?

— Помилуйте, джентльмены! — воскликнул Рип, окончательно сбитый с толку. — Я человек бедный и мирный, уроженец здешних мест и верный подданный своего короля, да благословит его бог!

Тут поднялся отчаянный шум:

— Тори! Тори! Шпион! Эмигрант! Держи его! Долой!

Важный человек в треуголке с превеликим трудом

восстановил, наконец, порядок^[323].

Еще более удручающим, чем судьба Рипа, является рассказ о том, что произошло с ирландским героем Ойсином, по его возвращении после долгого пребывания у дочери короля Страны Юности. Ойсин, не в пример несчастному Рипу, держал глаза открытыми в полной приключений стране. Он сознательно (бодрствующим) спустился в царство бессознательного (глубокий сон) и включил ценности подсознательных переживаний в свою бодрствующую личность. Осуществилось преобразование. Но именно вследствие этого весьма благотворного само по себе обстоятельства, опасности, связанные с его возвращением, были куда серьезнее. Так как вся его личность теперь отвечала силам и формам вечности, то ему целиком пришлось подвергнуться ниспровергающему, разрушительному удару сил и форм времени.

Однажды, когда Ойсин, сын Финна МакКула, охотился вместе со своими людьми в лесах Ирландии, к нему подошла дочь короля Страны Юности. Люди Ойсина ушли далеко вперед с добычей, а их хозяина сопровождали лишь три собаки. Перед ним появилось загадочное существо с телом прекрасной женщины, но головой свиньи. Она сказала ему, что голова ее такова из-за колдовства друидов, и пообещала, что все изменится в ту же минуту, как он женится на ней. «Хорошо, если это действительно так, — сказал он, — и если брак со мной освободит тебя от колдовства, то я не позволю, чтобы голова свиньи и дальше оставалась у тебя».

Без промедления с головой свиньи было покончено, и вместе они отправились в Тир-на-Ног, Страну Юности. Ойсин прожил там как король много счастливых лет. Но в один день он подумал и сказал своей необыкновенной супруге:

«Хотелось бы мне сегодня побывать в Ирландии и повидаться с отцом и его людьми».

«Если ты уйдешь, — сказал ему жена, — и ступишь ногой на землю Ирландии, то больше никогда не вернешься сюда, ко мне, и станешь слепым стариком. Как ты думаешь, сколько времени прошло с тех пор, как ты здесь?»

«Примерно три года», — ответил Ойсин. «Прошло триста лет, — сказала она, — с тех пор, как ты пришел со мной в это царство. Если тебе необходимо вернуться в Ирландию, я дам тебе белого коня, который понесет тебя; но если ты сойдешь с него или коснешься своей ногой земли Ирландии, в ту же минуту конь

вернется, а ты останешься там, где он бросит тебя, несчастным стариком».

«Не тревожься, я вернусь, — сказал Ойсин. — Разве нет у меня хорошей причины вернуться? Но я должен еще раз увидеть отца, своего сына и своих друзей в Ирландии; я должен хоть один лишь раз взглянуть на них».

Она приготовила Ойсину коня и сказала: «Этот конь понесет тебя, куда бы ты ни пожелал».

Ойсин нигде не останавливался, пока конь не ступил на землю Ирландии, и продолжал скакать дальше, пока не добрался до Нок Патрик в Манстере, где он увидел мужчину, пасшего коров. В поле, где паслись коровы, лежал широкий плоский камень.

«Не мог бы ты подойти сюда, — сказал Ойсин пастуху, — и перевернуть этот камень?».

«Конечно же, нет, — ответил пастух, — ибо я не смогу поднять его, как не смогут и двадцать человек, таких как я».

Ойсин подъехал к камню и, протянув руку вниз, ухватился за него и перевернул. Под камнем лежал великий рог фениан *borabu*, который закручивался, наподобие морской раковины. Существовал такой закон, что когда кто-нибудь из фениан Ирландии подует в рог *borabu*, тут же соберутся другие, в какой бы части страны они в это время ни находились ^[324].

«Не подашь ли ты мне этот рог?» — спросил Ойсин пастуха. «Нет, — ответил пастух, — ибо ни я, ни много больше таких, как я, не смогут поднять его с земли». Услышав это, Ойсин приблизился к рогу и, протянув руку вниз, взялся за него; но он был так нетерпелив в своем желании подуть в него, что все забыл и соскользнул с коня, так что одной ногой коснулся земли. В ту же секунду конь исчез, а Ойсин остался лежать на земле слепым стариком» ^[325].

Приравнивание одного года пребывания в Раю к сотне лет земного существования является темой, хорошо известной в мифологии. Полный круг в одно столетие означает целостность. Подобным же образом триста шестьдесят градусов круга означают целостность; соответственно древнеиндийские Пураны представляют один год богов равным тремстам шестидесяти годам человека. С точки зрения обитателей Олимпа, земная история катится эра за эрой, постоянно обнаруживая гармоничную форму

целостного круга. Так что там, где люди видят только перемены и смерть, благословенные наблюдают неизменную форму, мир, не ведающий конца. Но сейчас проблема заключается в том, чтобы сохранить эту космическую точку зрения перед лицом непосредственных земных страданий и радостей. Вкус плодов временного знания уводит дух от сосредоточенности в центре вечности к периферийному кризису момента. Равновесие совершенства оказывается утерянным, душа колеблется, и герой терпит поражение.

Идея «изолирующей» лошади героя, которая оберегает его от непосредственного соприкосновения с землей и в то же самое время дает ему возможность передвигаться в мире людей, является ярким примером той спасительной предосторожности, к которой обычно прибегают носители сверхнормальной силы. Монтесума, император Мексики, никогда не ступал ногой на землю, его всегда носили на своих плечах вельможи, и если он где-либо опускался на землю, то предварительно перед ним расстилали богатую ткань, чтобы он мог ступать по ней. Внутри своего дворца царь Персии ходил по коврам, на которые больше никто не имел права ступить, за пределами дворца его никто не видел на ногах, а только в колеснице или верхом на лошади. Раньше ни цари Уганды, ни их матери, ни их жены царицы не могли ходить пешком за пределами просторного огороженного со всех сторон места, где они жили. Всякий раз, когда им нужно было выйти наружу, их несли на своих плечах мужчины из рода Буйвола, несколько из них всегда сопровождали каждую из этих царственных особ в дороге и по очереди несли эту ношу. Царь сидел верхом на шее носильщика, закинув ноги ему на плечи и засунув ступни ему подмышки. Когда один из этих царских носильщиков уставал, то передавал царя на плечи другого мужчины, не допуская, чтобы ноги царя коснулись земли^[326].

Джеймс Фрэзер следующим образом, весьма выразительно, объясняет тот факт, что повсюду на планете божественная особа не могла касаться земли своей ногой.

«Первобытные вожди явно понимали святость, магическую способность и другие таинственные свойства, якобы присущие священным или табуированным лицам, как какую-то материальную субстанцию, какой-то флюид, которым священное лицо заряжено, как заряжена электричеством лейденская банка. И подобно тому как при соприкосновении с проводником лейденская банка может испустить электрический заряд, священное лицо, по их убеждению, может выпустить свой заряд

святости или магической способности при соприкосновении с землей, которая рассматривается как отличный проводник магических флюидов. А для того чтобы этот заряд не был израсходован вхолостую, первобытные народы тщательно следят за тем, чтобы такое лицо не касалось ногами земли. Выражаясь языком теории электричества, такой человек нуждается в изоляции, чтобы не растратить впустую ценную субстанцию, которой он наполнен до краев, как фиал. Во многих случаях изоляция табуированного лица рекомендуется не просто как превентивная мера для его же собственного блага, но и как мера, направленная на благо других людей. Это и понятно: коль скоро святость и табуированность рассматриваются наподобие мощной взрывчатки, которая от малейшего прикосновения может взорваться, в интересах общественной безопасности их действие необходимо ограничить, чтобы сохранить от разрушения все то, что придет в соприкосновение с ними»^[327].

Существует, несомненно, психологическое оправдание такой предосторожности. Англичанин, который переодевается к обеду в джунглях Нигерии, чувствует, что в его действиях есть смысл. Молодой художник, носящий бакенбарды, войдя в холл Ритца, охотно объяснит отличительную особенность своего стиля. Римский воротник выделяет проповедника. Монахиня XX столетия носит одеяние Средневековья. Замужняя женщина более или менее ограждена своим кольцом.

Рассказы Сомерсета Моэма описывают метаморфозы, происходящие с носителями бремени белого человека, которые пренебрегают табу смокинга. Многие народные песни свидетельствуют об опасностях, которые приносит разбитое кольцо. И мифы — например, мифы, собранные Овидием в его великом компендиуме *Метаморфозы*, — снова и снова рассказывают о потрясающих изменениях, которые происходят, когда изоляция между центром высоко концентрированной силы и слабым силовым полем окружающего мира внезапно убирается без надлежащих предосторожностей. Согласно сказочному фольклору кельтов и германцев, гном или эльф, застигнутый рассветом вне дома, тут же превращается в палку или камень.

Возвращающийся герой, в завершение своего приключения, должен выдержать столкновение с миром. Рип Ван Винкль так и не узнал, что с ним случилось, его возвращение свелось к шутке. Ойсин знал, но потерял свою сосредоточенность на переживаемом моменте и поэтому потерпел

неудачу. Более всего посчастливилось Камар аль-Заману. Он наяву пережил блаженство глубокого сна и вернулся к свету дня с таким убедительным талисманом своего невероятного приключения, что смог сохранить веру в себя перед лицом всех отрезвляющих разочарований.

Пока он спал в своей башне, два джинна, Дахнаш и Маймуна, перенесли к нему из далекого Китая дочь Владыки Островов и Морей и Семи Дворцов. Ее имя было принцесса Будур. Положив спящую девушку рядом с персидским принцем в ту же кровать, джинны открыли их лица и увидели, что они похожи, как близнецы. «О, моя госпожа, — воскликнул Дахнаш, — клянусь Аллахом, моя возлюбленная прекраснее». Но Маймуна, любившая Камар аль-Замана, возразила: «Неправда, мой прекраснее». После чего они начали спорить, приводя доводы и контрдоводы до тех пор, пока Дахнаш наконец не предложил поискать непредвзятого судью.

Маймуна топнула по земле, и тут же из-под земли появился слепой на один глаз ифрит, горбатый, с покрытой язвами кожей и перекошенными глазницами; на его голове было семь рогов; четыре пряди его волос ниспадали до пят; руки его были как вилы, а ноги — как мачты; ногти его были подобны когтям льва, а ступни — копытам дикого осла. Чудовище почтительно поцеловало землю перед Маймуной и спросило, что ей угодно. Услышав, что должен оценить молодых людей, лежащих на кровати, так что рука одного обнимала шею другого, ифрит долгое время смотрел на них, восхищаясь их очарованием, затем повернулся к Маймуне и Дахнашу и объявил свое решение.

«Клянусь Аллахом, если вы хотите услышать правду, — сказал он, — эти двое равной красоты. Я не могу сделать выбор между ними еще и потому, что это мужчина и женщина. Но у меня возникла другая идея. Давайте по очереди разбудим их, так чтобы другой об этом не знал, и того из них, кто будет больше очарован, можно признать менее прекрасным».

На том и порешили. Дахнаш превратился в блоху и укусил Камар аль-Замана в шею. Очнувшись ото сна, юноша потер укушенное место, сильно почесал его из-за жгучего зуда и между тем немного повернулся набок. Он увидел, что рядом с ним лежит кто-то, чье дыхание слаже мускуса, а кожа — нежнее крема. Он удивился, присмотрелся к тому, кто был рядом с ним, и увидел, что это девушка, подобная жемчужине или сияющему солнцу, подобная куполу, осеняющему прекрасно возведенную стену.

Камар аль-Заман попытался разбудить ее, но Дахнаш сделал сон девушки глубже. Юноша потряс ее. «О моя любимая, проснись и взгляни на меня», — сказал он. Но та даже не пошевелинулась. Камар аль-Заман

принял Будур за ту, на ком хотел женить его отец, и воспылал желанием. Но он опасался, что его родитель мог наблюдать за ним, притаившись где-то в комнате, поэтому сдержался и ограничился тем, что снял с мизинца девушки перстень с печатью и надел его на свой палец. После чего ифриты вернули его ко сну.

Будур же повела себя иначе, чем Камар аль-Заман. Она не предполагала и не боялась, что кто-нибудь наблюдает за ней. Кроме того, Маймуна, которая разбудила ее, со своим женским коварством высоко взобралась по ее ноге и сильно укусила в то место, что пылает жаром. Прекрасная, благородная, восхитительная Будур, увидев рядом с собой мужчину и обнаружив, что он уже взял ее кольцо, будучи не в силах ни разбудить его, ни представить, что он сделал с ней, охваченная любовью, возбужденная откровенной близостью его плоти, потеряла всякий контроль и дошла до высшей точки откровенной страсти.

«Вождение жгло ее, ибо желание женщин намного сильнее желания мужчин, и она устыдилась своего собственного бесстыдства. Затем она сняла с пальца юноши его перстень с печатью и надела на свой палец, вместо того кольца, что взял он, поцеловала его в губы, поцеловала его руки и не оставила ни одного места на нем, не поцеловав его; после чего прижала его к своей груди, обняла, положив одну руку ему на шею, а другую — подмышку, и так, прильнув к нему, она заснула».

Таким образом, Дахнаш проиграл спор. Будур вернули в Китай. На следующее утро, когда молодые люди проснулись, разделенные целым азиатским континентом, они стали глядеть по сторонам, но никого не находили рядом с собой. Они призывали своих придворных, колотили их и крушили все вокруг себя, совершенно обезумев. Камар аль-Заман слег в изнеможении, его отец, царь, сел у него в изголовьи, плача и рыдая над ним, не оставляя его ни днем ни ночью, а принцессу Будур пришлось приковать железной цепью за шею к одному из окон ее дворца^[328].

Встреча и разлука со всей их неистовостью вполне типичны для мук любви. Ибо когда сердце упорствует в своей участи, сопротивляясь общим предостережениям, тогда мучения велики, равно как и опасности. Однако приходят в действие силы, неподвластные разуму. Плоды событий, начавших свой ход в самых отдаленных уголках мира, постепенно сблизятся, и чудо совпадения даст неизбежному свершиться. Кольцо-талисман, оставшееся от встречи души с другой ее частью в незабываемом

месте, означает, что сердцу дано было осознать там то, что упустил Рип Ван Винкль, оно означает также убеждение бодрствующего ума в том, что реальность бездны не опровергается реальностью повседневности. Это знак того, что теперь герой должен соединить два мира.

Оставшаяся часть долгого рассказа о Камар аль-Замане представляет собой историю медленного и вместе с тем чудесного осуществления судьбы, которую пробудили к жизни. Не каждому дана судьба: только герою, который нырнул в бездну, чтобы соприкоснуться с ней, и вынырнул снова — с кольцом.

5. Властелин двух миров

Свобода перемещаться в любом направлении через границу миров, из перспективы явлений времени в перспективу каузальной бездны и обратно — не оскверняя принципы одного мира принципами другого и в то же самое время позволив разуму познать один посредством другого — является талантом мастера. Космический Танцовщик, говорит Ницше, не стоит инертно на одном месте, а радостно и легко кружится и перелетает в прыжках с одного места на другое. В одно и то же время можно говорить только из одной точки, но это не исключает озарений остальных.

Мифы редко демонстрируют таинство быстрого перехода в одном образе. Там же, где они это делают, такой момент является драгоценным символом, исполненным смысла, требующим бережного отношения и осмысления. Таким моментом является Преображение Христа.

«По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, и преобразился пред ними и просияло лице Его как солнце, одежды же Его сделались белыми как свет. И вот явились им Моисей и Илия, с Ним беседующие. При сем Петр сказал Иисусу: «Господи, хорошо нам здесь быть, если хочешь, сделаем здесь три кущи. Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илии»^[329]. Когда он еще говорил, се, облако светлое осенило их, и се, глас из облака, глаголющий: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте». И, услышавши, ученики пали на лица свои и очень испугались. Но Иисус, приступив, коснулся их и сказал: «Встаньте и не бойтесь». Возведши же очи свои, они никого не увидели, кроме одного Иисуса. И когда сходили они с

горы, Иисус запретил им, говоря: никому не рассказывайте о сем видении, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых»^[330].

Здесь в одном моменте заключается целый миф. Иисус — проводник, путь, видение и спутник возвращения. Ученики — его посвященные, им самим таинство недоступно, и все же их подводят к полной картине парадокса двух миров в одном. Петр был так напуган, что начал говорить что-то невнятное^[331]. Плоть растворилась перед их глазами, чтобы явить Слово. Они упали на лица свои и, когда поднялись, дверь снова закрылась.

Следует заметить, что этот момент вечности взмывает выше романтического осознания Камар аль-Заманом своей индивидуальной судьбы. Здесь мы имеем не только мастерский переход и возвращение через порог миров, но также наблюдаем более глубокое — намного более глубокое — проникновение в глубины. Не индивидуальная судьба является мотивом и темой этого видения, так как откровение явилось трем очевидцам, а не одному, его нельзя удовлетворительно разъяснить в чисто психологических терминах. Его, конечно же, можно проигнорировать. Мы можем усомниться в том, что такая сцена в действительности когда-либо имела место. Но это ничего нам не даст, так как сейчас нас интересуют проблемы символизма, а не историчности. Нас не особенно волнует, жили ли на самом деле Рип Ван Винкль, Камар аль-Заман или Иисус Христос. Нас интересуют не их истории, а «*истории о них*», и эти истории настолько широко распространены по всему миру — в разных странах и о разных героях, — что вопрос о том, был ли тот или иной герой универсальной темы исторически жившим человеком, может иметь лишь второстепенное значение. Преувеличение значимости этого исторического элемента привело бы нас к путанице, оно попросту может затуманить откровение этих посланий.

В чем же тогда смысл образа преображения? Вот вопрос, который мы должны задать себе. Но чтобы можно было подойти к нему на общих основаниях, а не на узкосектантских, нам лучше рассмотреть еще один, не менее известный, пример подобного архетипного события.

Нижеследующее взято из древнеиндийской *Песни Бога, Бхагавадгиты*^[332]. Бог, прекрасный юноша Кришна, является воплощением Вишну, Вселенского Бога; принц Арджуна является его учеником и другом.

Арджуна сказал: «Если ты полагаешь, что я могу созерцать Твою космическую форму, о мой Господин, повелитель всех

мистических сил, будь же милостив, яви Свою безграничную вселенскую сущность».

Бог ответил: «Мой дорогой Арджуна, сын Притхи, созерцай же теперь мое великолепие, сотни тысяч разнообразных божественных и многоцветных форм. О лучший из Бхарат, узри различные проявления Адитий, Васу, Рудр, Асвини-кумар и всех остальных полубогов, которых до тебя никто не видел и о которых никто никогда не слышал. О Арджуна, что бы ты ни захотел увидеть, все это есть в Моем теле. Эта вселенская форма может показать тебе все, что ты пожелаешь увидеть сейчас и что ты захочешь увидеть в будущем. Все — движущееся и неподвижное — находится здесь, в одном месте. Но ты не можешь видеть меня своими нынешними глазами, поэтому Я наделяю тебя божественным зрением. Узри мое мистическое могущество».

Сказав это, великий Бог йоги открыл Арджуне свой высший облик, облик Вишны, Бога Вселенной: с множеством ликов и очей, представляющий множество дивных зрелищ, увенчанный множеством небесных украшений, вооруженный множеством поднятых вверх божественных оружий; облаченный в небесные гирлянды и одежды, умащенный небесными благовониями, во всем прекрасный, великолепный, безграничный, с лицами, глядящими во все стороны. Если бы сияние тысячи солнц вспыхнуло одновременно в небе, то было бы это подобно ослепительности Могущественного. И тут в лице Бога из богов Арджуна увидел всю вселенную с ее множеством частей, собранных в единое целое. Затем Арджуна, охваченный изумленьем, так что волосы на его голове встали дыбом, склонил голову перед Богом, соединил ладони в приветствии и обратился к Нему:

«О Властитель вселенной, о вселенская форма, я вижу в Твоем теле много-много рук, чрев, ртов, глаз, простирающихся повсюду, без предела. Тебе нет конца, нет середины и нет начала. Твою форму трудно видеть из-за ослепительного сияния, исходящего от нее во все стороны, подобно пылающему костру или безмерному блеску солнца. Тем не менее я вижу эту сияющую форму повсюду, увенчанную коронами и с булавами и дисками в руках. Ты — высшая изначальная цель, конечное место успокоения всей этой вселенной. Ты неисчерпаем, и Ты —

старейший, Ты — божественная личность, и Ты поддерживаешь вечную религию».

Это видение открылось Арджуне на поле битвы, как раз в тот момент, когда должен был раздаться звук труб, призывающих к сражению. С богом, правящим своей колесницей, великий принц выехал на поле между двумя готовыми к битве народами. Его армии выстроились против армий посягающего на его права двоюродного брата, но сейчас во вражеских рядах он увидел множество людей, которых знал и любил. И он упал духом. «Грех падет на нас за убийство сыновей Дхритараштры и наших друзей, пусть даже они и злодеи, — сказал он божественному вознице, — мы не должны этого делать. И чего мы этим достигнем, о Кришна, супруг богини удачи, и как мы можем быть счастливы, убив наших близких. Лучше мне, безоружному, быть убитым сыновьями Дхритараштры, не сопротивляясь». Однако после этого прекрасноликий бог призвал его к отваге, ниспослав ему мудрость Владыки и явив видение страшного конца. Принц, ошеломленный, увидел, как не только его друзей, преобразенных в живые воплощения Опоры Вселенной, но и всех героев двух армий уносит ветер в неисчислимые, жуткие рты божества. В ужасе он воскликнул:

«О Владыка всех владык, прибежище всех миров, прошу Тебя, будь милостив ко мне. Я не могу сохранять равновесие при виде Твоих пламенеющих смертоносных ликов и устрашающих зубов. Я совершенно растерян. Все сыновья Дхритараштры и цари, сражающиеся на их стороне, а также Бхишма, Дрона, Карна и наши главные воины устремляются в Твои устрашающие зевы. И я вижу, как головы некоторых, застревая между Твоими зубами, сокрушаются ими. Как воды текут в океан, так и все великие воины входят в Твои горящие зевы. Я вижу, как все люди устремляются в Твои зевы, подобно мотылькам, летящим на огонь, чтобы погибнуть в нем. О Вишну, я вижу, как Ты поглощаешь всех людей со всех сторон своими пылающими ртами. Ты покрываешь все вселенные Своим сиянием, и сжигающие лучи исходят от Тебя. О Повелитель повелителей, устрашающий Своим видом, поведай мне, кто Ты есть. Я склоняюсь перед Тобой с почтением. Будь милостив ко мне. Ты — изначальный Господь. Я хочу знать, кто Ты и какова Твоя миссия».

Бог сказал: «Я есть время, великий разрушитель миров, и Я пришел сюда, чтобы уничтожить всех людей. Кроме вас (Пандав), все воины с обеих сторон погибли. Итак, встань и приготовься сражаться и завоевать славу. Победи своих врагов и наслаждайся процветающим царством... По моему замыслу все они уже погибли, ты же, о Савьясачи, можешь быть лишь Моим орудием в этом сражении. Дрона, Бхишма, Джаядратха, Карна и другие великие воины уже уничтожены Мной. Поэтому убей их и не тревожься. Просто сражайся, и ты уничтожишь в битве своих врагов».

Услышав эти слова Кришны, Арджуна затрепетал, сложил в обожании свои руки и поклонился. Охваченный страхом, он приветствовал Кришну, а затем дрожащим голосом снова обратился к Нему:

«...Ты изначальная Божественная личность, старейшее, конечное святилище этого проявленного космического мира. Ты знаешь все, и Ты — все, что есть познаваемого. Ты — высшая обитель, стоящая над всеми материальными Гунами. О бесконечная форма! Тобой пронизано все космическое проявление! Ты — воздух и Ты — высший правитель! Ты — огонь, Ты — вода, и Ты — луна! Ты — Брахма, первое живое создание, и Ты — прародитель! Поэтому я с почтением кланяюсь Тебе тысячу раз и еще, и снова!... Узрев невиданную мной ранее вселенскую форму, я испытываю радость, но в то же время ум мой охвачен страхом. Поэтому молю Тебя, окажи мне милость и вновь яви Свой образ Божественной личности, о Владыка владык, о прибежище вселенной. О вселенская форма, о тысячерукий Господь, я желаю узреть Тебя в Твоей четырехрукой форме, со шлемом на голове и булавой, диском, раковиной и лотосом в Твоих руках. Я жажду увидеть этот Твой образ».

И Бог сказал: «Мой дорогой Арджуна, Я был счастлив явить тебе эту вселенскую форму, высшую форму материального мира. До тебя никто и никогда не созерцал эту изначальную форму, беспредельную и полную ослепительного сияния... Ты пришел в смятение и изумление при виде Меня в этом ужасающем облике. Покончим с этим. Мой бхакта, забудь же все страхи и с миром на душе наблюдай тот образ, который ты желаешь увидеть».

Сказав так Арджуне, Кришна снова принял благолепное обличье и успокоил пришедшего в ужас Пандаву ^[333].

Ученик был благословлен видением, выходящим за пределы нормальной человеческой судьбы и равносильным мимолетному взгляду на сущностную природу космоса. Ему была открыта не его собственная судьба, а судьба человечества, жизни в целом, атом и все солнечные системы открылись ему; причем на языке, доступном его человеческому пониманию, то есть в антропоморфном образе — в виде Космического Человека. Идентичная инициация могла бы осуществиться посредством в равной мере действенного образа Космического Коня, Космического Орла, Космического Дерева или Космического Богомола^[334]. Кроме того, откровение, описанное в *Песне Бога*, представлено на языке, соответствующем касте и расе Арджуны: Космический Человек, которого он видел, был, как и он, аристократом и индусом. Соответственно, в Палестине Космический Человек выглядел как еврей, в древней Германии — как германец; у Басуто — он негр, в Японии — японец. Раса и достоинство фигуры, символизирующей имманентное и трансцендентное Универсальное, имеет историческое, а не семантическое значение; то же самое относится и к полу. Космическая Женщина, которая появляется в иконографии джайнизма^[335], такой же выразительный символ, как и Космический Мужчина.

Символы являются всего лишь *средством* передачи мысли; их нельзя ошибочно отождествлять с тем, что они в конечном счете выражают, с их *содержанием*. Какими бы привлекательными или впечатляющими они ни казались, они остаются всего лишь адекватным средством для понимания. Поэтому личность или личности Бога — представлены они в трех ипостасях, в двух или в одной, в форме политеизма, монотеизма или генотеизма, образно или словесно, как документально подтверждаемый факт или как апокалипсическое видение — никто не должен пытаться объяснять или интерпретировать как конечную вещь. Проблема теолога заключается в том, чтобы сохранить свой символ полупрозрачным, так чтобы он не загораживал собой тот самый свет, который должен передавать. «Ибо лишь тогда мы истинно познаем Бога, — пишет св. Фома Аквинский, — когда веруем, что сам Он выше всего того, что может думать о Боге человек»^[336]. И в *Упанишадах* сказано в том же духе: «Знать — значит не знать; не знать — значит знать»^[337]. Ошибочное отождествление средства постижения с сутью постигаемого может привести не только к пустой трате чернил, но и к невосполнимому кровопролитию.

Далее необходимо отметить, что очевидцами преображения Иисуса были его приверженцы, которые уже прошли через подавление своих

желаний, люди, которые давно отреклись от «жизни», «собственного удела» и «судьбы», полностью посвятили себя Учителю. «Ни благодаря Ведам, ни в результате покаяния, ни раздавая милости, ни принося жертвоприношения нельзя Меня увидеть в том образе, в котором только что ты видел Меня, — сказал Кришна после того, как принял свой обычный образ, — а лишь благодаря приверженности Мне можно видеть Меня в этом облике, истинно осознать и войти в Меня. Тот, кто выполняет Мою работу и видит во Мне Высшую Цель, кто предан Мне и не питает ненависти ни к одному созданию — тот приходит ко Мне»^[338]. Соответствующие слова Иисуса более кратко излагают эту же суть: «Кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее»^[339].

Смысл этого совершенно понятен; это суть всех религиозных практик. Индивид с помощью продолжительных психологических тренировок полностью разрывает всякую связь со своими личностными ограничениями, особенностями, надеждами и страхами, больше не противится саморазрушению, которое является необходимым предварительным условием возрождения для осознания истины, и таким образом, наконец, оказывается готов к великому смирению. Его собственные амбиции полностью исчезают, он больше не стремится к жизни, а с готовностью принимает все, что может в нем произойти; то есть он обретает анонимность. Закон живет в нем с его искреннего согласия.

Поистине многочисленны фигуры, особенно в социальном и мифологическом контекстах Востока, которые представляют это предельное состояние анонимного присутствия. Это мудрецы-отшельники на мольбищах и бродячие монахи, которые играют заметную роль в жизни и легендах Востока; в мифе это такие образы, как Вечный Жид (презираемый, непонятый и все же с драгоценной жемчужиной в своем кармане); нищий оборванец, осаждаемый собаками; чудесный странствующий бард, чья музыка утешает сердце; или же выдающий себя за другого бог — Вотан, Виракоча, Эдшу.

«Иногда дурак, иногда мудрец, иногда облеченный царским величием; иногда блуждающий, иногда бездвижный как питон, иногда добродушный на вид; иногда почитаем, иногда оскорбляем, иногда незаметен — так живет человек, пришедший к осознанию, неизменно счастливый высшим блаженством. Так же как актер всегда остается человеком, надевает ли он костюм своего персонажа или откладывает его в сторону, так и полностью познавший Нетленное всегда остается Нетленным и

ничем более»^[340].

6. Свобода жить

Каков же в конечном итоге результат чудесного перехода и возвращения?

Поле боя символизирует поле жизни, где каждое существо живет смертью другого. Осознание неизбежного греха жизни может внушить такое отвращение сердцу, что человек, подобно Гамлету или Арджуне, может отказаться продолжать жить. С другой стороны, подобно большинству из нас, человек может создать фальшивый, в конечном счете неоправданный образ самого себя как исключительного явления мира, не виновного как остальные, а оправданного в своем неизбежном прегрешении, потому что он представляет добро. Такое самооправдание ведет к неправильному пониманию не только самого себя, но и природы как человека, так и космоса. Цель мифа состоит в том, чтобы устранить потребность в таком наивно-невежественном отношении к жизни, осуществляя примирение индивидуального сознания со вселенской волей. И это происходит посредством осознания истинной взаимосвязи преходящих явлений времени с вечной жизнью, что живет и умирает во всем.

«Как человек надевает новые одежды, сбросив старые, так и душа принимает новое тело, оставив старое и бесполезное. Душу нельзя рассечь на куски никаким оружием, сжечь огнем, смочить водой, иссушить ветром. Эту индивидуальную душу нельзя разбить, растворить, сжечь или иссушить. Она существует всегда и везде, неизменная, недвижимая, вечно та же»^[341].

Человек в мире действия теряет свою сосредоточенность на принципе вечности, покуда он обеспокоен исходом своих деяний, но, возложив их и их плоды на колени Живого Бога, он этим жертвоприношением освобождается из рабства моря смерти. «Делай без привязанности ту работу, что ты должен делать... Предоставив действовать Мне, с душою, сосредоточенной на Самости, освобождаясь от влечений и себялюбия, сражайся — неприступный для печалей»^[342].

Могущественный в своем озарении, спокойный и свободный в своих действиях, радуясь тому, что его рука будет движима благоволением

Виракочи, герой является сознательным орудием великого и ужасного Закона, будь он мясник, плут или царь.

Гвион-Бах, вкусивший три капли из ядовитого котла вдохновения, проглоченный ведьмой Каридвеной, возрожденный младенцем и брошенный в море, был обнаружен на следующее утро в рыбацких сетях несчастным и крайне разочарованным юношей по имени Эльфин, сыном богатого землевладельца Гвидно, чьи кони умерли, отравившись ядом, вылившимся из разбитого котла. Когда люди вытащили из сетей кожаный мешок, открыли его и увидели лоб маленького мальчика, они сказали Эльфину: «Смотри, какая бровь лучистая (*taliesin*)!» — «Талиесин он будет зваться», — сказал Эльфин. Он взял мальчика на руки и, сетуя на свои несчастья, с печальным видом посадил его позади себя. Свою лошадь, которая прежде бежала рысью, он пустил легким шагом и повез ребенка так мягко, как если бы тот сидел в самом удобном кресле в мире. И тут же мальчик стал во весь голос читать поэму в утешение и в восхваление Эльфина и предсказал ему честь и славу:

Прекрасный Эльфин, брось печаль!
Не сетуй на судьбу.
В отчаяньи не много пользы.
Никто не видит, что силы придает ему...
Хотя я слаб и мал,
На пеною покрытом побережье океана,
В тот день, когда придет беда, я пригожусь тебе
Намного больше трехсот лососей...

Когда Эльфин вернулся в замок своего отца, Гвидно спросил его, богат ли улов у запруды, и тот ответил ему, что нашел то, что лучше рыбы. «Что же это?» — спросил Гвидно. «Бард», — ответил Эльфин. Тогда Гвидно сказал: «Увы, какая же тебе польза от него?» И тогда младенец сам ответил ему, сказав: «Я больше пользы принесу ему, чем когда-либо твоя запруда приносила тебе». — «Ты так мал и уже умеешь говорить?» — спросил Гвидно. И младенец ответил: «Я говорить умею лучше, чем ты спрашивать». — «Давай послушаем, что же ты можешь сказать», — молвил Гвидно. Тогда Талиесин запел философскую песню.

Однажды король устраивал прием, и Талиесин устроился в тихом уголке зала.

«И когда вошли барды и герольды, чтобы воспевать щедрость и прославлять власть короля и его силу, в тот момент, когда они проходили мимо места, где присел Талиесин, он им вслед стал играть пальцем на губах: «Брм, брм». Никто не обратил на него особенного внимания, и, пройдя мимо, они пошли дальше, пока не предстали перед королем, низко поклонились ему, как было заведено, и, не говоря ни слова, надули губы и, гримасничая, сыграли пальцами на губах точно так же, как это сделал мальчик. Это зрелище вызвало у короля удивление, и он подумал про себя, что они выпили лишнего и попросту пьяны. После этого король велел одному из своих лордов, который прислуживал ему за столом, подойти к ним и потребовать, чтобы те взяли себя в руки и подумали, где находятся и как следует себя вести. И лорд охотно исполнил это. Но они не прекратили свои глупости и вели себя, как и прежде. Тогда король послал к ним во второй раз и в третий, требуя, чтобы они покинули зал. Наконец король велел одному из своих оруженосцев поколотить главного из бардов, по имени Хайнин-Вард; оруженосец взял метлу и ударил его по голове, так что тот упал на свой зад. После этого бард поднялся и тут же пал на колени, прося о королевской милости, и рассказал, что их вина вызвана не глупостью или пьянством, а действием какого-то духа, что находится в зале. И после этого Хайнин молвил следующее: «О почтенный король, да будет известно Вашей милости, что не от крепости напитка и не от излишка выпитого мы онемели и стали не в силах молвить, подобно пьяным людям, а под влияньем духа, что сидит вон в том углу в образе ребенка». Король тотчас велел оруженосцу привести мальчика, тот направился в укромный уголок, где сидел Талиесин, и подвел его к королю, который спросил, кто он такой и откуда явился. Мальчик ответил королю стихом.

Во-первых, я главный бард Эльфина,
А родина моя — страна летних звезд;
Идно и Хайнин назвали меня Мердин,
Но, в конце концов, все короли будут звать меня
Талиесин.
Я был с моим Богом в высшем пределе,
Когда Люцифер пал в бездну ада.

Я знамя нес перед Александром;
Я знаю все наименованья звезд от севера до юга;
Я был в галактике у трона Раздающего;
Я был в Ханаане, когда убили Авессалома;
Я Божий Дух донес до уровня Хевроновой долины;
Я был при дворе Дона пред рождением Гвидиона.
Я был учителем у Еноха и Илии,
Я окрылен был гением епископского посоха;
Я был словоохотлив прежде того, как одарен был
речью;
Я был на месте распятия на кресте милосердного Сына
Господнего;
Я отбыл три срока в тюрьме Арианрод,
Я был главным управителем работ при возведении
башни Нимрода;
Я чудо, происхождение которого неизвестно.
Я был в Азии с Ноем в ковчеге,
Я видел гибель Содомы и Гоморры,
Я был в Индии, когда был построен Рим,
Теперь я пришел сюда, к развалинам Трои.
Я был с моим Господом в яслях осла;
Я укрепил Моисея в водах Иордана;
Я был на небесах с Марией Магдалиной;
Я обрел вдохновение из котла Каридвены;
Я был бардом арфы у Леона Лохлина
Я был на Белом Холме при дворе Синвелина,
День и год в колодках и кандалах
Я истязал себя голодом за Сына Девы Марии,
Я был вскормлен в землях Господних,
Я был учителем всех умов,
Я могу поучать всю вселенную
Я не исчезну с лица до страшного суда;
И неизвестно, что есть мое тело — плоть или рыба.
Затем я девять месяцев пробыл
В лоне колдуньи Каридвены;
Сначала я был маленьким Гвионом,
Теперь же я Талиесин.

Выслушав эту песню, король и его вельможи премного удивились, ибо никогда прежде ничего подобного им не доводилось слышать от столь юного мальчика»^[343].

Большая часть песни барда посвящена Вечному, живущему в нем, и лишь короткая последняя строфа — деталям его собственной биографии. Внимание слушателя обращено прежде всего к Вечному в нем самом, а затем, между прочим, ему сообщают нечто. Хотя бард и боялся страшной ведьмы, будучи проглочен ею, он был возрожден. Умерев относительно своего собственного я, он снова родился упрочившимся в своей Сущности.

Герой является борцом за вещи становящиеся, а не защитником вещей ставших, потому что он *есть*. «Еще нет Авраама, а *Я уже есть*»^[344]. Он не заблуждается насчет видимой неизменности во времени, постоянства Бытия, не пугает его и грядущее другое — другой миг (или «другая вещь») как разрушающее своей инаковостью постоянство. «Не сохраняет ничто неизменным свой вид; обновляя вещи, одни из других возрождает обличья природа. Не погибает ничто — поверьте! — в великой вселенной разнообразится все, обновляет свой вид»^[345]. Таким образом, следующий миг может наступить. Когда Принц Вечности поцеловал Принцессу Мира, ее сопротивление было сломлено.

«Она раскрыла очи, проснулась и ласково глянула на королевича. И сошли они с верха башни вниз рука об руку — и что же? И король очнулся ото сна, и королева, и все придворные их с изумлением взглянули друг на друга. И лошади во дворе вскочили на ноги и стали отряхиваться; и собаки поднялись и стали махать хвостами; а голубки на крыше встрепелулись, оглянулись и полетели в поле. Ползали и мухи по стенам; и огонь в кухне вновь запылал и стал варить кушанье; и жаркое зашкворчало на вертеле; и повар закатил здоровую оплеуху поваренку, так что тот заревел; а служанка дочистила черную курицу»^[346].

Глава IV. Ключи

Путешествие героя можно обобщить в следующей диаграмме:

Мифологический герой, выйдя из своей привычной хижины или замка, выманивается, переносится или по собственной воле отправляется к порогу приключения. Там он встречается с призраком, стерегущим порог. Герой может одолеть или расположить к себе эту силу и живым войти в царство тьмы (битва с братом, битва с драконом, подношение, заклинание), либо может быть убит своим противником и оказаться там мертвым (расчленение, распятие). Затем, за порогом, герой путешествует в мире незнакомых, но вместе с тем удивительным образом сродненных с ним сил, одни из них угрожают ему (испытания), другие оказывают волшебное содействие (помощники). Когда герой достигает надира мифологического круга, он подвергается решающему испытанию и завоевывает свою награду. Его триумф может быть представлен как брачный союз с матерью-богиней мира (священный брак), как признание его со стороны отца-создателя (примирение с отцом), как обожествление его самого (апофеоз) или же — если потусторонние силы остаются враждебными — как похищение блага, которое он пришел добыть (невесты, огня), по сути, это

расширение рамок сознания, и тем самым пределов бытия (просветление, преображение, освобождение). Последней задачей является возвращение. Если трансцендентные силы благословили героя, то он отправляется в обратный путь под их защитой (посланник), если же нет, то он бежит, преследуемый ими (претерпевая превращения или преодолевая препятствия). У порога, ведущего обратно, трансцендентные силы должны остаться позади, герой выходит из царства страха (возвращение, воскрешение). Благо, которое он приносит с собой, возрождает мир (эликсир).

Вариации, встречающиеся в незамысловатой схеме мономифа, не поддаются описанию. Многие сказания выделяют и развивают один или два типичных элемента полного цикла (тему испытания, тему побега, похищения невесты), другие выстраивают в один ряд несколько независимых циклов (как в Одиссее). Несколько разных персонажей и эпизодов могут быть совмещены или же какой-либо один момент может повторяться и воспроизводиться со всевозможными вариациями.

Общие схемы мифов и сказок могут подвергаться всяческим изменениям и искажениям. Архаичные черты, как правило, исчезают или сглаживаются. Заимствования переосмысливаются в соответствии с местными условиями или верованиями и в процессе этого всегда претерпевают редукцию. Кроме того, при бесчисленных пересказах передаваемых из поколения в поколение сюжетов неизбежны случайные или намеренные искажения. Для того чтобы объяснить элементы, потерявшие по той или иной причине свой смысл, предлагаются дополнительные толкования, нередко с большой изобретательностью ^[347].

[Рис. 12. Возвращение Ясона](#)

В эскимосском рассказе о Вороне в чреве кита тема палочек для разведения огня подверглась искажению и последующей рационализации. Архетип героя в чреве кита широко известен. Обычно основная задача героя заключается в том, чтобы развести огонь с помощью этих палочек внутри чудовища и таким образом добиться смерти кита и своего освобождения. Разведение огня в этом случае символизирует половой акт. Две палочки — палочка с углублением и веретено — известны, соответственно, как женская и мужская; пламя — это вновь рожденная жизнь. Герой, разжигающий огонь внутри кита, представляет вариант священного брака.

Но в нашем эскимосском рассказе эта картина разведения огня

претерпела модификацию. Женское начало было воплощено в образе красивой девушки, которую Ворон встретил в огромной комнате внутри животного; между тем, слияние мужского и женского начал отдельно символизировалось капающим из трубы в горящую лампу маслом. Вкусив это масло, Ворон сыграл свою роль в этом акте. Вызванный этим катаклизм представляет типичный переломный момент надира, конец старой эры и начало новой. Последующий выход на свободу Ворона символизирует чудо возрождения. Таким образом, вследствие того, что первоначальная роль палочек для разведения огня упразднилась, чтобы найти им место в сюжете, был придуман неплохой и занимательный эпилог. Оставив палочки для разведения огня в брюхе кита, Ворон смог преподнести их находку как дурной знак, отпугнуть этим людей и сам вволю попировать «на китовых поминках». Этот эпилог — прекрасный пример вторичного развития повествования. Он подчеркивает характер героя как хитреца, но не является элементом первоначального рассказа.

На более поздних стадиях развития мифологии ключевые образы часто теряются подобно иголкам в огромных стогах вторичного рассказа и рационализации; ибо, когда цивилизация перешла от мифологических представлений к более реалистичным, старые образы уже не так остро воспринимались или вызывали неприятие. В Греции эпохи эллинизма и в Римской Империи древние боги были низведены до ранга простых покровителей, домашних любимцев и литературных героев. Непонятные, доставшиеся по наследству темы, такие как тема Минотавра — темного и ужасного ночного аспекта древнего египетско-критского образа божественного царя и воплощения бога солнца — были рационализированы и переосмыслены так, чтобы удовлетворять целям того времени. Гора Олимп превратилась в Ривьеру мелочных скандалов и любовных историй, а матери-богини — в истеричных нимф. Мифы читались как невероятные любовные романы. Точно так же и в Китае, где соразмерная человеку морализующая сила конфуцианства почти полностью лишила древние мифологические формы их изначального величия; официальная же мифология является сегодня собранием историй о сыновьях и дочерях провинциальных чиновников, которые за то или иное услужение своей общине были возвышены в глазах своих благодарных подопечных до положения местных богов. И в современном прогрессивном христианстве Христос — Воплощение Логоса и Спасителя Мира — является в первую очередь историческим лицом, безобидным, провинциальным мудрецом из полувосточного прошлого, проповедовавшим милосердную доктрину «относись к другим так, как

хотел бы, чтобы к тебе относились» и все же казненным как преступник. Его смерть представляется прекрасным уроком чистоты и силы духа.

Везде, где поэзия мифа интерпретируется как биография, история или наука, она уничтожается. Живые образы превращаются в смутные факты, относящиеся к далеким временам или небесным сферам. Кроме того, несложно продемонстрировать, что как наука и история мифология абсурдна. Когда цивилизация начинает переосмысливать свою мифологию таким образом, мифология умирает, храмы превращаются в музеи, а связующее звено между двумя перспективами исчезает. Такая беда несомненно постигла Библию и в большой мере христианское вероучение как таковое. Чтобы вернуть образы к жизни, следует искать не интересные параллели относительно современности, а проливающие свет намеки вдохновенного прошлого. Когда они обнаруживаются, обширные области, казалось бы, умершей для нас иконографии снова открывают свой непреходящий человеческий смысл.

В Великую субботу в католической церкви, например, после освящения нового огня^[348], пасхальной свечи и чтения проповеди священник надевает пурпурную ризу, и процессия, состоящая из священнослужителей, с канделябрами и горящей освященной свечой, направляется к крестильной купели; в это время поют следующие стихи из Псалмов: «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже! Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому: когда приду и явлюсь пред лице Божие! Слезы мои были для меня хлебом день и ночь, когда говорили мне всякий день: где Бог твой?»^[349]

Подойдя к порогу баптистерия, священник останавливается, чтобы произнести молитву, затем входит внутрь и благословляет воду купели: «чтобы небесный отпрыск, зачатый освящением, мог явиться из чистого лона божественной купели, возродить новые создания; и чтобы все, независимо от их телесного пола или их возраста, обрели начало от милости, от их духовной матери». Он касается воды рукой и молится, чтобы она очистилась от зла Сатаны; крестит воду; набирает воду своей рукой и «орошает» все четыре стороны света; дует трижды на воду, воспроизводя форму креста; затем погружает в воду пасхальную свечу и нараспев произносит: «Да снизойдет сила Святого Духа на всю воду этой купели». Вынув свечу из воды, он снова окунает ее на большую глубину и громче повторяет: «Да снизойдет сила Святого Духа на всю воду этой купели». Затем снова поднимает свечу и в третий раз погружает ее в воду, на этот раз до самого дна, и еще громче повторяет: «Да снизойдет сила

Святого Духа на всю воду этой купели». Затем, трижды подув на воду, он продолжает: «И сделает всю эту воду плодородной для возрождения». Затем он достает свечу из воды и после нескольких заключающих молитв службы, помогающие ему, окропляют людей освященной водой^[350].

Представляющая женское начало вода, духовно оплодотворенная огнем Святого Духа, представляющим мужское начало, является соответствием воды преобразования, известной всем системам мифологических представлений. Этот обряд является вариантом священного брака, точки и истока порождения и возрождения мира и человека, таинства, символизируемого лингамом у индусов. Войти в эту купель означает вступить в царство мифа; окунуться в воду — пересечь порог, погрузившись в ночное море. Символически младенец совершает свое путешествие, когда вода льется ему на голову; проводником и помощниками здесь выступают священник и крестные родители. Цель путешествия — новое рождение от этих родителей, обретение себя в Вечной Самости, Духе Господнем, в Лоне Милости^[351]. Затем младенец возвращается к родителям его физического тела.

Немногие из нас имеют сколько-нибудь внятное представление о смысле обряда крещения, который является для нас инициацией в нашу Церковь. Тем не менее смысл его ясно виден в словах Иисуса: «Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия». Никодим говорит Ему: «Как может человек родиться, будучи стар? Неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?» Иисус отвечал: «Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится от воды и духа, не может войти в Царствие Божие»^[352].

Общепринятое толкование крещения состоит в том, что оно «смывает первородный грех», с ударением скорее на очищении, чем на возрождении. Это вторичная интерпретация. Либо же, если и подразумевается традиционный образ рождения, то ничего не говорится о предшествующем супружестве. Однако мифологические символы можно понять лишь проследив все их скрытые смыслы, тем самым раскрыв всю систему соотнесений, благодаря которым они через аналогии представляют нам тысячелетнюю эпопею души.

Часть II. Космогонический цикл

Глава I. Эманации

1. От психологии к метафизике

Современному интеллектуалу не составляет особого труда уяснить, что символизм мифологии имеет психологический смысл. В частности, после работ психоаналитиков почти ни у кого нет сомнений ни в том, что мифы и сновидения имеют одну природу, ни в том, что сновидения являются симптомами психической динамики. Зигмунд Фрейд, Карл Юнг, Вильгельм Штекель, Отто Ранк, Карл Абрахам, Геза Рохейм и многие другие на протяжении нескольких последних десятилетий получили обстоятельно документированные новейшие данные для истолкования сновидений и мифов; несмотря на различия во взглядах этих ученых, они едины в рамках одного крупного современного направления благодаря общим принципам, образующим изрядный концептуальный массив. С открытием соответствия между логикой и законами построения сказок и мифов, с одной стороны, и сновидений — с другой, долго дискредитируемые химеры архаического человека драматическим образом выдвинулись на передний план в современном сознании.

Таким образом, сказочное повествование — которое претендует на описание жизненного пути легендарных героев, могущества божественных сил природы, духов смерти и тотемов предков данного рода — есть не что иное, как символическое выражение бессознательных желаний, страхов и конфликтов, лежащих в основании сознательных моделей человеческого поведения. Другими словами, мифология есть психология, ошибочно прочитанная как биография, история и космология. Современный психолог может восстановить ее подлинные значения, как бы вернувшись к языку оригинала, и таким образом спасти и сохранить для современного мира богатый и выразительный документ о глубинных силах человеческого характера. Высвеченные здесь, как в флюороскопе, основания раскрыли саму подоплеку загадки *Homo sapiens* — западного и восточного, первобытного и цивилизованного, современного и архаичного. Целый спектакль разворачивается перед нами. Мы должны лишь прочитать его фабулу, с ее постоянными ходами и их вариациями, и тем самым прийти к пониманию глубинных сил, которые предопределяют главные линии человеческой судьбы и по-прежнему продолжают влиять на всю нашу частную и общественную жизнь.

Но если мы попытаемся охватить всю полноту смысла этих бесценных документов, то нам придется признать, что мифы не во всем сопоставимы со сновидениями. Их образы берут начало из одного источника — бессознательного нагромождения фантазий, у них один язык, но мифы отнюдь не являются спонтанными продуктами сна. Напротив, их правила построения сознательно контролируемы. А их предназначение состоит в том, что они служат полновесным образным языком общения с традиционной мудростью. Это справедливо уже для так называемой первобытной народной мифологии. Ни прорицающий в трансе шаман, ни посвященный жрец не были так уж наивны, владея и мудростью мира, и, аналогично, премудростями общения. Метафоры, на основе которых они жили и которыми оперировали, были плодом глубоких раздумий, поисков и столкновений мысли на протяжении столетий — даже тысячелетий; более того, целые сообщества всецело полагались на них в своем строе мысли и в жизни. Ими задавались культурные паттерны. Молодежь обучалась, а старики передавали мудрость благодаря изучению, приобщению и постижению их иницирующих по своему воздействию форм. Ибо они актуализировали и приводили в действие все жизненные энергии человеческой психики. Они связывали бессознательное с полем практического действия — не иррационально, по законам невротической проекции, а напротив, способствуя проникновению зрелого и трезвого практического понимания реального мира (в качестве контролирующей инстанции) в царство детских желаний и страхов. И если это справедливо даже для сравнительно простой народной мифологии (системы мифов и ритуалов, в которых черпали силы первобытные племена, жившие охотой и рыболовством), то что мы можем сказать о таких поистине космических метафорах, которые нашли выражение в великих эпических поэмах Гомера и *Божественной комедии* Данте, в Книге Бытия и вечных храмах Востока? Вплоть до последних десятилетий люди находили в них опору в жизни и вдохновение в философии, поэзии и искусстве. Если уж к этому наследию символов обращаются непревзойденные мастера духа — Лао Цзы, Будда, Зороастр, Христос или Магомет, используя их как средство выражения глубочайшей морали и метафизического учения, — то ясно, что перед нами вершины сознания, а не бездны тьмы.

Итак, дабы охватить полноценный смысл традиционных мифологических образов, мы должны уяснить, что они являются не только симптомами бессознательного (каковыми действительно являются все человеческие мысли и действия), но вместе с тем осознанным и преследующим определенный замысел утверждением неких духовных

принципов, остающихся неизменными на протяжении всей человеческой истории, как неизменны физическая форма и нервная система самого человека. В самом кратком изложении, универсальная доктрина учит, что все видимые структуры мира — все вещи и существа — являются результатом действия вездесущей силы, из которой они исходят, которая их поддерживает и наполняет собою, покуда длится их манифестация (явленность в мире), и в которую они должны вернуться, чтоб раствориться в ней. Это — сила, известная науке как энергия, меланезийцам как *мана*, индейцам племени сиукс как *ваконда*, индусам как *шакти* и христианам как могущество Господне. Ее проявление в психике психоаналитиками определяется как *либидо*^[353]. Ее космическое проявление — структура и всеобщий поток самого универсума.

Постижение *источника* этого единообразного, хотя и всецело атомизированного субстрата бытия искажено самими органами восприятия. Формы чувственности и категории человеческого мышления^[354], будучи сами проявлением этой силы^[355], так ограничивают наш разум, что обычным образом невозможно не только увидеть, но даже умственным взором проникнуть по ту сторону многокрасочного, быстротечного, бесконечно разнообразного и умопомрачительного феноменального спектакля. Функция ритуала и мифа в том и состоит, чтобы — с помощью аналогии — сделать возможным, а затем и все более простым столь резкий переход. Формы и понятия, доступные разуму и чувствам, представлены и упорядочены здесь таким образом, что в них читается намек относительно истины или же откровения, ждущего по ту сторону. Далее, когда условия для медитации заданы, индивид остается один. Миф — это предпоследний предел; последний предел есть откровение — пустота или бытие по ту сторону категорий^[356] — небытие, в которое разум должен сам погрузиться и раствориться в нем. Следовательно, и Бог и боги представляют собой лишь надлежащие средства — будучи сами по себе той же природы, что и весь мир форм и имен, но выражая невыразимое и будучи предельно соотносенными с ним. Они являются просто символами, приводящими в движение и пробуждающими дух и зовущими его по ту сторону самих себя^[357].

Небеса и ад, мифологический период, Олимп и все другие обители богов, все это интерпретируется в психоанализе как символы бессознательного. Таким образом, ключ к современным системам психологической интерпретации следующий: метафизическая реальность = бессознательное. Соответственно, открыть их с другой стороны можно,

используя то же уравнение, но с перестановкой: бессознательное = метафизическая реальность. «Ибо вот, — как говорит Иисус, — Царствие Божие есть внутри вас»^[358]. Действительно, «падение» сверхсознания в состояние бессознательности как раз и является смыслом библейского образа грехопадения. Сужение сознания, в силу чего мы видим не источник универсальной силы, а лишь феноменальные формы как отражение этой силы, низвергает сверхсознание в бессознательное и в тот же момент, посредством подобного символа создает этот мир. Спасение состоит в возвращении к сверхсознанию и, вместе с тем, в растворении в нем, исчезновении мира. Это и есть великая тема и формула космогонического цикла — мифический образ явления мира и последующего возвращения в неявленное состояние. Равным образом, рождение, жизнь и смерть индивида можно рассматривать как погружение в бессознательное и возвращение. Герой — это тот, кто знает и представляет в мире зов сверхсознания, которое проходит сквозь все творение, оставаясь более или менее бессознательным. Приключение героя представляет тот момент в его жизни, когда он достигает просветления — кульминационный момент, когда он, еще будучи жив, обнаруживает и открывает дорогу к свету по ту сторону темных стен нашего бренного существования.

Таким образом, космические символы представлены в духе умопомрачительно возвышенного парадокса. Царство Божие «есть внутри вас», но также и вовне; однако Бог есть лишь надлежащее средство, призванное пробудить спящую принцессу — душу. Жизнь есть ее сон, смерть — пробуждение. Герои, пробуждающий свою собственную душу, сам есть лишь надлежащее средство своего собственного растворения в ничто. Бог, пробуждающий душу к жизни, тем самым являет собой свою собственную смерть.

Пожалуй, наиболее выразительный из всех возможных символов этой тайны состоит в распятии бога, в жертвоприношении бога, «себя же себе самому»^[359]. В однозначном прочтении смысл этого символа состоит в переходе необыкновенного героя в область сверхсознания: тело, наделенное пятью чувствами — подобно Принцу Пяти Оружий, пятикратно плененному великаном — пятикратно отмечено (пригвожденные руки и ноги, и голова увенчанная терновым венцом) и распято на кресте познания жизни и смерти^[360]. Но, кроме того, Бог своей волей нисходит в мир и предает себя этой исключительной муке. Бог принимает на себя жизнь человека, и человек освобождает Бога в себе самом в точке пересечения поперечин того же самого «совпадения

противоположностей»^[361], на пороге той же самой солнечной двери, через которую Бог низошел, а Человек вознесся — каждый питая собою другого^[362].

Современный исследователь может, конечно, рассматривать эти символы как угодно, либо как симптом невежества других людей, то есть как знак его собственного невежества, либо в терминах сведения метафизики к психологии или *vice versa*. Традиционный подход позволял рассматривать их в обоих смыслах. Во всяком случае, они, несомненно, являются исполненными смысла метафорами судьбы человека, человеческой надежды и веры и глубокой человеческой тайны.

2. Вселенский круг

Поскольку сознание индивида окружено морем ночи, в которое оно погружается во сне и из которого оно чудесным образом всплывает с пробуждением, то соответственно в образах мифа вселенная выходит из вечности и пребывает в вечности, в которой она должна, растворившись, исчезнуть. И поскольку ментальное и физическое здоровье индивида зависит от упорядоченности движения жизненных сил из тьмы бессознательного в сферу дневного бодрствования, то и в мифе непрерывность космического порядка обеспечивается исключительно посредством контролируемого потока силы, исходящей из этого источника. Боги являются символическими персонификациями законов, управляющих этим движением. Боги вступают в существование с рассветом и исчезают с наступлением сумерек. Они не вечны в том смысле, в каком вечна ночь. Лишь в сопоставлении с быстротечностью человеческого существования цикл космогонической эры кажется долгим.

Обычно космогонический цикл представляется как бесконечное повторение, как бесконечность самого мира. Каждый большой круг включает в себя меньшие циклы существования и исчезновения — погружения в сон и пробуждения, сменяющих друг друга в течение жизни. Согласно версии ацтеков, каждый из четырех элементов — вода, земля, воздух и огонь — определяет мировые эпохи: эра воды заканчивается потопом, эра земли — землетрясением, эра воздуха — ураганом, нынешняя эра исчезнет в пламени^[363].

Согласно учению стоиков об огненном цикле, все души растворяются в мировой душе или первичном огне. Когда это вселенское растворение завершается, начинается образование нового универсума (цицероновское

renovatio), и все вещи повторяют самое себя, каждое божество, каждая личность снова играют свою прежнюю роль. Сенека дал описание этой деструкции в своей *De Consolatione ad Marciam* и, похоже, предрекал себе новую жизнь в грядущем цикле^[364].

Превосходный образ космогонического цикла представлен в мифологии джайнистов. Самым последним пророком и спасителем в этом весьма древнем индийском религиозном учении был Махавира, современник Будды (VI в. до н. э.). Его родители уже были последователями наиболее раннего джайнистского спасителя-пророка Паршванатхи, которого изображали со змеями, растущими из его плеч (время жизни его предположительно датируется 872–772 гг. до н. э.). За несколько столетий до Паршванатхи жил и умер джайнистский спаситель Неминатха, заявлявший, что он был родственно связан с Кришной — излюбленной у индусов божественной инкарнацией. Ему же предшествовали еще более ранние проповедники (коих насчитывалось ровно двадцать один), вплоть до Ришабханатхи, который жил в тот ранний период мира, когда мужчины и женщины рождались соединенными в пары, ростом были в две мили и жили бесчисленное число лет. Ришабханатха научил людей семидесяти двум наукам (письму, арифметике, истолкованию примет и т. д.), шестидесяти четырем женским умениям (готовить пищу, шить и т. д.) и сотне искусств (поэзии, ткачеству, живописи, кузнечному делу, парикмахерскому искусству и т. д.); он же приобщил их к политике и установил здесь первое царство.

До него все подобные инновации оставались поверхностными; все потребности людей, живших ранее, — тех, кто был ростом в четыре мили и имел сто двадцать восемь ребер, и наслаждался жизнью дважды бесчисленное число лет, — обеспечивались десятком «исполняющих желания деревьями» (*kalpa vriksha*), которые приносили сладкие плоды, имели листья в виде горшочков и корзинок, другие листья, которые сладко пели, листья, которые ночью выпускали яркий свет, а также замечательные цветы, радующие глаз и пленительные своим ароматом, давали пищу, одинаково приятную для глаз и по вкусу, листья, которые могут служить украшениями, и кору, обеспечивающую прекрасной одеждой. Одно из деревьев было подобно высящемуся до самого неба дворцу, в котором можно было жить; другое излучало мягкий свет, подобный тому, что исходит от множества маленьких ламп. Земля была слаще сахара; океан имел самый восхитительный вкус вина. И опять же, до этого счастливого века был еще более счастливый (ровно в два раза счастливее!), когда мужчины и женщины были ростом в восемь миль, каждый имел двести

пятьдесят шесть ребер. Когда эти колоссы умирали, они, никогда не слышавшие о религии, непосредственно попадали в мир богов, ибо их естественная добродетель была столь же совершенной, как и их красота.

Джайнисты понимали время как бесконечный круг. Оно изображалось в виде колеса с двенадцатью спицами или веками, сгруппированными по шесть. Первые шесть назывались «нисходящим» рядом (*avasarpini*) и начинались веком рождавшихся парами высочайших гигантов. Этот райский период сначала длился в течение десяти миллионов десятков миллионов сотен миллионов стомиллионных периодов бесчисленных лет, а затем постепенно перешел в новый счастливый период длиной лишь в половину первого, когда мужчины и женщины были ростом всего в четыре мили. Уже в третий период, период Ришабханатхи, первого из двадцати четырех мировых спасителей, счастье смешалось с небольшой толикой печали, а добродетель — с пороком. К концу этого периода мужчины и женщины больше не рождались вместе одной четой, чтобы жить как муж и жена.

На протяжении четвертого периода постепенный упадок этого мира и его обитателей неуклонно продолжался. Период жизни и рост человека медленно уменьшались. Родились двадцать три мировых спасителя, каждый из них вновь объявлял вечное учение джайнов в понятиях, соответствующих условиям его времени. Через три года и восемь с половиной месяцев после смерти последнего из спасителей и пророков — Махавиры — и этот период подошел к концу.

Наша эпоха, пятая в этом нисходящем ряду, началась в 522 г. до н. э. и будет длиться на протяжении двадцати одной тысячи лет. Ни один джайнистский спаситель не родится в течение этого времени и вечная религия джайнов будет постепенно исчезать. Это период немилосердного и последовательно нарастающего зла. Самые высокие человеческие существа имеют рост лишь семь локтей, а самая длинная жизнь — не более, чем сто двадцать пять лет. Люди имеют лишь шестнадцать ребер. Они эгоистичны, несправедливы, агрессивны, похотливы, высокомерны и жадны.

Однако в шестую из нисходящих эпох состояние человека и его мира будет еще более ужасным. Продолжительность жизни людей будет лишь двадцать лет, наивысший рост будет один локоть, и восемь ребер — весь их земной удел. Дни будут жаркими, ночи — холодными, болезни будут повсеместными, а целомудрие перестанет существовать. Бури будут проноситься над землей и с приближением к концу становиться все яростней. В конце все жизни, человеческие и животные, и все растительные семена устремятся искать себе прибежище в Ганге в жалких

пещерах и в море.

Нисходящий ряд подойдет к завершению и начнется «восходящий» (*utsarpunī*) ряд, когда бури и опустошение достигнут высшего предела. Затем на протяжении семи дней будет идти дождь и пройдет семь разных дождей, напоенная почва даст рост семенам. Из своих пещер отважатся выйти отвратительные карликовые творения засушливой горькой земли, постепенно начнет ощущаться возрождение их морали, здоровья, красоты и совершенства тела, некоторое время спустя они будут жить в мире, похожем на тот, что мы знаем сейчас. А затем родится спаситель по имени Падманатха, чтобы снова объявить о вечной религии джайнов, тело человеческое снова будет приближаться к совершенному, красота человека превзойдет великолепие солнца. Земля будет становиться все слаще, а вода превращаться в вино, деревья, исполняющие желания, будут отдавать свои щедрые дары наслаждений счастливому народу, состоящему сплошь из совершенных супружеских пар, и счастье этого сообщества снова будет удваиваться, и колесо через десять миллионов десятков миллионов сотен миллионов стомиллионных периодов бесчисленного числа лет приблизится к начальной точке нисходящего поворота, который снова приведет вечную религию к вырождению, к постепенному нарастанию шума нездорового веселья, к войнам и сеющим вырождение ветрам^[365].

Это вечно вращающееся двенадцатиспицевое колесо джайнов точно соответствует четырехвековому циклу индусов: первый — самый длинный период абсолютного блаженства, красоты и совершенства, длящийся 4800 божественных лет^[366], второй — менее добродетельный, длящийся 3600 божественных лет, в третьем — в равной мере смешаны добродетель и порок, длится он 2400 божественных лет, и, наконец, последний, наш собственный, период нарастающего зла, длящийся 1200 божественных лет, или 432000 лет, согласно человеческому летоисчислению. Однако к концу настоящего периода вместо непосредственного начала нового периода возрождения (как в цикле джайнизма) сначала все должно быть уничтожено в катаклизме пожаров и наводнении, а затем прийти к первоначальному состоянию изначального вечного океана и пребывать в нем на протяжении периода, равного четырем полным векам.

Основная концепция восточной философии, представленная в подобной наглядной форме, достаточно очевидна. Был ли миф иллюстрацией философской формулы или же сама она представляет собой позднейший продукт — своего рода выдержку из этого мифа, сегодня уже невозможно с уверенностью сказать. Определенно ясно, что миф восходит

к отдаленным векам, но то же самое можно сказать и о философии. Кто может знать, какие мысли посещали умы древних мудрецов, которые развивали этот миф, сохраняя и передавая его преемникам? Нередко, анализируя и пытаясь постичь тайну древнего символа, можно усомниться в истинности наших общепринятых представлений об истории философии, покоящихся на ошибочном допущении, что абстрактная и метафизическая мысль начинается с появлением свидетельств о ней в сохранившихся записях.

Философское положение, иллюстрируемое космогоническим циклом, представлено в учении о круговом движении сознания через три уровня бытия. Первый уровень — это опыт бодрствующего сознания: познание застывших, грубых фактов внешнего универсума, видимых в свете солнца и общезначимых. Второй уровень — это опыт, данный нам во сне: познание флюидных, тонких форм личного внутреннего мира, светящегося своим светом и одной природы со сновидением. Третий уровень — это глубокое погружение в сон: отсутствие сновидений, глубочайшее блаженство. На первом уровне мы сталкиваемся с богатым разнообразием жизни; на втором происходит усвоение, ассимиляция внутренних сил спящего; на третьем все познается через наслаждение и бессознательное, во «внутреннем пространстве сердца», где сосредоточено местопребывание внутреннего контролера, источник и конец всего и вся^[367].

Космогонический цикл следует понимать как переход вселенского сознания из пространства глубокого сна, проявляющего себя в сновидении, к полному свету дня бодрствования; затем же — возвращение через сон к вечной тьме. Как в актуальном опыте каждого живущего существа, так и в грандиозном образе живого космоса — в пучине сна энергии обновляются, в работе дня они истощаются; жизнь вселенной останавливается и должна быть возобновлена.

Космогонический цикл пульсирует между явленностью и возвращением в неявленность посреди безмолвия неведомого. Индусы выражают эту тайну в звуках А — У — М, произносимых единым слогом ОМ. Здесь звук А представляет бодрствующее сознание, У — сновидящее,

М — глубокий сон. Молчание, посреди которого звучит этот слог, означает незнаемое: его называют просто «Четвертое»^[368]. Сам слог означает Бога как *создателя-заступника-разрушителя*, молчание же есть Бог Вечный, пребывающий абсолютно вне всех этих появлений и исчезновений в их круговороте.

Это — невидимое, несоотносимое, непостижимое, невыводимое, невообразимое, неопишное.

Это — сущность одного самопознания, общего для всех состояний сознания.

Все явления прекращают свое существование в нем.

Это — покой, это — блаженство,

это — недвойственность^[369].

С необходимостью миф продолжает оставаться внутри цикла, но представляет этот цикл как погруженный и проникнутый молчанием. Миф является выражением полноты молчания внутри и вокруг каждого атома существования. Миф, благодаря его исполненным глубокого смысла фигуративным конструкциям, делает зримыми направляющие для разума и для сердца принципы постижения той предельной тайны, которая заполняет и окружает все существующее. Даже в самых комических и с виду фривольных своих моментах мифология направляет разум к тому неявленному, которое являет себя только по ту сторону видимого.

«Старейший из Старейших, Незнаемый из Незнаемых имеет форму — и не имеет формы, — читаем мы в каббалистическом тексте иудеев средневековья. — Он имеет форму, ибо в ней сохраняется универсум, и не имеет формы, ибо он непостижим»^[370]. Этого Старейшего из Старейших представляют в виде профиля человеческого лица: всегда в профиль, потому что скрытая сторона никогда не может быть познана. Его именуют «Великим Ликом» (Макропросопом); из прядей его белой бороды происходит весь мир. «Эта борода, истина всякой истины, начинается от ушей и заканчивается вокруг рта Всеединого; и, ниспадая и подымаясь, она покрывает щеки, которые называют местами благоухания; она белая с завитками: в могучей гармонии она ниспадает до середины груди. Это борода воистину совершенной красоты, из которой бьют струи тринадцати фонтанов, рассеивая драгоценнейший бальзам великолепия. Он разливается в тринадцать форм. И положение каждой во вселенной отвечает тринадцати положениям, задаваемым этой почтенной бородой и

отмеченным тринадцатью вратами милости»^[371].

Белая борода Макропросопа спускается, прикрывая другую голову, «Малый Лик» (Микропросоп) представлен лицом анфас, с черной бородой. И если глаз Великого Лика был лишен века и никогда не закрывался, то глаза Малого Лика открывались и закрывались в величественном ритме судеб мира. Это — начало и завершение космогонического круга. Малый Лик именовался «БОГ», Великий Лик — «Я ЕСТЬ».

Макропросоп — это Несотворенное Несотворяющее, а Микропросоп — Несотворенное Творящее: им соответствуют молчание и слог *ОМ*, неявленное и явленное — имманентные содержания космогонического круга.

3. Пустота, порождающая пространство

Святой Фома Аквинский говорил: «Мудрым может называться лишь тот, кто рассматривает цель вселенной, она же и начало вселенной»^[372]. Основной принцип всякой мифологии состоит в том, что конец есть начало. Мифы о творении пронизаны ощущением рока, неизменно возвращающего все сотворенные формы в нетленное, из которого они изначально возникли. Формы безудержно устремляются вперед, но, неизбежно достигая своего апогея, разрушаются и возвращаются в исходную точку. В этом смысле мифология трагична в своем видении мира. Но в том смысле, что наше истинное бытие она помещает не в бранные формы, а в нетленное, из которого они тут же вновь извергаются вовне, мифология выше трагизма^[373]. Действительно, какое бы мифологическое мироощущение ни преобладало, трагедия здесь невозможна. Скорее, все это имеет характер фантазии. Кроме того, истинное бытие заключается не в этих формах, а в фантазии их творца.

Как и в сновидении, эти образы выстраиваются от возвышенного до нелепого. Разуму, с его нормальными оценками, здесь нет места, напротив, его постоянно оскорбляет и повергает в шок всякое утверждение, которое он, якобы, наконец-то понял. Мифология отступает, когда разум со всей серьезностью отстаивает свои излюбленные, то есть традиционные образы, защищая их так, как если бы в них и состояло послание, которое они лишь призваны сообщить. Эти образы следует рассматривать как тени, и не более, непостижимого потустороннего, недоступного ни глазу, ни слову, ни разуму, ни даже вере. Подобно тривиальным фигурам сновидений, образы мифа наполнены смыслом.

Первая фаза космогонического цикла описывает расщепление бесформенности в формы, как в следующей песне о творении, принадлежащей племени маори из Новой Зеландии:

Те Коре (Пустота)
Те Коре-туа-тахы (Первая Пустота)
Те Коре-туа-руа (Вторая Пустота)
Те Коре-нуи (Безбрежная Пустота)
Те Коре-роа (Далеко простирающаяся Пустота)
Те Коре-пара (Ненасыщенная Пустота)
Те Коре-вхивхиа (Незаполненная Пустота)
Те Коре-равеа (Восхитительная Пустота)
Те Коре-те-тамауа (Установленный Предел Пустоты)
Те По (Ночь)
Те По-теки (Долгая Ночь)
Те По-тереа (Медлящая Ночь)
Те По-вхавха (Плачущая Ночь)
Хине-маке-мое (Дочь Ужасного Сна)
Те Ата (Рассвет)
Те Ау-ту-роа (Наступивший День)
Те Ао-марама (Светлый День)
Вхай-туа (Пространство)

В пространстве разворачивается два лишенных формы существования:

Маку (Влажность [мужское])
Махора-нуи-а-ранги (Великое Пространство Неба [женское])

От них берут начало:

Ранги-потики (Небеса [мужское])
Папа (Земля [женское])

Ранги-потики и Папа были родителями богов^[374].

Из пустоты, пребывающей по ту сторону всякой другой пустоты, истекают чудесные, подобные растениям эманации, на которых держится мир. Десятой в этом ряду является ночь; восемнадцатым — пространство (или эфир), остов всего видимого мира; девятнадцатым

является женско-мужская полярность; двадцатой — видимый универсум. Такой ряд подразумевает глубины, уходящие дальше глубин самой тайны бытия. Уровни соответствуют глубинам, исследуемым героем в его приключении как миропроникновении; они соответствуют духовным стратам, известным разуму, сосредоточенному в медитации. Они представляют бездонность темной ночи души^[375].

Древнееврейская каббала представляет процесс творения как серию эманаций, исходящих от *Я ЕСТЬ* Великого Лика. Первой являет себя сама голова в профиль, а из нее берут начало «девять великолепных светил». Эманации представлялись также как ветви космического дерева, растущего вершиной вниз, корнями уходя в «непостижимую высь». Мир, который мы видим, является перевернутым образом этого дерева.

Согласно индийской философии санкхья (VIII в. до н. э.), пустота конденсировалась в элемент эфир, или пространство. Из него образовался воздух. Из воздуха произошел огонь, из огня — вода, а из воды — элемент земля. С каждым элементом развивались ощущения-функции, способные к их восприятию: соответственно — слух, тактильное ощущение, зрение, вкус и обоняние^[376].

Забавный китайский миф персонифицирует эти элементы-эманации в виде пяти почтенных мудрецов, которые выходят из шара хаоса, висящего в пустоте:

«До того как небо и земля стали отделяться друг от друга, все было большим шаром тумана, названного хаосом. В это время духи пяти элементов приняли форму и превратились в пятерых старцев. Первый назывался Желтым Старцем и был хозяином земли. Второй — Красным Старцем и был хозяином огня. Третий — Темным Старцем и был хозяином воды. Четвертого звали Принцем Дерева, и он был хозяином дерева. Пятая же — Мать Металла — была хозяйкой металлов^[377].

Затем каждый из этих пяти старцев привел в движение первичный дух, из которого он произошел, так что вода и земля опустились вниз; небеса поднялись ввысь, а земля стала твердой до самых своих глубин. Затем воды собрались в реки и озера, и появились горы и равнины. Небеса просветлели, а земля разделилась; затем было солнце, луна и все звезды, песок, облака, дождь и роса. Желтый Старец привел в движение чистую силу земли, и к ней добавилось действие огня и воды. Затем появились травы и деревья, птицы и животные, и родились змеи и

насекомые, рыбы и черепахи. Принц Дерева и Мать Металла свели свет и тьму вместе и посредством этого создали человеческую расу, мужчину и женщину. Таким образом постепенно появился мир...»^[378]

4. Пространство, несущее в себе жизнь

Первым действием, исходящим от космогонической эманации, является структурирование мировых стадий пространства; вторым — создание жизни внутри этой структуры: жизнь поляризуется для самовоспроизводства в форме дуализма мужского и женского начала. Можно представить весь этот процесс в терминах природы полов как зачатие и рождение. Эта идея великолепно передана в другой метафизической генеалогии маори:

Из зачатия — рост,
Из роста — мысль,
Из мысли, — воспоминание,
Из воспоминания — сознание,
Из сознания — желание.

Слово стало порождающим;
Оно соединилось со смутным мерцанием;
Оно породило ночь:
Великую ночь, долгую ночь,
Нижайшую ночь, высочайшую ночь,
Ночь, сгустившуюся, чтобы ее можно было чувствовать,
Ночь, которой можно коснуться,
Ночь, которую нельзя видеть,
Ночь, которая кончается в смерти.

Из ничто — порождение,
Из ничто — возрастание,
Из ничто — изобилие,
Сила роста,
Жизненное дыхание.
Оно соединилось с пустотой пространства и породило воздушную сферу над нами.

Воздушная сфера, что плывет над землей,
Великий небесный свод над нами,
Соединилась с утренним светом,
И родилась луна;
Воздушная сфера над нами
Соединилась с пылающим небом,
И отсюда произошло солнце;
Луна и солнце поднялись вверх как главные глаза неба;
Затем Небеса стали светом: ранним рассветом, утром дня;
Затем был полдень, яркий свет дня, исходящий из неба,
Небо над нами соединилось с Гавайки и породило землю^[379].

В середине XIX столетия Пайоре, великий вождь полинезийского острова Анаа, нарисовал картину начала творения. Первой деталью этого рисунка был маленький круг, содержащий два элемента; это Те Туму, «Основание» (мужское начало), и Те Папа, «Напластование-Скала» (женское начало)^[380].

«Универсум, — говорит Пайоре, — был подобен яйцу, которое содержало Те Туму и Те Папа. Наконец оно лопнуло и образовало три налагающиеся друг на друга слоя — нижний слой поддерживал два верхних. На нижнем — пребывали Те Туму и Те Папа, которые создали человека, животных и растения.

Первым человеком был Матата, родившийся без рук; он умер вскоре после того, как явился на свет. Второй человек был Аиту, который явился с одной рукой, но без ног; он умер подобно его старшему брату. Наконец третьим человеком был Хоатеа (Небесное пространство), он был совершенной формы. После этого появилась женщина по имени Хоату (Плодородие Земли). Она стала женой Хоатеа, и от них пошла человеческая раса.

Когда нижний слой земли стал наполняться творениями, люди сделали отверстие в середине верхнего слоя, так что они смогли взойти на него, и здесь они утвердились, взяв с собой растения и животных с нижнего слоя. Затем они приподняли третий слой (так что он образовал потолок для второго)... и в конце концов они утвердились и здесь, так что человеческие существа имели три местопребывания.

Над землей были небеса, также налагающиеся друг на друга, достигающие низа и поддерживаемые соответствующими горизонтами, связанными с горизонтами земли; и люди продолжали работать, возводя одно небо над другим таким же образом, до тех пор, пока все не пришло в порядок»^[381].

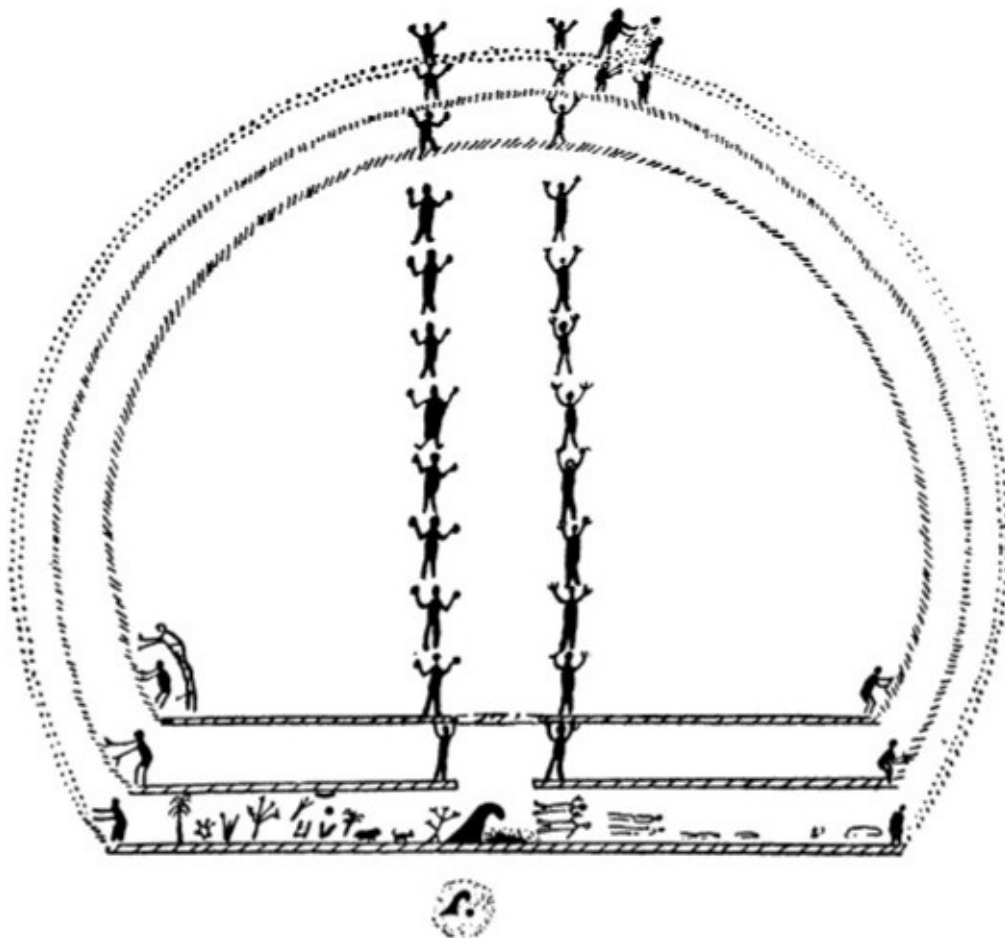

Рис. 13. Схема творения мира

Главная часть рисунка Пайоре изображает людей, раздвигающих пределы мира, стоя на плечах друг у друга, с тем чтобы поднять небеса. На нижнем уровне этого мира видны два изначальных элемента, Те Туму и Те Папа. Слева от них находятся растения и животные, их порождения. Справа виден первый несовершенный человек и первые совершенные мужчина и женщина. На верхнем небе можно заметить огонь в окружении четырех фигур, что представляет событие из раннего периода в истории мира:

«Творение универсума едва закончилось, когда Тангароа, который радовался, делая зло, зажег огонь на верхнем небе, пытаясь таким образом все разрушить. Но, к счастью, распространяющийся огонь заметили Таматуа, Ору и Руануку, которые быстро поднялись с земли и потушили пламя»^[382].

Образ космического яйца известен многим мифологиям; он проявляется в греческой орфической, египетской, финской, буддийской и в японской мифологии.

«Вначале этот [мир] был несуществующим. Он стал существующим. Он стал расти. Он превратился в яйцо. Оно лежало в продолжение года. Оно раскололось. Из двух половин скорлупы яйца одна была серебряной, другая — золотой. Серебряная [половина] — это земля, золотая — небо, внешняя оболочка — горы, внутренняя оболочка — облака и туман, сосуды — реки, жидкость в зародыше — океан. И то, что родилось, это солнце»^[383].

Скорлупа космического яйца — это структура мирового пространства, в то время как внутренняя плодотворная сила зародыша воплощает в себе неисчерпаемый жизненный динамизм природы.

«Пространство безгранично, будучи постоянно возобновляющейся формой, а вовсе не ширясь до бесконечности. *То, что есть*, является скорлупой, плавающей в бесконечности *того, чего нет*». Эта краткая формулировка современного физика, рисующая картину мира, какой он ее видел в 1928 г.^[384], передает самый смысл мифологического космического яйца. К тому же, эволюция жизни, описываемая нашей современной биологией, является темой ранних стадий космогонического цикла. В конечном счете, разрушение мира, о котором говорят нам физики, должно произойти через истощение нашего солнца и упадок всего космоса^[385], состояние, предвещаемое шрамом, оставленным огнем Тангароа; мироразрушающее действие творца-разрушителя будет постепенно возрастать, покуда, наконец, во второй фазе космогонического цикла все не перейдет в море блаженства.

Неудивительно, что космическое яйцо раскалывается, чтобы явить вырастающую из него устрашающую фигуру в человеческом образе. Это — антропоморфная персонификация силы порождения, Могуущественное Жизненное Единое, как его называют в каббале. «Могуущественный Та'ароа, несущий в себе проклятие смерти, он и есть творец мира». То же

мы слышим и на Таити, другом острове Южных Морей^[386]. «Он был один. Он не имел ни отца, ни матери. Та'ароа просто жил в пустоте. Не было ни земли, ни неба, ни моря. Земля была туманностью: не было твердыни. Затем Та'ароа сказал:

О пространство для земли, о пространство для небес,
Бесполезный мир внизу, существующий в туманном состоянии,
Длящийся и длящийся с незапамятных времен,
О бесполезный мир внизу, расширяйся!

Лицо Та'ароа показалось наружу. Скорлупа Та'ароа спала и стала землей. Та'ароа посмотрел: земля стала существовать, море стало существовать, небо стало существовать. Та'ароа жил как бог, созерцая свое творение»^[387].

Египетский миф показывает демиурга, творящего мир через акт мастурбации^[388]. Древнеиндийский миф представляет его в йоговской медитации, с формами его внутреннего видения, вырвавшимися из него наружу (к его собственному удивлению) и застывшими вокруг него как пантеон сияющих богов^[389]. В другом учении из Индии всеобщий отец представляется как первично расколовшийся на мужское и женское, а затем создающий все живые творения во всех их видах:

«Вначале все это было лишь Атманом в виде *пуруши*. Он оглянулся вокруг и не увидел никого кроме себя. И прежде всего он произнес: «Я есть». Так возникло имя «Я». Поэтому и поныне тот, кто спрошен, отвечает сначала: «Я есть», а затем называет другое имя, которое он носит. Перед началом всего этого он сжег все грехи, и поэтому он — *пуруша*. Поистине, знающий это сжигает того, кто желает быть перед ним.

Он боялся. Поэтому и поныне тот, кто одинок, боится. И он подумал: «Ведь нет ничего кроме меня — чего же я боюсь?» И тогда боязнь его прошла...

Поистине, он не знал радости. Поэтому тот, кто одинок, не знает радости. Он захотел второго. Он стал таким, как женщина и мужчина, соединенные в объятиях. Он разделил сам себя на две части. Тогда произошли супруг и супруга. Поэтому сами по себе мы подобны половинкам одного куска... Он сочетался с нею. Тогда родились люди.

И она подумала: «Как может он сочетаться со мной после того, как произвел меня из самого себя? Что же — я спрячусь». Она стала коровой, он — быком и сочетался с ней; тогда родились коровы. Она стала кобылой, он — жеребцом; она ослицей, он — ослом и сочетался с ней; тогда родились однокопытные. Она стала козой, он — козлом; она — овцой, он — бараном и сочетался с ней; тогда родились козы и овцы. И так то, что существует в парах, — все это он произвел на свет, вплоть до муравьев.

Теперь он знал: «Поистине, я есть творение, ибо я сотворил все это». Так он стал называться творением»^[390].

Постоянный субстрат индивида и вселенского родоначальника суть одно и то же, согласно этой мифологии; вот почему демиург в этом мифе предстает как Самость. Восточный мистик раскрывает это глубоко упокоенное, постоянное присутствие в его изначальном андрогинном состоянии, когда погружается в медитациях в свой внутренний мир.

«На чем выткано небо, земля и воздушное пространство вместе с разумом и всеми дыханиями. Знайте — лишь то одно — Атман. Оставьте иные речи. Это мост, [ведущий] к бессмертию»^[391].

Таким образом, хотя эти мифы о творении повествуют об отдаленном прошлом, в то же время они говорят о настоящих корнях индивида.

«Каждая душа и каждый дух, — читаем мы в иудейском *Зогаре*, — прежде чем вступить в этот мир, состоит из мужского и женского, объединенных в одно сущее. Когда оно спускается на эту землю, две части разделяются чтобы вдохнуть жизнь в два разных тела. Во время бракосочетания Всеединый, да будет он благословен, знающий всякую душу и всякий дух, соединяет их снова так, как они были раньше, и они снова становятся одним телом и одной душой, образуя, как это было ранее, правое и левое одного индивида... Однако на этот союз влияют поступки человека и пути, которыми он следует. Если человек чист и его поведение праведно в глазах Бога, то он сочетается с той женской частью своей души, которая была его дополнением до его рождения»^[392].

Этот каббалистический текст является комментарием к той сцене из Книги Бытия, в которой из Адама рождается Ева. Подобная же концепция

излагается в Платоновом *Пире*. Согласно этому мистицизму половой любви, предельный опыт любви есть осознание того, что под иллюзией двойственности скрыто тождество «каждый есть оба». Осознание этого может привести нас к открытию, что под многочисленными индивидуализациями окружающего нас универсума (человек, животное, растение, даже минералы) скрыто тождество; после чего любовный опыт становится космическим, и возлюбленный, который впервые открывает для себя это видение, вырастает до размеров зеркала творения. Мужчина или женщина, познавшие этот опыт, овладевают тем, что Шопенгауэр назвал «наукой о вездесущем прекрасном». Познавший «проходит по этим мирам, вкушая пищу, какую пожелает, принимая образ, какой пожелает»; он сидит и поет песню об универсальном единстве, которая начинается словами: «Ха ву, ха ву, ха ву!»^[393]

5. Распад единства в многообразии

Дальнейшее вращение космогонического круга низвергает Единое во многое. Тем самым великий перелом, трещина, раскалывает созданный мир на два очевидно противоположных уровня бытия. В схеме Пайоре люди возникают снизу, из тьмы и тут же приступают к своей работе, поднимая небо^[394]. Они представлены как явно независимые в том, что ими движет. Они держат совет, они решают, они планируют; они взяли на себя работу по упорядочению мира. Однако мы знаем, что за сценой работает, подобно кукловоду, Недвижимый Движитель.

В мифологии, даже в тех случаях, когда в центре внимания пребывает сам Недвижимый Движитель, Могущественное Жизненное Единое, существует удивительная спонтанность в собственно формировании универсума. Элементы конденсируются и движутся в игре своих собственных согласований, по единому слову Творца: части саморазрушающегося космического яйца движутся по назначению без посторонней помощи. Но когда перспектива смещается, фокусируясь на живых существах, когда панорама космоса и природного мира представляется с точки зрения персонажей, которым предназначено обитать в этом мире, тогда внезапная трансформация погружает космическую сцену во мрак. Формы мира не представляются более движущимися «по образу и подобию» живых, растущих, подчиняющихся гармонии вещей, но застывают недвижно или, по крайней мере, впадают в инертность. Сами подмостки вселенской сцены, опоры мироздания

перестраиваются, подгоняются и втискиваются в новые жесткие формы. Земля рождает терния и волчцы; человек ест хлеб свой в поте лица своего [395].

Поэтому перед нами два вида мифов. Согласно одним — демиургические силы продолжают действовать сами; согласно вторым — они теряют инициативу и даже противостоят дальнейшему прогрессу в движении космогонического круга. Противостояние, представленное в этой последней форме мифа, начинается иной раз еще на стадии длящейся тьмы изначального творящего и порождающего объятия космических родителей. Предоставим маори ввести нас в эту жутковатую тему.

Ранги (Небо) лежал так плотно прижавшись к животу Папа (Мать Земля), что дети не могли вырваться из утробы на волю.

«Они пребывали в неустойчивом состоянии, плавая в мире тьмы, а выглядело это так: кто-то ползал... кто-то стоял, подняв руки вверх... кто-то лежал на боку... одни на спине, другие согнувшись, третьи нагнув свою голову, четвертые вытянув вверх — с ноги... кто-то стоял на коленях... кто-то ощупывал сгустившуюся вокруг них тьму... Все они находились внутри объятий Ранги и Папа...

Наконец, существа, порожденные Небом и Землей, изнуренные постоянной тьмой, посоветовались между собой, говоря: «Давайте решим, что можно сделать с Ранги и Папа, — или же мы убьем их, или же разведем их порознь». Тогда заговорил Ту-матауенга, первый из детей Неба и Земли: «Лучше давайте убьем их».

Затем заговорил Тане-махута, отец лесов и созданий, обитающих в них, а также тех, что сделаны из дерева: «Нет, не так. Лучше развести их порознь, и пусть небо стоит над нами, а земля лежит под нашими ногами. Пусть небо будет отдалено от нас, а земля останется тесно связанной с нами как кормящая мать».

Рис. 14. Отделение Неба от Земли

Один за другим братья-боги пытались развести небо и землю, но напрасно. Наконец, сам Тане-махута, отец лесов и созданий, обитающих в них, а также тех, что сделаны из дерева, успешно справился с титаническим замыслом.

«Его голова теперь твердо упиралась в землю-мать, свои ноги он вытянул вверх, упираясь ими в небо-отца, затем он напряг свою спину и огромным усилием разделил их. Теперь разделенные Ранги и Папа с криками и стенаниями запричитали: «Почему вы совершаете столь ужасное преступление, разделяя нас, ваших родителей, и убивая нас?» Но Тане-махута не останавливался, не вникая их столам и крикам; все дальше и дальше вниз толкал он землю, все дальше и дальше вверх толкал он небо...»^[396]

В том виде, как ее представляли древние греки, эта история изложена Гесиодом в его описании отделения Урана (Отца-Неба) от Геи (Матери-Земли). Согласно этому варианту, титан Кронос оскопил своего отца серпом и таким образом убрал его со своей дороги^[397]. В египетской иконографии расположение космической четы обратное: небо является матерью, отец же воплощает жизненные силы земли^[398]; но мифологический шаблон не меняется: двое разлучаются своим ребенком, богом воздуха Шу. И снова все тот же образ приходит к нам из древнего клинописного текста шумеров, датированного III или IV тысячелетием до н. э. Вначале был первичный океан; первичный океан порождает космическую гору, которая состоит из слитых воедино неба и земли; Ан

(Небо-Отец) и Ки (Земля-Мать) породили Энлиля (Бога Воздуха), который вскоре отделил Ан от Ки и затем сам соединился со своей матерью, породив человечество^[399].

Но если эти поступки отчаявшихся детей и представляются насилием, они — просто ничто по сравнению с тотальной расправой над родительской силой, которую мы обнаруживаем в исландской *Эдде* и в вавилонских *Скрижалях Творения*. Последний удар — характеристика демиургического присутствия бездны как «зла», «тьмы» и «грязи». Блистающие молодые воины-сыновья, теперь презирующие породившего их — персонификацию зародышевого состояния погруженности в глубочайший сон, — без долгих колебаний убивают его, раздирают и расщепляют на куски и создают из них структуру мира. Это — образец победы, к которому восходят все наши позднейшие состязания с драконом, начало долговековой истории подвигов героя.

Согласно *Эддам*, после того как разверзся «зияющий разрыв»^[400], на севере возник туманный мир холода, а на юге — область огня, а затем жар с юга растопил реки из льда, которые тянулись с севера, и начал испаряться клубящийся яд. Из него возник дождь, который сгустился в иней. Иней таял и капал; жизнь пробуждалась от этих капель — гигантская, вялая, бесполоая, горизонтально распластанная фигура, названная Имир. Гигант спал, и во сне он потел; одна из его ног вместе с другой породили сына, в то время как под его левой рукой зародились мужчина и женщина.

Иней таял и капал, и из него конденсировалась корова, Аудумла. Из ее вымени текли четыре потока молока, которые питали жизнь Имира. Корова же питалась тем, что лизала соленые ледяные глыбы. Вечером первого дня из глыбы, которую она лизала, появились волосы человека; на второй день — голова человека; на третий появился весь человек, и имя его было Бури. Далее, у Бури был сын (мать неизвестна), названный Борр, который женился на одной из гигантских дочерей тех творений, которые вышли из Имира. Она родила тройню: Одина, Вили и Ве, и они зарезали спящего Имира и разделили его тело на куски.

Имира плоть стала землей,
Кровь его — морем,
Кости — горами, череп стал небом,
А волосы — лесом.
Из век его Мидгард людям был создан
Богами благими;
Из мозга его созданы были

Темные тучи^[401].

В вавилонской версии героем является Мардук, Бог-солнце; жертвой становится Тиамат — ужасная, драконоподобная, сопровождаемая стаей демонов — женская персонификация изначальной бездны, хаос как мать богов, но теперь несущая угрозу миру. С луком и трезубцем, посохом и сетью, с конвоем боевых ветров, бог поднимается в своей колеснице. Четверка лошадей, готовых растоптать всякого, кто угодит им под ноги, покрыты клочьями пены.

..Но Тиамат, не повернув головы,
Не знающими устали устами извергала возмущенные слова...
Тогда повелитель извлек молнию, свое могучее оружие,
И направил ее против разбушевавшейся Тиамат, бросив ей такие слова:
«Твое искусство достигло вершин, и ты сама вознеслась на
недосыгаемую высоту,
Сердце твое побудило тебя бросить вызов, и битву начать...
Против богов, отцов моих, обращены твои гнусные помыслы.
Пусть твое воинство вооружается, пусть твое оружие будет к бою
готово!
Встань! Я и ты, пусть мы сойдемся в неистовой битве!»
И Тиамат, эти слова услышав,
Сделалась одержимой; она обезумела;
Издавая ужасные вопли,
Она задрожала, сотрясаясь до самых глубин.
Уста ее извергали проклятия, произнося их по буквам.
И боги войны взывали к оружию.
Затем Тиамат и Мардук, советник богов, сблизилась;
Сблизилась, чтобы сразиться, для битвы сошлись.
Владыка сеть свою развернул и поймал ее,
И злой ветер, который тянулся за ним, он выпустил ей в лицо.
И ужасные ветры заполнили ее утробу,
И ее смелость ушла из нее, а рот ее разверзся в ужасе.
Он же схватил трезубец и распорол ей живот,
И разорвал ее внутренности, и пронзил ее сердце.
Он победил ее и отнял жизнь у нее,
Он бросил ее наземь и растоптал ее.

Затем, разбив остатки ее многочисленного воинства, вавилонский бог вновь вернулся к матери мира:

И владыка на спину Тиамат наступил
И своей беспощадной клюкою разбил ее череп.
Он выпустил из жил ее кровь,
Чтоб северный ветер унес ее прочь в потаенное место...
Затем властелин остановился, воззрившись на ее мертвое тело,
...И замысел изощренный вызрел в уме его.
И тогда разделил он ее подобно распластанной рыбе на две
половины;
Одну половину установил он как небесный, все покрывающий
свод.
И поставил запоры и выставил стража,
Чтобы сдержать ее воды.
Он обошел небеса и обозрел все пределы,
И над самою Пучиной поместил он обитель для Нудиммуда
И отмерил Владыка дно бездонной Пучины...[\[402\]](#)

Мардук в этом героическом деянии раздвинул верхние воды, подперев их сводом, и нижние воды, опустив их на дно. Затем в мире между ними он создал человека.

Мифы не перестают давать нам подтверждения того, что конфликт в сотворенном мире есть вовсе не то, чем он кажется. Тиамат, убитая и расчлененная, тем самым отнюдь не уничтожена. В битве с хаосом, если рассмотреть ее под другим углом зрения, можно увидеть, что хаос-чудовище расчленяется с его собственного согласия и его фрагменты перемещаются в надлежащее место. С точки зрения этих сотворенных форм, все осуществляется как бы могущественной рукой через опасности и страдания. Но если попытаться взглянуть на все изнутри самого порождающего эманации присутствия, то очевидно, что плоть поддается с готовностью и рука, которая терзает ее, в конечном счете не более чем орудие воли самой жертвы.

В этом заключается основной парадокс мифа: парадокс двойной фокусировки. Если в начале космогонического цикла можно было сказать: «Бог не вмешивается», но в то же самое время «Бог есть создатель,

заступник и разрушитель», то теперь в этой критической точке, где Единое разбивается на множество, судьба «случается» и в то же время «осуществляется». С точки зрения источника, мир есть величественная гармония форм, вливающих в бытие, взрывающихся и растворяющихся. Но быстротечный опыт творений представляет собой ужасную какофонию звуков сражения — криков и стонов. Мифы не отрицают этой агонии (изображая распятие); но выявляют в ней, по ту сторону ее и вокруг нее, сущностный покой (небесную розу)^[403].

Смещение перспективы от покоя центральной причины к возмущениям периферических эффектов представлено в грехопадении Адама и Евы в саду Эдема. Они вкусили запретный плод, «и открылись глаза у них обоих»^[404]. Блаженство Рая закрылось для них, и они увидели поле творения по другую сторону изменившей свою проницаемость завесы. Отныне им предстоит изведать обретение неизбежного в поте лица своего.

6. Народная мифология о Творении

Простота изначальных сюжетов неразвитой народной мифологии резко контрастирует с глубоко суггестивным содержанием мифов космогонического цикла^[405]. В этом явно видны первые слабые попытки проникнуть в тайны, скрытые завесой пространства. Нарушив целомудрие стены безвременья, смутной тенью возникает образ творца, чтобы придать миру форму. Его день снопоподобен в своей длительности, текучести и обтекаемости. Земля была еще лишена твердости; многое надлежало сделать, чтобы она стала пригодной для обитания будущего народа.

Старейшина бродил повсюду, рассказывают индейцы племени черноногих (Монтана), он сделал людей и упорядочил вещи.

«Он пришел с юга, направляясь на север, создавая животных и птиц, по мере того как продвигался вперед. Он создал горы, прерии, леса и первые кустарники. Так он шел вперед, двигаясь на север, создавая вещи на своем пути, размещая реки здесь и там, а также водопады на них, накладывая здесь и там красную краску на землю — делая этот мир таким, каким мы его видим сегодня. Он создал Млечный Путь (Тетон) и прошел его весь и, утомившись, взошел на холм и прилег отдохнуть. Когда он лежал на спине, вытянувшись на земле, с распростертыми руками, он

оградил себя камнями, отметив очертания своего тела, головы, ног, рук и всего остального. Вы можете увидеть здесь эти скалы и сегодня. Отдохнув, он пошел на север и споткнулся о холм, и упал на колени. Тогда он сказал: «Ты — плохая вещь, ибо спотыкаются о тебя», поэтому он приподнял два больших камня и назвал их Колени, и они называются так и по сей день. Он пошел дальше на север, из камней, которые он нес с собой, он построил Душистые Травяные Холмы.

Однажды Старейшина определил, что необходимо сделать женщину и ребенка, поэтому он слепил их — женщину и ее сына — из глины. Придав глине человеческую форму, он сказал глине: «Из тебя должны выйти люди», и затем он накрыл ее и, оставив так, ушел прочь. На следующее утро он пришел к тому месту и снял покрывало, и увидел, что глиняные формы начали меняться. К следующему утру появились новые изменения, а к третьему — еще больше. На четвертое утро он пришел к тому месту, снял покрывало, посмотрел на фигуры и приказал им встать и идти, и они сделали так. Они пошли к реке со своим Создателем, и тогда он сказал им, что его имя Напи, Старейшина.

Когда они остановились у реки, женщина сказала: «Будем ли мы жить всегда, не ведая конца?» Он сказал: «Я никогда не думал об этом. Мы должны решить это. Я возьму эту буйволиную лепешку и брошу ее в реку. Если она поплывет, то, умирая, люди через четыре дня будут снова оживать; они будут оставаться мертвыми только четыре дня. Но если она утонет, то им будет положен конец». Он бросил лепешку в реку и она поплыла. Женщина нагнулась, подняла камень и сказала: «Нет, я брошу этот камень в реку, если он поплывет, то люди будут жить вечно, если он утонет, то люди будут умирать, таким образом они смогут испытывать жалость друг к другу». Женщина бросила камень в воду, и он утонул. «Ну, вот, — сказал Старейшина, — вы сделали выбор. Всем людям будет назначен конец»^[406].

Рис. 15. Хнум, который лепит сына фараона на гончарном круге, и Тот, отмеряющий его земной век

Упорядочение мира, создание человека и решение о смерти или бессмертии человека — типичные темы примитивных сказок о творце. Вряд ли мы можем теперь узнать, насколько серьезно и в каком смысле воспринимали когда-то эти предания. Мифологический способ изложения таков, что в нем преобладают не столько прямые, сколько косвенные референции, это как *если бы* Старейшина сделал так-то и так-то. Многие предания, представленные здесь под рубрикой предания о генезисе, можно рассматривать скорее как народные волшебные сказки, чем как Книги Бытия... Такое мифотворчество как игра распространено во всех цивилизациях, как в высокоразвитых, так и на низших стадиях. Простой человек может рассматривать порожденные им образы с чрезмерной серьезностью, но в основном о них нельзя сказать, что они действительно

представляют собой — учение или локальный «миф». Например, у маори, у которых мы обнаружили некоторые из наших утонченнейших космогонических образов, есть предание о яйце, выпавшем из птицы в изначальное море; оно разбилось, и из него вышли мужчина, женщина, мальчик, девочка, свинья, собака и каноэ. Все сели в каноэ и поплыли в Новую Зеландию^[407]. Это явный бурлеск на тему космического яйца. С другой стороны, камчадалы рассказывают, похоже, со всей серьезностью, что Бог изначально жил на небе, но затем спустился на землю. Когда он ходил повсюду на своих снегоступах, то новая земля пружинила под ним, подобно тонкому и податливому льду. С тех пор земля покрылась рытвинами и складками^[408]. Или опять же, как считают киргизы в Центральной Азии, когда два первобытных жителя, пасущих большого быка, остались надолго без воды и уже умирали от жажды, животное добыло для них воду, распоров землю своими большими рогами. Вот как возникли озера в стране киргизов^[409].

В мифах и народных сказках довольно часто появляется шутовская фигура, действующая в постоянной оппозиции к милостивому творцу, — как баланс для всех тягот и невзгод существования по эту сторону завесы. Меланезийцы Новой Британии рассказывают о том, как темное бытие, «бытие, которое было первым», нарисовало две мужские фигуры на земле, расцарапало свою кожу и окропило нарисованных своей кровью. Сорвав два больших листа, оно накрыло ими фигуры, и спустя некоторое время они превратились в двух мужчин. Имена людей были То Кабинана и То Карвуву.

То Кабинана ушел один, залез на кокосовое дерево, с которого свисали желтые плоды, сорвал два неспелых кокоса и бросил их на землю; они раскололись и превратились в двух красивых женщин. То Карвуву восхитился женщинами и спросил, как его брат заполучил их. «Залезь на пальму, — сказал То Кабинана, — сорви два неспелых кокоса и брось их на землю». Однако То Карвуву бросил плоды острым концом вниз, и у женщин, которые вышли из них, были плоские уродливые носы^[410].

Однажды То Кабинана вырезал Тхум-рыбу из дерева и пустил ее плавать в океан, и отсюда появилась живая рыба. Теперь эта Тхум-рыба гнала Маливаран-рыбу к берегу, где То Кабинана просто собирал ее на отмели. То Карвуву восхитился Тхум-рыбой и пожелал сделать такую же, но, пока учился это делать, вырезал вместо нее акулу. Эта акула пожирала Маливаран-рыбу, вместо того чтобы гнать ее к берегу. То Карвуву, причитая, пошел к своему брату и сказал: «Лучше бы я не вырезал этой

рыбы; она ничего не делает, но ест всех других рыб». — «Что за рыба?» — спросил у него брат, и тот ответил: «Я сделал акулу». — «Ты посмотри, что ты натворил, — сказал ему брат. — Ты сделал так, что теперь наши смертные потомки будут испытывать страдание. Эта твоя рыба будет есть всех других рыб, а также людей»^[411].

За всей этой очевидной нелепостью можно увидеть, что одна причина (темное бытие, которое разделило самое себя) порождает в этом мире двоякий эффект — добро и зло. Эта история не так наивна, как представляется^[412]. Более того, в забавной логике финального диалога угадывается метафизическое пред-существование платоновского архетипа в акуле. Это понимание неизбежно присутствует в каждом мифе. Общим для них является также появление антагониста, представителя зла, в роли шута. Дьяволы — и сильные, но тупоголовые, и умные, проницательные обманщики — всегда смехотворны. Вопреки их победам в мире пространства и времени, они и их деяния просто исчезают, когда перспектива смещается к трансцендентному. Они — тень — заблуждение субстанции; они символизируют неизбежное несовершенство царства теней, и пока мы остаемся по эту сторону, завеса не может быть уничтожена.

Черные татары Сибири рассказывают, что когда демиург Пайяна создавал первые человеческие существа, он обнаружил, что неспособен вдохнуть в них жизнетворный дух. Так что он вынужден был подняться на небо и извлечь души из Кудай, Высшего Бога, оставив тем временем лысого пса охранять сделанные им фигуры. Дьявол, Эрлик, появился сразу же, как только тот ушел. Эрлик сказал псу: «Ты совсем лыс. Я дам тебе золотую шерсть, если ты отдашь в мои руки этих людей, лишенных души». Предложение понравилось псу, и он отдал людей, которых должен был охранять, искусителю. Эрлик измазал их своей слюной, но тут же обратился в бегство, когда увидел, что Бог приближается, чтобы дать им жизнь. Бог увидел, что тот наделал, и вывернул человеческие тела наизнанку. Вот почему мы имеем слюну и нечистоты в своем кишечнике^[413].

Народное мифотворчество передает историю творения лишь с того момента, когда трансцендентные эманации распадаются на пространственные формы. Тем не менее, оно не отличается от образцов великой мифологии сколько-нибудь существенным образом в своей оценке человеческой судьбы. Все их символические персонажи соответствуют по своему смыслу — а нередко и в облике и поступках — персонажам

высокой иконографии, и диковинный мир, в котором они движутся, есть мир великих эманаций: мир и век между глубоким сном и пробудившимся сознанием, место, где Единое разделяется на многое, а многое примиряется в Едином.

Глава II. Непорочное зачатие

1. Мать Вселенная

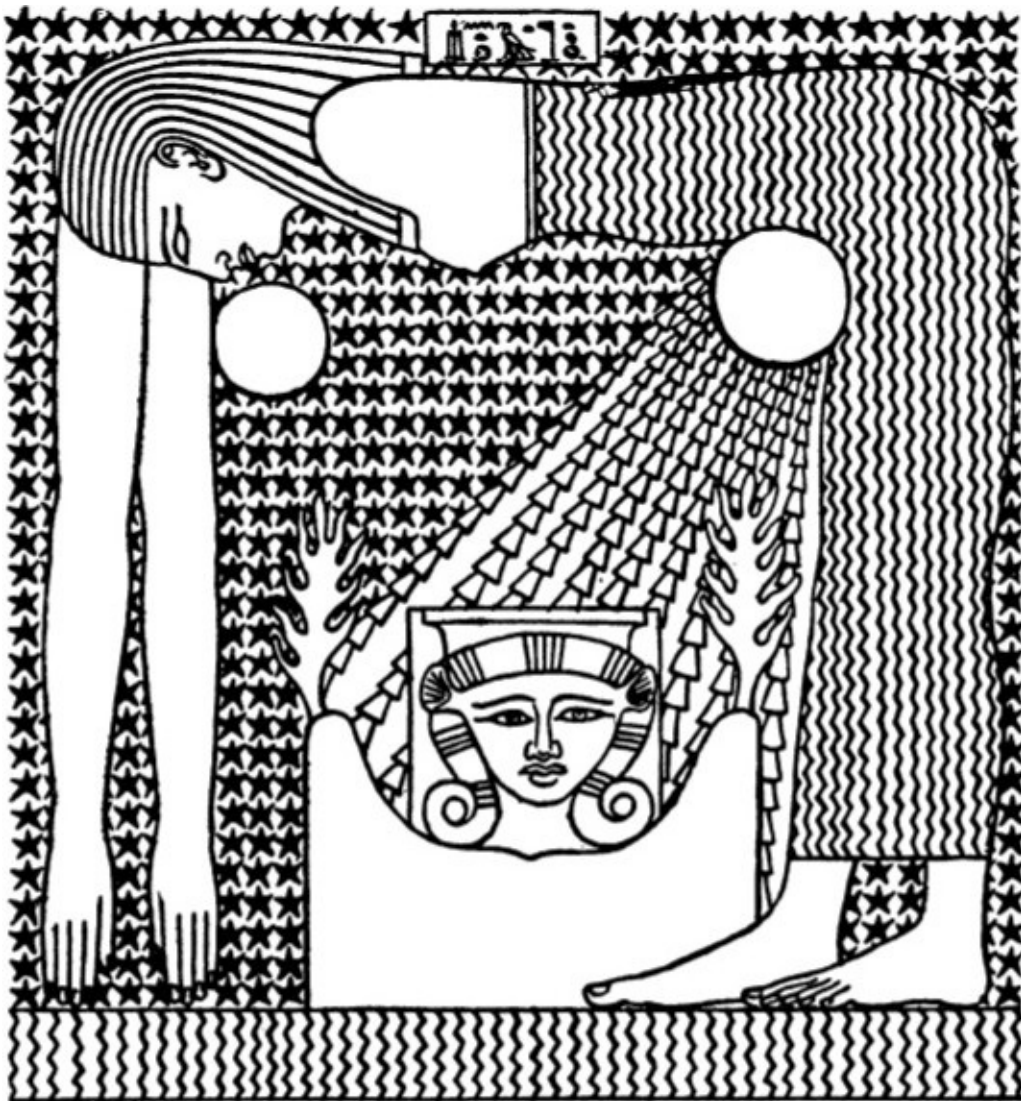
Дух отца, порождающий мир, переходит в многообразие земного опыта с помощью изменчивого посредника — мать мира. Она является персонификацией изначальной стихии, упоминаемой во втором стихе главы первой Книги Бытия, где мы читаем: «И Дух Божий носился *над водою*». В древнеиндийском мифе она являет себя в женской фигуре, через которую этот Дух, или Самость (*Self*), рождает все создания. Понимаемая более абстрактно, она есть задающая границы мира матрица «пространство, время и причинность» — скорлупа космического яйца. Еще абстрактнее, она представляет собой притягательную силу, которая побудила самопорождающий Абсолют к акту творения.

В тех мифологиях, которые подчеркивают скорее материнскую, чем отцовскую сторону творца, эта изначальная женщина заполняет мир в его исходной стадии, принимая на себя те роли, которые в других случаях приписываются мужчинам. Она при этом девственна, поскольку ее супруг пребывает Невидимым Неведомым.

Необычно представлена эта фигура в финской мифологии. В первой руне *Калевалы*^[414] рассказывается о том, как девственная дочь воздуха спустилась из небесной обители в первозданный океан и там на протяжении столетий плавала в вечных водах.

И спустилась вниз девица,
В волны вод она склонилась,
На хребет прозрачный моря,
На равнины вод открытых,
Начал дуть свирепый ветер,
Поднялась с востока буря,
Замутилось море пеной,
Поднялись высоко волны.
Ветром деву качало,
Било волнами девицу,
Закачало в синем море,
На волнах с вершиной белой.
Ветер плод надул девице,

Полноту дало ей море.
И носила плод тяжелый,
Полноту свою со скорбью
Лет семьсот в себе девица,
Девять жизней человека —
А родов не наступало,
Не зачатый — не рождался^[415].

*Рис. 16. Нут (Небо), порождающая Солнце, чьи лучи падают на голову
Хатхор (Любовь и Жизнь)*

Семьсот лет Мать-Вода плавала с ребенком в своей утробе, будучи не в состоянии его родить. Она обратилась с просьбой к верховному богу Укко помочь ей, и тот послал утку, чтобы она свила гнездо на ее колене. Яйца, снесенные уткой, скатились с колена и разбились на кусочки; из этих кусочков стали образовываться земля, небо, солнце, луна и облака. Затем, плавая по морю, Мать-Вода стала сама придавать миру форму:

Наконец в году девятом,
На десятое уж лето^[416],
Подняла главу из моря
И чело из вод обширных,
Начала творить творенья,
Создавать создання стала
На хребте прозрачном моря,
На равнине вод открытых.
Только руку простирала —
Мыс за мысом воздвигался:
Где ногою становилась —
Вырывала рыбам ямы;
Где ногою дна касалась —
Вглубь глубины уходили.
Где земли касалась боком —
Ровный берег появлялся;
Где земли ногой касалась —
Там лососьи тони стали;
И куда главой склонялась —
Бухты малые возникли.
Отплыла от суши дальше,
На волнах остановилась —
Созидала скалы в море
И подводные утесы,
Где суда, наткнувшись сядут,
Моряки найдут погибель^[417].

Однако ребенок по-прежнему оставался нерожденным, достигнув уже зрелого возраста:

Старый, верный Ваянямёйнен

В чреве матери блуждает,
Тридцать лет он там проводит,
Зим проводит ровно столько ж
На водах, дремотой полных.
Он подумал, поразмыслил:
Как же быть и что же делать
На пространстве этом темном,
В неудобном, темном месте,
Где свет солнца не сияет,
Блеска месяца не видно.
Он сказал слова такие
И такие молвил речи:
«Месяц, солнце золотое
И медведица на небе!
Дайте выход поскорее
Из неведомой мне двери,
Из затворов непривычных
Очень тесного жилища
Дайте вы свободу мужу.
Вы дитяти дайте волю,
Чтобы видеть месяц светлый,
Чтоб на солнце любоваться,
На Медведицу дивиться,
Поглядеть на звезды неба!»
Но не дал свободы месяц,
И не выпустило солнце.
Стало жить ему там тяжело,
Стала жизнь ему постыла.
Тронул крепости ворота,
Сдвинул пальцем безымянным,
Костяной замок открыл он
Малым пальцем левой ножки,
На руках ползет с порога,
На коленях через сени
В море синее упал он,
Ухватил руками волны
Отдан муж на милость моря,
Богатырь средь волн остался [\[418\]](#).

Прежде чем Вяйнямёйнен — герой с момента рождения — смог начать свой путь на суше, ему пришлось побывать в объятиях второй матери-колыбели — космической стихии океана. Теперь, лишенный ее защиты, он должен был пройти инициацию, подвергнувшись испытаниям сугубо равнодушных сил природы:

Пролежал пять лет он в море,
В нем пять лет и шесть качался,
И еще семь лет и восемь.
Наконец плывет на сушу,
На неведомую отмель,
На безлесный берег выплыл.
Приподнялся на колени,
Опирается руками.
Встал, чтоб видеть светлый месяц,
Чтоб на солнце любоваться,
На Медведицу дивиться,
Поглядеть на звезды неба.
Так родился Вяйнямёйнен,
Племени певцов удалых
Знаменитый прародитель,
Девой Ильматар рожденный^[419].

2. Предопределенность

Вселенская богиня появляется перед людьми под множеством личин. Ведь результаты творения многообразны, сложны и имеют взаимопротиворечивый характер, если их рассматривать с точки зрения сотворенного мира. Праматерь жизни является в то же время и праматерью смерти; она скрыта под личинами безобразных демонов голода и смерти.

Шумеро-вавилонская звездная мифология отождествляла образы космической женщины с фазами планеты Венеры. Как утренняя звезда она девственна; как вечерняя звезда — распутна; как госпожа ночного неба — она выступает супругой месяца; когда же она исчезает в лучах солнца, она становится ведьмой ада. Куда бы ни распространялось месопотамское влияние, везде в трактовке богини сохранялся отсвет этой изменчивой звезды.

Миф, обнаруженный в племени вахунгве-макони в Южной Родезии (юго-восточная Африка), являет образы Венеры-матери в соотнесении с первыми стадиями космогонического цикла. Здесь в качестве первого человека выступает месяц; утренняя звезда — его первая, а вечерняя звезда — вторая жена. Аналогично тому, как Вьянмяйнен вышел из утробы благодаря собственным усилиям, так и этот лунный человек сам выходит из глубинных вод. Он и его жены являются прародителями всех земных существ. История дошла до нас в следующем виде:

«Маори (Бог) сделал первого человека и назвал его Мвуетси (Луна). Он поместил его на дно Дзивоа (озеро) и дал ему рог нгона, наполненный маслом нгона^[420]. Мвуетси жил в Дзивоа.

Мвуетси сказал Маори: «Я хочу выйти на землю». Маори ответил: «Ты будешь жалеть об этом». Мвуетси сказал: «И все же я хочу на землю». Маори ответил: «Тогда ступай». Мвуетси покинул Дзивоа и вышел на землю.

Земля была холодной и пустой. Не было ни трав, ни кустов, ни деревьев. Не было животных. Мвуетси заплакал и обратился к Маори со словами: «Как я буду здесь жить?» Маори ответил: «Я предупреждал тебя. Ты стал на путь, в конце которого ты умрешь. Однако я создам для тебя твое подобие». Маори дал Мвуетси жену, которая носила имя Массасси, Утренняя звезда. Маори сказал: «Массасси будет твоей женой два года». Маори дал Массасси огниво.

Вечером Мвуетси вошел с Массасси в хижину. Массасси сказала: «Помоги мне. Мы разведем огонь. Я соберу *chimandra* (растопка), а ты будешь вращать *rusika* (вращающаяся часть огнива)». Массасси собрала растопку. Мвуетси вращал *rusika*. Когда загорелся огонь, Мвуетси лег по одну сторону от него, а Массасси — по другую. Огонь горел между ними.

Мвуетси спрашивал себя: «Зачем Маори дал мне эту женщину?» Ночью Мвуетси взял рог нгона. Он смочил свой указательный палец каплей масла нгона. Он сказал: «*Ndini chaambuka mhiri ne mhirir*» («Я собираюсь прыгнуть через огонь»). Он прыгнул через огонь. Он приблизился к девственной Массасси. Он коснулся тела Массасси пальцем, на котором была мазь. Затем Мвуетси вернулся в свою постель и уснул.

Когда Мвуетси проснулся утром, он взглянул на Массасси. Мвуетси увидел, что ее живот раздулся. Когда день закончился,

Массасси начала рожать. Массасси родила травы. Массасси родила кусты. Массасси родила деревья. Массасси не прекращала рожать, пока земля не покрылась травами, кустами и деревьями.

Деревья росли. Они росли, пока их верхушки не достигли неба. Когда верхушки деревьев достигли неба, начался дождь.

Мвуетси и Массасси жили в изобилии. У них были фрукты и злаки. Мвуетси построил дом. Мвуетси сделал железную лопату. Мвуетси сделал мотыгу и сеял зерно. Массасси сплела сети для рыбы и ловила рыбу. Массасси приносила дрова и воду. Массасси готовила пищу. Так Мвуетси и Массасси прожили два года.

Через два года Маори сказал Массасси: «Время истекло». Маори забрал Массасси с земли и вернул ее в Дзивоа. Мвуетси тосковал. Он тосковал и плакал и сказал Маори: «Что я буду делать без Массасси? Кто будет носить для меня дрова и воду? Кто будет для меня готовить пищу?» Мвуетси плакал восемь дней.

Восемь дней плакал Мвуетси. Затем Маори сказал: «Я предупреждал тебя, чтобы ты готовился к смерти. Но я дам тебе другую женщину. Я дам тебе Моронго, Вечернюю Звезду. Моронго будет с тобой два года. Затем я возьму ее назад». Маори дал Мвуетси Моронго.

Моронго пришла в хижину Мвуетси. Вечером Мвуетси хотел лечь на своей стороне от огня. Моронго сказала: «Не ложись там. Ложись со мной». Мвуетси лег около Моронго. Мвуетси взял рог нгона, нанес немного мази на свой указательный палец. Но Моронго сказала: «Не делай так. Я не похожа на Массасси. Теперь смажь свои чресла маслом нгона. Смажь мои чресла маслом нгона». Мвуетси сделал, как она сказала. «Теперь соединишься со мной», — сказала Моронго. Мвуетси соединился с Моронго. Мвуетси уснул.

Утром Мвуетси проснулся. Когда он взглянул на Моронго, он увидел, что ее живот раздулся. Когда день закончился, Моронго начала рожать. В первый день Моронго родила цыплят, овец и коз.

Во вторую ночь Мвуетси снова спал с Моронго. На следующее утро она родила антилоп и коров.

В третью ночь Мвуетси снова спал с Моронго. На следующее утро Моронго родила сначала мальчиков, а затем девочек. Мальчики, рожденные утром, выросли к вечеру.

В четвертую ночь Мвуетси хотел снова спать с Моронго. Но разразилась гроза, и Маори сказал: «Оставь. Ты быстро продвигаешься к смерти». Мвуетси испугался. Гроза прошла. Когда она прошла, Моронго сказала Мвуетси: «Сделай дверь и закрой ею вход в хижину. Тогда Маори не увидит, что мы делаем. Тогда ты сможешь спать со мной». Мвуетси сделал дверь. Ею он закрыл вход в хижину. И он соединился с Моронго. Затем Мвуетси уснул.

Утром Мвуетси проснулся. Мвуетси увидел, что живот Моронго раздулся. К вечеру Моронго начала рожать. Моронго родила львов, леопардов, змей и скорпионов. Маори увидел это. Маори сказал Мвуетси: «Я предупреждал тебя».

На пятый день Мвуетси снова захотел спать с Моронго. Но Моронго сказала: «Посмотри, твои дочери выросли. Спи со своими дочерьми». Мвуетси посмотрел на своих дочерей. Он увидел, что они красивы и что они выросли. Поэтому он спал с ними. Они родили детей. Дети, рожденные утром, вырастали к вечеру. И так Мвуетси стал Мамбо — королем великого народа.

Тем временем Моронго спала со змеем. Моронго больше не рожала. Она жила со змеем. Однажды Мвуетси вернулся к Моронго и хотел спать с ней. Моронго сказала: «Оставь». Мвуетси: «Но я хочу». Он лег с Моронго. Под кроватью Моронго лежал змей. Змей укусил Мвуетси.

После этого Мвуетси заболел. На другой день не было дождя. Растения высохли. Реки и озера высохли. Животные умерли. Начали умирать люди. Много людей умерло. Дети Мвуетси спрашивали: «Что мы можем сделать?» Дети Мвуетси сказали: «Мы бросим кости *хаката* (священные кости)». Ответ был: «Мвуетси стал старым и дряхлым Мамбо. Отправьте Мвуетси назад в Дзивоа».

После этого дети задушили и похоронили Мвуетси. Вместе с ним они похоронили Моронго. Моронго также прожила два года при дворе Мвуетси — в его Зимбабве»^[421].

Очевидно, что каждая из трех описанных стадий порождения представляет определенный период в развитии мира. Модель, определяющая ход событий, похоже, заведомо известна, как если бы происходящее было отнюдь не ново; на это указывают и предупреждения Всевышнего. Однако Лунный Человек, Могущественное Живое Существо,

не может, тем не менее, отказаться от своей судьбы. Диалог на дне озера является диалогом между вечностью и временем, где решается «вопрос жизни»: быть или не быть. Неутолимому желанию дают волю: движение начинается.

Жены и дочери Лунного Человека являются персонификациями (или сообщницами) его судьбы. Вместе с эволюцией его миротворящей воли метаморфозу претерпевают достоинства и облик богини-матери. По своему рождению из колыбели природы первые две жены предчеловеческие и сверхчеловеческие создания. Но когда космогонический круг совершен и момент роста сместился от первобытных форм к истории человечества, повелительницы космических рождений исчезают и оставляют поле действий мужчинам и женщинам. Поэтому старый владыка-демиург в своем сообществе становится метафизическим анахронизмом. Когда в конце концов он устает от людей как таковых и стремится вернуть себе свое бывшее плодородие и изобилие со своей женой, его поступок истощает мир, но вскоре мир вновь обретает свободу, и все приходит в движение. Инициатива переходит к сообществу детей. Фантастически грандиозные фигуры родителей погружаются в первозданный хаос. На обжитой земле остается только человек. Цикл миновал.

3. Лоно Спасения

Главной проблемой теперь становится мир человеческой жизни. Поле сознания, ведомое практическими соображениями королей и наставлениями священников относительно игры в кости божественного Провидения^[422], сужается настолько, что главные линии человеческой комедии теряются в переплетении противоречивых тенденций. Видение будущего для человека становится плоским, схватывающим лишь отраженный свет, лишь осязаемые поверхности существования. Глубинная перспектива свертывается в неразличимую точку. Знаком человеческой борьбы становится утрата способности видеть. Общество впадает в ошибки, чреватые катастрофой. Крохотное Эго узурпирует судейское место высшей Самости.

В мифе эта вечная тема звучит в явственно различных нотах отчаяния в голосах пророков. Люди тоскуют по личности, которая в мире искаженных тел и душ снова явит черты воплощенного образа. Эта мифологема, знакомая нам из нашей собственной традиции, возникает повсюду, хотя и под разными личинами. Когда фигура Ирода (как высшего

символа неуправляемого, упрямого эго) подводит человечество к надиру духовного ничтожества, приходят в движение скрытые силы цикла. В не приметной деревне рождается девушка, которая сохранит себя незапятнанной мирскими грехами своего поколения: в среде людей в миниатюре повторяется космическая женщина, невеста ветра. Ее лоно, оставшееся нетронутым, подобно изначальным глубинам, самой своей готовностью призывает к себе первичную мощь, которая оплодотворяет пустоту.

«И вот однажды, когда Мария стояла у колодца, чтобы наполнить кувшин, ангел Господен появился перед ней, сказав: Благословенна ты, Мария, ибо в своем чреве ты приуготовила обитель для Господа. Вот, свет с небес войдет и будет обитать в тебе, и через тебя будет сиять во всем мире»^[423].

Эту историю пересказывают повсюду; и с таким удивительным сходством главных контуров, что ранние христианские миссионеры были вынуждены объяснять это тем, что сам дьявол подбрасывает им пародии на их учение, где бы они ни появились. Фрай Педро Симон в своих *Исторических заметках*^[424] сообщает:

Когда началась работа среди народов тунья и согамоццо в Колумбии (Южная Америка), «демон этих мест начал выдвигать супротивные доктрины. И среди прочего он стремился дискредитировать то, что священник говорил относительно Воплощения, заявляя, что оно еще не произошло; но что теперь Солнце осуществит это, оплодотворив утробу девы из селенья Гуачета, и она понесет от солнечных лучей, пребывая невинной. Эта весть разнеслась по всей округе. И случилось так, что староста упомянутой деревни имел двух дочерей в девичестве, каждая из которых желала, чтобы чудо произошло с ней. Поэтому они стали выходить из жилища отца каждое утро с первыми проблесками зари; и поднимались на один из многочисленных холмов вблизи селения, располагаясь таким образом, чтобы первые лучи солнца могли свободно освещать их. Это происходило много дней, под воздействием демона, но и не без божьего промысла (ибо его пути неисповедимы), во исполнение того, что было им задумано. В результате одна из дочерей понесла, как она утверждала, от солнца.

Девять месяцев спустя она произвела на свет большой и ценный *hacuata*, что на их языке означает изумруд. Женщина

взяла его и, закутав в ткань, запрятала его между своих грудей. Там она хранила его много дней, пока он не превратился в живое существо. Все как по замыслу демона. Ребенка назвали Горанчачо. Он рос в доме своего деда, старосты, пока ему не исполнилось 24 года».

Затем он проследовал с триумфальной процессией до столичного города, и повсюду его чествовали как «Дитя Солнца»^[425].

Древнеиндийская мифология рассказывает о девушке Парвати, дочери Гималайя, короля гор, которая ушла высоко в горы, чтобы предаться строжайшему аскетизму. Тиран-исполин по имени Тарака захватил власть над миром. Согласно пророчеству, только сын высшего бога Шивы мог свергнуть его. Однако Шива был образцовым богом йоги — бесстрастным, одиноким, погруженным в медитацию. Его невозможно было подвигнуть на рождение сына. Парвати решила изменить ситуацию в мире, состязаясь с Шивой в медитации. Бесстрастная, одинокая, погруженная в себя, она также постилась обнаженной под горячими лучами солнца, даже добавляя к этому жар четырех больших огней, окружавших ее с четырех сторон. Ее прекрасное тело сморщилось и высохло до костей. Кожа стала грубой, а волосы спутанными и жесткими. Мягкие влажные глаза стали гореть воспаленным жаром. Однажды к ней пришел молодой брамин и спросил, почему, некогда столь прекрасная, она разрушает себя такой пыткой. Она ответила: «Мое желание — Шива, он Высшая Цель. Шива — бог одиночества и непоколебимой концентрации. Поэтому я практикую этот аскетизм, чтобы вывести его из состояния равновесия и пробудить у него любовь ко мне». Юноша сказал: «Шива — бог разрушения. Шива — несет в себе Уничтожение Мира. Нет большего наслаждения для Шивы, чем медитировать на кладбище среди трупного смрада; там он ощущает гниение смерти, и это находит отзвук в его разрушительном сердце. Гирлянды Шивы сплетены из живых змей. Шива нищий, и, более того, никто ничего не знает о его рождении». На что девушка ответила: «Он за пределами твоего понимания. Он нищий, но он источник изобилия; он ужасен, но он источник красоты; гирлянды из змей или драгоценных камней он может носить или сбрасывать по своей воле. Как мог он быть рожденным, когда он — творец несотворенных! Шива — моя любовь». После этого юноша сбросил свою личину — это был Шива^[426].

4. Народная мифология о непорочном зачатии

Будда сошел с небес в утробу своей матери в образе молочно-белого слона. Ацтекская женщина Коатликуе, та, чья юбка сплетена из змей, совокуплялась с богом, представшим ей в виде шара из перьев. Целые главы *Метаморфоз* Овидия буквально кишат нимфами, которых постоянно осаждают боги в разных личинах: Юпитер в виде быка, в виде лебедя, в виде золотого дождя и т. п. Любого случайно проглоченного побега или зернышка, или даже простого дыхания бриза достаточно для оплодотворения уготованной для этого утробы. Силы порождения царят повсюду. И волею случайности или неотвратимости может быть зачат либо герой-спаситель, либо демон, разрушающий мир — никто этого не знает.

Образы непорочного зачатия часто встречаются не только в мифах, но и в народных сказках. Вполне достаточно лишь одного примера, удивительной сказки народности тонга из небольшого цикла историй, рассказанных о «красавце» Синилау. Эта сказка особенно интересна не столько своей предельной абсурдностью, сколько тем, что она выразительно демонстрирует в бессознательно бурлескной форме ведущий мотив типичного жизнеописания героя: непорочное зачатие, поиск отца, тяжелое испытание, примирение отца с сыном, успение и коронация девственной матери, и в конце — небесный триумф истинных сыновей и предание огню лжецов.

«Жил однажды муж со своей женой, и жена его понесла. Когда пришло ей время рожать, она позвала мужа, чтобы он приподнял ее и она смогла родить. Однако она родила улитку, и муж в ярости прогнал ее. Тогда она попросила его взять улитку и бросить в водоем, принадлежащий Синилау. И вот Синилау пришел к водоему и опустил туда скорлупу кокоса, которой он пользовался для омовения. Улитка подползла и втянула в себя скорлупу; и она понесла. Однажды женщина увидела, что улитка приползла к ней. Она сердито спросила улитку, зачем та приползла к ней, на что улитка ответила, что не время сердиться и попросила отделить занавесом место, где она могла бы родить. Был сделан занавес, и улитка родила большого и красивого мальчика. После этого она уползла в свой водоем, а женщина стала ухаживать за ребенком, которого назвала Фатаи-пришедший-под-сандаловым-деревом. Прошло время, и вот улитка снова была беременна ребенком и снова приползла к дому матери, чтобы родить. Все повторилось, и вновь улитка родила прекрасного мальчика, которого назвала Фатаи-дважды-обвитый-

миртом. Женщина и ее муж снова оставили его у себя.

Когда оба ребенка выросли и возмужали, женщина услышала, что Синилау собирается устроить праздник, и она решила, что ее внуки должны там присутствовать. Тогда она позвала юношей и попросила их подготовиться, добавив, что человек, устраивающий праздник, — их отец. Когда они прибыли на праздник, то привлекли внимание всех собравшихся. И не было женщины, которая бы не заметила их. Когда они шли, женщины стали звать их к себе, но юноши отказались и прошли дальше, и подошли к тому месту, где пили напиток кава. Там они стали подавать гостям чаши. Но Синилау, рассердившись на то, что кто-то вмешивается в его праздник, приказал поднести ему две чаши. Затем он велел своим людям схватить одного из юношей и разрубить его на куски. Для этого наточили нож из бамбука, но когда острое ножа коснулось тела юноши, нож только скользнул по его коже, и он воскликнул:

Нож прикасается и скользит,
А ты сидишь и смотришь на нас,
Такие ли мы как ты или нет.

Синилау спросил, что сказал юноша, и ему повторили. Тогда он приказал подвести к нему обоих юношей и спросил у них, кто их отец. Они ответили, что он сам и есть их отец. Синилау поцеловал своих обретенных сыновей и велел им пойти и привести их мать. Они пошли к водоему, взяли улитку и принесли ее к своей бабке, которая превратила ее в красивую женщину по имени Хина-чей-дом-в-реке.

Затем они отправились к Синилау. Юноши надели одежду с каймой, которая называется *тауфохуа*. Их мать тоже надела очень красивую одежду, которая называется *туоуа*. Сыновья шли впереди, а Хина следовала за ними. Когда они пришли к Синилау, то нашли его сидящим со своими женами. Юноши сели на колени Синилау, а Хина села рядом с ним. Тогда Синилау приказал людям идти и зажечь огонь в очаге и жарко разогреть его, а затем убить и бросить в огонь его жен и их детей. А Хину-чей-дом-в-реке Синилау взял в жены»^[427].

Глава III. Метаморфозы героя

1. Исконный герой и человек

Мы прошли две стадии: первая — от непосредственных эманаций Несотворенной Творящей Сущности к изменчивым и вместе с тем не подвластным времени персонажам мифологического века, вторая — от этих Сотворенных Творящих Существ к собственно человеческой истории. Эманации сгущаются, поле сознания сужается. Там, где ранее были видны первопричины, теперь в фокус суженного, нацеленного на строгие факты человеческого зрачка попадают лишь их вторичные следствия. Поэтому теперь космогонический цикл продолжают уже не боги, ставшие отныне невидимыми, а герои, более или менее человекоподобные по своему характеру, через посредничество которых реализуется судьба мира. Это ряд, в котором мифы о творении уступают место легенде — как в Книге Бытия после изгнания из Рая. Метафизика уступает место предыстории, поначалу смутной и неопределенной, но постепенно обретающей все большую точность в деталях. Герои становятся все менее сказочными, пока, наконец, на последних стадиях различных местных преданий легенда не выходит из тени времен на привычный дневной свет документированного времени.

От Мвуэси, Лунного Человека, освободились, как от застрявшего якоря; дети своей общиной свободно воспарили к миру дня бодрствующего сознания. Нам говорят, что среди них были сыновья, прямые потомки теперь уже погребенного в пучине вод отца. Те, кто, подобно детям его первого потомства, выросли от младенчества до зрелости в течение одного единственного дня. Эти избранные носители космической силы составляли духовную и социальную аристократию. Наделенные двойным зарядом созидательной энергии, они сами были источниками откровения. Такие фигуры появляются на начальной стадии любого легендарного прошлого. Это — культурные герои, основатели городов.

Китайские летописи гласят, что, когда земля затвердела, а люди селились в бассейнах рек, ими правил Фу Си, «Небесный Император» (2953–2838 до н. э.). Он обучил свой народ ловить сетями рыбу, охотиться и выращивать домашних животных, разделил людей на кланы и учредил брак. Из священной таблички, вверенной ему чешуйчатым чудовищем с лошадиной головой, живущим в водах реки Мень, он вывел Восемь

Диаграмм, которые по сей день остаются фундаментальными символами традиционной китайской мысли. Он был рожден в результате чудесного зачатия и был вынашиваем в течение двенадцати лет; у него было тело змеи с человеческими руками и головой быка^[428].

Его преемник, Шэнь-нун, «Земной Император» (2838–2698 до н. э.), имел рост в восемь футов и семь дюймов, тело человека, но голову быка. Он был чудесным образом зачат с участием дракона. Растерянная мать бросила своего ребенка на склоне горы, но дикие звери защитили и вскормили его, и, узнав об этом, она забрала его домой. Шэнь-нун открыл семьдесят ядовитых растений и противоядий от них: через прозрачную поверхность своего живота он мог наблюдать за тем, как переваривается каждое из них. Затем он составил фармакопею, которой пользуются до сих пор. Он изобрел плуг и систему меновой торговли; китайские крестьяне поклоняются ему как «принцу хлебных злаков». Когда ему исполнилось сто шестьдесят восемь лет, его причислили к бессмертным^[429].

Такие змеи — короли и минотавры — свидетельство о давно минувших временах, когда император был носителем особой творящей силы, на которой держался весь мир, намного превышающей ту, что представлена в нормальной человеческой психике. Это была эпоха титанической работы, возведения оснований нашей человеческой цивилизации. Но с развитием цикла приходит время задач уже не прото- или сверхчеловеческих, но собственно человеческих — власти над сильными чувствами, развития искусств, усовершенствования экономических и культурных институтов государства. Теперь уже речь идет не о воплощении Лунного Быка или о Змеиной Мудрости Восьми Диаграмм Судьбы, а только о совершенстве человеческого духа, открытого для нужд и упований человеческого сердца. Соответственно, космогонический цикл представляет нам императора в человеческом образе, который для всех последующих поколений должен служить примером человека как царя.

Хуан-ди, «Желтый Император» (2697–2597 до н. э.), был третьим из августейшей троицы. Его мать, младшая жена правителя провинции, зачала его, когда однажды ночью увидела ослепительное золотое сияние вокруг созвездия Большой Медведицы. Ребенок заговорил, когда от роду ему было семьдесят дней, а в возрасте одиннадцати лет он взошел на престол. Его исключительным даром была сила его сна: во время сна он мог посещать самые отдаленные места и общаться с бессмертными в царстве сверхъестественного. Вскоре после восхождения на трон Хуан-ди впал в

сон, который длился целых три месяца и во время которого он научился управлять сердцем. Из второго своего сновидения, длившегося примерно столько же, он вернулся наделенный способностью учить людей. Он обучил их тому, как управлять силами природы в их собственных сердцах.

Этот удивительный человек правил Китаем сто лет, и время его правления было для людей истинным золотым веком. Он собрал вокруг себя шесть великих министров, с помощью которых составил календарь, ввел математические вычисления, научил людей изготавливать утварь и инструменты из дерева, обожженной глины и металла, сооружать лодки и повозки, использовать деньги и мастерить музыкальные инструменты из бамбука. Он определил публичные места для поклонения Богу. Он установил границы и законы частной собственности. Его супруга открыла искусство прядения шелка. Он вырастил сто разновидностей злаков, плодов и деревьев; способствовал распространению птиц, четвероногих, рептилий и насекомых; научил людей использовать воду, огонь, дерево и землю; наконец, он регулировал приливы и отливы. Перед его смертью, наступившей в возрасте ста одиннадцати лет, как свидетельство совершенства его правления в садах Империи появились феникс и единорог^[430].

2. Детство человека-героя

Ранний культурный герой со змеиным телом и бычьей головой от рождения нес в себе стихийную созидательную силу природного мира. В этом заключался смысл его формы. Герой в человеческом облике должен был «спуститься на землю», чтобы восстановить связь с человекообразными. Это, как мы видели, является сутью приключения героя.

Но создатели легенд редко удовлетворялись представлением великих героев мира как простых человеческих существ, вырвавшихся за горизонты, ограничивающие их соплеменников, и вернувшихся с дарами, которые мог бы добыть любой человек равной с ними отваги и веры. Напротив, всегда существовала тенденция наделять героя исключительными способностями с момента его рождения или даже с момента зачатия. Весь путь героя изображается как ряд следующих друг за другом чудес с большим центральным приключением в качестве его кульминации.

Сказанное согласуется с представлением о том, что качества героя

скорее предопределены, чем приобретены, и отсюда — проблема взаимосвязи биографии и характера. Иисуса, например, можно рассматривать как человека, который обрел мудрость в результате аскезы и размышлений, с другой же стороны, можно верить в то, что бог снизошел с небес и взял в свои руки ход человеческих судеб. Первая точка зрения будет вести к буквальному подражанию учителю, чтобы так же, как и он, прийти к трансцендентному, искупительному жизненному опыту. Но вторая констатирует тот факт, что герой является скорее символом, требующим осмысления, чем примером, которому следует строго следовать. Божественное существо есть откровение всемогущей Самости, которая пребывает внутри каждого из нас. Таким образом, размышление над его жизнью приобретает смысл размышления над своей собственной имманентной божественностью, а не повода для точного подражания. При этом урок не сводится к формуле «Делай так — и будешь хорошим», но гласит: «Познай это — и будешь Богом»^[431].

В части I («Приключение Героя») мы рассматривали спасительное для мира героическое свершение, так сказать, с психологической точки зрения. Теперь мы должны представить его с другой точки зрения, как символ той метафизической тайны, новое открытие которой — с тем чтобы объявить ее людям — и было задачей героя. Поэтому теперь мы сначала рассмотрим чудесное детство, которое призвано продемонстрировать нам, что особое проявление имманентного божественного принципа получило свое воплощение в мире, а затем последовательно проследим определенные жизненные роли, посредством которых герой может вершить свою судьбу. Эти роли различаются по своей значимости в зависимости от требований времени.

В сформулированных выше понятиях первая задача героя состоит в том, чтобы сознательно пережить предшествующие стадии космогонического цикла, прорваться назад через эпохи эманации. Далее, его вторая задача заключается в том, чтобы возвратиться из этой пучины в современное измерение жизни и здесь выступить в качестве человеческого проводника потенциальных возможностей демиурга. Сила Хуан-ди заключалась в сновидении: это был его способ погружения в пучину и возвращения. Второе рождение Вяйнямёйнена отбросило его назад к восприятию изначального. В сказке тонга о женщине-улитке возвращение восходит к рождению матери, братья-герои выходят из нечеловеческого лона.

Свершения героя во второй части его собственного цикла будут равнозначны глубине его погружения в первой. Сыновья женщины-улитки

поднимаются от животного уровня к человеческому, их красота была непревзойденной. Вайнямёйнен рождается от стихии вод и ветров, его даром была способность пробуждать и успокаивать своей песней стихии природы и человеческого тела. Хуан-ди, побывав в царстве духа, учил гармонии сердца. Будда вышел даже за пределы сферы создающих богов и вернулся из пустоты, объявив о спасении как выходе из космогонического круга.

Если свершения реального исторического персонажа говорят о том, что он был героем, то создатели легенды придумают для него соответствующие по глубине приключения. Они будут представлены как путешествие в чудесное царство, и интерпретировать их следует как символизирующие, с одной стороны, погружение в ночное море человеческой психики, а с другой стороны, сферы или проявления человеческой судьбы, которые обнаруживаются в соответствующей жизни.

Царь Аккада Саргон (прим. 2550 г. до н. э.) был рожден матерью из низкого сословия. Его отец был неизвестен. Брошенный на волю вод Евфрата в плетеной из тростника корзине, он был найден земледельцем Акки, который вырастил его и сделал своим садовником. Юноша понравился богине Иштар. Так, в конце концов, он стал царем и императором, прославившимся как живой бог.

Чандрагупта (IV в. до н. э.), основоположник древнеиндийской династии Маурья, был оставлен в глиняном кувшине у входа в коровник. Младенца нашел и воспитал пастух. Однажды, играя со своими друзьями в Высочайшего Царя на Судейском Месте, маленький Чандрагупта приказал, чтобы злейшим преступникам отрубили кисти рук и ступни; затем по его велению отсеченные члены тут же возвращались на место. Проезжающий мимо правитель, увидев удивительную игру, выкупил ребенка за тысячу монет, а дома по телесным меткам обнаружил, что мальчик — Маурья.

Папа Римский, Григорий Великий (540?–604) родился от близнецов из знатного рода, которые, подстрекаемые дьяволом, совершили инцест. Ужасаясь содеянному, мать бросила его в море в небольшой корзине. Его нашли и вырастили рыбаки, а в возрасте шести лет отправили в монастырь учиться на священника. Но он мечтал о жизни благородного рыцаря. Когда он сел в лодку, его чудом отнесло в страну родителей, где он завоевал руку царицы — которая, как вскоре обнаружилось, была его матерью. После открытия этого второго инцеста Григорий в течение семнадцати лет каялся прикованный к скале посреди моря. Ключи от цепей были выброшены в воду; но когда много лет спустя их нашли в брюхе рыбы, это приняли за

знак свыше, кающегося грешника доставили в Рим, где в установленном порядке он был избран Папой Римским^[432].

Основателя династии Каролингов Карла Великого (742–814) в детстве всячески третировали его старшие братья, и он бежал к сарацинам в Испанию. Там он служил посыльным у короля. Обратив дочь короля в христианскую веру, он тайно обвенчался с ней. После нескольких героических свершений юноша королевской крови вернулся во Францию, где победил своих гонителей и триумфально взошел на престол. Затем на протяжении ста лет он правил в Зодиакальном окружении, состоящем из двенадцати пэров. Согласно всем описаниям его борода и волосы были длинными и седыми. (В действительности Карл Великий был безбородым и лысым.) Однажды, сидя под деревом правосудия, он признал правоту змеи; в благодарность она одарила его талисманом некогда умершей женщины. Этот амулет упал в колодец, который стал любимым местом пребывания правителя. После продолжительных войн с сарацинами, саксами, славянами и скандинавами не ведающий старости император умер; однако его смерть — это лишь сон, он спит, чтобы проснуться в час, когда он будет нужен своей стране. В Средние века он однажды уже восставал из мертвых для участия в крестовом походе^[433].

Каждая из этих биографий демонстрирует в разных версиях представленную тему отвержения и возвращения ребенка. Она является отличительной чертой всех легенд, народных сказок и мифов о герое. Как правило, делается какая-то попытка придать этому некое правдоподобие. Однако, когда речь идет о герое, ставшем великим патриархом, колдуном, пророком или божественным воплощением, чудеса допускаются безо всяких ограничений.

Широко распространенная иудейская легенда о рождении отца Авраама дает нам пример откровенно сверхъестественного вмешательства в судьбу ребенка. О его рождении Нимрод прочитал по звездам.

«Так как этот нечестивый царь был искусным астрологом, то стало явным ему, что родится человек, который, когда наступит его день, восстанет против него и покажет всю лживость его религии. В ужасе перед судьбой, предсказанной ему звездами, он послал за своими правителями и управляющими и испросил у них совета в этом деле. Они отвечали и сказали: «Наш единодушный совет будет в том, чтобы ты построил огромный дом, поставил у входа в него стража и возвестил по всему своему царству, чтобы все беременные женщины отправлялись туда

вместе со своими повитухами, которые должны будут оставаться с ними до тех пор, пока женщины не разродятся. Когда срок беременности истечет, и ребенок родится, то повитуха должна будет убить его, если это окажется мальчик. Но если это будет девочка, то ее следует оставить в живых, мать одарить подарками и дорогими одеждами, а глашатай должен будет возвестить: *«Так поступают с женщиной, которая рождает дочь!»*

Царю понравился этот совет, и он издал по всему своему царству указ, которым призывал к себе всех искусных строителей для возведения огромного дома высотой в шестьдесят локтей и шириной в восемьдесят. После того как строительство дома завершилось, царь издал второй указ, в котором требовал собраться в доме всем беременным женщинам и оставаться там до родов. Были назначены стражи, доставлявшие женщин в дом, и вокруг него и внутри также выставили стражу, чтобы предотвратить побег женщин. Кроме того, царь послал в дом повитух и велел им убивать детей мужского пола у материнской груди. Но если женщина разрешалась девочкой, то по велению царя ее наряжали в богато расшитые одежды и выводили из дома заточения с большими почестями. Не менее семидесяти тысяч детей лишили жизни таким образом. И тогда ангелы явились пред Богом и сказали: «Видишь ли Ты, что сотворил этот грешник и богохульник Нимрод, сын Ханаана, убивший столько ни в чем не повинных младенцев?» Бог отвечал, говоря: «Да, святые ангелы, Я знаю это, и Я вижу это, ибо Око Мое не дремлет. Я созерцаю и знаю тайные вещи и вещи, что открываются, и вы будете свидетелями того, что я сделаю с этим грешником и богохульником, ибо Я обращаю против него Свою десницу, дабы покарать его».

Примерно в это время Фарра женился на матери Авраама, и она понесла... Когда подошло ее время, она в великом ужасе бежала из города и направилась в пустыню. Она брела долиной, пока не пришла к пещере. Она вошла в это убежище, на следующий день у нее начались родовые схватки, и она родила сына. Вся пещера залилась светом от детского лица, как от сияния солнца, и мать чрезвычайно возрадовалась. Младенец, которого она родила, был нашим отцом Авраамом.

Его мать заплакала и сказала сыну: «Увы, родила я тебя на свет во времена царя Нимрода. Из-за тебя были убиты семьдесят

тысяч мальчиков-младенцев, и я в ужасном страхе за тебя, боюсь, что прознает он о твоём существовании и убьёт тебя. Пусть уж лучше ты погибнешь здесь, в этой пещере, чем очи мои увидят тебя мертвым у моей груди». Она сняла свою одежду и завернула в нее младенца. Затем со словами: «Да пребудет Господь с тобой, да не оставит Он тебя и да поможет Он тебе», — она оставила сына в пещере.

Авраам, брошенный в пещере без кормилицы, стал плакать. И Бог послал к нему Гавриила, дабы тот напоил его молоком, и ангел сделал так, что молоко потекло из мизинца правой руки младенца, и тот сосал палец, пока ему не исполнилось десять дней. Затем он поднялся, осмотрелся вокруг, вышел из пещеры и пошел через долину. Когда зашло солнце и появились звезды, он сказал: «Это боги!» Но пришел рассвет, и звезды уже не были видны, тогда он сказал: «Я не буду им поклоняться, ибо это не боги». После чего взошло солнце, и он молвил: «Это мой бог, его я буду превозносить». Но солнце зашло снова, и он сказал: «Это не бог»; и, увидев луну, он назвал ее своим богом, которому он станет поклоняться. Однако луна скрылась, и он воскликнул: «И это не бог! Но есть Тот, кто приводит их всех в движение»»^[434].

Индейцы племени черноногих из Монтаны рассказывают о победителе чудовищ по имени Кут-о-йис, которого нашли старик со старухой, его приемные родители, бросив в котел с кипятком сгусток буйволиной крови.

«Тут же из котла донесся звук, похожий на плач ребенка, которого то ли поранили, то ли обожгли, то ли ошпарили. Они заглянули в котел, увидели там маленького мальчика и быстро вытащили его из воды. Их поразило это... На четвертый день ребенок заговорил и сказал: «Привяжите меня поочередно к каждому из этих шестов вигвама, и когда очередь дойдет до последнего, освободившись из веревок, я стану взрослым». Старая женщина сделала так, как он сказал; привязывая его к каждому из шестов вигвама, она видела, как он рос, и когда наконец его привязали к последнему шесту, он был уже мужчиной»^[435].

Народные сказки обычно или развивают эту тему или заменяют ее темой презираемого или увечного ребенка: оскорбляемые всеми младший

сын или младшая дочь, сирота, пасынок или падчерица, «гадкий утенок» или оруженосец низкого рода.

Девушка из народности пуэбло, которая помогала своей матери месить ногами глину для изготовления посуды, почувствовала прикосновение грязи на своей ноге, но не обратила на это внимания.

«Спустя несколько дней девушка ощутила, как что-то шевелится у нее в животе, но о рождении ребенка она и подумать не могла. Она ничего не сказала матери. Но это нечто росло в ней. Однажды утром она проснулась в недомогании, а в полдень родила ребенка. И только тогда ее мать узнала (впервые), что ее дочь ждала ребенка. Она очень рассердилась, но, когда взглянула на младенца, то увидела, что это вовсе не ребенок, а нечто круглое с двумя ручками, как у кувшина; это и был маленький кувшин. «Где ты взяла это?» — спросила мать. Но девушка только плакала. К тому времени вернулся отец. «Ну что ж, я рад, что у нее родился ребенок», — сказал он. «Но это не ребенок», — ответила мать. Тогда отец подошел, чтобы взглянуть, и увидел, что это маленький кувшин для воды. Ему очень понравился этот маленький кувшинчик. «Он двигается», — сказал отец. Очень скоро маленький кувшин для воды начал расти. Через двадцать дней он стал совсем большим. Он мог гулять с детьми и уметь говорить. «Дедушка, вынеси меня на улицу, чтобы я мог посмотреть, что происходит вокруг», — просил он. И так каждое утро дед выносил его на улицу, и кувшин смотрел на детей, а они, узнав из его разговоров, что он мальчик, мальчик-кувшин, полюбили его»^[436].

Короче говоря, дитя судьбы должно перенести долгий период безвестности. Это время предельной опасности, препятствий или опалы. Герой погружается в свои собственные глубины, или вырывается в неизвестное; в любом случае, то, с чем он соприкасается, есть тьма неведомого. Это область, населенная неожиданными существами, как благосклонными, так и злонамеренными: здесь появляется ангел, животное-помощник, рыбак, охотник, старуха или крестьянин. Воспитанный в стае животных или, подобно Зигфриду, под землей, среди гномов, которые поливают корни дерева жизни, или же в одинокой келье (рассказ может развиваться тысячью путями), юный ученик мира познает урок изначальных сил, которые находятся по ту сторону всего, имеющего

меру и имя.

Мифы сходятся в том, что исключительная способность должна столкнуться с подобным опытом и уцелеть после этого. Описания раннего детства изобилуют историями о не по летам развитых силах, талантах и мудрости. Геракл задушил в своей колыбели змею, которую наслала на него богиня Гера. Полинезийский Мауи поймал в силки солнце и замедлил его ход, чтобы дать своей матери время приготовить еду. Авраам, как мы видели, пришел к осознанию Единого Бога. Иисус поразил мудрецов. Маленького Будду однажды оставили в тени под деревом; его няньки неожиданно заметили, что за все время, что он пребывал там, тень не сдвинулась с места, а ребенок сидел неподвижно в трансе йоги.

Подвиги излюбленного древнеиндийского спасителя Кришны, когда в раннем детстве он жил в изгнании среди пастухов, составляют полный жизненный цикл. В дом Ясоды, приемной матери ребенка, пришел злой дух в образе красивой женщины, но с ядом в груди. Женщина повела себя очень дружелюбно и вскоре посадила мальчика себе на колени, чтобы покормить его грудью. Но Кришна сосал с такой силой, что высосал из нее жизнь, и она упала замертво, вновь обретая свою настоящую и отвратительную форму. Однако когда зловонный труп сожгли, разнесся сладкий аромат, ибо божественное дитя подарило женщине-демону спасение, когда испило ее молока.

Кришна был озорным мальчиком. Он любил похищать горшки со свернувшимся молоком, когда молочницы спали. Постоянно выискивая что-нибудь съестное, он сбрасывал все, что специально прятали от него высоко на полках. Девушки называли его Воришкой Масла и жаловались Ясоде; но он всегда что-то выдумывал в свое оправдание. Однажды в полдень, когда он играл во дворе, его приемной матери сообщили, что он ест глину. Она явилась с прутом, но он вытер губы и сказал, что ничего не знает. Она открыла его испачканный рот, чтобы проверить, но, заглянув внутрь, увидела всю вселенную, «Три Мира». «Насколько же я глупа, что могу видеть в своем сыне Владыку Трех Миров», — подумала она. Затем все снова скрылось от нее, и из ее головы сразу же вылетело, зачем, собственно, она пришла. Она приласкала мальчика и забрала его домой.

Пастухи по обыкновению поклонялись богу Индре, древнеиндийскому двойнику Зевса, царю небес и повелителю дождя. Однажды после очередного подношения мальчик Кришна сказал пастухам: «Индра не высший бог, хотя он и царь небес; он боится асуров. Кроме того, дождь и плодородие, о которых вы просите, зависят от солнца, что высушивает воду и заставляет ее проливаться снова. Что может Индра? Все, что происходит,

определяется законами природы и духа». Затем он обратил их внимание на окружающие их реки, леса и холмы и, в частности, на гору Говардхан как на более достойные их почитания, чем далекий владыка воздуха. И поэтому они решили поднести цветы, плоды и сладости горе.

Сам же Кришна принял другую форму: он обратился в образ бога горы и принял подношения людей, между тем оставаясь среди них в своем прежнем образе и поклоняясь вместе с ними царю горы. Бог принял подношения и съел их.

Индра был разгневан и послал за богом туч, которому приказал лить дождь на людей до тех пор, пока их всех не унесет вода. Грозовые тучи затянули все небо, и хлынули потоки воды; казалось, что близится конец света. Но мальчик Кришна нагрел гору Говардхан жаром своей неисчерпаемой энергии, поднял ее вверх своим мизинцем и предложил людям укрыться под ней.

Потоки воды, ударяясь о камень, шипели и испарялись. Ливень шел семь дней, но ни одна капля не упала на пастухов.

Тогда бог понял, что его противник, должно быть, является воплощением Изначального Сущего. Когда на следующий день Кришна вышел пасти коров, играя на флейте, Царь Небес спустился вниз на своем огромном белом слоне Айравате и пал ниц у ног улыбающегося юноши, демонстрируя свое полное подчинение ему^[437].

Заключением детского цикла является возвращение или признание героя, когда, после долгого периода безвестности, открывается его истинный характер. Это событие может вылиться в кризис; ибо его результатом является высвобождение сил, до этого исключенных из человеческой жизни. Привычные шаблоны разбиваются вдребезги или теряют свою четкость; все предстает как непоправимое бедствие. Однако после мига, казалось бы, полного крушения приходит осознание созидательной значимости нового фактора, и мир снова, вопреки печальным ожиданиям, обретает свою форму в сиянии славы. Эта тема может раскрываться либо в распытии и воскрешении самого героя, либо в его воздействии на мир. Первую альтернативу мы находим в рассказе пуэбло о мальчике-кувшине.

«Мужчины собирались охотиться на кроликов, и Глиняному Кувшину тоже хотелось пойти с ними. «Дедушка, не мог бы ты отнести меня к подножию холма, я хочу охотиться на кроликов». — «Бедный внучек, ты не можешь охотиться на кроликов, у тебя нет ни ног, ни рук», — ответил дед. Но мальчик-кувшин

настаивал: «Все равно возьми меня. Ты ведь слишком стар и делать больше ничего не можешь». Его мать плакала, потому что у ее мальчика не было ни рук, ни ног, ни глаз... Так, на следующее утро дед отнес внука на юг долины, и тот покатился. Вскоре он заметил кроличий след и покатился по нему. Тут выскочил кролик, и кувшин начал преследовать его. Как раз перед самым болотом лежал камень, кувшин ударился о него и разбился, и из него выскочил мальчик. Он был очень рад, что его оболочка разбилась, и что он стал мальчиком, большим и красивым мальчиком. Одет он был в нарядный кильт, мокасины и курточку из оленьей кожи, на шее у него висели бусы, а в ушах — бирюзовые серьги».

Словив несколько кроликов, он вернулся и отдал их своему деду, который, ликуя, привел его домой^[438].

Космические энергии, буквально бурлящие в герое-воине Кухулине — главном персонаже средневекового ирландского легендарного цикла, так называемого *Цикла Рыцарей Красной Ветви*^[439], — внезапно вырываются наружу, подобно извержению, ошеломляя его самого и сокрушая все вокруг. Когда ему было четыре года — гласит предание — он решил испытать в играх отряд мальчиков своего дяди-короля Конхобара — обучавшихся воинскому искусству. Взяв латунную клюшку, серебряный меч, дротик и игрушечное копье, он направился в Эманию, город, где размещался двор короля. Там, не спрашивая разрешения, он нырнул прямо в гущу мальчиков — «которые, числом трижды по пятьдесят, играли в хоккей на траве и практиковались в военном искусстве во главе с сыном Конхобара, Фолламином». Все они набросились на него. Кулаками, ладонями, локтями и маленьким щитом он отбивал клюшки, мячи и копья, что одновременно со всех сторон обрушились на него. Затем, впервые в жизни его охватило неистовство сражения (необычная, характерная лишь для него трансформация, которая позднее будет известна как «приступ Кухулина»), и, прежде чем кто-либо успел понять, что происходит, он уложил пятьдесят лучших из них. Еще пять отрядов мальчиков пробежали мимо короля, который сидел, играя в шахматы с Фергюсом Красноречивым. Конхобар поднялся и вмешался в эту стычку. Но Кухулин не успокоился до тех пор, пока всех подростков не отдали под его защиту и предводительство^[440].

Первый день, когда Кухулин получил настоящее оружие, явился моментом его полного самовыражения. В происходящем не было ничего от

невозмутимости владеющего собой человека, ничего от игривой иронии, которую мы ощущаем в свершениях древнеиндийского Кришны. Скорее, сам Кухулин, как и все остальные, впервые узнал об избытке своей силы. Она вырвалась из глубин его существа, с ней следовало совладать быстро и не раздумывая.

Подобное снова произошло при дворе короля Конхобара в тот день, когда друид Катбад напроорочил, что всякого юношу, который в этот день примет оружие и доспехи, ждет следующее: «Имя его превзойдет имена всех остальных ирландских юношей, но жизнь его, однако, будет скоротечна». Кухулин тут же потребовал боевые доспехи. Семнадцать раз сокрушал он доспехи и оружие своей силой, пока сам Конхобар не облачил его в свои собственные доспехи. Затем он изрубил одну за другой все предложенные ему колесницы, и лишь колесница короля оказалась достаточно прочной, чтобы выдержать его пробу.

Кухулин приказал возничему Конхобара везти его через далекий Пограничный Брод, и вскоре они прибыли к отдаленному форту, Крепости сыновей Нехтана, где Кухулин отрубил головы ее защитникам. Головы он привязал по бокам повозки. По дороге обратно он спрыгнул на землю, догнал и поймал двух огромных оленей. Двумя камнями он сбил в небе две дюжины летящих лебедей. И наконец, с помощью ремней и другой упряжи привязал зверей и птиц к колеснице.

Провидица Левархан с тревогой наблюдала за невероятной процессией, приближавшейся к городу и замку Эмании. «Колесница украшена истекающими кровью головами его врагов, — объявила она, — а еще подле него прекрасные белые птицы в колеснице и к ней же привязаны два диких необъезженных оленя». «Я знаю этого воина в колеснице, — сказал король, — это маленький мальчик, сын моей сестры, который только сегодня отправился к нашим границам. Он, несомненно, обагрил кровью свои руки, и если не умерить его ярость, то все юноши Эмании погибнут от его руки». Следовало очень быстро придумать способ, как погасить его пыл; и таковой был найден. Сто пятьдесят женщин замка во главе со Скандлах «решительно разделись, оставшись в чем мать родила, и безо всякого стеснения толпою вышли встречать его». Смущенный, а может быть, ошеломленный такой демонстрацией женских прелестей, маленький воин отвел глаза, и в этот момент его схватили мужчины и окунули в бочку с холодной водой. Бочарные клепки и обручи разлетелись в стороны. Во второй бочке вода закипела. В третьей — стала лишь очень горячей. Таким образом Кухулин был успокоен, а город спасен^[441].

«Поистине прекрасен был этот юноша: по семь пальцев на каждой стопе имел Кухулин и по столько же на каждой руке; его глаза горели семью зрачками каждый, а из них каждый сверкал, подобно драгоценному камню, семью искрами. На каждой щеке у него было по четыре родинки: синяя, малиновая, зеленая и желтая. Между одним ухом и другим вились пятьдесят ярко-желтых длинных локонов, что были как желтый воск пчелиный или как брошь из чистого золота, горящая в лучах солнца. На нем была зеленая накидка с серебряной застежкой на груди и вышитая золотом рубаха»^[442].

Но когда с ним случался приступ, «он становился страшным, многоликим, удивительным и невиданным существом». Все у него, от головы до пят, вся плоть его и каждый член, и сустав, и сочленение — все тряслось. Его ступни, голени и колени перемещались и оказывались сзади. Лобовые мышцы головы оттягивались к задней части шеи и там вспучивались буграми, которые были больше, чем голова месячного младенца.

«Один глаз так далеко погружался вглубь головы, что вряд ли дикая цапля смогла бы добраться до него, прячущегося у затылка, чтоб вытащить наружу; другой же глаз, наоборот, неожиданно выкатывался и сам собою ложился на щеку. Его рот искривлялся, пока не доходил до ушей, и искры пламени сыпались из него. Звук ударов сердца, что мощно било в нем, похож был на громкий лай служившей ему цепной собаки или на рев льва, дерущегося с медведем. В небе среди туч над его головой видны были смертельные, бьющие вверх лучи и искры ярко-красного огня, которые поднимались над ним, вызванные его кипящим, диким гневом. Волосы вставали дыбом на его голове, и мы можем предположить, что если бы над ней потрясли большую яблоню, то ни одно яблоко не достигло бы земли, скорее все они остались бы на волосах, каждое пронзенное отдельным волоском, ошестинившимся от ярости. Его «героический приступ» был написан у него на лбу, и выглядело это, как нечто куда более длинное и толстое, чем оселок первоклассного тяжеловооруженного всадника. [И наконец] выше, толще, жестче, длиннее мачты большого корабля была струя темной крови, которая била вверх из самой макушки его черепа, а затем

брызгами рассыпалась на все четыре стороны света; от этого образовывался магический туман — мрак, похожий на дымчатую пелену, окутывающую королевское жилище, когда зимним днем с заходом солнца король-время сгущает сумерки вокруг него»^[443].

3. Герой как воин

Место рождения героя или та далекая страна изгнания, из которой он возвращается зрелым человеком, чтобы свершить среди людей свои деяния, является центральной точкой или средоточием мироздания. Как волны расходятся от бьющего под водой ключа, так и формы вселенной кругами расходятся от этого источника.

«Над необъятными и неподвижными глубинами, под девятью сферами и семью ярусами небес, в центральной точке, где находится Центр Мира, в умиротвореннейшем месте на земле, где не убывает луна и не заходит солнце, где царит вечное лето и кукушка кукует, не прерываясь, там пробудился Белый Юноша». Так начинается миф о герое сибирских якутов. Затем Белый Юноша отправляется в путь, чтобы узнать, где он находится и как выглядит место, где он обитает. На восток от него простиралось широкое нетронутое поле, в центре которого возвышался огромный холм, а на его вершине росло гигантское дерево. Смола этого дерева была прозрачна и сладко пахла, кора никогда не высыхала и не трескалась, сок искрился серебром, роскошные листья никогда не увядали, а свисающие гроздьями цветы напоминали перевернутые чаши. Вершина дерева поднималась над семью ярусами небес и служила в качестве привязного столба для упряжки Верховного Бога, *Ygun-ai-tojon*; в то время как корни проникали в подземные пучины, где служили опорами жилищ тех фантастических существ, которым надлежало жить в этом месте. Своими листьями дерево разговаривало с небесными существами.

Когда Белый Юноша повернулся к югу, то увидел посреди зеленой, поросшей травой равнины тихое Молочное Озеро, которое никогда не волнуется ни одно дуновение ветерка; а вокруг озера были творожные болота. К северу от юноши стоял хмурый лес с деревьями, что шелестели, не смолкая ни днем ни ночью; а в нем — всевозможные животные. За ним поднимались высокие горы, как будто бы одетые в шапки из белого кроличьего меха, они упирались в небо и защищали это место от северного ветра. К западу простирался густой кустарник, а за ним стоял лес высоких сосен; за лесом виднелись несколько тупоконечных одиноких вершин.

Таким был мир, в котором Белый Юноша увидел свет дня. Однако очень скоро ему стало скучно в одиночестве, и он подошел к гигантскому дереву жизни. «Почтенная Высокая Госпожа, Мать моего Дерева и моего Места Обитания, — взмолился он, — все живое существует парами и производит потомство, только я — один. Я хочу отправиться в путь и поискать себе жену такого же рода, как и я; я хочу помериться силой с другими такого же рода, как я; я хочу познакомиться с людьми — жить так, как живут люди. Не откажи мне в благословении; смиренно молю тебя. Я склоняю свою голову и коленопреклоненный стою пред тобой».

«Дерево зашелестело своими листьями, и с них свежий, мелкий молочный дождик оросил Юрунг-Уолана. Подул теплый ветерок, и дерево закрипело. Поскрипело-поскрипело дерево — и у корня его, из-под земли, вышла до пояса хозяйка — дух дерева и места, женщина средних лет, с серьезными глазами, распущенными волосами и обнаженными грудями. Она дала Юрунг-Уолану пососать правую грудь; он за один дух вытянул столько молока, что у нее побледнели щеки. Дала она левую грудь — и у нее стали синеть губы; она оттолкнула Юрунг-Уолана рукой в лоб, сказав: «Ой, мальчик, остановись, довольно!» Юрунг-Уолан почувствовал, что силы его увеличились во сто раз. Затем хозяйка — дух земли и дерева благословила Юрунг-Уолана», чтобы ни вода, ни огонь, ни железо, ни что-либо еще не могли причинить ему никакого вреда^[444].

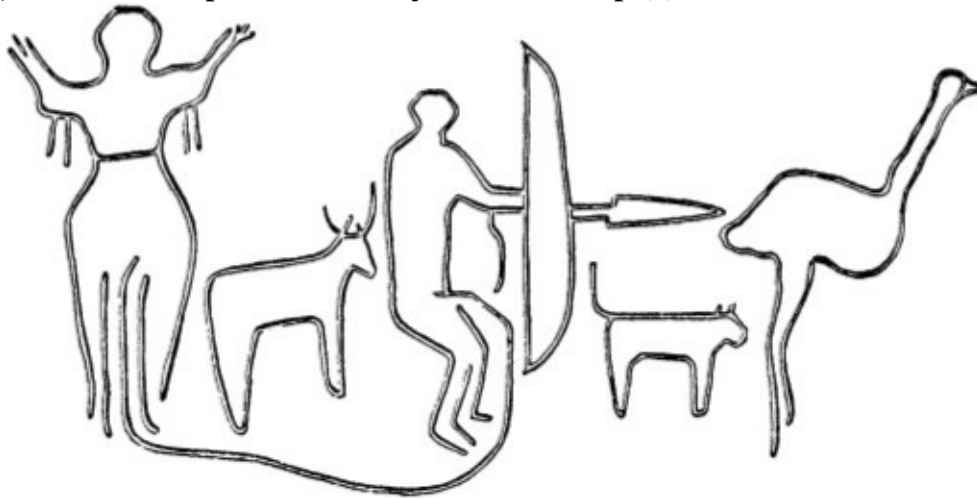

Рис. 17. Петроглиф времен палеолита (Алжир)

От пуповинной точки герой отправляется осуществлять свою судьбу.

Его зрелые свершения вливают созидательную силу в мир.

Начал мудрый Вяйнямёйнен.
Всколыхнулись озера,
Горы медные дрожали,
Камни твердые трещали,
Со скалы скала свалилась [\[445\]](#).

Эта строфа героя-барда прославляет магию слова, исходящего от великой силы; подобным образом и лезвие меча героя-воина сверкает энергией созидательного Источника: перед ней рушатся остовы изжившего себя.

Ибо мифологический герой не защищает сущее, а борется за грядущее; дракон, который должен быть убит им, это именно чудовище, выступающее за статус-кво, — Хват, хранитель прошлого. Герой появляется из неизвестности, но враг велик и блистателен на троне власти; это враг, дракон, тиран, потому что использует в своих целях преимущества своего положения. И он не потому Хват, что удерживает *прошлое*, а потому что *удерживает*.

Тиран исполнен гордыни, и в этом его погибель. Он горд, потому что думает о своей силе как о своей собственности; таким образом, он оказывается в роли шута, ошибочно принимающего тень за сущность; быть одураченным — его рок. Мифологический герой, возвращающийся из тьмы, что является источником образов дня, приносит с собой знание тайны гибели тирана. Жестом, простым, как нажатие кнопки, он разрушает заморозившие всех формы. Свершение героя — это всегда сокрушение кристаллической структуры момента. Цикл следует дальше: мифология фокусируется в точке роста. Отличительной чертой живого Бога являются его метаморфозы, его изменчивость, а не упрямая неподатливость. Важная роль момента существует только для того, чтобы быть разбитой, разрубленной на куски, которые уже не собрать. Короче говоря, страшный тиран является защитником чудовищного факта, а герой отстаивает созидательную жизнь.

Мировая эра *вочеловеченного* героя началась, когда люди заселили всю землю. Чудища, оставшиеся от первобытных времен, и сегодня скрываются в удаленных районах, и то ли по злобе своей, то ли от отчаяния выступают против человеческого общества. Их необходимо устранить. Кроме того, поднимаются, причиняя множество страданий, тираны человеческого рода,

посягающие на благо своих соседей. Их необходимо подавить. Первые свершения героя — это его действия по расчистке поля^[446].

Кут-о-йис, или «Мальчик-Кровяной Сгусток», вытащенный из кипящего котла и возмужавший за один день, убил кровожадного зятя своих приемных родителей, а затем начал бороться со всеми чудовищами округи. Он уничтожил племя жестоких медведей, за исключением одной самки, которая вот-вот должна была стать матерью. «Она так жалостливо просила сохранить ей жизнь, что он пожалел ее. Если бы он этого не сделал, то в мире не было бы медведей». Затем он истребил племя змей, но опять же за исключением одной, «которая вот-вот должна была стать матерью». Далее он намеренно пошел по дороге, о которой говорилось, что она опасна.

«В пути его настиг сильный ураган, который унес его в пасть огромной рыбы. Это была рыба-прилипала, а ураганный ветер был вызван тем, что она всасывала в себя воздух. Попад в чрево рыбы, герой увидел там огромное множество людей. Многие из них были мертвы, но некоторые еще оставались живы. Он сказал им: «Где-то здесь должно быть сердце. Давайте же танцевать». И он покрасил свое лицо белой краской, глаза и рот обвел черными кругами, а к голове привязал кремнёвый нож, так что его острие торчало вверх, и вытащил также несколько трещоток, сделанных из копыт. Затем люди начали танцевать. Некоторое время Кровяной Сгусток сидел, размахивая руками, как крыльями, и распевая песни. Затем он встал и начал танцевать, подпрыгивая до тех пор, пока нож на его голове не ударил в сердце. После чего он вырезал сердце, прорезал дыру между ребер рыбы и выпустил людей наружу.

И снова Кровяной Сгусток сказал, что должен отправляться в свои странствия. Перед отправлением люди предупредили его о том, что скоро ему встретится женщина, которая всегда предлагает помериться с ней силами и что он не должен разговаривать с ней. Он, казалось, не обратил на сказанное внимания и, пройдя немного по дороге, увидел женщину, которая подзывала его к себе. «Нет, — сказал Кровяной Сгусток, — я спешу». Однако, когда женщина позвала его к себе в четвертый раз, он ответил: «Хорошо, но ты должна немного подождать, ибо я устал. Я хочу отдохнуть. Когда я отдохну, то подойду к тебе и померяюсь с тобой силами». Пока он отдыхал, он заметил

множество больших ножей, торчащих из земли острием вверх и почти скрытых соломой. И тогда он понял, что женщина убивала людей, с которыми боролась, бросая их на эти ножи. Отдохнув, он подошел к ней. Женщина попросила его стать в том месте, где он заметил ножи; но он сказал: «Нет, я еще не совсем готов. Давай немного поиграем, прежде чем начнем». И он начал играть с женщиной, но очень скоро схватил ее, бросил на ножи и таким образом разрезал пополам.

Кровяной Сгусток снова продолжил свое путешествие и спустя некоторое время пришел к лагерю, в котором находилось несколько старух. Старые женщины сказали ему, что немного дальше ему повстречается женщина на качелях, но он ни в коем случае не должен соглашаться качаться вместе с ней. Спустя некоторое время он подошел к месту, где увидел качели, стоящие на берегу быстрой реки, на них качалась женщина. Он некоторое время наблюдал за ней и увидел, что она убивала людей, раскачивая их, а затем сбрасывая с качелей вниз, в воду. Выяснив это, он подошел к женщине. «У тебя здесь качели, покажи мне, как ты качаешься», — попросил он. «Нет, — ответила женщина, — я хочу посмотреть, как качаешься ты». — «Хорошо, — сказал Кровяной Сгусток, — но ты должна показать мне, как это делается». — «Ладно, — ответила женщина, — сейчас я буду качаться. Смотри за мной. А потом я посмотрю, как это получится у тебя». И она качнулась над рекой. Пока она делала это, Кровяной Сгусток рассмотрел, как действуют качели, и сказал женщине: «Качнись еще разок, пока я приготовлюсь»; но на этот раз, как только женщина качнулась, он перерезал лиану, и женщина упала в воду. Это случилось на Реке Крутых Берегов»^[447].

Мы знакомы с подобными свершениями из детских сказок о Джеке-Покорителе Великанов и из классических сказаний о подвигах таких героев, как Геракл и Тесей. В большом количестве они также встречаются в легендах о христианских святых, как, например, в нижеследующем французском сказании о святой Марте.

«В те времена в лесах по берегам Роны, между Авиньоном и Арлем, обитал дракон, наполовину зверь, наполовину рыба, больше, чем бык, длиннее, чем лошадь, с зубами острыми, как

рога, и с большими крыльями по каждую сторону тела; это чудовище убивало всех путников и топило все корабли. Оно попало сюда по морю из Галатии. Его породили Левиафан — чудовище с телом змеи, живущее в море, и Онагр — страшный зверь, который водится в Галатии и сжигает огнем все, к чему прикасается.

И святая Марта по горячей просьбе людей выступила против этого дракона. Она нашла его в лесу пожирающим человека, окропила его святой водой и показала распятие. Чудовище тут же покорилося и, как овечка, подошло к святой, а она надела ему на шею свой пояс и отвела в близлежащую деревню. Там жители расправились с ним камнями и палками.

И так как дракон был известен людям под именем Тараск, то в память об этом событии маленький городок был назван Тарасконом. До этих пор он назывался Нерлюк, что означает Черное Озеро, из-за мрачных лесов, которые в этом месте граничили с рекой»^[448].

Рис. 18. Царь Тен (Египет, Первая Династия, ок. 3200 г. до н. э.), разбивающий голову пленнику

Цари-воители древности усматривали смысл своих деяний в сокрушении чудовищ. Действительно, эта формула — герой в сиянии доблести, отправляющийся на борьбу с драконом — была прекрасным приемом самооправдания всех крестовых походов. Бесчисленное

количество табличек было исписано следующей клинописью, с помпезным самодовольством повествующей о Саргоне, царе Аккада, разрушителе древних городов шумеров, от которых его собственный народ получил свою культуру.

«Саргон, царь Аккада, машким Инанны, царь Киша, гудажрец^[449] бога Ану, царь Страны, великий энси^[450] Энлиля, разорил город Урук, разрушил его стены; бился с мужами Урука, покорил их; бился с Лугальзагеси, царём Урука, взял его в плен и доставил его в шейных колодках к воротам Энлиля. Саргон, царь Аккада, бился с мужами Ура, покорил их, разорил их город и разрушил его стены; разорил Э-Нинмар, разрушил его стены, разорил его территорию от Лагаша до моря, омыл своё оружие в море...»

4. Герой как любовник

Вырванная из рук врага гегемония, отвоеванная у злобного чудовища свобода, жизненная энергия, вызволенная из сетей тирана Хвата, — все это символизирует женщина. Она выступает девой в бесчисленных убиениях дракона, невестой, похищаемой у заботливого отца, девственницей, спасенной от нечестивого любовника. Она является «второй половиной» самого героя, ибо «каждый из них представляет обоих», если герой выступает монархом мира, то она — этот мир, а если он воин, то она — его слава. Она — образ его судьбы, которую он должен вызволить из заточения обстоятельств. Но если ему просто неведома его судьба или же он оказывается обманутым какими-то ложными соображениями, никакие усилия с его стороны не помогут ему преодолеть препятствия^[451].

Великолепный юноша Кухулин при дворе своего дяди, короля Конхобара, стал причиной обеспокоенности баронов по поводу добродетельности их жен. Они решили, что ему необходимо подыскать собственную жену. Посланники короля отправились во все уголки Ирландии, но не смогли найти ни одной женщины, которая бы ему понравилась. Тогда Кухулин сам отправился к девушке, которую знал еще в Луглохта Лога, «Садах Луг». И он нашел ее на лугу для игр в окружении ее молочных сестер. Она обучала их вышиванию и изящному рукоделию. Эмер подняла прекрасное лицо, узнала Кухулина и сказала: «Да не коснется тебя никакое зло!»

Когда отцу девушки, Форгаллу Коварному, рассказали, что они разговаривали друг с другом, тот сделал все возможное, чтобы отослать Кухулина обучаться военному мастерству к Доналлу Воинственному в Альбу, полагая, что юноша никогда не вернется. Доналл же поставил перед ним следующую задачу, а именно — отправиться в невозможное путешествие к некоей женщине-воительнице Скатах и добиться, чтобы она обучила его своему искусству сверхъестественной доблести. Героическое путешествие Кухулина исключительно просто и ясно демонстрирует все существенные элементы классической темы выполнения невозможного задания.

Путь лежал через равнину неудач: на ближней ее половине ноги путника увязали в трясине; на дальней — стремительно вырастала трава и цепко держала их на самых кончиках травинок. Но, откуда ни возмись, появился белокурый юноша, который дал Кухулину колесо и яблоко. Через первую половину равнины его вело за собой колесо, а через вторую — яблоко. Кухулину следовало лишь строго следовать их тонкой направляющей линии, ни шагу не делая в сторону, и он перешел через эту равнину и вышел к узкой и опасной горной долине за ней.

Жилище Скатах находилось на острове, а на этот остров можно было попасть только через мост, круто выгнутый посередине. Когда кто-нибудь ступал на один из его концов, тут же поднимался другой и опрокидывал человека на спину. Кухулин был сбит три раза. Затем с ним случился его знаменитый приступ, и, собравшись с силами, он прыгнул на ближний край моста, затем одним геройским прыжком, как лосось, выпрыгивающий из воды, он оказался в самой середине; второй конец моста не успел еще полностью подняться, когда герой, долетев до него, с силой оттолкнулся и оказался на земле острова.

У женщины-воительницы Скатах была дочь — как это часто бывает у чудовищ — и эта юная девушка в своем уединении никогда не видела ничего подобного красоте юноши, который, будто с неба свалившись, очутился в замке ее матери. Услышав от юноши о цели его визита, она рассказала ему, как лучше всего подойти к ее матери, чтобы убедить ее поделиться с ним секретами своей сверхъестественной доблести. Ему следовало, применив свой геройский прыжок лосося, добраться до огромного тиса, где Скатах упражнялась со своими сыновьями, и, приставив меч к ее груди, изложить свое требование.

Кухулин, следуя наставлениям девушки, добился всего, что хотел, от воительницы-колдуньи — и обучился ее искусству, и получил руку ее дочери без уплаты выкупа за невесту, и узнал свое будущее, и обладал ею

самой. Он оставался у них целый год, в течение которого помог им победить в великом сражении против воительницы Айфе, которая затем родила ему сына. И, наконец, убив старуху, с которой они не поделили узкую тропинку на краю скалы, он отправился домой в Ирландию.

После еще одного сражения и еще одной любовной истории Кухулин вернулся и обнаружил, что Форгалл Коварный все еще настроен против него. Но на этот раз наш герой просто увез его дочь с собой, и они обвенчались при дворе короля. В своих похождениях он обрел способность справляться с любым противодействием. Единственное досадное обстоятельство — дядя его, король Конхобар, воспользовался своим королевским правом первой ночи относительно невесты, прежде чем она по всем законам досталась жениху^[452].

Тема невыполнимой задачи как необходимого условия, предшествующего брачному ложу, связывает свершения героев всех времен и народов. В рассказах этого типа родитель выступает в роли Хвата; искусное решение поставленной перед героем задачи равнозначно победе над драконом. Испытания — чрезвычайно сложны. Их следует понимать как абсолютный отказ со стороны страшного родителя, не желающего позволить жизни течь своим чередом; тем не менее, рано или поздно появляется подходящий претендент, и любое задание в мире оказывается ему под силу. Неожиданные помощники, чудесные превращения времени и пространства — все это способствует достижению цели нашим героем; сама судьба (или суженая) протягивает ему руку и выдает слабое место в родительском замысле. Преграды, оковы, пропасти, разного рода границы — все отступает перед полновластным присутствием героя. Взор назначенного судьбой победителя сразу же находит брешь в крепостных валах любых обстоятельств, и достаточно одного его удара, чтобы расширить ее и прорваться.

Самой выразительной и глубокой особенностью этого яркого приключения Кухулина является тема единственного в своем роде невидимого пути, который открывается перед героем, следующим за катящимся колесом или яблоком. Данный момент следует рассматривать как знаменательный и символизирующий чудо судьбы. Перед человеком, которого не уведут в сторону от самого себя его чувства, рождающиеся от поверхностного взгляда на вещи, перед человеком, смело отвечающим на всякое проявление движущих сил своего собственного характера, перед тем, кто, как сказал Ницше, есть «колесо, катящееся само по себе», трудности расступаются, и открывается непредсказуемая широкая дорога.

5. Герой как правитель и тиран

Активный герой движет космогонический цикл, развивая в текущий момент импульс, который изначально привел в движение мир. Поскольку нашему глазу недоступен парадокс двойного фокуса, мы считаем, что его деянию, совершенному сильной рукой, сопутствовали опасности и огромные усилия, однако, с другой точки зрения, это свершение, подобно архетипической победе Мардука над драконом в лице Тиамат, есть не что иное, как осуществление неизбежного.

Но суть высшего героя состоит не в том, чтобы поддерживать непрерывность движения вселенского круга, а в том, чтобы пронизать взором все преходящее, все красоты и ужасы мировой панорамы, чтобы вновь стало зримо Единое Присутствие. Это требует более глубокой мудрости, чем первое, и в мифологической модели не сводится к деянию, но выражается в значимом образе. Символ первого — доблестный меч, символ второго — скипетр самодержца или кодекс законов. Характерным приключением героя в первом случае является завоевание невесты, которая воплощает саму жизнь. Во втором случае это воссоединение с отцом, который воплощает невидимое неизвестное.

Приключения второго типа вполне отвечают сюжетным канонам религиозной иконографии. Даже в простой народной сказке внезапно открывается глубина, когда сын девственницы однажды спрашивает мать: «Кто мой отец?» Этот вопрос затрагивает проблему человека и невидимого. За этим неизбежно следуют знакомые нам мифологические темы искупления и примирения.

Герой народа пуэбло, мальчик-кувшин, задал этот вопрос своей матери.

«Кто мой отец?» — спросил он. «Я не знаю», — ответила она. Он снова спросил ее: «Кто мой отец?» Но она просто продолжала плакать и не отвечала ему. «Где дом моего отца?» — спросил он. Она не смогла ответить ему. «Завтра я отправлюсь на поиски своего отца». — «Ты не сможешь найти своего отца», — сказала она. — Я никогда не была ни с одним юношей, поэтому нет такого места, где бы ты мог искать своего отца». Но мальчик сказал: «У меня есть отец, я знаю, где он живет, я отправлюсь повидаться с ним». Мать не хотела, чтобы он шел, но он настаивал. Рано утром на следующий день она приготовила ему завтрак, и он отправился на юго-восток, где находился родник,

который они называли Ваийю повиди (у Лошадиного холма). Подходя к роднику, он увидел, что кто-то прогуливается невдалеке от него. Он подошел ближе. Это был мужчина. Он спросил мальчика: «Куда ты направляешься?» — «Я иду повидаться со своим отцом», — ответил мальчик. «А кто твой отец?» — спросил мужчина. «Мой отец — тот, кто живет в этом роднике». — «Ты никогда не найдешь своего отца». — «И все же я хочу попасть в этот родник, он там живет». — «Кто же твой отец?» — снова спросил мужчина. «Я думаю, что мой отец ты», — ответил мальчик. «Откуда ты знаешь, что я твой отец?» — спросил мужчина. — «Я просто знаю, что ты мой отец». Мужчина посмотрел на мальчика пристальным взглядом, чтобы напугать его. Но мальчик продолжал повторять: «Ты мой отец». И тогда мужчина сказал: «Да, я твой отец. Я вышел из этого родника, чтобы встретить тебя», — и положил руку на плечо мальчика. Его отец был очень рад, что к нему пришел сын, и он забрал его с собой вниз, в глубины родника^[453].

Там, где усилия героя направлены на поиск неизвестного отца, основной символизм остается символизмом испытаний и самообретения. В представленном выше примере испытание сведено к настойчивым вопросам и пугающему взгляду. В ранее упоминавшейся сказке о женщине-улитке сыновей проверяли бамбуковым ножом. В нашем обзоре приключений героя мы видели, сколь беспощадным может быть отец. Так, для прихожан Джонатана Эдвардса он превратился в настоящего изверга.

Получив отцовское благословение, герой возвращается, чтобы представлять отца среди людей. Его слово как слово учителя (Моисей) или императора (Хуан-ди) является законом. Так как теперь он соприкасается с источником, то делает зримыми покой и гармонию центра мироздания. Он является воплощением Оси Мира, от которой расходятся концентрические круги, — Горы Мира, Древа Мира; он как микрокосм является совершенным зеркалом макрокосма. Увидеть его — значит понять смысл бытия. От его присутствия исходит благо; его слово — это ветер жизни.

Но в характере нашего героя, представляющего отца среди людей, может произойти смещение. Такой кризис описан в персидской легенде, относящейся к зороастрийской традиции, об Императоре Золотого Века Джамшиде.

Все чтили владыку; душою велик,

Всемирной он власти и славы достиг.
Шло время. Свое осознав торжество,
Он стал признавать лишь себя одного.
Владыка, что свято Создателя чтит,
В гордыне свой дух от него отвратил.
Мобедов, вельмож, окружавших престол,
Он речью такой в изумленье привел:
«Царить над вселенною — вот мой удел.
Немало свершил я блистательных дел.
Искусства и знанья живительный свет
Я первый зажег, мне подобного нет.
По-новому мир я устроил земной;
Таков он, как было начертано мной.
Не я ль вам одежду и злак даровал,
Довольство, обилие благ даровал.
Прославлен я всем человечеством сплошь;
Где в мире второго такого найдешь?
Я тайну целебных бальзамов познал,
Болезни и смерть от людей отогнал.
Пусть в мире немало державцев иных.
Кто, кроме меня, спас от смерти живых?
Дар дивный бессмертия мною вам дан;
Служить кто не станет мне — тот Ахриман.
А тот, кто мне предан, мой подвиг ценя, —
Создателем мира признает меня».
Повесили головы, слушая то,
Мобеды; перечить не вздумал никто.
И свет благодати той царственной мгла
Сокрыла, и смута в народе пошла.
По свету недобрая слава спешит;
Покинут мужами властитель Джемшид.
В три года и двадцать вся царская рать
Рассеялась, трон перестав охранять.
Собой пред всевышним Творцом возгордясь,
Навлек на себя он погибель тотчас,
Говаривал красноречивый мудрец:
«Храни благочестье, коль носишь венец.
А в ком от гордыни луч веры померк,
Тот в горесть и страх свое сердце поверг».

Затмился в глазах у властителя день,
Свет благостный скрыла зловещая тень.
Напрасно кровавые слезы он лил,
Напрасно Творца о прощеньи молил.
Его разлучил с благодатью Изед,
И царь содрогался в предчувствии бед^[454].

Не относя более славу и благодать своего правления к их трансцендентному источнику, правитель разбивает то объемное видение, поддерживать которое он призван. Он перестает быть посредником между двумя мирами. Видение человека уплощается, схватывая лишь человеческое измерение, а высшая сила остается в плоскости, недоступной для восприятия. Общество утрачивает идею, на которой оно доселе держалось. Все, что его связывает воедино отныне, — это сила. Правитель становится тираном-чудовищем (Иродом-Нимродом), узурпатором, от которого мир должен быть спасен.

6. Герой как спаситель

В посещении обители отца следует различать две ступени инициации. После первой сын возвращается как его эмиссар, после второй — со знанием, что «Я и Отец — одно». Герой, достигший второго, высшего просветления, является спасителем мира, так называемым воплощением в самом высоком смысле. Здесь миф разворачивается, обретая космические пропорции. Слова такого героя обладают авторитетностью, превосходящей все когда-либо произнесенное героями скипетра и кодекса.

«Смотрите все на меня. Не смотрите по сторонам, — говорит Гроза Врагов, герой апачей. — Слушайте, что я скажу. Мир равновелик моему телу. Мир равновелик моему слову. И мир равновелик моим молитвам. Небо всего лишь равновелико моим словам и молитвам. Времена года лишь равновелики моему телу, моим словам и моей молитве. То же и с водами; мое тело, мои слова, моя молитва больше, чем воды.

Тот, кто верит мне, тот, кто слушает, что я говорю, проживет долгую жизнь. У того же, кто не слушает, кто думает иначе, жизнь будет короткой.

Не думайте, что я на востоке или на юге, на западе или на

севере. Земля — это мое тело. Я здесь. Я повсюду. Не думайте, что я нахожусь только под землей или наверху, в небе, или только во временах года, или по другую сторону вод. Все это есть мое тело. Поистине подземный мир, небо, времена года, воды и есть мое тело. Я везде и повсюду.

Я уже дал вам то, из чего вы должны приносить подношения мне. У вас есть два вида трубок, и у вас есть горный табак»^[455].

Задача подобного воплощения — ниспровергнуть своим присутствием притязания монстра-тирана. Этот тиран тенью своей ограниченной личности закрывает источник благодати; воплощение совершенно свободно от такого эгоцентризма и является прямым проявлением закона. Воплощение проживает жизнь героя с грандиозным размахом — совершает подвиги, убивает чудовище, — но все это с невиданной свободой действия, выполняемого лишь для того, чтобы сделать видимым глазу то, что в равной мере достижимо и для чистой мысли.

Канс, жестокий дядя Кришны, захвативший престол своего отца в городе Матхура, однажды услышал голос, который сказал ему: «Родился враг твой, смерть твоя неизбежна». Кришну и его старшего брата Балараму тайно унесли от колыбели их матери к пастухам, чтобы уберечь их от этого древнеиндийского двойника Нимрода. А он послал за ними демонов — П`утана с ядовитым молоком была первой из них — но напрасно. Когда все его ухищрения потерпели крах, Канс решил заманить юношей в город. К пастухам был направлен посыльный с приглашением на жертвоприношение и большой турнир. Приглашение было принято. Пастухи и братья вместе с ними пришли и разбили лагерь за городской стеной.

Кришна и его брат Баларама отправились посмотреть на чудеса города. Там были большие сады, дворцы и рощи. Они встретили мойщика белья и попросили его дать им какую-нибудь красивую одежду; когда тот засмеялся и отказал им, они отобрали у него одежду силой и очень развеселились при этом. Затем горбунья попросила Кришну позволить ей растереть его тело сандаловой мазью. Он подошел к ней, стал своими ступнями на ее ступни и, положив ей под подбородок два пальца, поднял ее вверх и таким образом сделал ее фигуру прямой и стройной. И он сказал: «Когда я убью Канса, я вернусь и буду с тобой».

Братья пришли на место турниров, когда там никого не было. Здесь был установлен лук бога Шивы, огромный, как пальмовое дерево, большой и тяжелый. Кришна подошел к луку, натянул его и с громким треском

сломал. Канс в своем дворце услышал этот звук и пришел в ужас.

Тиран послал воинов, чтобы они убили братьев в городе. Но братья сразили солдат и вернулись в свой лагерь. Они рассказали пастухам, что их прогулка была интересной, затем поужинали и легли спать.

В эту ночь Кансу снились зловещие сны. Когда он проснулся, то приказал готовиться к состязанию, а трубачам трубить сбор. Кришна и Баларама появились как жонглеры вместе со своими друзьями-пастухами. Когда они вошли в ворота, им встретился разъяренный слон, могучий, как десять тысяч обыкновенных слонов, готовый растоптать их. Погонщик направил его прямо на Кришну. Баларама нанес слону своим кулаком такой удар, что тот остановился и попятился назад. Погонщик снова погнал слона, но когда братья вновь свалили его своими ударами наземь, он мгновенно умер.

Юноши вышли на поле. Каждый видел в них то, что открывала ему его собственная сущность: борцы думали, что Кришна борец; женщины видели в нем сокровищницу красоты; боги знали, что он их повелитель, а Канс думал, что он Мара, сама Смерть. Расправившись со всеми посланными против него борцами и убив напоследок сильнейшего из них, Кришна вскочил на царский помост, стащил за волосы тирана и убил его. Люди, боги и святые были восхищены, но жены царя вышли вперед, оплакивая его. Кришна, видя их горе, утешил их своей изначальной мудростью: «Никто не может жить и не умереть. Представлять себя обладающим чем-то — значит заблуждаться; никто не является ни отцом, ни матерью, ни сыном. Есть только непрерывный круг рождения и смерти»^[456].

Легенды о спасителе описывают период одиночества как обусловленный нравственным падением человека (Адам в раю, Джемшид на троне). Однако, с точки зрения космогонического цикла, постоянное чередование справедливого и подлого характерно для сцены времен. В истории наций, точно так же как и в истории вселенной, эманация ведет к растворению, юность — к старости, рождение — к смерти, формосозидающая энергия — к мертвому грузу инерции. Жизнь вскипает, низвергая формы, затем убывает, оставляя позади ненужные обломки. Золотой век, правление мирового императора, чередуется в пульсации каждого момента жизни с опустошением, с правлением тирана. Бог, который был творцом, в конце становится разрушителем.

С этой точки зрения, тиран-изверг в не меньшей мере представляет отца, чем прежний мировой император, чье место он захватил, или же тот просветленный герой (сын), который должен заменить его. Он является представителем устоев, так же как новый герой является носителем

перемен. И поскольку каждый миг времени вырывается на свободу из пут предшествующего момента, то этот дракон, Хват, изображается как представитель поколения, непосредственно предшествующего поколению спасителя мира.

Говоря конкретно, задача героя состоит в том, чтобы уничтожить сдерживающую сторону отца (дракона, подстрекателя испытаний, извергателя) и освободить от его оков жизненные энергии, которые будут питать вселенную.

Это может быть сделано либо в соответствии с волей отца, либо против его воли; он [Отец] может «выбрать смерть для своих детей», или же может случиться так, что Боги предопределяют страдания отцу, делая его их жертвенной фигурой. Это не противоречащие доктрины, а различные способы передачи одного и того же содержания; в действительности Драконоборец и Дракон, приносящий жертву и жертва, единодушны за кулисами — там, где нет полярных противоположностей, но смертельные враги на сцене — там, где разворачивается вечная война между Богами и Титанами. В любом случае Отец-Дракон остается Плеромой, настолько же уменьшающейся с тем, что он выдыхает, насколько он увеличивается с тем, что получает обратно. Он является смертью, от которой зависит наша жизнь; и на вопрос: «Смерть одна или их много?» — ответ будет: «Она одна, потому что бог один, но их много, потому что он здесь в своих детях»^[457].

Вчерашний герой завтра станет тираном, если не принесет себя в жертву сегодня.

С точки зрения настоящего, это спасение будущего столь беспечно, что оно кажется сущим нигилизмом. Слова Кришны, спасителя мира, обращенные к женам мертвого Канса, несут в себе пугающий подтекст; то же самое относится и к словам Иисуса: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел я принести, но меч; ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня»^[458]. Чтобы защитить неподготовленных, мифология прячет подобные предельные откровения за полупрозрачными масками, в то же время настойчиво и постепенно подводя к ним в

наставительной форме. Это — фигура спасителя, который устраняет тирана-отца, а затем сам вступает на престол (подобно Эдипу), занимая место своего родителя. Но, чтобы смягчить brutальное отцеубийство, легенда замещает фигуру отца неким жестокосердным дядей или узурпатором Нимродом. Тем не менее, полускрытый факт остается фактом. Когда он открывается, вся картина замыкается: сын убивает отца, но сын и отец — это одно целое. Загадочные фигуры снова растворяются в первичном хаосе. В этом заключается смысл конца (и возрождения) мира.

7. Герой как святой

Прежде чем мы перейдем к последнему эпизоду жизни, нам остается рассмотреть еще один тип героя — святого или аскета, отрекшегося от мира.

«Тот, кто, очистившись посредством разума, решительно контролируя свой ум, отказавшись от предметов чувственного удовлетворения, освободившись от привязанности и ненависти, живет в уединенном месте, мало ест, обуздал свое тело, ум и речь, кто всегда находится в состоянии духовного экстаза, беспристрастен, свободен от ложного эго, ложной силы, ложной гордости, вожделения, гнева и ложного чувства собственности, кто не принимает ничего материального и всегда умиротворен — тот безусловно поднялся до самореализации»^[459].

В этой модели герой движется к отцу, но скорее в скрытой, а не явной форме: совершает поступок, от которого отказался Бодхисатва, — поступок, после которого нет возврата. Здесь подразумевается не парадокс дуалистической картины, а предельная явленность невидимого. Самость выжжена. Подобно мертвому листу дерева, гонимому ветром, тело продолжает передвигаться по земле, но душа уже растворилась в океане блаженства.

Фома Аквинский в результате своих мистических переживаний во время служения мессы в Неаполе отложил свое перо и чернила и оставил последние главы своей *Суммы Теологии* для завершения другому. «Дни моего писания, — заявил он, — закончились; ибо такое было открыто мне, что все, что я написал и чему учил, представилось мне ничего не значащим, поэтому я уповаю на Бога моего в том, что, равно как пришел конец моему учению, так и жизни моей наступит конец». Вскоре после этого, на сорок

девятом году жизни, он умер.

Будучи по ту сторону жизни, эти герои оказываются по ту сторону мифа. Им уже незачем обращаться к мифу, так и мифу уже нечего сказать о них. Легенды о них пересказаны, но благочестивые чувства и уроки их жизнеописаний всегда недостаточны; это немногим лучше банальности. Они вышли из царства форм, куда ведет нисходящий путь инкарнации и где остается Бодхисатва — из царства *видимого* профиля Макропросопа, Великого Лица. Когда *сокрытое* обнаруживается, миф оказывается предпоследним, а безмолвие — последним словом. В тот момент, когда душа уходит в сокрытое, остается одно безмолвие.

Царь Эдип узнал, что женщина, которую он взял в жены, — его мать, человек, которого он убил, — его отец; он вырвал свои глаза и в раскаянии бродил по земле. Фрейдисты утверждают, что каждый из нас убивает своего отца и берет в жены свою мать, всегда — только бессознательно: иносказательные символические пути осуществления этого и рационализации следующего отсюда вынужденного действия определяют наши индивидуальные жизни и общие пути цивилизации. Если бы чувствам было дано проникнуть в реальный смысл наших земных деяний и мыслей, мы бы познали то, что познал Эдип: плоть неожиданно предстала бы как океан самоосквернения. В этом суть легенды о Папе Римском, Григории Великом, рожденном от инцеста и жившем в инцесте. В ужасе он бежит на скалу в море и там раскаивается в самой своей жизни.

Дерево теперь становится крестом: Белый Юноша, вкушающий молоко, становится Распятым, глотающим желчь. Там, где ранее был расцвет весны, теперь расползается гниение. Однако за этим порогом, — ибо крест — это сам путь (солнечная дверь), а не конец пути, — лежит блаженство в Боге.

«Он отметил меня своей печатью, чтобы я не предпочла иной любви, кроме любви к Нему. Зима минула; горлица поет; расцвели виноградники. Господь Иисус Христос обручил меня Своим кольцом, и как Свою невесту короновал меня венцом. Платье, в которое облачил меня Господь, — это золотом расшитое платье великолепия, а ожерелье, которым он меня украсил, — бесценно»^[460].

8. Уход героя

Последним актом в биографии героя является его смерть или уход. Здесь резюмируется весь смысл жизни. Нет необходимости говорить о том, что герой не был бы героем, если бы смерть вызывала у него какой-то страх; первым условием этой роли является примирение со смертью.

«Сидя под дубом Мамры, Авраам увидел вспышку света и услышал сладкий аромат; оглянувшись вокруг, он увидел Смерть, во всем великолепии и красоте приближающуюся к нему. И Смерть сказала Аврааму: «Не думай, Авраам, что эта красота присуща мне или что я в таком облике прихожу к каждому человеку. Нет, но если кто-либо так же праведен, как ты, тогда я надеваю эту корону и прихожу к нему, если же он грешник, я прихожу в облике разложения, и из его грехов делаю корону для своей головы и потрясаю его великим страхом, так что он приходит в полное смятение». Авраам сказал ей: «Ты и есть та, что называют Смертью?» Она же ответила: «Я есть имя горькое». И Авраам ответил: «Я не пойду с тобой». И Авраам сказал Смерти: «Яви нам свое разложение». И Смерть открыла свое разложение, показав две головы, одна была с ликом змеи, вторая была подобна мечу. Все слуги Авраама, взглянув на растленный облик Смерти, умерли, но Авраам обратился с молитвой к Богу, и он поднял их. Так как вид Смерти не смог заставить душу Авраама оставить его тело, Бог отделил его душу как во сне, и архангел Михаил забрал ее на небо. После того как ангелы, принешие душу Авраама, восславили Господа, воздав ему великую хвалу, и после того как Авраам преклонился перед Ним, раздался тогда голос Господа, и сказал Господь: «Отведите моего друга Авраама в Рай, туда, где жилища праведных Моих и обители святых Моих Исаака и Иакова в сердце его, где нет ни забот, ни печали ни стенаний, а лишь покой и радость и вечная жизнь» [\[461\]](#).

Сравните со следующим сновидением.

«Я оказался на мосту, где встретил слепого скрипача. Все бросали монеты в его шляпу. Я подошел ближе и увидел, что музыкант не слеп. У него было косоглазие, и он сбоку смотрел на меня косящим глазом. Внезапно там оказалась маленькая старушка, сидящая на обочине дороги. Было темно, и я был

напуган. «Куда ведет эта дорога?» — подумал я. По дороге шел молодой крестьянин и взял меня за руку. «Ты хочешь пойти домой, — спросил он, — и выпить кофе?» — «Отпусти меня! Ты слишком крепко держишь меня!» — закричал я и проснулся»^[462].

Герой, который в своей жизни представлял дуалистическую перспективу, и после своей смерти остается объединяющим образом: подобно Карлу Великому, он лишь спит и пробуждается в час судьбы или находится среди нас в другом обличье.

Ацтеки рассказывают о крылатом змее Кетцалькоатле, монархе древнего города Толлана в период золотого века его процветания. Он обучил людей ремеслам, создал календарь и подарил народу кукурузу. Но когда время истекло, он и его народ были побеждены более сильной магией вторгнувшегося к ним народа, ацтеков. Тецкатлипока, герой-воин более молодого народа и их времени, разбил город Толлан, и крылатый змей, царь золотого века, сжег за собой свои жилища, спрятал в горах свои сокровища, превратил свои деревья какао в мескитовые, велел птицам с многоцветным опереньем, своим слугам, лететь впереди него и в великой печали улетел. Он прибыл в город под названием Куаутитлан, где росло дерево, огромное и высокое и, подойдя к дереву, он сел под ним и посмотрел в зеркало, которое принесли ему. «Я стар», — сказал он, и это место было названо «Старый Куаутитлан». Отдыхая снова в другом месте на своем пути и оглядываясь на оставшийся позади Толлан, он заплакал, и его слезы прошли сквозь камень. В этом месте он оставил след там, где сидел, и отпечаток своих ладоней. Далее на своем пути он встретил колдунов, которые, встав на его дороге, не давали ему продолжить путь до тех пор, пока он не научил их обрабатывать серебро, дерево и перья, а также искусству рисования. Когда он пересекал горы, все его спутники, которые были карликами и горбунами, умерли от холода. Дальше он встретился со своим противником Тецкатлипокой, который победил его в игре в мяч. Еще дальше он нацелил свою стрелу на большое дерево *почотль*; стрела также представляла собой большое дерево *почотль*; так что, когда оно пронзило первое, получился крест. Таким образом, он продвигался вперед, оставляя после себя множество знаков и новых имен, пока наконец не пришел к морю. Он отчалил от берега на плоту из змей. Как достиг он цели своего путешествия, своего родного дома Тлапаллана, не сообщается^[463].

Согласно другому преданию, на берегу он принес себя в жертву на погребальном костре, а из его пепла восстали птицы с многоцветным опереньем. Душа же его стала Утренней Звездой^[464].

Жаждающий жизни герой может противиться своей смерти и на некоторое время отодвигать свершение своей судьбы. Пишут, что Кухулин услышал во сне крик «столь ужасающий и страшный, что он, как мешок, упал со своей кровати в восточном крыле дома». Он выбежал из дома без оружия. За ним бежала его жена, Эмер, неся его одежду и оружие. Он увидел повозку, запряженную гнедой лошадью, у которой была только одна нога, а дышло, проходя через ее круп, торчало изо лба. В повозке сидела женщина с красными бровями, закутанная в малиновую накидку. Рядом с повозкой шел огромный мужчина, также одетый в малиновый плащ. В руках у него был раздвоенный посох из орешника, а перед собой он гнал корову.

Кухулин объявил, что это его корова, женщина возразила, и Кухулин потребовал у нее ответа, почему говорит она, а не мужчина. Она ответила, что мужчина — это Уартуе-сцео Луахир-сцео. «Однако! — сказал Кухулин. — Удивительно длинное имя!» «Женщину, с которой ты разговариваешь, — сказал мужчина, — зовут Фебор бег-беоил квимдиуйр фолт сцеуб гифит сцео уат». «Вы смеетесь надо мной», — сказал Кухулин и запрыгнул в повозку. Он стал ногами на плечи женщины, приставив свое копье к ее голове. «Не играй со мной своим острым оружием!» — сказала она. «Тогда назови мне свое настоящее имя», — сказал Кухулин. «Тогда ты слезь с меня, — ответила она. — Я автор сатир и увожу эту корову в качестве награды за поэму». «Давай же послушаем твою поэму», — сказал Кухулин. «Только отойди подальше от меня, — сказала женщина, — сотрясение копьем над моей головой не пугает меня».

Кухулин отошел от нее и оказался меж двух колес повозки. Женщина спела ему вызывающую и оскорбительную песню. Он снова приготовился прыгнуть, но тут в одно мгновение лошадь, женщина, повозка и корова исчезли, а на ветке дерева оказалась черная птица.

«Ты опасная колдунья!» — сказал Кухулин черной птице; ибо теперь он понял, что она была богиней сражений, Бадб, или Морриган. «Если бы я только знал, что это была ты, то мы бы так не расстались». «То, что ты сделал, — ответила птица, — принесет тебе неудачу». «Ты не можешь причинить мне вреда», — ответил Кухулин. «Конечно же, могу, — сказала женщина. — Я всегда сторожила и буду сторожить твоё смертное ложе».

Затем колдунья сказала ему, что она ведет корову с волшебного холма Круахан, для того чтобы спарить ее с быком, принадлежащим этому мужчине, по имени Куальнге; когда же теленку исполнится год, Кухулин умрет. Она сама выступит против него, когда он будет сражаться у брода с человеком, «таким же сильным, таким же непобедимым, таким же ловким,

таким же страшным, таким же неутомимым, таким же благородным, таким же отважным, таким же великим», как он сам. «Я превращусь в угря, — сказала она, — и затяну петлю вокруг твоих ног в воде». Кухулин ответил ей угрозой на угрозу, и она исчезла под землей. Но на следующий год, в предсказанном поединке у брода он победил ее и остался жить, чтобы умереть в другой день ^[465].

Отголоски символизма спасения в потустороннем мире неожиданно и почти игриво звучат в последнем эпизоде народной сказки народа пуэбло о мальчике-кувшине.

«В глубине родника жило множество женщин и девушек. Они подбежали к мальчику и стали обнимать его, радуясь, что их ребенок вернулся к ним. Так мальчик нашел своего отца, а также своих теток. Мальчик оставался там одну ночь и на следующий день отправился домой и рассказал матери, что нашел своего отца. После этого его мать заболела и умерла. Тогда мальчик сказал себе: «Нет смысла мне оставаться с этими людьми». Поэтому, оставив их, он отправился к роднику. Там была и его мать. Таким образом они с матерью отправились жить к его отцу. Отцом его был Авайо'пи'ки (красная водяная змея). Он сказал, что не мог жить с ними наверху в Сикиат'ки. Поэтому он сделал так, что мать мальчика заболела и умерла и «пришла сюда, чтобы жить со мной. Теперь мы будем жить вместе», — сказал он сыну. Вот как получилось, что мальчик и его мать стали жить в роднике» ^[466].

Этот рассказ, как и рассказ о женщине-улитке, точно повторяет каноны мифического повествования. Вся прелесть этих двух рассказов в очевидной невинности действующих сил.

Крайней противоположностью им является рассказ о смерти Будды — не лишенный юмора, как и все великие мифы, но в высшей степени серьезный.

«Благословенный в сопровождении большого собрания жрецов подошел к дальнему берегу реки Хираннавати близ города Кусинара и роще солевых деревьев Упаваттана Малласа; и, приблизившись, он обратился к почтенному Ананде: «Ананда, будь добр, разложи мне постель меж двух солевых деревьев изголовьем на север. Я устал, Ананда, и хочу прилечь». —

«Хорошо, Преподобный Господин», — сказал смиренно почтенный Ананда Благословенному и разложил постель меж двух деревьев изголовьем на север. Тогда Благословенный лег на правый бок, подобно льву, и положил ногу на ногу, оставаясь сосредоточенно внимающим в своем сознании. В это время два солевых дерева расцвели пышным цветом, хотя сезон цветения еще не наступил; и цветы их рассыпались по телу Татхагаты и неустанно осыпали его в знак почитания Татхагаты^[467]. С неба пала также божественная пудра сандалового дерева; она осыпала тело Татхагаты и падала и рассыпалась в знак поклонения Татхагате. И музыка звучала в небе в знак почитания Татхагаты, и было слышно, как поют небесные хоры в знак поклонения Татхагате».

Во время последовавших затем бесед, когда Татхагата возлежал, подобно льву, на боку, перед ним стоял великий жрец, почтенный Упавана, обмахивая его опахалом. Благословенный велел ему встать сбоку, после чего Ананда, лицо, сопровождающее Благословенного, обратился к Благословенному. «Преподобный Господин, — сказал он, — молю тебя, поведай мне, в чем причина и основание того, что Благословенный был резок с почтенным Упаваной, сказав ему: «Встань сбоку, жрец; не стой передо мною»?»

Благословенный ответил:

«Ананда, почти все божества из десяти миров собрались вместе, чтобы видеть Татхагату. Ананда, двенадцать лиг вокруг города Кусинары и рощи солевых деревьев Упаваттана Малласа негде волоску упасть — всюду теснятся могущественные боги. И эти боги, Ананда, гневаются и говорят: «Издавна явились мы, чтобы видеть Татхагату, ибо нечасто и в исключительных случаях Татхагата, святой и Высший Будда, является в мире; теперь же, этой ночью, в последнюю стражу, Татхагата уйдет в Нирвану; и этот великий жрец стоит перед Благословенным, заслоняя его, и мы не можем видеть Татхагату, хотя близки его последние минуты». Вот почему эти боги рассержены, Ананда».

«Преподобный Господин, что же делают боги, которых видит Благословенный?»

«Одни из богов, Ананда, в воздухе, их умы исполнены земных страстей, они рвут на себе волосы и громко плачут,

простирают свои руки и громко плачут, падают головой ниц и качаются взад и вперед, молвя: «Слишком скоро Благословенный уйдет в Нирвану; слишком скоро Свет Мира померкнет!» Иные из богов, Ананда, на земле. Их умы исполнены земных страстей, они рвут на себе волосы и громко плачут, простирают свои руки и громко плачут, падают головой ниц и качаются взад и вперед, молвя: «Слишком скоро Благословенный уйдет в Нирвану; слишком скоро Свет Мира померкнет!» Те же боги, что вольны от страстей, сосредоточенно внимая истине в сознании своем, те без нетерпения молвят: «Преходящи все вещи. Разве возможно, чтобы что-либо рожденное, появившись на свет и живя, будучи тленным, не умерло? Такое невозможно».

Последние беседы продолжались некоторое время, и Благословенный дал утешение своим жрецам. Затем он обратился к ним:

«Теперь, о жрецы, я покидаю вас; все составляющие бытия преходящи; усердно добивайтесь своего спасения».

И это было последнее слово Татхагаты.

«После этого Благословенный погрузился в первый транс; выйдя из первого транса, он погрузился во второй транс; выйдя из второго транса, он погрузился в третий транс; выйдя из третьего транса, он погрузился в четвертый транс; выйдя из четвертого транса, он вошел в царство бесконечности пространства; выйдя из царства бесконечности пространства, он вошел в царство бесконечности сознания; выйдя из царства бесконечности сознания, он вошел в царство пустоты; выйдя из царства пустоты, он вошел в царство, где нет ни восприятия, ни невосприятия; выйдя из царства, где нет ни восприятия, ни невосприятия, он пришел к прекращению восприятия и ощущения.

После чего почтенный Ананда сказал почтенному Ануруддха следующее: «Почтенный Ануруддха, Благословенный ушел в Нирвану». — «Нет, брат Ананда, Благословенный еще не вошел в Нирвану; он пришел к прекращению восприятия и ощущения».

Выйдя из царства прекращения восприятия и ощущения, Благословенный вошел в царство, где нет ни восприятия, ни невосприятия; выйдя из царства, где нет ни восприятия, ни невосприятия, он вошел в царство пустоты; выйдя из царства пустоты, он вошел в царство бесконечности сознания; выйдя из

царства бесконечности сознания, он вошел в царство бесконечности пространства; выйдя из царства бесконечности пространства, он погрузился в четвертый транс; выйдя из четвертого транса, он погрузился в третий транс; выйдя из третьего транса, он погрузился во второй транс; выйдя из второго транса, он погрузился в первый транс; выйдя из первого транса, он погрузился во второй транс; выйдя из второго транса, он погрузился в третий транс; выйдя из третьего транса, он погрузился в четвертый транс; и, выйдя из четвертого транса, Благословенный тут же перешел в Нирвану»^[468].

Глава IV. Растворение

1. Конец микрокосма

Могущественный герой, обладающий удивительными силами — способный одним пальцем поднять гору Гобардхан и преисполненный устрашающей вселенской славы, — это каждый из нас: не наша физическая *самость*, видимая в зеркале, а царь внутри нас. Кришна провозглашает: «Я есть Параматма, о Арджуна, пребывающая в сердцах всех живых существ, Я — их начало, середина и конец»^[469]. Именно в этом заключается суть молитв за умерших, в момент растворения личности: индивид должен теперь вернуться к своему первоначальному знанию созидающего мир бога, который, покуда длилась жизнь индивида, отражался в его сердце.

«Когда истощается это тело, истощается от старости или болезни, то подобно тому, как освобождается от уз плод манго, или удумбары, или *ниппалы*, так и этот *пуруша*, освободившись от этих членов, снова спешит, как он шел назад к месту новой жизни.

Подобно тому как надзиратели, судьи, возницы, деревенские старосты поджидают приходящего царя с едой, питьем, ночлегом, говоря: «Вот приходит Брахман, вот он приближается! Вот приходит Брахман, вот он приближается!»^[470]

Эта идея уже провозглашалась в Погребальных текстах древнего Египта, где умерший поет о себе как о едином с Богом:

Я — Атум, Я тот, кто был один;
Я — Ра в первом его явлении.
Я — Великий Бог, сам себя породивший,
Который дал себе имена, владыка богов,
Которому нет равных среди богов.
Я был вчера, я знаю завтра.
Когда я молвил, появилось поле битвы богов.
Я знаю имя того Великого Бога, что внутри.
«Хвала Ра» его имя.
Я тот великий Феникс, что в Гелиополе^[471].

Но, как и в случае смерти Будды, способность человека пройти в обратном порядке весь путь через эпохи эманации зависит от его характера, каким он был при жизни. Мифы рассказывают об опасном путешествии души со множеством препятствий, которые необходимо преодолеть. Эскимосы Гренландии называют кипящий котел, кости таза, большую горящую лампу, стражей-чудовищ и две скалы, которые сталкиваются друг с другом, а потом вновь расходятся^[472]. Такие элементы являются стандартными чертами мирового фольклора и героической легенды. Мы обсуждали их выше в наших главах из части «Приключение героя». Они получили самое детальное и существенное развитие в мифологии последнего странствия души.

Молитва ацтеков, которую следует произносить у смертного одра, предупреждает уходящего в мир иной об опасностях на обратном пути к богу мертвых, скелету Тцонтемоку, «тому, у Кого Выпадают Волосы».

«Дорогое дитя! Ты прошел чрез муки этой жизни и пережил их. Теперь наш Бог изволил забрать тебя. Ибо мы не вечно наслаждаемся этим миром, а лишь краткий миг; мы вступаем в жизнь, выйдя из тени, чтобы погреться в лучах солнца. И Бог даровал нам благословение знать друг друга и говорить друг с другом в этом бытии; но сейчас, в этот миг, бог, которого зовут Миктлантекульти, или Акульнахуакатль, или же Тцонтемок, и богиня, известная как Миктекасихуатль, забрали тебя. Ты предстанешь пред Его престолом; ибо все мы должны будем отправиться туда: это место предопределено всем нам, и оно безбрежно.

Мы не должны больше вспоминать тебя. Ты будешь обитать в самом темном из мест, где нет ни света, ни просвета. Ты не вернешься и не уйдешь оттуда; и ты уже не будешь думать или беспокоиться о возвращении. Тебя никогда больше не будет с нами. Несчастливыми и осиротевшими оставил ты своих детей, своих внуков; не узнаешь ты, какими они станут, как они будут идти чрез муки жизни. Что ж до нас, то и мы скоро отправимся туда, где будешь ты».

Ацтекские старейшины и служители готовили тело к погребению; и, заворачивая его должным образом, на голову умершему выливали немного

воды, говоря при этом: «Этим ты наслаждался, живя в мире». Затем брали небольшой кувшин воды и преподносили ему со словами: «Вот это тебе в дорогу»; кувшин устанавливали в складках савана. Затем умершего заворачивали в одеяла, прочно обвязывали и помещали перед ним, по одному, заранее приготовленные листы бумаги: «Смотри, с этим ты сможешь пройти между скал, что сталкиваются». «С этим ты пройдешь по дороге, которую сторожит змея». «Этим ты удовлетворишь маленькую зеленую ящерицу, Ксочитональ». «А вот с этим ты перейдешь восемь пустынь ледящего холода». «Вот то, с чем ты пройдешь через восемь холмов». «Вот то, с чем ты выдержишь ветер обсидиановых ножей».

Умерший должен был взять с собой маленькую собаку с ярко рыжей шерстью, ей на шею вешали мягкую нить из хлопка; ее убивали и кремировали вместе с трупом. На этом маленьком животном ушедший должен был переплыть реку потустороннего мира. После четырех лет пути он прибывал с собакой к богу, которому подносил свои бумаги и дары. После чего он вместе со своим верным спутником бывал допущен в «Девятую Пучину»^[473].

Китайцы рассказывают о переходе через Волшебный Мост с помощью Нефритовой Девушки и Золотого Юноши. Индусы рисуют возвышающийся небесный свод и многоуровневый мир преисподних. После смерти душа опускается на уровень, соответствующий ее относительной плотности, чтобы там обдумать и осознать все значение своей прошлой жизни. Когда урок усвоен, она возвращается в мир, чтобы подготовить себя к следующему уровню опыта. Таким образом, она постепенно проходит через все уровни смысла жизни, пока не вырывается за пределы космического яйца. *Божественная Комедия* Данте является исчерпывающим обзором таких стадий: «Ад» — мучения духа, ограниченного страстями и порывами плоти; «Чистилище» — преобразование плотского восприятия в духовное; «Рай» — уровни духовного постижения.

Проникновенная и внушающая благоговение картина путешествия представлена в египетской *Книге Мертвых*. Умерший, мужчина или женщина, отождествляется с Осирисом и фактически выступает под этим именем. Тексты начинаются с гимнов восхваления Ра и Осириса, а затем переходят к таинствам распеленания души в подземном мире. В «Главе о наделении даром речи Осириса Н.»^[474] мы читаем: «Я выхожу из яйца в сокровенной стране». Это провозглашение идеи смерти как возрождения. Затем в «Главе об открытии уст Осириса Н.» пробуждающаяся душа

молится: «Да откроет бог Птах мои уста, и да ослабит бог моего города мои бинты и те бинты, что покрывают мои уста». «Глава о дарении Осирису Н. памяти в Подземном Мире» и «Глава о дарении Осирису Н. сердца в Подземном Мире» продвигают процесс возрождения вперед еще на две стадии. Затем начинаются главы об опасностях, с которыми предстоит встретиться и которые придется преодолеть одинокому страннику на его пути к трону страшного судии.

Рис. 19. Осирис, судья мертвых

Книгу Мертвых хоронили вместе с мумией как руководство к преодолению опасностей на этом трудном пути, а ее главы зачитывались во время погребения. На одной из стадий подготовки мумии вырезалось сердце умершего, и на его место помещался базальтовый скарабей в

золотой оправе, символизирующий солнце, при этом произносилась молитва: «Мое сердце, моя мать, мое сердце, моя мать, мое сердце превращений». Это предписывалось «Главой о недопущении того, чтобы сердце Осириса Н. было взято у него в Подземном Мире». Дальше, в «Главе об отражении нападения Крокодила» мы читаем:

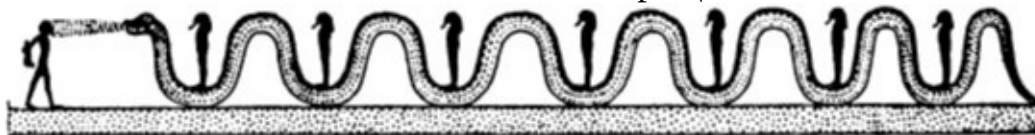
«Уходи обратно, о Крокодил, что живет на западе. Уходи обратно, о Крокодил, что живет на юге. Уходи обратно, о Крокодил, что живет на севере. В моей ладони вещи сотворенные, те же, что еще не появились на свет, — в моем теле. Я облачен и полностью экипирован твоими магическими словами, о Ра, которые в небесах надо мною и в земле подо мною.

Затем следует «Глава об отражении нападения змей», затем «Глава об отражении нападков насекомых». Душа кричит этому демону: «Уйди от меня, о ты, с губами терзающими». В «Главе об отпоре двум богиням Мерти» душа заявляет о своей цели и защищается, объявив себя сыном отца: «Я сияю из ладьи Сектет, я Хор, сын Осириса, и я пришел увидеть своего отца Осириса». В «Главе о дыхании воздухом Подземного Мира» и «Главе об отражении нападения Змеи Ререк в Подземном Мире» герой продолжает двигаться вперед, и затем наступает черед великого признания («Глава о том, как избежать расчленения в Подземном Мире»).

«Мои волосы — это волосы Ну. Мое лицо — это лицо Диска. Мои глаза — это глаза Хатор. Мои уши — это уши Апуат. Мой нос — это нос Кхентикхас. Мои губы — это губы Анпу. Мои зубы — это зубы Сергет. Моя шея — это шея небесной богини Исиды. Мои руки — это руки Ба-неб-Татту. Мои локти — это локти Нейтх, Владычицы Саиса. Мой позвоночник — это позвоночник Сути. Мой фаллос — это фаллос Осириса. Мои чресла — это чресла богов Кхер-аба. Моя грудь — это грудь могучего Бога Ужаса. Нет ни одного члена моего тела, который бы не был членом кого-то из богов. Бог Тот полностью защищает мое тело, и я есть Ра день за днем. Нет той руки, что остановит меня, и никто не остановит моей руки».

Как много позднее в буддийском образе Бодхисатвы в его ореоле присутствуют пятьсот преображенных Будд, каждый в окружении пятисот Бодхисатв, и каждый из них, в свою очередь, в окружении бесчисленных

богов, так и здесь душа приходит ко всей полноте своего достоинства и силы, вобрав в себя богов, которые ранее считались обособленными от нее и вне ее. Это проекции ее собственной сущности; когда она возвращается в свое истинное состояние, все они также возвращаются в нее.

*Рис. 20. Змея Кхети в Подземном Мире, истребляющая огнем врага
Осириса*

В «Главе о вдыхании воздуха и овладении водами Подземного Мира» душа объявляет себя стражем космического яйца: «Хвала тебе, сикомор богини Нут! Даруй мне от воды и от воздуха, что пребывают в тебе. Я занимаю трон, что в Гермополисе, и сторожу и оберегаю яйцо Великой Курицы. Оно растет, я расту, оно живет, я живу, оно вдыхает воздух, я вдыхаю воздух. Я Осирис Н. торжествующий».

Далее следуют «Глава о недопустимости того, чтобы душа человека была отнята у него в Подземном Мире» и «Глава об испитии воды в Подземном Мире и о том, как не обжечься огнем», и после этого мы подходим к великой кульминации — «Главе о рождении днем в Подземном Мире», из которой мы узнаем, что душа и вселенское сущее едины:

«Я — это Вчера, Сегодня и Завтра, и у меня есть силы родиться во второй раз; я — божественная сокрытая Душа, которая создает богов и которая дает загробную пищу обитателям Подземного Мира Аментет и Небес. Я — указующий перст востока, обладатель двух божественных ликов, излучающих божественное сияние. Я — владыка людей, что рождаются, тот, кто выходит из тьмы, чьи формы существования принадлежат дому, в котором смерть. Хвала вам, два ястреба, восседающие на ваших местах и внимающие словам, молвленным тем, кто ведет погребальное шествие к сокровенному месту, кто ведет Ра и кто следует за ним в наивысшее место святилища, что в небесных пределах! Хвала владыке святыни, помещенной в центре земли. Он — это я, и я — это он, и Птах укрыл его небо хрустальным покровом...»

После этого душа может странствовать по вселенной, как ей заблагорассудится, как это показано в «Главе о поднятии ног и выходе на землю», в «Главе о путешествии в Гелиополь и принятии там трона», в

«Главе о человеке, принимающем любой образ, по своему желанию», в «Главе о вхождении в Великий Дом» и в «Главе о вступлении в присутствие божественных верховных принцев Осириса». В главах так называемой Отрицающей Исповеди утверждается моральная чистота человека спасенного: «Я не вершил беззакония... Я не отнимал ничего силой... Я не чинил насилия ни над одним живущим... Я не совершал кражи... Я не убивал ни мужчины ни женщины...» Книга заканчивается восхваляющими обращениями к богам, а затем идут: «Глава о жизни рядом с Ра», «Глава о побуждении человека вернуться назад на землю, чтобы увидеть свой дом», «Глава о придании душе совершенства» и «Глава о плавании в Великой Солнечной Ладье Ра»^[475].

Рис. 21. Двойники Ани и его супруги, пьющие воду в потустороннем мире

2. Конец макрокосма

Как должна раствориться сотворенная форма индивида, так должна раствориться и вся вселенная:

«Когда стало известно, что по истечении ста тысяч лет цикл должен быть возобновлен, боги, зовущиеся Лока бьохас, обитатели неба чувственного наслаждения, разбрелись в беспорядке по миру, волосы их были длинны и развевались на

ветру, они плакали и утирали руками свои слезы, и на них были красные одежды. И они говорили следующее:

«Почтенные, по истечении ста тысяч лет этот цикл должен быть возобновлен; этот мир будет уничтожен; могучий океан высохнет; и эта необозримая земля и Сумеру, монарх гор, все будет сожжено и уничтожено — и разрушение этого мира будет простираться до самого мира Брахмы. Поэтому, почтенные, живите в приязни; живите в сострадании, в радости и бесстрастии; заботьтесь о своих матерях, заботьтесь о своих отцах; и уважайте старших рода своего».

Это называется Циклическим Взрывом»^[476].

Конец мира в версии майя представлен иллюстрацией на последней странице Дрезденского кодекса^[477]. В этом древнем манускрипте записаны периоды обращения планет и основанные на этом расчеты великих космических циклов. Змеиные числа, которые появляются ближе к концу текста (называемые так потому, что включают в своем написании символ змеи), представляют мировые периоды длительностью около тридцати четырех тысяч лет — двенадцати с половиной миллионов дней — и упоминаются снова и снова.

«В пределах этих почти невообразимых периодов, все меньшие единицы времени можно рассматривать как сводящиеся в конечном счете почти к нулю. Что значат несколько десятков лет, в ту или иную сторону, фактически с точки зрения вечности? Наконец, на последней странице манускрипта изображено Крушение Мира, дорога к которому обозначена самыми большими числами. Здесь мы видим дождевую змею, протянувшую свое тело через все небеса и изрыгающую потоки воды. Огромные потоки воды изливаются из солнца и из луны. Старая богиня с когтями тигра и устрашающим ликом, злобная покровительница наводнений и ливней, опрокидывает чашу небесных вод. Платье ее украшают скрещенные кости, страшный символ смерти, а голову ее венчает извивающаяся змея. Под нею изображен с направленным вниз копьём, символизирующим вселенское разрушение, черный бог. На его страшной голове неистовствует с разинутым клювом филин. Здесь действительно в живописной манере изображен последний всепожирающий катаклизм»^[478].

Одна из выразительнейших картин конца света представлена в Эддах древних викингов. Один (Вотан), глава богов, спросил, какой рок ждет его самого и его богов, и вёльва, «Мудрая Женщина», олицетворение самой Матери Мира, Ясной Судьбы, рассказывает ему^[479]:

Братья начнут биться друг с другом,
родичи близкие в распрях погибнут;
тягостно в мире, великий блуд,
век мечей и секир, треснут щиты,
век бурь и волков до гибели мира;
щадить человек человека не станет.

В стране гигантов, Ётунхейм, запоет красный петух; в Валгалле — петух Золотой Гребень; черно-красный петух — у чертога Хель. У горной пещеры, у входа в мир мертвых, откроет свою огромную пасть и залает собака Гарм. Задрожит земля, обрушатся скалы, и будут вырваны с корнем деревья, море нахлынет на землю. Все кандалы тех чудовищ, что были закованы в начале времен, будут сломаны: вырвется на волю волк Фенрир и побежит, нижней челюстью задевая землю, а верхней — упираясь в небеса («он бы раскрыл свою пасть еще шире, если было бы место для этого»); из его глаз и ноздрей будет вырываться огонь. Обвивающая мир Змея космического океана поднимется в страшном гневе и поползет по земле вслед за Волком, изрыгая яд, так что отравит он весь воздух и всю воду. Будет спущен на воду Нагльфар (корабль, построенный из ногтей мертвых), и на нем уплывут гиганты. Другой корабль поплывет с обитателями ада. А с юга будут наступать люди огня.

Когда страж богов пронзительно протрубит в горн, воины, сыны Одина, будут созваны на последнюю битву. Со всех сторон света на поле сражения поспешат боги, гиганты, демоны, карлики и эльфы. Задрожит Иггдрасиль, Мировое древо, и все, что есть на земле и на небе, охватит страх.

Один выступит против Волка, Тор — против Змеи, Тюр — против собаки, самого страшного монстра из всех, а Фрейр — против Сурта, огненного человека. Тор убьет Змею и, отойдя на десять шагов, из-за брызнувшего яда сам упадет замертво на землю. Один будет проглочен Волком, и после этого Видарр, наступив ногой на нижнюю челюсть волка, возьмет его верхнюю челюсть в свою руку и вырвет его глотку. Локи убьет Хеймдалля, и сам будет убит им. Сурт найдет на землю огонь и сожжет

весь мир.

Солнце померкло, земля тонет в море,
Срываются с неба светлые звезды,
Пламя бушует питателя жизни,
Жар нестерпимый до неба доходит.

Гарм лает громко у Гнипахеллира,
Привязь не выдержит — вырвется Жадный...
Многое ведомо, все я провижу
Судьбы могучих славных богов.

А вот видение Апокалипсиса, которое дошло до нас в Евангелии от Матфея:

«Когда же сидел Он на горе Елеонской, то приступили к Нему ученики наедине и спросили: скажи нам, когда это будет? и какой признак Твоего пришествия и кончины века?

Иисус сказал им в ответ: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас; ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: «я Христос», и многих прельстят. Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь; ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец; ибо восстанет народ на народ, и царство на царство, и будут глады, моры и землетрясения по местам; всё же это — начало болезней. Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое; и тогда соблазняются многие; и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга; и многие лжепророки восстанут и прельстят многих; и, по причине умножения беззакония, во многих охладает любовь; претерпевший же до конца спасется. И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец. Итак, когда увидите мерзость запустения, реченную чрез пророка Даниила, стоящую на святом месте, — читающий да разумеет, — тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы; и кто на кровле, тот да не сходит взять что-нибудь из дома своего; и кто на поле, тот да не обращается назад взять одежды свои. Горе же беременным и питающим сосцами в

те дни! Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою, или в субботу; ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет. И если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных сократятся те дни. Тогда, если кто скажет вам: «вот здесь Христос», или «там», — не верьте; ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вот, Я наперед сказал вам. Итак, если скажут вам: «вот, Он в пустыне», — не выходите; «вот, Он в потаенных комнатах», — не верьте; ибо, как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого; ибо, где будет труп, там соберутся орлы. И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются; тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою; и пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их. От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето; так, когда вы увидите все сие, знайте, что близко, при дверях. Истинно говорю вам: не прейдет род сей, как все сие будет; небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут. О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один...»^[480]

Эпилог. Миф и общество

1. Многоликий Протей

Завершенной и непогрешимой системы толкования мифов не существует, да и не может быть. Мифология подобна Протею, древнему богу моря, чьи речи всегда суть истина. Это бог, который

Виды начнет принимать всевозможных существ он, какие
Бродят у нас по земле; и водой и огнем обернется^[481].

В своих жизненных странствиях наш герой, желая что-либо выведать у Протея, должен был ухватить его, в его мнимом облики, и цепко держать, не выпуская, покуда он не явит себя в своей подлинной форме. Но и тогда этот хитрейший из богов никогда не открывал всей глубины своей мудрости, даже самому искусному из вопрошающих. Он отвечал лишь прямо на поставленный ему вопрос, и то, что он открывал, в равной мере могло быть и многозначным, и пустячным, в зависимости от заданного вопроса..

Только приблизится солнце к середине широкого неба,
Вдруг средь кипения черной воды, при подувшем зефире,
Правду знающий старец морской из пучины выходит.
Выйдя из волн зашумевших, ложится он в полую яму.
Тут же тюлени, потомки прекраснейшей дочери моря,
Стаями спят вокруг него, седые покинув волны,
Острый смрад издавая глубоко с пучинного моря^[482].

Греческий царь-воитель Менелай, которому Протеева дочь помогла найти дорогу к уединенному логову древнего отца морей и научила, как добиться от него ответа, хотел лишь узнать тайну собственного рока и отыскать своих друзей. И бог дал ему ответ.

Мифология интерпретировалась в современном сознании как примитивная, неумелая попытка объяснить мир природы (Фрэзер); как продукт поэтической фантазии доисторических времен, неправильно понятый последующими поколениями (Мюллер); как хранилище аллегорических наставлений, направленных на адаптацию индивида к

сообществу (Дюркгейм); как групповая фантазия, симптоматичная для архетипных побуждений, скрытых в глубинах человеческой психики (Юнг); как средство передачи глубочайших метафизических представлений человека (Кумарасвами); и, наконец, как откровение Бога детям Его (церковь). Мифология, собственно, и есть все это вместе взятое. Суждения же о ней зависят от того, кто выступает в качестве судей. Ибо, если рассматривать ее не с точки зрения того, что она представляет собой, а с точки зрения ее воздействия на умы, задавшись вопросом, что она значила для человечества в прошлом и что может значить сегодня, оказывается, что мифология в той же мере, что и сама жизнь, ответственна за все упования индивида, народа, эпохи, за все, чем они одержимы.

2. Функции мифа, культа и медитации

В своих жизненных проявлениях индивид неизбежно только частично и искаженно представляет целостный образ человека. Он ограничен уже тем, что является либо мужчиной, либо женщиной; в каждый момент своей жизни он ограничен, опять же, будучи ребенком, юношей, взрослым или же старцем; кроме того, в своих жизненных ролях он по необходимости специализируется как торговец, ремесленник, вор или слуга, вождь или священник, мать, жена, монахиня, проститутка; он не может быть всем одновременно. Поэтому целостность — полнота человека — заключена отнюдь не в отдельном лице, а в обществе как едином целом; индивид может быть только членом его, органом. От общества, к которому он принадлежит, он получает свой образ жизни, язык, на котором он думает, идеи, которыми он живет; из прошлого этого общества исходят те гены, что создали его тело. Осмелившись отделиться — в действиях, в помыслах или чувствах, — он всего лишь прекращает связь с источниками своего существования.

Родовые обряды, связанные с рождением, инициацией, браком, погребением, возведением в сан и так далее, и тому подобное, — все это призвано служить для перевода смысла переломных моментов в жизни и деяниях индивида на язык классических, безличных форм. В них он открывается для самого себя не как конкретная личность, а как воин, невеста, вдова, священнослужитель, вождь; и в то же время они призваны воскресить в памяти остального сообщества старые уроки архетипических стадий. Все участвуют в церемониале соответственно своему рангу и функциям. Все общество зримо для самого себя предстает как непреходящее живое единство. Поколения индивидов уходят как анонимные клетки некоего живого тела; но основополагающая, неподвластная времени форма остается. Выходя за рамки индивидуального видения в поле зрения сверхличностного, человек обнаруживает в себе новые силы, обогащается, находит опору и возрастает. Его обычная роль, пусть скромная, является неотъемлемой частью прекрасного торжествующего образа человека — образа, который потенциально в нем есть, но подавляется.

Уставы общественного долга переводят уроки празднества в русло нормального, повседневного существования, служа постоянной опорой для индивида. И наоборот, отрешенность, бунт — или изгнание — разрушают

животворные связи. С точки зрения единства социума, такой отверженный индивид — просто ничто, сущая потеря. Тогда как человек, который может честно сказать, что он сыграл свою жизненную роль — священника ли, проститутки, королевы или раба, — *есть* некто в полном смысле слова *быть*.

Обряды инициации и возведения в сан преподают урок сущностного единства индивида и общности; более широкий горизонт открывают календарные празднества. Подобно тому как индивид является органом общества, так род, племя, город — равно как и все человечество — являются лишь фазами могучего космического организма.

Сезонные празднества так называемых примитивных народов обычно представляются как попытки управлять природой. Такое представление ошибочно. В каждом действии человека присутствует что-то от желания управлять, особенно же в тех магических обрядах, которые, как считалось, вызывают дождь, исцеляют болезнь или предотвращают наводнение; и тем не менее во всех подлинно религиозных обрядах (в противоположность ритуалам черной магии) доминирующим мотивом является подчинение неотвратимости судьбы — и в сезонных празднествах этот мотив особенно очевиден.

Насколько известно, нет ни одного племенного обряда, который был бы направлен на то, чтобы отвратить, скажем, приход зимы; напротив, все обряды готовят общину к тому, чтобы вместе со всей природой пережить этот страшный сезон холодов. И весенние обряды отнюдь не пытаются заставить природу немедленно родить хлеб и плоды для изголодавшего племени; напротив, в этих обрядах всем миром готовятся к обычным сезонным работам. Здесь празднуют, отмечают и представляют само чудо годового цикла, с его радостями и тяготами, как продолжающееся в жизненном круге человеческого сообщества.

Множество других символов непрерывности природного бытия заполняют мир сообщества, живущего в мифологических координатах. Например, кланы американских^[483] охотничьих племен обыкновенно считали себя потомками единого предка — полуживотного, получеловека. Это предки, породившие не только людей данного клана, но также животных, именем которых называется клан; так, люди клана бобра считались прямыми потомками бобров, были защитниками этих животных и, в свою очередь, сами были защищены животной мудростью своей лесной родни. Или другой пример: *хоган*, или мазаная глиной хижина, у индейцев навахо в Нью-Мексико и Аризоне, которая строилась на основании их представлений о строении космоса. Вход в жилище был

обращен на восток. Восемь сторон хижины соответствовали четырем сторонам света и промежуточным направлениям. Каждая линия и пересечение соответствовали элементам великого и всеобъемлющего хогана земли и неба. И так как душа самого человека считалась тождественной по своей форме со всей вселенной, глиняная хижина являла собой образ изначальной гармонии человека и мира и напоминание о сокровенном жизненном пути к совершенству.

Но есть и другой путь — диаметрально противоположный пути общественного долга и народной религии. С точки зрения приверженности долгу любой изгнанник есть ничто. С другой же точки зрения, однако, это изгнание есть первый шаг на пути исканий. Каждый несет в себе все; поэтому это могут быть внутренние искания. Различия пола, возраста или призвания отнюдь не сущностные характеристики человека; это всего лишь маски, которые мы временно носим на сцене мира. Образ человека, сокрытый в нем, не следует путать с его одеждами. Мы считаем себя американцами, гражданами XX века, жителями Запада, цивилизованными христианами. Мы или добродетельны, или грешны. Однако подобные определения не говорят нам, что значит быть человеком, они отмечают лишь случайные обстоятельства времени и места рождения или статьи дохода. Что же в нас главное? Каков фундаментальный характер нашего бытия?

Аскетизм средневековых святых и индийских йогов, эллинистические мистерии инициации, древние философии Востока и Запада — все это способы смещения внимания индивидуального сознания вглубь от его поверхностных облачений. Все предварительные медитации взыскующего увлекают его ум и чувства от внешних случайностей жизни, обращая его к глубинам. «Я не есть это и не есть то, — размышляет он, — не моя мать и не сын, только что умерший; не мое тело, болезненное и стареющее; не моя рука, не глаз, не голова; не совокупность всех этих вещей. Я — не мое чувство; не мой разум; не моя интуиция». Через такие размышления он проникает в свои глубины и наконец прорывается в бездонный предел осознания. После подобных экзерсисов ни один человек уже не может всерьез считать себя таким-то и таким-то из такого-то и такого-то города. Общество и общественный долг уходят на задний план. Мистер такой-то и такой-то, открыв в себе величие человека, погружается в себя и свою отрешенность.

Это стадия Нарцисса, глядящего в воду, Будды, погруженного в созерцание в точке покоя, но это еще не конечная цель; необходимый шаг, но не последний. Цель — не *увидеть*, а осознать, что ты и *есть* эта

сущность; и в этой своей сущности человек обретает свободу странствовать по миру. Более того, сам мир имеет такую сущность. Сущность человека и сущность мира едины. Поэтому нет больше необходимости ни в отрешенности, ни в уходе из мира. Куда бы ни лежал путь героя, что бы он ни избрал своим поприщем, он будет неизменно ощущать это присутствие как свою сущность, ибо тем самым он обретает способность видения. Это означает конец одиночества. Как приобщение к социуму приводит к осознанию Всего сущего в себе самом, так и изгнание приводит героя к осознанию Самости во всем сущем.

Фокусируясь в этой точке, вопрос об эгоизме и альтруизме перестает существовать. Индивид теряет себя в этом правиле и возрождается в тождестве со вселенной. Для Него и через Него создан мир. «О Магомет, — сказал Бог, — если бы не было тебя, Я не сотворил бы небо».

3. Герой нашего времени

Все это, однако, слишком далеко от современности, ибо демократический идеал самоопределения индивида, изобретение самодвижущейся машины и развитие научных методов исследования настолько преобразовали всю жизнь человека, что наше многовековое наследие, весь неподвластный времени универсум символов терпит крушение. Как говорил ницшевский Заратустра, «все боги умерли»^[484]. Старая история, рассказанная в тысячах вариаций. Это героический цикл нашего времени, сказка о вступлении человечества в пору зрелости. Чары прошлого, рабство традиции — все это было сокрушено решительным и мощным ударом. Пелена мифических грез развеялась, разум открыт для полного пробуждения сознания; современный человек возник из невежества былого, подобно бабочке, появляющейся из кокона, или же солнцу, выходящему на рассвете из утробы матери-ночи.

И дело не просто в том, что не осталось ни одного потаенного места, куда бы не проникало всевидящее око телескопов и микроскопов; нет больше того общества, которое было некогда учреждено богами. Социальная единица не является более носителем религиозного содержания, но представляет собой часть политико-экономической организации. Ее идеалы не являются более выражением смысла некоего культового представления, которое делает видимыми небесные формы, но есть выражение мирских устоев, отмеченных многотрудной и беспощадной борьбой за материальные ресурсы и превосходство. Изолированное общество, покоящееся в пределах мифологических горизонтов, более не может существовать, разве что как территория, подлежащая разработке. В самих же прогрессивных общественных системах все, что еще сохранилось от наследия древнего человека в области религии, морали, искусств, переживает полный упадок.

Таким образом, проблема, стоящая перед человечеством сегодня, совершенно противоположна всему, чем жили люди сравнительно стабильных эпох, к которым относятся великие мифологии, столь согласующиеся между собой и ныне известные лишь как заблуждения. Тогда весь смысл сводился к группе, к великим анонимным формам — отнюдь не к самовыражению индивида, теперь же нет никакого смысла ни в группе, ни в чем бы то ни было вообще, кроме самого индивида все — в индивиде. Но это совершенно бессознательный смысл. Человек не ведает,

куда он идет. Он не ведает, что им движет. Связующие нити между сознанием и бессознательным в человеческой психике были разорваны, и сами мы разрываемся на части.

Героическое деяние, ждущее своего свершения, сегодня уже не то, что во времена Галилея. То, что было тьмой, обернулось светом, но и свет обернулся тьмой. Героическое деяние нашего времени должно состоять в вопрошании, дабы снова извлечь на свет божий забытых Атлантов, соразмерных герою по духу.

Вполне очевидно, что осуществление этой работы духа не означает ни возвращения назад, ни отказа от революционных завоеваний современности, проблема только в том и состоит, чтобы наделить современный мир духовной значимостью, или, скорее (если выразить тот же принцип иными словами), в том только и состоит, чтобы сделать возможным для каждого человека достижение всей полноты человеческой зрелости в условиях современной жизни. Уже сами по себе эти условия таковы, что формулы древних истин либо уже недействительны, либо невняты, либо попросту пагубны для нашего сознания. Сегодняшнее сообщество — это планета, а отнюдь не нация в своих собственных границах; поэтому схемы, задающие проецирование агрессии вовне, служившие ранее для консолидации группы, ныне способны лишь сеять раздор. Национальная идея, с государственным флагом в качестве тотема, сегодня способна служить лишь возвеличиванию младенческого эго, а вовсе не разрешению инфантильной ситуации. Ее пародийные ритуалы парадов на площадях служат целям своекорыстного тирана, дракона, а вовсе не Бога, в котором самодостаточность превращается в ничто. А многочисленные святые этого антикульта — а именно патриоты, чьи повсеместно распространенные фотографии под стягами используются как официальные образы — есть не что иное, как местные стражи порогов (наш демон Липкие Волосы), победить которых — первейшая задача героя.

И ни одна из великих мировых религий неспособна, как уже стало ясно, ответить на этот вызов. Поскольку все они нерасторжимо связаны с самими основаниями раздора, будучи инструментами пропаганды и самовосхваления. (Даже буддизм в последнее время претерпевает деградацию, усваивая уроки Запада.) Вселенский триумф секуляризированного государства отбросил все религиозные организации на такие определенно вторичные и, в конечном счете, недееспособные позиции, что церковное действо представляет собой сегодня не более чем ханжескую церемонию по воскресеньям, в то время как на всю оставшуюся неделю остается лишь деловая этика и патриотизм. Подобная притворная

святость — отнюдь не то, в чем нуждается мир сегодня; необходима, скорее, трансформация всего социального порядка, с тем чтобы в каждой детали, в каждом акте нашего мирского бытия проступили черты животворного образа вселенского бого-человека и были осознаны как нечто реально присущее каждому из нас и действительно значимое.

Наше сознание само по себе не может решить эту задачу. Сознание не способно изобрести или даже предсказать какой-либо действенный символ, как и предугадать или контролировать ночные сновидения. Все это происходит на другом уровне, через неизбежно долгий и довольно пугающий процесс, причем не только в глубинах каждой живой души в необозримых пределах современного мира, но и на полях сражений, где разворачивается битва титанов, в которую сегодня вовлечена вся наша планета. Мы наблюдаем чудовищное столкновение Симплегад, между которыми должна пройти душа, — не отождествляя себя ни с одной из сторон.

Но одно мы можем сказать уже сейчас, а именно — что с появлением новых символов, когда они обретут зримый образ, в разных концах света они будут в чем-то разниться; все жизненные реалии — региональные, расовые, культурные особенности — все это должны соединить в себе новые жизнеспособные символические формы. Поэтому человеку важно понять и суметь увидеть за разнообразием символов откровение об одном и том же спасении. «Истина одна, — читаем мы в Ведах, — ...мудрецы называют ее многими именами». Одна единая песня множится в модуляциях совокупного хора человеческих голосов. Пропаганда того или иного из локальных решений проблемы — излишне расточительная и даже опасная затея. Стать человеком — значит научиться распознавать черты Бога во всем удивительном многообразии человеческих лиц.

Это, наконец, дает нам подсказку, на что же должно быть нацелено героическое свершение наших дней, и раскрывает действительные причины распада всех унаследованных нами религиозных доктрин. Центр тяжести, если можно так выразиться, в мире тайн и опасностей определенно сместился. Для живших охотой примитивных народов тех далеких тысячелетий, когда саблезубый тигр, мамонт или любой другой, пусть даже помельче, представитель животного царства был первейшим воплощением чужеродности как таковой, — одновременно и источником опасности, и пищей насущной, — главной общечеловеческой проблемой были психологические узы приобщения к дикости этих существ. Бессознательная идентификация, трансформируясь в формы сознания, получала воплощение в фигуре мифического тотемного предка —

получеловека, полуживотного. Животные становились учителями человечности. В актах буквальной имитации, — вроде тех, что сегодня можно увидеть разве что на детских площадках (или же в сумасшедшем доме), — происходило действительное разрушение человеческого эго и благодаря этому достигалась согласованность и связность общественной организации. Подобным же образом племена, живущие растительной пищей, соотносили себя с растением; будучи представлены в ритуалах, сев и сбор урожая идентифицировались с человеческим воспроизводством, рождением человека, достижением зрелости. Однако и растительный, и животный мир в конечном итоге могли быть контролируемы обществом. Затем великое поле поучительного чуда переместилось выше — на небеса, и все человечество было вовлечено в качестве действующих лиц в пантомиму священного лунного или солнечного правителя, в сакральное мировое государство, в символические празднества высших сфер, определяющих мироустройство.

Сегодня все эти мистерии утратили свою значимость; их символика уже не представляет никакого интереса для нашей психики. Идея космического закона, которому служит все существующее и должен повиноваться человек, давно уже прошла все предварительные мистические стадии, представленные в древней астрологии, и ныне просто принимается, конечно же, с механистической точки зрения, как нечто само собой разумеющееся. Когда западная наука спустилась с небес на землю (от астрономии XVII века к биологии века XIX-го) и наконец сосредоточила свое внимание на самом человеке (в антропологии и психологии XX века), тем самым обозначилось колоссальное смещение фокуса человеческого благоговения. Ни животный мир, ни растительное царство, ни тайны небесных сфер, а человек как таковой являет собой сегодня главную тайну. Человек и есть то чужеродное присутствие, с которым (и через которое) силы эгоцентризма должны прийти к своему пределу, через него эго будет распято, чтобы воскреснуть, в его образе общество должно претерпеть преобразование. Человек, понимаемый, однако, не как «Я», но как «Ты»: ибо никакие идеалы и временные институты племени, расы, континента, социального класса, даже эпохи — не могут быть мерилем неистощимого и чудесного в своем многообразии божественного существования, определяющего жизнь в каждом из нас.

Герой современности, сегодняшний индивид, — отважившийся, внемля зову, искать обитель того сущего, с которым должна свершиться наша общая судьба как искупление, — не может и не должен ждать, пока его сообщество отрешится от своей удручающей гордыни, страхов,

рассудительной скупости и санкционированных свыше ханжеских заблуждений. Каждый из нас проходит высшее испытание — несет крест спасителя, — и не в яркие моменты великих побед своего племени, но в тишине своего ни с кем не разделенного отчаяния.

Список иллюстраций

[Илл. I. Укротитель Чудовищ \(Шумер\)](#). Мозаика из раковин (предположительно, инкрустация арфы) из царской гробницы в Уре. Центральная фигура, очевидно, представляет Гильгамеша. (Любезно предоставлено музеем Филадельфийского университета.)

[Илл. II. Пленный Единорог \(Франция\)](#). Фрагмент гобелена «Охота на Единорога», изготовленного, предположительно, по заказу Франциска I Французского, ок. 1514 г. (Любезно предоставлено Музеем искусств Метрополитен, Нью-Йорк.)

[Илл. III. Мать богов \(Нигерия\)](#). Одудуа, держащая на коленях младенца Огуна, Бога войны и железа. Пес посвящен Огуну. Служитель в образе человека бьет в барабан. Раскрашенное дерево. (Музей Хорнимана, Лондон. Фото: М. Е. Sadler, *Arts of West Africa*, International Institute of African Languages and Culture, Oxford Press, London, 1935.)

[Илл. IV. Бог в военном облачении \(Бали\)](#). Кришна в своем устрашающем воплощении. Цветная деревянная статуя. (Фото: С. М. Pleyte, *Indonesian Art*, The Hague, 1901.)

[Илл. V. Богиня Сехмет \(Египет\)](#). Диоритовая статуя. Новое царство. Карнак. (Любезно предоставлено Музеем искусств Метрополитен, Нью-Йорк.)

[Илл. VI. Медуза \(Древний Рим\)](#). Мрамор, барельеф; Дворец Ронданини, Рим. Датировка сомнительна. (Коллекция Глиптотеки, Мюнхен. Фото: Н. Brunn, F. Bruckmann, *Denkmäler griechischer und römischer Skulptur*, Verlagsanstalt für Kunst und Wissenschaft, Munich, 1880–1932.)

[Илл. VII. Колдун. Пещерный рисунок времен палеолита \(Французские Пиренеи\)](#). Самое раннее из известных изображений колдуна, ок. X тыс. до н. э. Наскальный рисунок черной краской; пещера «Трех братьев», Арьеж, Франция. (Фото графа Бегуена, исследователя наскальной живописи.)

[Илл. VIII. Плачущий Вселенский Отец, Виракоча \(Аргентина\)](#). Плита, обнаруженная в районе Андальгала (Катамарка, Аргентина); предположительно идентифицируется как изображение божества Виракочи, принадлежавшего к культуре, предшествовавшей инкам. Голову Виракочи венчает солнечный диск, в руках — молнии, из глаз струятся слезы, на плечах — Имаймана и Такапу, сыновья и вестники Виракочи, в облике животных. (Фото: *Proceedings of the International Congress of Americans*. Vol. XII, Paris, 1902.)

Илл. IX. Шива, Бог Космического танца (Южная Индия). Бронза, X–XII в. н. э. (Музей в Мадрасе. Фото: A. Rodin, A. Coomaraswamy, E. B. Havell, V. Goloubey, *Sculptures Civaïtes de l'Inde*, Ars Asiatica III, Brussels and Paris, 1921.)

Илл. X. Двупольный предок (Судан). Резьба по дереву. Обнаружено в районе Бандьягара (Французский Судан). (Коллекция Лауры Харден. Фото У. Эванса. Любезно предоставлено Музеем современных искусств, Нью-Йорк.)

Илл. XI. Бодхисатва (Китай). Гуан Инь. Роспись по дереву. Поздняя династия Сун (960–1279). (Любезно предоставлено Музеем искусств Метрополитен, Нью-Йорк.)

Илл. XII. Бодхисатва (Тибет). Бодхисатва-Ушнишаситатапатра, окруженный Буддами и Бодхисатвами. Сто семнадцать голов символизируют его присутствие в разных сферах бытия. В левой руке — Ось Мира, в правой — Колесо Закона. Под ногами — люди мира, молящие о Просветлении (под «ступнями благословения») и пребывающие во власти вожделения, вражды и иллюзий (под «ступнями гнева»). Солнце и луна символизируют чудо священного брака, или идентичности, вечности и времени, нирваны и мира (см. выше: Часть I, Глава II, § 5). Ламы в верхней и центральной части рисунка олицетворяют ортодоксальный путь тибетских гуру. (Любезно предоставлено Американским музеем естественной истории, Нью-Йорк.)

Илл. XIII. Ветвь вечной жизни (Ассирия). Крылатое существо, несущее ветвь гранатового дерева. Гипс; дворец ассирийского царя Ашурнасирапала II (885–860 г. до н. э.), Калу (Нимруд). (Любезно предоставлено Музеем искусств Метрополитен, Нью-Йорк.)

Илл. XIV. Бодхисатва (Камбоджа). Фрагмент, обнаруженный при раскопках развалин Ангкора (XII в. до н. э.). Фигура Будды, венчающая голову Бодхисатвы, является его отличительной особенностью (ср. илл. X и XI). (Музей Гиме, Париж. Фото: *Angkor*, ed. «Tel,» Paris, 1935.)

Илл. XV. Возвращение (Древний Рим). Мраморный барельеф, найденный в 1887 г. на территории, некогда примыкавшей к Вилле Лодовико. (Музей Терме, Рим. Фото: *Antike Denkmäler*, heraus. vom Kaiserlich Deutschen Archaeologischen Institut, Berlin, Vol. II, 1908.)

Илл. XVI. Космическая Львица-Богиня, несущая Солнце (Северная Индия). Из манускрипта XVIII в., Дели. (Любезно предоставлено Библиотекой П. Моргана, Нью-Йорк.)

Илл. XVII. Источник жизни (Фландрия). Центральная панель триптиха Жана Бельгамба, ок. 1520 г. Женская фигура справа — Надежда;

слева — Любовь. (Любезно предоставлено Пале де Бо-Арс, Лиль.)

[Илл. XVIII. Лунный царь и его подданные \(Южная Родезия\).](#) Доисторический наскальный рисунок (Дайана Воу Фарм, Русапи, Южная Родезия). Предположительно связано с легендой о Мвуетси, Лунном человеке. В поднятой правой руке — рог нгона. Открывший этот рисунок Л. Фробениус датирует его приibl. 1500 г. до н. э.

[Илл. XIX. Мать богов \(Мексика\).](#) Иксциуна, рождающая божество. Статуэтка из полудрагоценного камня. (Фото любезно предоставлено Музеем естественной истории, Нью-Йорк.)

[Илл. XX. Тангароа, порождающий богов и людей \(Австралия\).](#) Резьба по дереву, относящаяся к полинезийской культуре (архипелаг Тубуаи, остров Руруту). (Любезно предоставлено Британским Музеем.)

[Илл. XXI. Чудовище Хаоса и Бог Солнца \(Ассирия\).](#) Гипс, дворец ассирийского царя Ашурбанипала II (885–860 г. до н. э.), Калу (Нимруд). В качестве бога здесь, очевидно, выступает Ашур как верховное божество. (Ориг. фото: А. Н. Layard, *Monuments of the Nineveh*, Second Series, London, 1853; сам гипсовый фрагмент сейчас находится в Британском Музее.)

[Илл. XXII. Юный бог мауса \(Гондурас\).](#) Фрагмент, выполненный в известняке (древний город майя Копан). (Любезно предоставлено Американским музеем естественной истории, Нью-Йорк.)

[Илл. XXIII. Колесница Луны. \(Камбоджа\).](#) Барельеф в Ангкоре, ок. XII в. н. э. (Фото: *Angkor*, ed. «Tel», Paris, 1935.)

[Илл. XXIV. Осень \(Аляска\).](#) Танцевальная маска эскимосов. Раскрашенное дерево. Район реки Кускоквим, юго-запад Аляски. (Любезно предоставлено Культурным фондом американских индейцев, Нью-Йорк.)

[Рис. 1. Силены и Менады.](#) Черно-белый рисунок на амфоре, ок. 450–500 г. до н. э., найденной в захоронении (Гела, Сицилия). (*Monumenti Antichi*, pubblicati per cura della Reale Accademia dei Lincei, Vol. XVII, Milan, 1907, Pl. XXXVII.)

[Рис. 2. Минотавромахия.](#) Античный сосуд, рисунок в красном цвете, V в. до н. э. Тесей, убивающий Минотавра мечом; письменные источники представляют героя, убивающего чудовище в рукопашной схватке. (Collection de vases grecs de M. le Comte Lamberg, expl. et publ. par A. de la Bord, Paris, 1813, Pl. XXX.)

[Рис. 3. Осирис в образе быка переносит своего почитателя в потусторонний мир.](#) Египетская гробница, Британский Музей. (Е. А. W. Budge, *Osiris and the Egyptian Resurrection*, London, New York, 1911, Vol. 1, p. 13.)

[Рис. 4. Одиссей и сирены.](#) Полихромная роспись по белому фону,

лекиф, V в. до н. э. (Центральный музей, Афины). (E. Sellers, «Three Attic Lekythos from Eretria», *Journal of Hellenic Studies*, Vol. XIII, 1892, Pl. I.)

Рис. 5. Поездка по ночному морю. Иосиф в колоде. Погребение Христа. Иона и Кит. Страница из германского издания XV в. (*Biblia Pauperum*, 1471), изображающая ветхозаветные предзнаменования явления Христа. (Издание Weimar Gessellschaft der Bibliophilen, 1906.)

Рис. 6. Исида в образе ястреба соединяется с Осирисом в потустороннем мире. Подразумевается момент зачатия Гора, в будущем — одного из действующих лиц акта воскрешения его отца. Из барельефов на стенах храма Осириса (Дендера), посвященных ежегодным мистериям в честь бога Осириса. (E. A. W. Budge, *Osiris and the Egyptian Resurrection*, Vol. II, p. 28.)

Рис. 7. Исида, дающая душе хлеб и воду. (*Ibid.*, p. 134.)

Рис. 8. Укрощение чудовища. Давид и Голиаф. Муки Ада. Самсон и Лев. (*Biblia Pauperum*.)

Рис. 9а. Сестра Медузы Горгоны преследует Персея, убегающего с головой Медузы. Согласно письменным источникам, герой скрывается, становясь невидимым. Роспись по амфоре в красном цвете, V в. до н. э. (Коллекция антиквариата, Мюнхен). (A. Furtwangler, F. Hauser, K. Reichhold, *Griechische Vasenmalerei*, Munich, 1904–1932, Pl. 134.)

Рис. 9б. Персей, убегающий с головой Медузы Горгоны. Изображение на обратной стороне той же амфоры. (*Ibid.*)

Рис. 10. Воскрешение Осириса. Бог выходит из яйца, Исида (ястреб) защищает его крыльями. Гор, зачатый в священном браке (рис. 6), держит перед лицом отца крест анкх — символ жизни. Барельеф (Филе). (E. A. W. Budge, *Osiris and the Egyptian Resurrection*, Vol. II, p. 58.)

Рис. 11. Возвращение героя. Самсон, несущий притвор храма. Воскресение Христа. Иона. (*Biblia Pauperum*.)

Рис. 12. Возвращение Ясона. Эта версия путешествия Ясона в письменной традиции не представлена. «В росписи вазы художник, очевидно, представил в несколько непривычном виде идею рождения героя из драконова семени» (J. Harrison, *Themis, A Study of the Social Origins of Greek Religion*, Cambridge University Press, 1927, p. 435). (Изображение на вазе из Этрусской коллекции Ватикана. Фото Д. Андерсона, Рим.)

Рис. 13. Схема творения мира. Космическое яйцо (в нижней части рисунка) и первые люди (в верхней части рисунка), придающие форму миру. (K. P. Emory, *The Tuamotuan Creation Charts by Paioe*, *Journal of the Polynesian Society*, Vol. 48, No. 1, p. 3.)

Рис. 14. Отделение Неба от Земли. Изображение, характерное для

египетских гробниц и папирусов. Бог Шу-Хека разделяет Нут и Геба. Так изображался один из моментов сотворения мира. (W. M. Müller, *Egyptian Mythology*, The Mythology of All Races, Vol. XII, Boston, 1918, p. 44.)

Рис. 15. Хнум, который лепит сына фараона на гончарном круге, и Том, отмеряющий его земной век. Папирус периода Птолемеев. (E. A. W. Budge, *The Gods of the Egyptians*, London, 1904, Vol. II, p. 50.)

Рис. 16. Нут (Небо), порождающая Солнце, чьи лучи падают на голову Хатхор (Любовь и Жизнь). Шар во рту у Нут символизирует заходящее солнце, которое будет вскоре проглочено ею, чтобы вновь родиться с восходом. (*Ibid.*, Vol. I, p. 101.)

Рис. 17. Петроглиф времен палеолита (Алжир). Обнаружено среди следов палеолитической стоянки вблизи Тиута. Животное из семейства кошачьих между охотником и страусом, по всей вероятности, является прирученной охотничьей пантерой, рогатое животное рядом с матерью охотника — одомашненное животное на пастбище. (L. Frobenius, H. Obermaier, *Hádschra Máktuba*, Munich, 1925, Vol. II, Pl. 78.)

Рис. 18. Царь Тен (Египет, Первая Династия, ок. 3200 г. до н. э.), разбивающий голову пленнику. Пластинка из слоновой кости (Абидос). «Характерная деталь — фигура шакала позади пленника, символизирующая бога (Анубиса или Апуат), что означает жертвоприношение этому богу из рук фараона». (E. A. W. Budge, *Osiris and the Egyptian Resurrection*, Vol. I, pp. 97, 207.)

Рис. 19. Осирис, судья мертвых. Позади фигуры Осириса изображены Исида и Нефти. Перед ним на цветке (лотос или лилия) изображены его внуки, сыновья Гора. Ниже изображено озеро священных вод, божественный исток Нила на Земле (предельное начало которого — на небесах). Папирус Хунефера. (E. A. W. Budge, *Osiris and the Egyptian Resurrection*, Vol. I, p. 20.)

Рис. 20. Змея Кхети в Подземном Мире, истребляющая огнем врага Осириса. Фрагмент, изображающий момент прохождения Солнечной Ладьи через Подземный Мир в восьмой час ночи. Из так называемой «Книги Пирамид». (E. A. W. Budge, *The Gods of the Egyptians*, Vol. I, p. 193.)

Рис. 21. Двойники Ани и его супруги, пьющие воду в потустороннем мире. Из «Папируса Ани». (E. A. W. Budge, *Osiris and the Egyptian Resurrection*, Vol. II, p. 130.)

Примечания

В. Тэрнер, *Символ и ритуал*, М., 1983, с. 18.

В. Н. Топоров, *Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках (О ритуалах. Введение в проблематику)*, М., 1988, с. 15.

В. Я. Пропп, *Исторические корни волшебной сказки*, Л., 1986.

К. Г. Юнг, *Аюн*, М.; К., 1997, с. 15.

Там же.

Зигмунд Фрейд, *Будущее одной иллюзии* (М.: Ренессанс, 1992), с. 54–55.

Ригведа, 1. 164. 46.

Clement Wood, *Dreams: Their Meaning and Practical Application* (New York: Greenberg Publisher, 1931), p. 124. Автор сообщает (с. VIII): «Материал сновидений, представленный в этой книге, взят мною более чем из тысячи сновидений, присылаемых мне каждую неделю для анализа, в связи с моей постоянной рубрикой, которая появляется в ежедневных газетах страны. Он был дополнен сновидениями, анализ которых я проводил в ходе своей частной практики». В противоположность большинству сновидений, представленных в классических работах на эту тему, сновидения в этом популярном введении к учению Фрейда принадлежат обычным, не проходящим курс психоанализа людям. Они необыкновенно оригинальны.

Géza Róheim, *The Origin and Function of Culture* (Nervous and Mental Disease Monographs, No. 69, New York, 1943), pp. 17–25.

D. T. Burlingham, *Die Einfühlung des Kleinkindes in die Mutter*, Imago, XXI, p. 429; цит. по изд.: Róheim, *War, Crime and the Covenant* (Journal of Clinical Psychopathology, Monograph Series, No. 1, Monticello, N. Y., 1945), p. 1.

Róheim, *War, Crime and Covenant*, p. 3.

Зигмунд Фрейд, *Толкование сновидений* (М.: ООО «Фирма СТД», 2004), с. 275. Перевод А. Боковой.

Отмечалось также, что отец может восприниматься как защитник, а мать — как искушительница. Это путь от Эдипа к Гамлету. «О боже, я бы мог замкнуться в ореховой скорлупе и считать себя царем бесконечного пространства, если бы мне не снились дурные сны!» (*Гамлет*, II, 2. Перевод М. Лозинского). «Каждый невротик, — пишет Фрейд, — сам был Эдипом или... стал Гамлетом» (Зигмунд Фрейд, *Лекции по введению в психоанализ и Новый цикл* (М.: ООО «Фирма СТД», 2006), с. 319. Перевод М. Вульфа, Н. Альмаева).

Что же касается дочерей (немного более сложный случай), то здесь ситуацию в нашем кратком изложении достаточно описать следующим коротким отрывком: «Прошлой ночью мне приснилось, что мой отец вонзил нож в сердце моей матери. Она умерла. Я знала, что никто не винил его за содеянное, хотя я горько плакала. Затем сон несколько изменился. Мы с отцом отправились в путешествие, я была очень счастлива». Это сновидение незамужней молодой женщины двадцати четырех лет (Wood, *op. cit.*, p. 130).

Зигмунд Фрейд, *Сексуальная жизнь* (М.: ООО Фирма СТД», 2006), с. 134. Перевод А. Боковой.

Софокл, *Царь Эдип*, 956–958. Перевод С. Шервинского.

Wood, *op. cit.*, pp. 92–93.

Такие церемонии, как обряды рождения и погребения, значительное влияние, конечно же, оказывают на родителей и родственников. Все обряды перехода нацелены на то, чтобы затронуть не только совершающего переход, но и каждого из его окружения.

A. van Gennep, *Les rites de passage* (Paris, 1909).

Géza Róheim, *The Eternal Ones of the Dream* (New York: International Universities Press, 1945), p. 178.

К. Г. Юнг, *Либи́до, его метаморфозы и символы*, СПб., 1994.

Harold Peak and Herbert John Fleure, *The Way of the Sea and Merchant Venturers in Bronze* (Yale University Press, 1929 and 1931).

Leo Frobenius, *Das unbekannte Afrika* (Munich: Oskar Beck, 1923), pp. 10–11.

Овидий, *Метаморфозы*, VIII, 132 ff.; IX, 736 ff.

T. S. Eliot, *The West Land* (New York: Brace and Company; London: Faber and Faber, 1922), pp. 340–345.

А. Дж. Тойнби, *Постижение истории. Избранное*, с. 372-373. Перевод
Е. Жаркова.

«Формы или образы коллективного характера, которые встречаются практически по всему миру как составные элементы мифов и в то же самое время как автохтонные индивидуальные продукты деятельности бессознательного» (К. Г. Юнг, *Психология религии* (Избранные работы, СПб.: Издательство РХГА), 2014. Перевод А. Руткевича). См. также его работу *Психологические типы*.

Как отмечает Юнг (*Психология религии*), теория архетипов ни в коей мере не является его собственным изобретением.

См., например, Ницше: «Итак, во сне и его грезах мы снова проходим урок прежнего человечества... Я полагаю: как еще теперь человек умозаключает во сне, так человечество умозаключало и наяву много тысячелетий подряд... Сон переносит нас назад, к отдаленным эпохам человеческой культуры, и дает нам средство лучше понять их» (Фридрих Ницше, *Человеческое, слишком человеческое* (Фридрих Ницше, *Сочинения в 2 томах*, Т. 1, М.: Мысль, 1996). Перевод С. Франка).

Ср. с теорией этнических «элементарных идей» Адольфа Бастиана, которые, исходя из их первичного психического характера (подобно *Logoi spermatikoi* стоиков), следует рассматривать как «духовные (или психические) зародышевые склонности, из которых органически развилась вся социальная структура» и которые как таковые должны служить в качестве основ индуктивного исследования (*Ethnische Elementargedanken in der Lehre vom Menschen*, Berlin, 1985, Vol. I, p. ix).

Ср. у Франца Боаса: «С тех пор как Вайц основательно рассмотрел вопрос об единстве человеческого рода, не подлежит сомнению, что характерные умственные признаки человека в главных чертах одинаковы во всем мире... Бастиану пришлось говорить об ужасающей монотонности основных идей человечества во всем мире... Известные формы ассоциировавшихся идей можно признать во всех типах культуры» (Ф. Боас, *Ум примитивного человека*, М.-Л.: Государственное издательство, 1926, с. 59, 86, 125. Перевод А. Водена).

Ср. у Джеймса Фрэзера: «И, в отличие от некоторых древних и современных исследователей, мы вовсе не считаем, что представление об умирающем и возрождающемся боге народы Запада вместе с торжественным ритуалом, с помощью которого это представление в драматической форме разыгрывалось перед взорами верующих,

позаимствовали у более древних восточных цивилизаций. Сходство, которое можно в этом отношении проследить между религиями Востока и Запада, является скорее тем, что мы имеем обыкновение (хотя это и неточно) называть случайным совпадением, следствием воздействия в разных странах сходных причин на единообразную структуру человеческого ума» (Дж. Фрэзер, *Золотая ветвь*, М.: Политиздат, 1980, с. 428).

Ср. у Зигмунда Фрейда: «Я обнаружил присутствие символизма в сновидениях с самого начала. Но лишь постепенно, с расширением опыта я по достоинству оценил весь его размах и значение и сделал это под влиянием... Вильгельма Штекеля... Штекель пришел к своей интерпретации символов интуитивно, благодаря особому дару непосредственного их понимания... Продвигаясь вперед в наших психоаналитических исследованиях, мы обратили внимание на пациентов, у которых такого рода непосредственное понимание символизма сновидений было выражено в удивительной степени... Этот символизм не специфичен для сновидений, а характерен для бессознательного формирования и восприятия идей вообще, в особенности в рамках одного народа; его можно обнаружить в фольклоре, народных мифах, легендах, лингвистических идиомах, в мудрых пословицах и широко распространенных остротах в еще большей мере, чем в сновидениях» (Зигмунд Фрейд, *Толкование сновидений*, Минск: Попурри, 1997).

Юнг указывает на то, что он заимствовал свой термин *архетип* из классических источников: Цицерон, Плиний, Августин, *Корпус Герметикум* и т. д. Бастиан отмечает похожесть своей собственной теории «элементарных идей» и концепции *Logoi spermatikoi* стоиков. Традиция «субъективно познаваемых форм» (санскритское *antarjneya-rupa*) фактически имеет те же пространственные и временные рамки, что и традиция мифа, и является ключом к пониманию и использованию мифологических образов — что будет достаточно хорошо видно в последующих главах.

Таким образом Геза Рохейм передает смысл выражения австралийских аборигенов *altjiranga mitjina*, которое относится к мифическим предкам, бродившим по земле во времена, называемые *altjiranga nakala*, «предок был». Слово *altjira* означает: а) сновидение, б) предок, существа, появляющиеся в сновидении, в) рассказ (Róheim, *The Eternal Ones of the Dreams*, pp. 210–211).

Friederick Pierce, *Dreams and Personality* (Copyright 1931 by D. Appleton and Co., publishers), pp. 108–109.

Слова, начертанные над Вратами Ада:

Per me si va nella citta dolente,
Per me si va nell' eterno dolore,
Per me si va tra la Perduta Gente.

Данте Алигьери, *Божественная комедия*, Ад, III, 1–3. Перевод М. Лозинского.

Ср. у Данте, Ад, XIV, 76–80: «до ручейка... чья алость мне и до сих пор жутка... в котором воду грешницы берут».

Ср. у Данте, Чистилище, XXVIII, 25–30:

И вдруг поток мне преградил дорогу,
Который мелким трепетом волны
Клонил налево травы по отлогу.
Чистейшие из вод земной страны
Наполнены как будто мутью сорной
Пред этою, сквозной до глубины...

Вергилий у Данте.

Те, что в стихах когда-то воспевали
Былых людей и золотой их век,
Быть может, здесь в парнасских снах витали:
Здесь был невинен первый человек,
Здесь вечный май, в плодах, как поздним летом,
И нектар — это воды здешних лет.

(Данте, Чистилище, XXVIII, 139–144).

Катха-Упанишада, 3–14 (*Упанишады*, М.: Наука, 1992. Перевод А. Сыркина). Упанишады — это индуистский трактат о природе человека и вселенной, завершающий ортодоксальную традицию абстрактного теоретизирования. Датируются начиная примерно с VIII века до н. э.

Джеймс Джойс, *Портрет художника в юности* (Джеймс Джойс, *Собрание сочинений*, Т. 1, М.: Знаменитая книга, 1993), с. 395. Пер. М. Богословской-Бобровой.

Aristotle, *On the Art of Poetry* (tr. by Ingram Bywater, Oxford University Press, 1920), pp. 14–16.

Robinson Jeffers, *Roan Stallion* (New York: Horace Liveright, 1925), p. 20.

Еврипид, *Вакханки* (*Трагедии*; М.: Искусство, 1980, т. 2), с. 418. Все цитаты из Еврипида — в переводе И. Анненского.

Еврипид, *Критяне*, фр. 47. Смотрите обсуждение этого стиха: Jane Harrison, *Prolegomena to a Study of Greek Religion* (3rd edition, Cambridge University Press, 1922), pp. 478–500.

Овидий, *Метаморфозы*, XV, 165–167; 184–185. Перевод С. Шервинского.

Бхагавадгита, 2:18. Перевод Б. Смирнова.

Слово *мономиф* взято из: James Joyce, *Finnegans Wake* (New York: Viking Press, Inc., 1939), p. 581.

Вергилий, *Энеида*, VI, 892. Перевод С. Ошера.

Это самый важный момент восточной мифологии, точное соответствие Распятию Запада. Будда под Деревом Просветления (Деревом Бо) и Христос на Кресте Господнем (Дереве Искупления) являются аналогичными образами, воплощающими архетипный, незапамятной древности мотив Спасителя Мира, Мирового Древа. В последующих эпизодах будут представлены многие иные вариации на эту тему. Неподвижная Точка и Гора Голгофа являются образами Центра Мира или Оси Мира.

Призыв Земли в свидетели в традиционном буддийском искусстве передается образом Будды, сидящего в классической позе Будды, с правой рукой, покоящейся на правом колене, слегка касаясь пальцами поверхности земли.

Суть заключается в том, что состояние Будды, Просветление, нельзя передать, можно лишь указать *путь* к Просветлению. Эта доктрина о непередаваемости Истины, существующей вне слов и образов, является основой как великих восточных учений, так и традиций платонизма. В то время как научные истины могут быть переданы, являясь доказуемыми предположениями, рационально основанными на наблюдаемых фактах, ритуал, мифология и метафизика являются лишь проводниками к грани трансцендентального просветления, последний шаг к которому должен быть сделан каждым в своем собственном безмолвном переживании. Поэтому одним из санскритских терминов для обозначения мудреца является *muni*, «безмолвие». *Sakyamuni* (одно из имен Гаутамы Будды) означает «безмолвный или мудрец (*muni*) рода Шакья». Хотя он является основателем широко проповедуемой мировой религии, самая сущность его учения с необходимостью остается сокрыта в молчании.

См.: *Jataka*, Introduction, I, 58–75 (tr. by Henry Clarke Warren, *Buddhism in Translations* (Harvard Oriental Series, 3), Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1896, pp. 56–87); Ananda K. Coomaraswamy, *Buddha and the Gospel of Buddhism* (New York: G. P. Putnam's Sons, 1916), pp. 24–38.

Исход, 19:3–5.

Myriad (англ.) — здесь: десять тысяч. — *Прим. перев.*

См.: Louis Ginzberg, *The Legends of the Jews* (Philadelphia: The Jewish Publication Society of America, 1911), Vol. III, pp. 90–94.

Этот круг приключения героя в рассказах вроде истории о всемирном потопе представлен в обращенной форме, где не герой отправляется за силой, а сила восстает против героя, а затем снова отступает. Они являются неотъемлемой частью архетипного мифа об истории мира и поэтому соответственно относятся к Части II настоящей книги: «Космогонический цикл». Герой предания о потопе является символом зачаточной живучести человека, даже во времена самых страшных катаклизмов и грехопадений.

Настоящая работа не предполагает исторического обсуждения этого обстоятельства. Это входит в задачу книги, которая сейчас находится на стадии подготовки. Данная работа является сравнительным исследованием, не затрагивающим генезиса. Ее цель заключается в том, чтобы показать существенные параллели как между самими мифами, так и в их интерпретациях и приложениях, которые подразумеваются этими сказаниями.

См.: Ст. Symeon in *The Soul Afire* (New York: Pantheon Books, 1944), p. 303.

Epiph., *Adversus haereses*, XXVI, 3.

См. выше: Пролог, § 3.

Это змей, который защитил Будду на пятой неделе после его просветления. См. выше: Пролог, § 3.

Alice C. Fletcher, *The Hako: A Pawnee Ceremony* (Twenty-second Annual Report, Bureau of American Ethnology, part 2; Washington, 1904), pp. 243–244.

«При сотворении мира, — сказал миссис Флетчер верховный жрец Пауни по поводу божеств, почитаемых в этой церемонии, — было устроено так, чтобы существовали и меньшие силы. Тираватаиус как слишком могущественная сила не мог приблизиться к человеку, и человек не мог ни увидеть, ни ощутить его, поэтому было дозволено существовать меньшим силам. Они должны были посредничать между человеком и Тиравой» (*Ibid.*, p. 27).

См. Ananda K. Coomaraswamy, *Symbolism of the Dome*, The Indian Historical Quarterly, Vol. XIV, No. 1 (March, 1938).

Иоанн, 6:55.

Там же, 10:9.

Там же, 6:56.

Коран, 5:108. Перевод И. Крачковского.

Гераклит, фр. 102. Перевод А. Маковельского.

Гераклит, фр. 8.

Вильям Блейк, *Бракосочетание Рая и Ада, Пословицы Ада* (М.: Худ. лит., 1978), с. 259. Перевод В. Чухно.

Это цвета Сторон Света: то есть при этом Эдшу был олицетворением Центра, *axis mundi*, или Пупа Земли.

См.: Leo Frobenius, *Und Afrika sprach* (Berlin: Vita, Deutsches Verlagshaus, 1912), pp. 243–245. Сравните с удивительно похожим эпизодом, который повествует об Одине (Вотане) в *Младшей Эдде* (Л.: Наука, 1970. Перевод О. Смирницкой). Сравните также с повелением Иеговы (*Исход*, 32:37): «Возложите каждый свой меч на бедро свое, пройдите по стану от ворот до ворот и обратно, и убивайте каждый брата своего, каждый друга своего и каждый ближнего своего».

Братья Гримм, *Король-лягушонок, или Железный Генрих*. Перевод под ред. П. Полевого.

Зигмунд Фрейд, *Психопатология обыденной жизни*, М.: Просвещение, 1990.

Evelyn Underhill, *Mysticism: A Study in the Nature and Development of Man's Spiritual Consciousness* (New York: E. P. Dutton and Co., 1911), Part II, «The Mystic Way», Chapter II, «The Awakening of the Self».

Зигмунд Фрейд, *Введение в психоанализ, Лекции 1–15* (СПб.: Алетейя, 1999). Перевод Г. Барышниковой.

Томас Мэлори, *Смерть Артура*, I, 19. М.: Художественная литература, 1991. Перевод И. Берштейн. Это преследование оленя и появление «ищущего зверя» отмечает начало таинств, связанных с поисками святого Грааля.

George A. Dorsey and Alfred L. Kroeber, *Traditions of the Arapaho* (Field Columbia Museum, Publication 81, Anthropological Series, Vol. V; Chicago, 1903), p. 300. Reprinted in Stith Thompson's *Tales of the North American Indians* (Cambridge, Mass., 1929), p. 128.

К. Г. Юнг, *Психология и алхимия* (М.: Рефл-Бук, К.: Ваклер, 1997).
Перевод С. Удовик.

Wilhelm Stekel, *Die Sprache des Traumes* (Wiesbaden: Verlag von J. F. Bergmann, 1911), p. 352. Штекель указывает на взаимосвязь между кроваво-красным закатом и мыслью о крови, выхаркиваемой при туберкулезе легких.

Henry Clarke Warren, *Buddhism in Translations* (Harvard Oriental Series, 3), Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1896, pp. 56–57.

В представленном выше разделе, как и на нижеследующих страницах, я не пытался дать исчерпывающую информацию. Подробное изложение (как, например, у Фрэзера в *Золотой Ветви*) значительно увеличило бы объем всех глав, но от этого основная линия мономифа не стала бы яснее. Вместо этого в каждом разделе я привожу несколько выразительных примеров из ряда широко разбросанных типичных преданий. В ходе своей работы я постепенно менял первоисточники, так что читатель сможет познакомиться с различными нюансами. К тому времени, когда он подойдет к последней странице, он ознакомится со множеством мифов. Если он захочет проверить, возможно ли было привести все примеры в каждой из глав, посвященных мономифу, то ему следует всего лишь обратиться к первоисточникам и погрузиться в чтение многочисленных сказаний.

Притчи, 1:24–27, 32.

«Духовные книги иногда цитируют [эту] латинскую пословицу, которая приводит в ужас не одну душу» (Ernest Dimnet, *The Art of Thinking*, New York: Simon and Schuster, Inc., 1929, pp. 203–204).

Francis Thompson, *The Hound of Heaven*.

Ibid.

Овидий, *Метаморфозы*, I, 504–553.

См. выше: Пролог, § 1.

Фрейд — комплекс кастрации.

Юнг, *Психология и алхимия*.

Змея (в мифологии символ земных вод) точно соответствует отцу Дафны, реке и речному богу Пенею.

Бессознательный образ злой матери.

Сознательные образы хороших родителей.

Братья Гримм, *Шиповничек*.

Тысяча и одна ночь, М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958, Т. 1, С. 157. Перевод М. Салье.

Бытие, 19:26.

Werner Zirus, *Ahasverus, der ewige Jude* (Stoff- und Motivgeschichte der deutschen Literatur 6, Berlin and Leipzig, 1930), p. 1.

См. выше: Часть I, Глава I, § 1.

См.: Otto Rank, *Art and Artist* (New York: Alfred A. Knopf, Inc., 1943), pp. 40–41: «Если мы сравним невротический тип с продуктивным, то станет ясно, что первый страдает от чрезмерного сдерживания своей импульсивной жизни. И тот и другой фундаментально отличаются от среднего типа, который принимает себя таким, какой он есть, своей склонностью использовать свое волеизъявление в преобразовании самого себя. Однако существует и различие, заключающееся в том, что невротик в добровольной трансформации эго не идет дальше предварительной, разрушительной работы и поэтому не способен отделить творческий процесс в целом от собственной личности и перенести его на идеальную абстракцию. Продуктивный художник также начинает... с этого воссоздания себя, которое заканчивается идеологически построенным эго; [но в его случае] это эго затем оказывается в состоянии перенести созидательную силу воли со своей собственной личности на идеи этой личности и таким образом делает ее объективной. Следует признать, что этот процесс в какой-то мере ограничен внутренним миром самого индивида и не только в его конструктивном, но и в деструктивном аспекте. Это объясняет, почему почти никакая продуктивная работа не совершается без болезненных кризисов «невротического характера».

Burton, *op. cit.*, Vol. III, pp. 213–228.

Bruno Gutmann, *Volksbuch der Wadschagga* (Leipzig, 1914), p. 144.

Washington Matthews, *Navaho Legends* (Memoirs of the American Folklore Society, Vol. V, New York, 1897), p. 109.

(Относительно обсуждения символизма приключения героя у навахо см.: Jeff King, Maud Oakes, and Joseph Campbell, *Where the Two Came to Their Father, A Navaho War Ceremonial*, Bollingen Series I, 2nd ed., Princeton University Press, 1969, pp. 33–49.)

Цветочная пыльца является символом духовной энергии у американских индейцев юго-запада. Она щедро используется во всех ритуалах как для того, чтобы отогнать прочь зло, так и для того, чтобы обозначить символический путь жизни.

Данте, Рай, XXXIII, 13–21.

Освальд Шпенглер, *Закат Европы*, М.: Мысль, 1998, т. 1, с. 304. «Он и сам, как эмпирическое лицо, — добавляет Шпенглер, — мог бы погибнуть при Маренго. Тогда то, что он *значил*, было бы осуществлено в другом гештальте». Герой, который в таком смысле и до такой степени обезличен, в период своего эпохального свершения олицетворяет динамизм развития культуры в целом; «между ним, как фактом, и прочими фактами есть созвучность метафизического такта» (*Там же*, с. 302). Это соответствует идее Томаса Карлайла о короле-герое как «Вершителе» (*On Heroes, Hero Worship and The Heroic in History*, Lecture VI).

В эллинистические времена произошло слияние Гермеса и Тота в фигуре Гермеса Трисмегиста, «Гермеса Трижды Величайшего», которого считали покровителем и учителем всех наук и особенно алхимии. «Герметически» закрытая реторта, в которую помещены мистические металлы, считалась иной сферой — особой областью более высоких сил, сравнимой с мифологическим царством; и металлы там подвергаются странным метаморфозам и трансмутациям, символизирующим преобразования души при заступничестве сверхъестественного. Гермес был знатоком древних мистерий инициации и представлял то нисхождение божественной мудрости в мир, которое представлялось также образами божественных спасителей. (См.: Юнг, *Психология и алхимия*).

Нижеследующее сновидение дает нам яркий пример слияния противоположностей в бессознательном:

«Мне приснилось, что я отправился на улицу публичных домов к одной из девушек. Когда я вошел, она превратилась в мужчину, который полураздетым лежал на диване. Он сказал: «Это не беспокоит тебя (что я теперь мужчина)?» Мужчина выглядел старым, с седыми бачками. Он напомнил мне одного старшего лесничего, хорошего друга моего отца» (Wilhelm Stekel, *Die Sprache des Traumes*, pp. 70–71). «Все сновидения, — отмечает Штекель, — имеют бисексуальную направленность. Там, где бисексуальность явно не различима, она прячется в скрытом содержании сновидения» (*Ibid.*, с. 71).

Колодец символизирует бессознательное. Ср. со сказкой о Короле-лягушонке.

Сравним с лягушонком из сказки. В домагометанской Аравии джиннами и ифритами называли демонов, обитающих в пустынных и диких местах. Волосатые и уродливые или же в образе животных, иногда страусов или змей, — они представляли серьезную опасность для незащищенных людей. Пророк Магомет признавал существование этих языческих духов (*Коран*, 37:158) и включил их в магометанскую систему, которая признает три сотворенных Аллахом воплощения разума: ангелы, созданные из света, джинны — из чистого огня, и человек — из праха земли. Магометанские джинны способны по своему желанию принимать любую форму, но не плотнее сущности огня и дыма, таким образом они могут делать себя видимыми для смертных. Существуют три категории джиннов: небесные, земные и подводные. Предполагается, что многие из них приняли истинную веру, и они считаются добрыми; остальные — злые. Последние живут и действуют вместе с падшими ангелами, главой которых является Иблис («Отчаявшийся»).

Мари́ды являются особенно могущественным и опасным классом джиннов.

Burton, *op. cit.*, Vol. III, pp. 223–230.

Ср. со змеей в сновидении, выше: Часть I, Глава I, § 2.

Leonard S. Schultze, *Aus Namaland und Kalahari* (Jena, 1907), p. 392.

Ibid., pp. 404, 448.

David Clement Scott, *A Cyclopaedic Dictionary of the Manga'anja Language in British Central Africa* (Edinburg, 1892), p. 97.

Ср. с нижеследующим сновидением двенадцатилетнего мальчика: «Однажды ночью мне приснилась ступня. Мне привиделось, что она лежит внизу, на полу, и я, не ожидая такой вещи, споткнулся о нее и упал. Мне показалось, что она выглядит так же, как и моя собственная ступня. Внезапно она подпрыгнула и побежала за мной; мне снилось, что я выпрыгнул прямо в окно, выбежал через двор на улицу и побежал так быстро, как только могли нести меня мои ноги. Мне снилось, что я добежал до Вулвича, и в этот момент ступня неожиданно схватила меня и начала трясти, после чего я проснулся. Эта ступня снилась мне несколько раз».

Этот мальчик слышал рассказ о том, что его отец, моряк, не так давно в результате несчастного случая в море сломал лодыжку (C. W. Kimmins, *Children's Dreams, An Unexplored Land*; London: George Allen and Unwin, Ltd., 1937, p. 107).

«Нога, — пишет Фрейд, — представляет собой древний сексуальный символ уже в мифах» (*Три очерка по теории сексуальности*, с. 65). Следует отметить, что имя Эдип означает «опухшая нога».

Ср.: V. J. Mansikka, in Hastings' *Encyclopaedia of Religion and Ethics*, Vol. IV, p. 628; «Demons and Spirits (Slavic)». В этом томе под общим заголовком «Демоны и Духи» собрана целая группа статей (в которых отдельно описаны африканские, океанические, ассирийско-вавилонские, буддийские, кельтские, китайские, индийские, японские, еврейские, мусульманские, персидские, римские, славянские, германские и тибетские версии), написанных рядом специалистов, которые превосходно знакомят с этой темой.

Ibid., p. 629. Сравните с Лорелеей. Обсуждение славянских лесных, полевых и водяных духов в статье Мансикки основано на исчерпывающей книге: *Hanus Machal* (Prague, 1891), английский сокращенный вариант которой можно найти в: Máchal, *Slavic Mythology* (The Mythology of All Races, Vol. III; Boston, 1918).

В век Александра Пан отождествлялся с фаллическим египетским богом Мином, который, кроме всего прочего, был стражем дорог в пустыне.

Ср. с Дионисом, известным фракийским двойником Пана.

Wilhelm Stekel, *Fortschritte und Technik der Traumdeutung* (Wien-Leipzig-Bern: Verlag für Medizin, Weidmann und Cie., 1935), p. 37.

Согласно Штекелю, сторож символизирует «сознание или, если предпочитаете, комплекс всей морали и ограничений, присущих сознанию. Фрейд, — продолжает Штекель, — представил бы сторожа как «супер-эго». Но в действительности он является всего лишь «интер-эго». Сознание не дает вырваться наружу опасным желаниям и аморальным действиям. В таком смысле следует в общем интерпретировать всех сторожей, полицейских и поддерживающих порядок служащих в сновидениях» (*Ibid.*, pp. 37–38).

A. R. Radcliffe-Brown, *The Andaman Islanders* (2nd edition, Cambridge University Press, 1933), pp. 175–177.

Плавающая морская змея с темными и светлыми полосами на теле, всегда в той или иной мере вызывающая при встрече страх.

R. H. Codrington, *The Melanesians, their Anthropology and Folklore* (Oxford University Press, 1891), p. 189.

Jataka, 1:1. См.: *Buddhist Parables* (Yale University Press, 1922), pp. 32–34.

Считается, что приключение Принца Пяти Оружий является самым ранним из известных примеров знаменитой и почти повсеместно встречающейся сказки из народного фольклора о смоляном бычке и т. п. (См.: Aurelio M. Espinosa, *Notes on the Origin and History of the Tar-Baby Story*, *Journal of American Folklore*, 43, 1930, pp. 129–209; *A New Classification of the Fundamental Elements of the Tar-Baby Story on the Basis of Two Hundred and Sixty-Seven Versions*, *Ibid.*, 56, 1943, pp. 31–37; Ananda K. Coomaraswamy, *A Note on the Stickfast Motif*, *Ibid.*, 57, 1944, pp. 128–131.)

Удар молнии (*vajra*) является одним из основных символов буддийской иконографии и означает духовную силу буддизма (несокрушимого просветления), которая разбивает иллюзорные реалии мира. Абсолютный, или Ади Будда на Тибете представлен в образе «Держателя Алмазной Молнии» (*Vajra-Dhara*, на тибетском *Dorje-Chang*).

В образах богов, пришедших из древней Месопотамии (Шумер и Аккад, Вавилония и Ассирия), молния в такой же форме, как *vajra*, является также заметным элементом (см. илл. XXI); от них ее унаследовал Зевс.

Нам также известно, что воины примитивных народов говорили о своем оружии, как об ударе молнии. *Sicut in coelo et in terra* (на небе и на земле — *лат.*): посвященный воин является действующей силой божественной воли; его подготовка включает не только мастерство владения оружием, но и тренировку духовных способностей. Смертоносную энергию его ударам, наряду с физической силой и химическим ядом, придавала и магия (сверхъестественная сила удара молнии). Совершенному мастеру физическое оружие не требовалось вообще, достаточно было силы его магического слова.

Эту тему иллюстрирует притча о Принце Пяти Оружий. Но она учит и тому, что человек, который гордится или полагается только на свои приобретенные физические качества, заранее является побежденным. «Мы имеем здесь образ героя, — пишет Кумарасвами, — который, возможно, запутался в сетях эстетического восприятия [«Пять частей тела» представляют пять органов чувств], но благодаря своему подлинному моральному превосходству ему удастся не только выпутаться самому, но и освободить других» (*Journal of American Folklore*, 57, 1944, p. 129).

Jataka, 55:1, 272–275, *Buddhist Parables*, pp. 41–44.

Николай Кузанский, *О видении бога*, 9, 11 (*Сочинения в 2 томах*, Т. 2, М.: Мысль, 1980), с. 53. Пер. В. Бибихина.

Овидий, *Метаморфозы*, VII, 62; XV, 338.

См. выше: Часть I, Глава I, § 3.

Гайавата и Мише-Нама (Генри Лонгфелло, *Песнь о Гайавате*, М.: Художественная литература, 1976). Перевод И. Бунина. Приключение, которое Лонгфелло приписывает вождю ирокезов Гайавате, в действительности относится к культурному герою алгонкинов Манабозхо. Гайавата — реальное историческое лицо XVI столетия.

Leo Frobenius, *Das Zeitalter des Sonnengottes* (Berlin, 1904), p. 85.

Henry Callaway, *Nursery Tales and Traditions of the Zulus* (London, 1868), p. 331.

Ananda K. Coomaraswamy, *Akimcanna: Self-Naughting* (New Indian Antiquary, Vol. III, Bombay, 1940), p. 6, note 14, где цитируется и дискутируется мнение Фомы Аквинского (*Сумма теологии*, I, 63, 3).

Саркофаг или гроб являются альтернативой чрева кита. Сравните с Моисеем в корзине из тростника.

Фрэзер, *Золотая ветвь*, с. 386-389.

Duarte Barbosa, *A Description of the Coasts of East Africa and Malabar in the Beginning of the Sixteenth Century* (Hakluyt Society, London, 1866), p. 172, цит. по: Фрэзер, *Золотая ветвь*, с. 309–310.

Это такое же жертвоприношение, которое отверг царь Минос, когда утаил быка от Посейдона. Как показал Фрэзер, ритуальное царевубийство являлось распространенной традицией в древнем мире. «Конец правления властителя и его смерть в Южной Индии, — пишет он, — совпадали с завершением витка планеты Юпитер вокруг Солнца. В Греции же судьбу царя клали на весы раз в каждые восемь лет, и чаша весов могла склониться не в пользу правящего монарха... Мы можем с большой долей вероятности предположить, что семь юношей и девушек, которых афиняне каждые восемь лет обязаны были отправлять в дань Миносу, имели отношение к обновлению силы царя на последующие восемь лет» (*Там же*, с. 315). Жертвоприношение быка, которое требовалось от царя Миноса, подразумевало, что в соответствии с традиционной схемой он принесет в жертву себя по завершении восьми лет своего правления. Но вместо себя он, по-видимому, предложил замену — афинских юношей и девушек. Наверное, именно таким образом божественный Минос превратился в монстра Минотавра, в царя, что уничтожает сам себя, в тирана Хвата, а священное государство, в котором каждому определено его место, превратилось в торговую империю, где каждый выступает сам за себя. Практика таких замен, по-видимому, приобрела общий характер во всем античном мире ближе к концу существования великих ранних священных государств, в период III–II тысячелетий до н. э.

Апулей, *Метаморфозы, или Золотой осёл*, V, 26 слл. Перевод М. Кузмина.

Knud Leem, *Beskrivelse over Finmarkens Lapper* (Copenhagen, 1767), pp. 475–478.

Женщины могут и не определить местонахождение шамана в мире ином, в таком случае его духу не удастся вернуться в тело. Или блуждающий дух враждебного шамана может вступить с ним в поединок и сбить с пути. Рассказывают, что многим шаманам не удалось вернуться (E. J. Jessen, *Afhandling om de Norske Finners og Lappers Hedenske Religion*, p. 31. Эта работа включена в книгу: Leem, *op. cit.*, в качестве приложения с отдельной пагинацией).

Г. Н. Потанин, *Очерки Северо-западной Монголии* (СПб., 1881), т. IV, с. 64–65; цит. по: Uno Harva, *Die religiösen Vorstellungen der altaischen Völker* («Folklore Fellows Communications», No. 125, Helsinki, 1938), pp. 558–559.

Géza Róheim, *The Origin and Function of Culture* (Nervous and Mental Disease Monographs, no. 69), pp. 38–39.

Ibid., p. 38.

Ibid., p. 51.

Underhill, *op. cit.*, Part II, Chapter III. Ср. выше: Часть I, Глава I, § 1.

Wilhelm Stekel, *Fortschritte und Technik der Traumdeutung*, p. 124.

Svedenborgs Drömmar, 1744, «Jemte andra hans anteckningar efter originalhandskrifter meddelade af G. E. Klemming» (Stockholm, 1859), цит. по: Ignaz Ježower, *Das Buch der Träume* (Berlin: Ernst Rowohlt Verlag, 1928), p. 97.

Сам Сведенборг прокомментировал свое сновидение следующим образом: «Драконы такого рода, в которых невозможно узнать драконов, пока они не расправят крылья, символизируют ложную любовь. Я как раз пишу на эту тему».

Ježower, *op. cit.*, p. 166.

Плутарх, *Фемистокл*, 26. Перевод С. Маркиша; Ježower, *op. cit.*, p. 18.

Stekel, *Fortschritte und Technik der Traumdeutung*, p. 150.

Ibid., p. 153.

Ibid., p. 45.

Ibid., p. 208.

Ibid., p. 216.

Ibid., p. 224.

Ibid., p. 159.

Ibid., p. 21

Stekel, *Die Sprache des Traumes*, p. 200. «Конечно, — пишет Штекель, — «быть мертвым» здесь означает «быть живым». Она начинает жить и полицейский «живет» с ней. Они умирают вместе. Это проливает яркий свет на распространенную фантазию двойного самоубийства».

Следует также отметить, что это сновидение включает чуть ли не универсальный мифологический образ узкого, как клинок, моста, который мы встречаем в романтическом эпизоде спасения Ланселотом царицы Гвиневры из замка Царя Смерти (см.: Heinrich Zimmer, *The King and the Corpse*, ed. J. Campbell (New York: Bollingen Series, 1948), pp. 171–172; D. L. Coomaraswamy, «The Perilous Bridge of Welfare», *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 8).

Stekel, *Die Sprache des Traumes*, p. 287.

Ibid., p. 286.

«Эта проблематика является новой, — пишет К. Юнг, — поскольку во все предшествующие времена люди в той или иной форме верили в богов. Потребовалось беспрецедентное обеднение символики, чтобы боги стали открываться как психические факторы, а именно как архетипы бессознательного. Небеса превратились в физикалистское мировое пространство, а божественный эмпирей стал лишь прекрасным воспоминанием о былом. Наше «но сердце пылает», наше тайное беспокойство гложут корни нашего бытия» (К. Г. Юнг, *Об архетипах коллективного бессознательного* (Архетип и символ, М.: Ренессанс: 1991. Перевод А. Руткевича).

Коран, 2:214.

Перевод В. К. Афанасьевой, частично.

S. N. Kramer, *Sumerian Mythology* (American Philosophical Society Memoirs, Vol. XXI; Philadelphia, 1944), pp. 86–93. См. также: С. Н. Крамер, *Мифология Шумера и Аккада // Мифологии древнего мира*, М., 1977, с. 134. Перевод В. Якобсона. Мифология Шумера для нас, людей Запада, имеет особое значение; ибо она послужила началом вавилонской, ассирийской, финикийской и библейской традиции (последняя дала начало исламу и христианству), а также оказала значительное влияние на языческие религии кельтов, греков, римлян, славян и германцев.

Или, как это сформулировал Джеймс Джойс: «...равные друг другу противоположности, развитые одной и той же силой природы или духа, как единственное условие и средство их андрогинного проявления и поляризованные для воссоединения путем симфиза их антипатий» (*Finnegans Wake*, p. 92).

Jeremiah Curtin, *Myths and Folklore of Ireland* (Boston: Little, Brown and Company, 1890), pp. 101–106.

См. выше: Часть I, Глава I, § 2.

Последний удар (франц.). — *Прим. перев.*

Овидий, *Метаморфозы*, III, 138–252.

Ср.: J. C. Flügel, *The Psycho-Analytic Study of the Family* («The International Psycho-Analytical Library», No. 3, 4th edition; London: The Hogarth Press, 1931), chapters XII and XIII.

«Существует, — отмечает профессор Флюгель, — очень широкая связь, с одной стороны, между понятием ума, духа или души и мужского принципа; и с другой стороны, между понятием тела или вещества (материя — то, что относится к матери) и идеей матери или женского начала. Сдерживание эмоций и чувств, относящихся к матери [в нашем иудейско-христианском монотеизме], в силу такой ассоциации привело к возникновению тенденции к недоверию, презрению, отвращению или враждебности по отношению к человеческому телу, ко всему земному, к материальной Вселенной вообще, наряду с тенденцией превозносить и преувеличивать духовное начало, будь то в человеке или в общем порядке вещей. Вполне вероятно, что многие из наиболее выраженных идеалистических тенденций в философии значительной долей своей привлекательности для многих умов обязаны именно сублимации этой реакции, направленной против матери, в то время как более догматичные и ограниченные формы материализма, в свою очередь, наверное, представляют возвращение подавляемых чувств, первоначально связанных с матерью» (*Ibid.*, p. 145, annot. 2).

Священные писания индуизма (Шастры) подразделяются на четыре класса: 1) Шрути, которые считаются прямым божественным откровением; сюда входят четыре Веды (древние книги молитв) и некоторые из Упанишад (древние философские книги); 2) Смрити, которые включают традиционные учения ортодоксальных мудрецов, канонические наставления для домашних ритуалов и некоторые трактаты относительно мирских и религиозных законов; 3) Пурана, которые в основном являются мифологическими и эмпирическими произведениями; в них затрагиваются вопросы космогонических, теологических, астрономических и физических знаний; 4) Тантра, тексты, описывающие методы и ритуалы поклонения божествам и овладения сверхчеловеческой силой. Среди Тантр есть группа особенно важных писаний (называющихся агама), которые, как считается, были непосредственно открыты Вселенским Богом Шивой и его Богиней Парвати. (Поэтому они называются «Пятой Ведой».) Они поддерживают мистическую традицию, известную в частности как «тантра», которая оказала значительное влияние на поздние формы индуистской и буддийской иконографии. Тантрический символизм вместе со средневековым буддизмом проник из Индии в Тибет, в Китай и Японию.

Нижеследующее описание Острова Драгоценных Камней основано на: John Woodroffe, *Shakti and Shakta* (London and Madras, 1929), p. 39; Heinrich Zimmer, *Myth and Symbols in Indian Art and Civilization*, ed. by J. Campbell (New York: Bollingen Series, 1946), pp. 197–211. Относительно изображения мистического острова см.: Zimmer, fig. 66.

The Gospel of Sri Ramakrishna (New York, 1942), p. 9.

Ibid., pp. 21–22.

Standish H. O'Grady, *Silva Gadelica* (London: Williams and Norgate, 1892), Vol. II, pp. 370–372. Варианты, отличные от этого: Чосер, Кентерберийские рассказы: *Рассказ Батской ткачихи*; Гауэр, *Сказ о Флоренте (Tale of Florent)*; *Женитьба сэра Гавейна и дамы Рэгнелл (The Weddyng of Sir Gawen and Dame Ragnell)*, поэма середины XV в.; *Женитьба сэра Гавейна (The Marriage of Sir Gawaine)*, баллада XVII в. См.: W. F. Bryan and Germaine Dempster, *Sources and Analogues of Chaucer's Canterbury Tales* (Chicago, 1941).

Гвидо Гвиничелли ди Маньяно (1230–1275?), *О милостивом сердце*.

Антифон вечерни на праздник Успения Богородицы (15 августа).

Уильям Шекспир, *Гамлет*, акт I, сцена II. Пер. М. Лозинского.

Софокл, *Трагедии*, перевод С. Шервинского (М.: Худ. лит., 1988).

Shankaracharya, *Vivekachudamani*, pp. 396 и 414 (Mayavati, 1932).

Jacobus de Voragine, *The Golden Legend*, LXXVI, «Saint Petronilla, Virgin». (Ср. со сказкой о Дафне.) Впоследствии церковь, не желая представлять св. Петра как породившего ребенка, говорит о Петронилле как о девушке, находившейся под его опекой.

Ibid., CXVII.

Гюстав Флобер, *Искушение святого Антония*. Перевод М. Петровского.

Cotton Mather, *Wonders of the Invisible World* (Boston, 1693), p. 63.

Jonathan Edwards, *Sinners in the Hands of an Angry God* (Boston, 1742).

См. илл. IX. Символизм этого выразительного образа был прекрасно представлен Кумарасвами (Ananda K. Coomaraswamy, *The Dance of Siva* (New York, 1917), pp. 56–66) и Циммером (Heinrich Zimmer, *Myths and Symbols in Indian Art and Civilization*, pp. 151–175). Вытянутая правая рука держит барабан, его удары — это пульс времени, а время — это первый принцип созидания; вытянутая левая рука держит пламя, которое является пламенем гибели сотворенного мира; вторая правая рука застыла в жесте «Не бойся», в то время как вторая левая, указывающая на поднятую левую ногу, находится в положении, символизирующем слона («прокладывающего дорогу через джунгли мира», то есть божественного проводника); правая нога покоится на спине карлика, демона неведения, обозначающего переход душ от Бога в материю, но левая нога поднята, обозначая освобождение души: левая нога — это нога, на которую указывает «рука-слон», и представляет она основание утверждения «Не бойся». Голова Бога уравновешена, безмятежна и спокойна посреди динамизма созидания и разрушения, который символизируется раскачивающимися руками и ритмом медленного притопывания правой ноги. Это означает, что в центре все спокойно. Правая серьга Шивы мужская, левая — женская; ибо Бог включает в себя и находится выше любой пары противоположностей. Выражение лица Шивы не печальное и не радостное, а является ликом Недвижимой Движущей Силы, пребывающей вне мирской радости и боли и вместе с тем присутствующей в них. Волны буйно ниспадающих волос, длинных и непричесанных, как подобает индийскому йогу, разметались в танце жизни; ибо то, что составляет сущность радостей и горестей жизни, и то, что обретается посредством углубленной медитации, есть два аспекта одного и того же универсального, не-двойственного Существа-Сознания-Блаженства. Браслеты Шивы, кольца на запястьях и лодыжках и брахманскую нить — это живые змеи. [Брахманская нить — это обычно хлопчатобумажная нить, которую в Индии полагалось носить представителям трех высших каст — так называемым дважды рожденным. Она надевалась через голову и правую руку таким образом, что лежала на левом плече и шла по телу (грудь и спине) до правого бедра. Это символизировало второе рождение дважды рожденного, а сама нить представляла порог, или солнечную дверь, так что дважды рожденный обитал одновременно и во времени и в

вечности.] Это означает, что он прекрасен благодаря Силе Змеи — таинственной Созидательной Энергии Бога, которая является материальной и формальной причиной его самопроявления как внутреннего, так и в качестве вселенной со всеми ее существами. В волосах Шивы можно увидеть череп, символизирующий смерть, на лбу украшение Властелина Разрушения, а также полумесяц, символизирующий рождение и умножение, которые также суть его блага для этого мира. В его волосах также находится цветок дурмана — растения, из которого готовят опьяняющий напиток (сравните с вином Диониса и вином Обедни). В его локонах скрыт образ богини Ганга, ибо именно на его голову ниспадает с небес божественный Ганг, откуда затем дарящие жизнь и спасение воды мягко разливаются по земле для физического и духовного возрождения человечества. Позу танцующего Бога можно рассматривать как символизирующую слог *AUM* ॐ, который является вербальным эквивалентом четырех состояний сознания и их сфер восприятия (*A* — сознание в состоянии бодрствования, *U* — сознание в состоянии сна, *M* — сон без сновидений, безмолвие вокруг священного слога — Неявленное Трансцендентное). Таким образом, Бог и в самом верующем, и вне его.

Такая фигура иллюстрирует функцию и значение рукотворного образа и показывает, почему для идолопоклонников не нужны были долгие проповеди. Верующий мог вникнуть в смысл божественного символа в глубокой тишине и в подходящее для него время. Кроме того, такие же браслеты, как на руках и лодыжках бога, носят и его поклонники, и означают они то же, что и браслеты бога. Они сделаны из золота, а не являются собой живых змей, золото (металл, не подверженный коррозии) символизирует бессмертие, а бессмертие является таинственной созидательной энергией Бога, что и есть красота тела.

Подобным образом в деталях антропоморфных идолов дублируется, интерпретируется и подтверждается множество других деталей жизни и местных обычаев. Так человек на каждом шагу получает поддержку для медитации. Он постоянно живет среди безмолвной проповеди.

Или «интер-эго» (см. выше: прим. 112).

Сравните многочисленные пороги, которые преодолела Инанна, см. выше: Глава II, § 1.

Четыре символических цвета, представляющие стороны света, играют значительную роль в иконографии и культе навахо. Это белый, синий, желтый и черный, обозначающие, соответственно, восток, юг, запад и север. Они соответствуют красному, белому, зеленому и черному на шляпе африканского бога-хитреца Эдшу (см. выше: Пролог, § 4), ибо Дом Отца, как и сам Отец, символизирует Центр.

Герои-близнецы подверглись испытанию символами четырех направлений, призванному выяснить, не присущи ли им изъяны и ограничения какой-либо из сторон света.

Matthews, *op. cit.*, pp. 110–113.

Овидий, *Метаморфозы*, II.

Kimmins, *op. cit.*, p. 22.

Wood, *op. cit.*, p. 218–219.

См. выше: Пролог, § 1.

W. Lloyd Warner, *A Black Civilization* (New York and London Harper and Brothers, 1937), pp. 260–285.

«Отец [то есть обрезающий] является именно тем, кто *разлучает* ребенка с матерью, — пишет Рохейм. — То, что отрезается у мальчика, по сути, является его матерью. Головка мужского полового члена в крайней плоти — это ребенок в утробе матери» (Géza Róheim, *The Eternal Ones of the Dream*, pp. 72–73).

Интересно отметить, что обряд обрезания до сих пор практикуется в мусульманстве и иудаизме, где женский элемент был тщательно изъят из официальной, строго монотеистической мифологии. «Поистине, Аллах не прощает, чтобы Ему придавали сотоварищей, — читаем мы в Коране. — Они призывают помимо Него только женский пол» (*Коран*, 4:116–117).

Baldwin Spencer and F. J. Gillen, *The Arunta* (London Macmillan and Co., 1927), Vol. I, pp. 201–203.

Róheim, *The Eternal Ones of the Dream*, pp. 49 ff.

Ibid., p. 75.

R. and C. Berndt, *A Preliminary Report of Field Work in the Ooldea Region, Western South Australia*, Oceania, XII (1942), p. 323, цит. по: Röheim, *The Eternal Ones of the Dream*, p. 227.

Кварта в Англии равна 1,14 л; в Америке — 0,95 л. — *Прим. перев.*

D. Bates, *The Passing of the Aborigines* (1939), pp. 41–43, цит. по: Róheim, *The Eternal Ones of the Dream*, pp. 227–228.

Róheim, *The Eternal Ones of the Dream*, p. 231.

R. H. Matheus, *The Walloonggura Ceremony*, Queensland Geographical Journal, NS, XV (1899–1900), p. 70, цит. по: Róheim, *The Eternal Ones of the Dream*, p. 232.

В одном из зарегистрированных случаев двое мальчиков открыли глаза, когда не должны были этого делать. «Тогда старшие мужчины, каждый с каменным ножом в руке, вышли вперед. Склонившись над мальчиками, они вскрыли каждому из них вены. Полилась кровь, и все другие мужчины издали крик смерти. Мальчики безжизненно лежали на земле. Старый *wirreenuns* (знахарь), окунув каменные ножи в кровь, прикоснулся ими к губам всех присутствующих. Тела жертв ритуала *Boorah* были зажарены на огне. Каждый мужчина, что присутствовал на пяти *Boorah*, съел кусок этой плоти, всем остальным видеть это не разрешалось» (K. Langloh Parker, *The Euahlayi Tribe*, 1905, pp. 72–73, цит. по: Róheim, *The Eternal Ones of the Dream*, p. 232).

По поводу обнаруженной в современной Меланезии удивительно сохранившейся системы символов, имеющей аналогии в египетско-вавилонском и троянско-критском «комплексе лабиринтов» II тысячелетия до н. э., см.: John Layard, *Stone Men of Malekula* (London Chatto and Windus, 1942). У. Найт в своей книге *Cumaeae Gates* (Oxford, 1936) обсуждал явное сходство «путешествия в потусторонний мир» у малекула с классическим нисхождением Энея и вавилонянина Гильгамеша. У. Перри в книге *The Children of the Sun* (New York, E. P. Dutton and Co., 1923) писал, что свидетельства этой неразрывности культур можно обнаружить на всем культурном массиве начиная от Египта и Шумера, через острова Океании и вплоть до Северной Америки. Многие ученые указывали на близкое соответствие деталей классических греческих и примитивных австралийских обрядов инициации, особенно см.: Jane Harrison, *Themis, A Study of the Social Origins of Greek Religion* (2nd revised edition, Cambridge University Press, 1927).

До сих пор неясно, каким образом и в какие времена мифологические и культурные формы различных древних цивилизаций могли распространиться в самых отдаленных уголках земли; однако с уверенностью можно заявить, что лишь немногие (если об этом вообще можно говорить) из так называемых «примитивных культур», изучавшихся нашими антропологами, имеют аборигенное происхождение. Как правило, это или местная адаптация или локальная вырожденная форма и невероятно древняя «окаменелость» обычаев, развившихся в совершенно других землях, часто в намного более сложных обстоятельствах и у других народов.

Еврипид, Вакханки, 526, слл.

Эсхил, Эдоняне, 1 (фр. 57). Перевод М. Гаспарова. См. также: Jane Harrison, *Themis*, p. 61 в обсуждении роли трещоток в классических и австралийских обрядах инициации. В отношении темы трещотки см.: Andrew Lang, *Custom and Myth* (2nd revised edition; London: Longmans, Green, and Co., 1885), pp. 29–44.

Все они описаны и подробно обсуждены в *Золотой Ветви* Джеймса Фрэзера.

К евреям, 9:13–14.

Le P. A. Capus des Peres-Blancs, *Contes, Chants et Proverbes des Basumbwa dans l'Afrique Orientale*, Zeitschrift für afrikanische und oceanische Sprachen, Vol. III (Berlin, 1897), pp. 363–364.

Коран, 10:31.

См. выше: Часть I, Глава I, § 3.

См. выше: Пролог, § 4. Басумбва (сказка о Великом Вожде-Смерти) и вачага (сказка о Къязимбе) — это народы Восточной Африки; йоруба (сказка об Эдшу) населяют западное побережье Нигерии.

Коран, 6:59–60.

Лука, 2:7.

Овидий, *Метаморфозы*, VIII, 618–724.

Коран, 2:115.

Катха-Упанишада, 3:12.

Фомѧ, 77.

Книга Иова, 40:2–9.

Там же, 42:5–6.

Там же, 42:16–17.

Leon Stein, *Hassidic Music*, The Chicago Jewish Forum, Vol. II, No. 1 (Fall, 1943), p. 16.

В Хинаяне (сохранившейся на Цейлоне, в Бирме и Таиланде) Будда почитается как человеческий герой, высший святой и мудрец. С другой стороны, Махаяна (распространенная на севере) считает Просветленного спасителем мира, воплощением вселенского принципа просветления.

Бодхисатва — это человек на пороге достижения состояния Будды: согласно точке зрения Хинаяны это адепт, который в следующей реинкарнации будет Буддой; согласно точке зрения Махаяны (как будет видно из нижеследующих строк) — это тип спасителя мира, представляющий в частности вселенский принцип сострадания. Слово *Бодхисатва* (санскрит) означает: «тот, чьим бытием или сущностью является просветление».

В Махаяне существует целый пантеон, в котором представлены во множестве Бодхисатвы и прошлые и будущие Будды. Все они в той или иной мере вбирают в себя проявляющиеся силы трансцендентного, единственного Ади-Будды («Извечного Будды»), который является высшим возможным источником и крайним пределом всего бытия, висящим в пустоте небытия, подобно чудесному шару.

Prajna-Paramita-Hridaya Sutra, «Sacred Books of the East», Vol. XLIX, part II, p. 148; also p. 154.

Vajracchedika («The Diamond Cutter»), 17; Ibid., p. 134.

Amitayur-Dhyana Sutra, 19; Ibid., pp. 182–183.

Ян — это светлый, активный, мужской принцип, а *Инь* — темный, пассивный, женский; в своем взаимодействии они есть первооснова, образующая весь мир форм («десять тысяч вещей»). Они исходят из *Дао* как источника и закона бытия и являются его проявлением. *Дао* означает «дорога» или «путь». *Дао* — это путь или ход развития вещей, судеб, космического порядка. Поэтому *Дао* есть также «истина» и «праведность». В своем единстве *Ян* и *Инь* как *Дао* обозначаются следующим образом: . *Дао* лежит в основе космоса. *Дао* присутствует в каждой сотворенной вещи.

«Для мужчин я Гермес; для женщин я Афродита; я ношу символы обоих своих родителей» (*Anthologia Graeca ad Fidem Codices*, Vol. II). «Одна часть его от отца, все остальное у него от матери» (Martial, *Epigrams*, 4, 174; Loeb Library, Vol. II, p. 501).

Овидий описывает Гермафродита в *Метаморфозах* (IV, 288 и далее).

До нас дошло множество классических образов Гермафродита. См.: Hugh Hampton Young, *Genital Abnormalities, Hermaphroditism, and Related Adrenal Diseases* (Baltimore: Williams and Wilkins, 1937), Chapter I, «Hermaphroditism in Literature and Art».

См. Платон, *Диалоги* («Пир»).

Бытие, 1:27.

См. комментарии к Книге Бытия — *Midrash, Rabbah*, 8:1.

См. выше: Часть I, Глава I, § 4.

См. ниже: Часть II, Глава I, 5.

Ср. у Джеймса Джойса: «в устройтельстве небесном... нет больше браков и человек во славе, ангел-андрогин, есть сам в себе и жена» (Джеймс Джойс, *Улисс*, М.: Знаменитая книга, 1994. Перевод В. Хинкиса, С. Хоружего).

Софокл, *Царь Эдип*. См. также: Овидий, *Метаморфозы*, III, 324 и далее, 511 и 516. Относительно других примеров двуполых жрецов, богов или провидцев см. Геродот, 4, 67 (Геродот, *История в девяти книгах*, Л.: Наука, 1972. Перевод Г. А. Стратановского); Феофраст, *Характеры*, 16, 10 (Феофраст, *Характеры*, Л.: Наука, 1974. Перевод Г. А. Стратановского); J. Pinkerton, *Voyage and Travels*, chapter 8, p. 427; Alexander Hamilton, *A New Account of the East Indies*, цит. по: Young, *op. cit.*, pp. 2 and 9.

Zimmer, *Myths and Symbols in Indian Art and Civilization*, Figure 70.

См. илл. X.

См. В. Spencer and F. J. Gillen, *Native Tribes of Central Australia* (London, 1899), p. 263; Róheim, *The Eternal Ones of the Dream*, pp. 164–165. Нижнее надрезание искусственно образует гипоспадию, наподобие встречающейся у некоторых гермафродитов (см. портрет гермафродита в книге: Young, *op. cit.*, p. 20).

Róheim, *The Eternal Ones of the Dream*, p. 94.

Ibid., pp. 218–219.

Ср. со следующим образом Бодхисатвы Дармакары: «Из его уст исходил сладкий и более чем небесный аромат сандалового дерева. Из всех его волосяных пор поднимался аромат лотоса, и он был приятен каждому, благодатен и красив; наделен во всей полноте самым лучшим и ярким цветом. Также и тело его было украшено всеми добрыми знаками и отметинами, его волосяные поры и ладони его рук испускали все самое прекрасное — всевозможные цветы, фимиамы, благовония, притирания, гирлянды, зонтики, флаги, знамена и звуки всевозможных музыкальных инструментов. С ладоней его рук струились также всевозможные яства и напитки, пища простая и утонченная, и сладости, и всякого рода удовольствия и наслаждения» (*The Larger Sukhavati-Vyuha*, 10; «Sacred Books of the East», Vol. XLIX, Part II, pp. 26–27).

Róheim, *War, Crime and the Covenant*, p. 57.

Ibid., pp. 48–68.

І Царств, 17:26.

Коран, 4:104.

«Ибо ненависть никогда не остановить ненавистью: ненависть можно остановить любовью, это древнее правило» (*Dhammapada*, 1:5; «Sacred Books of the East», Vol. X, Part I, p. 5).

Лука, 6:27–36.

Сравните со следующим письмом христианина:

В год 1682 от Рождества Христова

Вам, мой старый и любимый мистер Джон Хиггинсон:

Сейчас в море находится корабль под названием *Желанный*, на борту которого 100 или более еретиков и злодеев, зовущихся квакерами, с У. Пенном, который является главным негодяем и стоит во главе их. Генеральный Суд в связи с этим препоручил святую миссию капитану брига *Дельфин* Малачи Хаскотту — ловко перехватить вышеупомянутый *Желанный*, как можно ближе к Кейп-Коду, и пленить вышеупомянутого Пенна и его безбожную команду, дабы имя Господа Бога было восстановлено на земле этой новой страны, а не подвергалось глумлению в языческом культе этих людей. Большую прибыль можно получить, продав их всех на Барбадосе, где за рабов хорошо платят ромом и сахаром, и мы не только совершим благое дело для Господа, наказав нечестивых, но и принесем большую пользу Его Преосвященству и народу.

Ваш во Христе Коттон Мадер.

(Robert Phillips, *American Government and Its Problems*, Houghton Mifflin Company, 1941; Karl Menninger, *Love Against Hate*, Harcourt, Brace and Company, 1942, p. 211.)

См.: *Матфей*, 22:37–40; *Марк*, 12:28–34; *Лука*, 10:25–37. Говорится также, что Иисус поручил своим апостолам «учить все народы» (*Матфей*, 28:19), но не подвергать гонениям, не грабить и не преследовать святым законом тех, кто не станет слушать. «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак, будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби» (*Там же*, 10:16).

Карл Меннингер отмечает (*op. cit.*, pp. 195–196), что хотя еврейских раввинов, протестантских и католических священников в отношении теоретических расхождений по общим вопросам иногда еще можно примирить, то когда они начинают говорить о правилах и принципах достижения вечной жизни, их взгляды безнадежно расходятся. «До этого момента программа безукоризненна, — пишет Меннингер, — но если никто определенно не знает, каковы правила и принципы, все превращается в абсурд». Ответом на это, безусловно, является сказанное Рамакришной: «Бог создал различные религии для того, чтобы удовлетворить требования различных людей, стремящихся к Богу, различных времен и стран. Все учения — это лишь множество путей; но путь ни в коей мере не есть Сам Бог. Воистину, человек может прийти к Богу, если будет следовать по любому пути с искренней приверженностью... Пирожное с сахарной глазурью можно есть, начиная как спереди, так и сбоку. В любом случае вкус его будет сладок» (*The Gospel of Sri Ramakrishna*, New York, 1941, p. 559).

Матфей, 7:1.

«Как разбойники подстерегают человека, так сборище священников убивают на пути в Сихем и совершают мерзости... Злодейством своим они увеселяют царя и обманами своими — князей» (*Осия*, 6:9; 7:3).

Я не называю ислам, потому что здесь также учение проповедуется с точки зрения священной войны и таким образом искажается. Совершенно определенно, там, так же как и здесь, многим было известно, что истинное поле битвы разворачивается не в географическом пространстве, а в психологическом (ср. Rumi, *Mathnawi*, 2. 2525: «Что означает «обезглавить»? Умертвить плотскую душу в священной войне»); тем не менее общераспространенные и ортодоксальные положения как исламского, так и христианского учений были настолько жесткими, что различие принципа любви в проповедях любого из этих вероучений требует очень тонкого прочтения.

Гимн основных заповедей Великого Святого и Бодхисатвы Миларепы (ок. 1051–1135 гг. н. э.). См.: *Tibet's Great Yogi Milarepa* (Oxford University Press, 1928), p. 285.

Гимн заповедей йоги Миларепы, Ibid., p. 273.

«Пустота Всех Вещей» (санскрит: *śūnyatā*, «опустошенность») означает, с одной стороны, иллюзорность природы ощущаемого мира, с другой стороны, неправомерность отнесения тех свойств, что могут быть известны нам из нашего восприятия мира ощущаемого, к миру Вечному.

В Небесном Сиянии Пустоты
Не существует даже тени вещи или идеи,
И все ж она наполняет все известные предметы;
Почтение Неизменной Пустоте.

(Гимн Миларепы в восхваление своего учителя, Ibid., p. 137).

Avalokita (санскрит) означает «смотрящий вниз», но также «видимый»; *iśvara* — «Бог»; отсюда «Бог, глядящий вниз с состраданием» и «Бог, видимый изнутри» (в санскрите *a* и *i* объединяются в *e*; отсюда *Avalokitesvara*). См.: W. Y. Evans-Wentz, *Tibetan Yoga and Secret Doctrine* (Oxford University Press, 1935), p. 233, note 2.

Эта же идея часто выражается в *Упанишадах*; то есть «это я отдает себя тому я, то я отдает себя этому я. Таким образом они обретают друг друга. В этой форме оно познает тот мир, в той форме оно воспринимает этот мир» (*Aitareya Aranyaka*, 2. 3. 7). Мистикам ислама это также известно: «Тридцать лет всевышний Бог был моим зеркалом, теперь я сам себе зеркало; то есть тем, кем я был, я уже не являюсь, всевышний Бог — его собственное зеркало. Я говорю, что я — свое собственное зеркало; ибо моими устами говорит Бог, я исчез» (Bayazid, *The Legacy of Islam*, T. W. Arnold and A. Guillaume, editors, Oxford Press, 1931, p. 216).

«Я вышел из пребывания Байазидом, как змея выходит из своей кожи. Затем я посмотрел. Я увидел, что любящий, любимый и любовь — одно и то же, ибо в мире единства все может быть одним» (Bayazid, *loc. cit.*).

Осия, 6:1–3.

Брихадараньяка-Упанишада, 1. 4. 3.

Глагол *nirvā* (санскрит) буквально означает «гаснуть» в значении огня, который перестает разгораться... Лишенный источника огонь жизни «умиротворяется», то есть гасится с обузданием разума, человек достигает «покоя нирваны», «деспирации в Боге»... Прекращая питать огонь, мы достигаем покоя, о котором в другом предании сказано, что «он дает понимание» (Ananda Coomaraswamy, *Hinduism and Buddhism*; New York: The Philosophical Library, no date, p. 63). Слово «деспирация» образовано как буквальная латинизация санскритского «*нирвана*»; *nir* — «прочь, наружу, из, из чего-то, от, от чего-то»; *vāna* — «выдутый»; *nirvāna* — «выдутый, ушедший, угасший».

См.: Зигмунд Фрейд, *По ту сторону принципа удовольствия*. См. также: Karl Menninger, *Love against Hate*, p. 262.

Vajracchedikā, 32; «Sacred Books of the East», *op. cit.*, p. 144.

The smaller *Prajñā-Pāramitā-Hridāya*; *Ibid.*, p. 153.

Nagarjuna, *Madhyamika Shastra*.

«То, что бессмертно, и то, что смертно, гармонично слито, ибо они ни едины, ни раздельны» (Ашвагхоша).

«Этот взгляд, — пишет Кумарасвами, цитируя эти тексты, — с драматической силой выражен в афоризме: *Yas kléśas so bodhi, yas saṃsāras tat nirvāṇam* — “То, что есть грех, есть также и мудрость, сфера становления также является нирваной”» (Ananda K. Coomaraswamy, *Buddha and the Gospel of Buddhism*; New York: G. P. Putnam’s Sons, 1916, p. 245).

Бхагавадгита, 6:29, 31.

Сказанное представляет совершенное достижение того, что мисс Эвелин Андерхилл назвала «целью мистического пути: жизнью истинного единения: состоянием божественного плодородия: обожествлением» (*op. cit.*, *passim*). Однако мисс Андерхилл, подобно профессору Тойнби, совершает распространенную ошибку, полагая, что этот идеал является отличительной чертой христианства. «Можно с уверенностью сказать, — пишет профессор Салмони, — что вплоть до настоящего времени западная мысль всегда искажалась необходимостью самоутверждения» (Alfred Salmony, *Die Rassenfrage in der Indienforschung*, Sozialistische Monatshefte, 8, Berlin, 1926, p. 534).

Coomaraswamy, *Hinduism and Buddhism*, p. 74.

Это стена Рая, описанная выше. Но теперь мы внутри. Хси Ванг Му — это женский аспект Бога, который гуляет по Саду, который сотворил человека по образу своему, мужчину и женщину (*Бытие*, 1:27).

Cp.: E. T. C. Werner, *A Dictionary of Chinese Mythology* (Shanghai, 1932), p. 163.

См.: Okakura Kakuzo, *The Book of Tea* (New York, 1966). См. также: Daisetz Teitaro Suzuki, *Essays in Zen Buddhism* (London, 1927), Lafcadio Hearn, *Japan* (New York, 1904).

Morris Edward Opler, *Myths and Tales of the Jicarilla Apache Indians* (Memoirs of the American Folklore Society, Vol. XXXI, 1938), p. 110.

Сравним с древнеиндийской богиней Кали, которая изображается попирающей ногами распростертое тело бога Шивы, своего супруга. Меч смерти в ее руке является знаком духовной дисциплины. Истекающая кровью человеческая голова говорит верующему, что если он потеряет свою жизнь ради нее, то обретет ее. Жесты «не бойся» и «дарение благ» учат, что она защищает своих детей, что пары противоположностей вселенской борьбы — отнюдь не то, чем кажутся, и что для человека, сосредоточившегося на вечности, фантазмагория равно преходящих «добра» и «зла» является лишь умозрительным построением — как и сама богиня, которая, хотя и явно попирает ногами бога, на самом деле есть его блаженное видение.

Богиня Острова Драгоценных Камней также представляет две стороны бога: первая — лицо, обращенное вверх — неразрывно слита с нею и является созидательным, радующимся миру проявлением; но вторая — лицо, обращенное в сторону — является *deus absconditus*, божественной сущностью самой в себе и самой по себе, вне происходящего и вне перемены, пассивной, дремлющей, пустой, стоящей даже выше чуда таинства двуполости (См.: Zimmer, *Myths and Symbols in Indian Art and Civilization*, pp. 210–214).

Сравните с барабаном сотворения в руке древнеиндийского Танцующего Шивы.

«И Слово стало плотью», стих молитвы к пресвятой богородице, прославляющий зачатие Иисуса в лоне Марии. См. также: *Иоанн*, 1:14.

В этом разделе просматривался следующий ряд противоположностей:

Пустота	Мир
Вечность	Время
Нирвана	Сансара
Истина	Иллюзорность
Просветление	Сострадание
Бог	Богиня
Враг	Друг
Смерть	Рождение
Молния	Колокол
Драгоценный Камень	Лотос
Субъект	Объект
Яб	Юм
Ян	Инь

Дао

Высший Будда

Бодхисатва

Дживан Мука

Слово, Ставшее Плотью

Сравните с героем *Упанишад* (*Каушитаки-Упанишада*, 1:4), который достиг мира Брахмы: «Точно так же как человек, управляющий колесницей, смотрит вниз на два ее колеса, так и он смотрит на день и ночь, поступки добрые и злые и на всякую пару противоположностей. Ему неведомы ни добрые свершения, ни злые, он познал Бога и идет прямо к Богу».

Curtin, *op. cit.*, pp. 106–107.

См.: Melanie Klein, *The Psychoanalysis of Children*, The International Psycho-Analytical Library, No. 27 (1937).

Róheim, *War, Crime and the Covenant*, pp. 137–138.

Róheim, *The Origin and Function of Culture*, p. 50.

Ibid., pp. 45–50.

Ibid., р. 50. Сравните с защитным механизмом сибирского шамана, вытаскивающего голыми руками горящие угли из костра и бьющего по своим ногам топором, оставаясь невредимым.

Смотрите обсуждение Фрэзером внешней души (*Золотая ветвь*, с. 740 слл.).

Там же, с. 745.

Pierce, *Dreams and Personality* (D. Appleton and Co.), p. 298.

The Descent of the Sun, in F. W. Bain, *A Digit of the Moon* (New York: G. P. Putnam's Sons, 1910), pp. 213–325.

Róheim, *The Eternal Ones of the Dream*, p. 237. Этот талисман является так называемой чурингой тотемного предка юноши. Другую чурингу, представляющую материнского тотемного предка, юноша получил во время обрезания. Еще раньше, при рождении, в его колыбель была помещена оберегающая чуринга. Трещотка является разновидностью чуринги. «Чуринга, — пишет Рохейм, — считается физическим двойником, и некоторые сверхъестественные существа, наиболее близко связанные с чурингой, в центрально-австралийских верованиях являются невидимыми двойниками туземцев. Подобно чуринге, эти сверхъестественные существа называются *arpuna mborka* (другое тело) реальных людей, которых они защищают» (*Ibid.*, p. 98).

Исайя, 66:10–12.

Ginzberg, *op. cit.*, Vol. I, pp. 20, 26–30. Подробные заметки относительно мессианского пира смотрите в: Ginzberg, Vol. V, pp. 43–46.

Данте, Рай, II, 1–9.

В опубликованной литературе по психоанализу рассматриваются источники символов в сновидениях, а также их скрытое значение для бессознательного и следствия их действия на психику; но другой факт — что великие учителя использовали их сознательно в качестве метафор — остается без внимания: молчаливо предполагается, что великие учителя прошлого были невротиками (за исключением, конечно, некоторых из греков и римлян), которые заблуждались, некритично принимая свои фантазии за откровение. В таком же духе и откровения психоанализа многими неспециалистами рассматриваются как продукт «извращенного ума» Фрейда.

Брахма, Вишну и Шива, соответственно Создатель, Хранитель и Разрушитель, составляют троицу в индуизме, как три аспекта действия одной созидающей субстанции. После VII столетия до н. э. статус Брахмы претерпел изменение, и он стал просто созидающим посредником Вишну. Таким образом, индуизм сегодня разделен на два основных лагеря: в одном, главным образом, поклоняются создателю-хранителю Вишну, в другом — Шиве, разрушителю мира, который соединяет душу с вечным. Но эти двое, в конечном итоге, суть одно. В данной мифе именно благодаря их единому действию добывается эликсир жизни.

См. *Ramāyāna*, I, 45; *Mahābhārata*, I, 18; *Matsya Purāna*, 249–251 и многие другие тексты. См. также.: Zimmer, *Myths and Symbols in Indian Art and Civilization*, pp. 105 ff.

Marco Pallis, *Peaks and Lamas* (4th edition, London: Cassel and Co., 1946), p. 324.

Shri-Chakra-Sambhara Tantra, Volume VII «Tantric Texts» (London, 1919), p. 41. «Когда возникает сомнение относительно божественности этих мысленно представляемых богов, — гласит дальше текст, — следует сказать: «Эта Богиня — всего лишь воспоминание тела», — и помнить, что Боги составляют собой Путь» (*loc. cit.*)

Ср., напр., К. Г. Юнг, *Об архетипах коллективного бессознательного*. «Наверное, много таких, — пишет Флюгель, — кто до сих пор хотел бы сохранить представление о квазиантропоморфном Боге-Отце как о непостижимой умом реальности, хотя чисто умственное происхождение такого Бога стало очевидным» (*The Psycho-Analytic Study of the Family*, p. 236).

«Рай», XXXIII, 82 и далее.

См. выше: Часть I, Глава II, § 5.

J. F. Stimson, *The Legends of Maui and Tahaki* (Bernice P. Bishop Museum Bulletin, No. 127; Honolulu, 1934), pp. 19–21.

Перевод И. Дьяконова.

Этот отрывок, отсутствующий в стандартном ассирийском варианте этой легенды, встречается в намного более раннем вавилонском фрагментарном тексте (Bruno Meissner, *Ein altbabylonisches Fragment des Gilgamešpos*, Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft, VII, I; Berlin, 1902, p. 9). Часто отмечалось, что совет пророчицы чисто гедонистический, но следует также заметить, что в этом отрывке представлено испытание инициации, а не моральная философия древних вавилонян. Так и в Индии, столетия спустя, когда ученик подходил к своему учителю с просьбой открыть тайну бессмертной жизни, то вначале учитель отговаривал его, описывая прелести смертной жизни (*Камха-Упанишада*, 1:21, 23–25). И только если ученик продолжал настаивать, то допускался к следующей инициации.

Вавилонский прототип библейского Ноя.

Хотя на пути сюда героя предостерегли о том, что воды касаться нельзя, теперь он может безо всякого вреда для себя входить в нее. Это мерило той силы, которую он обрел, посетив древних хозяев Вечного Острова. Утнапишти-Ной, герой потопа, является архетипным образом отца; его остров, Центр Мира, является прообразом последующего греко-римского Острова Благословенных.

Представленный выше пересказ основан на: Р. Jensen, *Assyrischbabylonische Mythen und Epen* (Kellinschriftliche Bibliothek, VI, I; Berlin, 1900), pp. 116–273. Вариант Йенсена является подстрочным переводом основного сохранившегося текста, ассирийской версии из библиотеки царя Ашурбанипала (668–626 до н. э.). Также были найдены и расшифрованы отрывки намного более древнего вавилонского варианта и еще более древнего шумерского оригинала (III тысячелетие до н. э.).

Ko Hung, *Net P'ien*, Chapter VII (Obed Simon Johnson, *A Study of Chinese Alchemy*, Shanghai, 1928, p. 63).

Ко Хун разработал несколько других, очень интересных рецептов, один — делающий тело «бодрым и роскошным», другой — дающий способность ходить по воде. Относительно обсуждения места Ко Хуна в китайской философии см. Alfred Forke, *Ko Hung, der Philosoph und Alchemist*, *Archiv für Geschichte der Philosophie*, XLI, 1–2 (Berlin, 1932), pp. 115–126.

Herbert A. Giles, *A Chinese Biographical Dictionary* (London and Shanghai, 1898), p. 372.

Афоризм в духе тантризма.

Лао Цзы, *Дао дэ цзин*, 16. Перевод В. Малявина.

Данте, Рай, XXXIII, 49–57.

Кена-Упанишада, 1:3.

Старшая Эдда, «Речи Высокого», 138. Цитаты в переводе А. Корсуна.

Jataka, Introduction, 1, 75 (см. Henry Clarke Warren, *Buddhism in Translations* (Harvard Oriental Series, 3), Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1896, pp. 82–83).

Эта деталь проясняет символическое второе рождение от гермафродитного, иницирующего отца.

Vishnu Purana, 23; *Bhagavata Purana*, 10:51; *Harivansha*, 114. См. Maya, *Der Indische Mythos* (Stuttgart and Berlin, 1936), pp. 89–99.

Ср. Кришну как Великого Мага Мира с африканским Эдшу. Ср. также с полинезийским хитрецом Мауи.

Taliesin, tr. by Lady Charlotte Guest in *The Mabinogion* (Everyman's Library, No. 97, pp. 263–264).

Талиесин, «патриарх» западных бардов, — возможно, реальное историческое лицо VI столетия н. э., современник военачальника, ставшего «королем Артуром» позднейшего рыцарского романа. Легенды и поэмы барда сохранились в рукописи XIII столетия *The Book of Taliesin*, которая является одной из *Четырех Древних Книг Уэльса*. *Mabinog* (валл.) — ученик барда. Термин *mabinogi*, «юношеское наставление», обозначает все, что передавалось из поколения в поколение (мифы, легенды, поэмы и т. п.), чему учился *mabinog*, долгом которого было знать все это наизусть. *Mabinogion*, множественное число от *mabinogi*, стало заглавием, которое леди Шарлотта Гест дала своему переводу (1838–1849) одиннадцати романов из *Древних Книг*.

Предания бардов Уэльса, так же как и бардов Шотландии и Ирландии, берут свое начало от очень древнего и богатого языческо-кельтского источника мифов, которые были переработаны и восстановлены христианскими миссионерами и летописцами (начиная с V века), которые записывали старые сказания и усердно старались привести их в соответствие с Библией. В ходе X столетия, выдающегося периода в создании героического романа, центр которого сосредоточивался, главным образом, в Ирландии, это наследие обрело силу современности. Кельтские барды отправлялись ко дворам христианской Европы; кельтские темы повторялись языческими скандинавскими скальдами. Истоки значительной части нашего европейского сказочного фольклора, а также основа преданий Артурова цикла восходят к этому первому великому периоду создания западного героического романа. (См.: Gertrude Schoepperle, *Tristan and Isolt, A Study of the Sources of the Romance*, London and Frankfurt-am-M., 1913.)

Первый бурятский шаман Моргон-Кара, Известия Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического общества, XI, 1–2 (Иркутск, 1880), с. 87, слл.; цит. по: Narva, *op. cit.*, pp. 543–544.

John White, *The Ancient History of the Maori, His Mythology and Traditions* (Wellington, 1886–89), Vol. II, pp. 167–171.

Братья Гримм, *Русалка*.

C. G. Jung, *The Integration of the Personality* (New York, 1939), p. 59.

См.: Аполлоний Родосский, *Аргонавтика* (бегство описывается в книге IV).

C. H. Chamberlain, *Ko-ji-ki, Records of Ancient Matters* (712 г. н. э.), Transactions of The Asiatic Society of Japan, Vol. X, Supplement (Yokohama, 1882), pp. 24-28.

Jaimuniya Upanishad Brahmana, 3. 28. 5.

Во многих мифах о герое в чреве кита его спасают птицы, расклевав бок его тюрьмы.

Frobenius, *Das Zeitalter des Sonnengottes*, pp. 85–87.

Ko-ji-ki, pp. 52–59.

Синто, «Путь Богов», традиция, родившаяся в Японии, в отличие от привнесенного Буцудо, или «Пути Будды», представляет собой поклонение стражам жизни и обычаев (местным духам, силам предков, героям, божественному императору, живым родителям и детям), в отличие от сил, что несут освобождение из круга (Бодхисатвы и Будды). Сам способ поклонения, главным образом, состоит в развитии и сохранении чистоты сердца... «Что такое омовение? Это не просто очищение тела святой водой, но и следование Правильному и Моральному Пути» (Tomobe-no-Yasutaka, *Shintō-Shoden-Kuju*). «Богу угодны добродетель и искренность, а не материальные подношения, сколь бы их ни было» (*Shintō-Gobusho*).

Аматэрасу, прародительница императорской семьи, является главным божеством многочисленного фольклорного пантеона, однако сама она является только высшим проявлением невидимого, трансцендентного и вместе с тем имманентного Вселенского Бога: «Восемьсот мириад богов есть лишь различные проявления одного, единственного в своем роде Бога, Кунитокотачи-но-Ками, вечно стоящего на земле Божественного существа, великого единства всех вещей во вселенной, изначально сущего небес и земли, вечно существующего от начала и до скончания мира» (Izawa-Nagahide, *Shintō-Ameno-Nuboko-no-Ki*). «Какому божеству поклоняется в воздержании Аматэрасу на равнине высоких небес? Она поклоняется своей собственной внутренней самости как Божеству, стремясь развить божественную добродетель в своей собственной личности посредством внутренней чистоты и таким образом стать единой с Богом» (Ichijō-Kaneyoshi, *Nihonshoki-Sanso*).

Так как Бог присутствует во всех вещах, то все вещи следует рассматривать как божественные, от кухонной утвари до Микадо: это и есть Синто, «Путь Богов». Микадо, занимая самое высокое положение, пользуется наибольшим почтением, но почтением по своей природе не отличающимся от того, коего удостоивается всякая вещь. «Внушающий благоговение Бог проявляет Себя даже в одном единственном листке дерева или тончайшей травинке» (*Urabe-no-Kanekuni*). Функция поклонения в Синто состоит в почитании этого Бога во всех вещах, функция чистоты — в поддержании Его проявления в себе, следуя августейшему примеру божественного самопоклонения богини Аматэрасу. «С незримым Богом, который видит все тайные вещи в безмолвии, сердце человека искренне

общается снизу, с земли» (из стихов императора Мейдзи).

Все приведенные выше цитаты можно найти в: Genchi Kato, *What is Shinto?* (Tokyo: Maruzen Company Ltd., 1935); см. также: Lafcadio Hearn, *Japan, An Interpretation* (New York: Grosset and Dunlap, 1904).

Согласно христианскому учению: «Сыну человеческому надлежит быть... распяту, и в третий день воскреснуть» (Лука, 24:7).

Энлиль был шумерским богом воздуха, Нанна — богом луны, Энки — богом воды и мудрости. Во времена составления этого документа (третье тысячелетие до н. э.) Энлиль являлся главным божеством шумерского пантеона. Он был вспыльчив. Это он наслал Потоп. Нанна был одним из его сыновей. В мифах милосердный бог Энки появляется, как правило, в роли помощника. Он является покровителем и советником как Гильгамеша, так и героя потопа — Атархасиса-Утнапиштима-Ноя. Тема противостояния Энки и Энлиля продолжена в классической мифологии соперничеством Посейдона и Зевса (Нептуна и Юпитера).

Kramer, *op. cit.*, pp. 87, 95. Завершение приведенной здесь в пересказе поэмы, этого ценнейшего документа, относящегося к истокам мифов и символов нашей цивилизации, утеряно навсегда.

Из глубин (лат.). — Прим. перев.

Матфей, 26:51; Марк, 14:47; Иоанн, 18:10.

Мандукья-Упанишада, 5.

Вашингтон Ирвинг, *Рип Ван Винкль*. Перевод А. Бобовича (Ирвинг В., Альгамбра. Новеллы; М.: Худ. лит., 1989), с. 311–314.

Фениане были слугами Финна МакКула, и все они были гигантами. Ойсин, сын Финна МакКула, был одним из них. Но теперь их времена прошли, и жители страны уже не были великанами древности. Такие легенды о канувших в лету гигантах встречаются повсеместно как обычные народные предания; например, миф, пересказанный выше, о царе Мучукунде. Достойны сравнения также долгие годы жизни иудейских родоначальников: Адам жил девятьсот тридцать лет, Сиф — девятьсот двенадцать, Енос — девятьсот пять и т. д., и т. п. (*Бытие*, 5.)

Curtin, *op. cit.*, pp. 332–333.

Джеймс Фрэзер, *Золотая ветвь*, с. 659.

Там же, с. 660–661.

Burton, *op. cit.*, III, pp. 231–256.

«Ибо не знал, что сказать; потому что они были в страхе» (*Марк*, 9:6).

Матфей, 17:1–9.

Определенный элемент комической разрядки можно видеть в наивном проекте Петра (который он выпалил не задумываясь в тот момент, когда видение было перед его глазами) — утвердить невыразимое в каменном основании. За шесть дней до этого Иисус сказал ему: «ты — Петр [греч. *камень*], и на сем камне Я создам Церковь Мою», — затем немного позднее: «думаешь не о том, что Божие, но что человеческое» (*Матфей*, 16:18, 23).

Основной текст современного индуистского религиозного учения: этический диалог в восемнадцати главах, представленный в книге VI *Махабхараты*, которая является древнеиндийским аналогом *Илиады*. См.: *Бхагавадгита*, 1:36, 45; 11:4–8; 11:16–18; 11:24–25; 11:29–34; 11:38–39; 11:45–47; 11:49.

Бхагавадгита, 1:45–46; 2:9.

Ом! Поистине, утренняя заря — это голова жертвенного коня, солнце — его глаз, ветер — его дыхание, его раскрытая пасть — это огонь Вайшванара; год — это тело жертвенного коня, небо — его спина, воздушное пространство — его брюхо, земля — его пах, страны света — его бока, промежуточные стороны — его ребра, времена года — его члены, месяцы и половины месяца — его сочленения, дни и ночи — его ноги, звезды — его кости, облака — его мясо; пища в его желудке — это песок, реки — его жилы, печень и легкие — горы, травы и деревья — его волосы, восходящее [солнце] — его передняя половина, заходящее — его задняя половина. Когда он оскаливает пасть, сверкает молния; когда он содрогается, гремит гром; когда он испускает мочу, льется дождь, голос — это его голос» (*Брихадараньяка-Упанишада*, 1. 1. 1).

Тела жизни, раздираемого плотоядным желанием,
 Несущимся на яростно простертых крыльях: из глаз
 Брызжет кровь; из вырванных глаз; темная кровь
 Струится из опустошенных глазниц, стекая по клюву
 И орошая пустынные просторы небес.
 Но и тогда Великая Жизнь продолжалась; все же Великая Жизнь
 Была прекрасна, и, вкусив поражение,
 Она насытилась.

(Robinson Jeffers, *Cawdor*, p. 116).

Космическое Дерево — это хорошо известный мифологический образ (в частности, Иггдрасиль, Мировое древо из Эдд). Богомол играет важную роль в мифологии бушменов Южной Африки.

Джайнизм — это неортодоксальная древнеиндийская религия (отрицающая авторитетность Вед), которая в своей иконографии демонстрирует некоторые необычные архаичные черты.

Сумма против язычников, I, 5, 3. Перевод Т. Бородай.

Кена-Упанидаша, 2:3.

Бхагавадгита, 11:53–55.

Матфей, 16:25.

Shankaracharya, *Vivekachudamani*, 542 и 555.

Бхагавадгита, 2:22–24.

Там же, 3:19; 3:30.

Taliesin, *op. cit.*, pp. 264–274.

Иоанн, 8:58.

Овидий, *Метаморфозы*, XV, 252–255.

Братья Гримм, *Шиповничек*.

Относительно обсуждения этого вопроса см. мой комментарий к сказкам братьев Гримм: *Grimms' Fairy Tales* (New York; Pantheon Books, 944), pp. 846–856.

Великая суббота — это день между Смертью и Воскресением Иисуса из чрева Преисподней. Это момент возрождения — начала новой эры. Сравните с темой палочек для разведения огня, обсуждавшейся выше.

Псалтирь, 41:2–4.

Смотрите католический Молитвенник (Великая суббота).

В Индии сила (*шакти*) бога воплощается в женском образе и представлена как его супруга, в настоящем ритуале подобным же образом символизируется милость.

Иоанн, 3:3–5.

C. G. Jung, *On Psychic Energy* (orig. 1928; *Collected Works*, vol. 8). В раннем наброске эта работа была озаглавлена «Теория либидо».

См. Кант, *Критика чистого разума*.

355

Санскрит: *māyā-śakti*.

По ту сторону категорий и, следовательно, вне определения при помощи понятий, образующих оппозицию «пустота — бытие». Такие термины являются лишь ключом к трансцендентному.

Это признание вторичной природы личности любого божества, которому поклоняются, характерно для большинства преданий о мире. Однако в христианстве, исламе и иудаизме личность божества мыслилась как окончательная, что всегда затрудняло для тех, кто принадлежал к этим конфессиям, понимание того, что выходит за пределы их собственного антропоморфного божества. Отсюда, с одной стороны, всяческое затуманивание символов, а с другой — слепая приверженность богу-избавителю, не имеющая аналогов в истории религии. Относительно возможного происхождения этой аберрации см.: Зигмунд Фрейд, *Моисей и монотеизм* (1939).

Лука, 17:21.

См. выше: Часть I, Глава II, § 6.

См. выше: Часть I, Глава I, § 4.

См. выше: Часть I, Глава I, § 4.

См. выше: Часть I, Глава I, § 4.

Fernando de Alva Ixtlilxochitl, *Historia de la Nacion Chichimeca* (1608), cap. I (Lord Kingsborough, *Antiquities of Mexico*, London, 1830–48, Vol. IX, p. 205).

Hastings' *Encyclopaedia of Religion and Ethics*, Vol. V, p. 375.

См.: Mrs. Sinclair Stevenson, *The Heart of Jainism* (Oxford University Press, 1915), pp. 272–278.

366

Божественный год равен 360 человеческим годам.

См.: *Мандукья-Упанишада*, 3–6.

Там же, 8–12.

Поскольку в санскрите звуки *A* и *U* сливаются в *O*, священный слог произносится и пишется *OM*.

Мандукья-Упанишада, 7.

Ha idra zuta, Zohar, III, 288a.

Зогар (*zōhar*, «свет, великолепии») представляет собой собрание эзотерических иудейских сочинений, увидевших свет около 1305 г. благодаря ученому испанскому еврею по имени Моисей де Леон. Утверждают, что эти тексты представляют собой, главным образом, выдержки из тайных подлинников, восходящих к учению Симеона бен Йохай, раввина из Галилеи (II в. н. э.). Ввиду угрожавшей ему смерти со стороны римлян Симеон скрывался 12 лет в пещере, где спустя десять столетий его писания и были обнаружены; они и послужили источником для книг *Зогар*.

Предполагается, что Симеоново учение извлечено из *hokmah nistarah*, или потаенной мудрости Моисея — основной части эзотерического знания, которое было получено Моисеем в Египте, месте его рождения, затем осмыслено, когда он в течение сорока лет шел через пустыню (где ему было дано наставление от ангела), и в конечном счете нашло сокровенное воплощение в первых четырех книгах Пятикнижия, из которого оно может быть извлечено через надлежащее понимание и манипуляцию с мистическими буквами-цифрами еврейского алфавита. Это знание и методы его извлечения и применения и составляют содержание каббалы.

Говорят, что учение каббалы (*qabbālāh*, «предание» или «традиционное знание») было впервые вверено самим Богом избранным ангелам в Раю. После того, как Первочеловек был изгнан из Рая, некоторые из этих ангелов передавали это знание Адаму, чтобы помочь ему вернуться к прежнему блаженству. От Адама учение перешло к Ною, а от Ноя к Аврааму. Авраам разгласил кое-что из этого сокровенного знания, когда он был в Египте, вот почему след этой высшей мудрости можно теперь обнаружить в редуцированной форме в мифологии и философии язычников. Моисей впервые изучал кабаллистику с египетскими жрецами, но именно через него предание было восстановлено в своей чистоте, благодаря наставлениям ангелов. *Ha idra rabba qadisha*, XI, 212–14, 233, tr. by S. L. MacGregor Mathers, *The Kabbalah Unveiled* (London: Kegan Paul, Trench, Trubner and Company, Ltd., 1887), pp. 134–135, 137.

Сумма против язычников, I, 1.

См. выше: Пролог, § 2.

Johannes C. Anderson, *Maori Life in Ao-tea* (Christchurch [New Zealand, 1907?]), p. 127.

В священных писаниях Махаяны перечислены и описаны 18 «пустот» или степеней пустоты. Они познаются через йогу и в опыте души на пороге смерти. См.: Эванс-Венц, *Тибетская йога и тайные доктрины*. К.: Ваклер, 1993, в 2-х т.

См.: *The Vedantasara of Sadananda* (Mayavati, 1931).

Согласно китайской системе, эти пять элементов — земля, огонь, вода, дерево и золото.

См.: Richard Wilhelm, *Chinesische Märchen* (Jena: Eugen Diederichs Verlag, 1921), pp. 29–31.

См.: Richard Taylor, *Te ika a Maui, or New Zealand and Its Inhabitants* (London, 1855), pp. 14–15.

Маленький круг в нижней части рис. 13. Ср. с изображением китайского Дао.

Kenneth P. Emory, *The Tuamotuan Creation Charts by Païore*, Journal of the Polynesian Society, Vol. 48, No. 1 (March, 1939), pp. 1–29.

Ibid., p. 12.

Чхандогья-Упанишада, 3. 19. 1–3.

A. S. Eddington, *The Nature of the Physical World*, p. 83.

«Энтропия всегда возрастает» (см.: Eddington, pp. 63 ff.).

Та-ароа на таитянском диалекте Тангароаа.

Kenneth P. Emory, *The Tahitian Account of Creation by Mare*, Journal of the Polynesian Society, Vol. 47, No. 2 (June, 1938), pp. 53–54.

E. A. Wallis Budge, *The Gods of the Egyptians* (London, 1904), Vol. I, pp. 282–292.

Kalika Purana, I (Heinrich Zimmer, *The King and the Corpse*, The Bollingen Series XI, Pantheon Books, 1943, pp. 239 ff.).

Брихадараньяка-Упанишада, I. 4. 1–5. Ср. фольклорный мотив бегства и трансформации (выше). См. также: Киприи, фр. 8, где представлена Немезида, не пожелавшая разделить любовное ложе со своим отцом Зевсом и бежавшая от него, принимая форму рыбы и других живых существ (цит. по: Ananda K. Coomaraswamy, *Spiritual Power and Temporal Authority in the Indian Theory of Government*, American Oriental Society, 1942, p. 361).

Мундака-Упанишада, 2. 2. 5.

Zohar, I, 91b; цит по: С. G. Ginsburg, *The Kabbalah, its Doctrines, Development, and Literature* (London, 1920), p. 116.

Тайттирия-Упанишада, 3. 10. 5.

В мифологии американских индейцев, живущих на юго-западе континента, такое возникновение представляется в подробных деталях; таковы же представления о творении у берберов из Алжира. См.: Morris Edward Opler, *Myths and Tales of the Jicarilla Apache Indians* (Memoirs of the American Folklore Society, № 31, 1938); Leo Frobenius and Douglas C. Fox, *African Genesis* (New York, 1937), pp. 49–50.

См. *Бытие*, 3:18–19.

George Grey, *Polynesian Mythology and Ancient Traditional History of the New Zealand Race, as Furnished by their Priests and Chiefs* (London, 1855), pp. 1–3.

Теогония, 179, слл. В греческой версии мать не сопротивляется; она сама подает серп.

Ср. полярность Махора-нуи-а-ранги и Маку у маори (см. выше: Часть II, Глава I, § 3).

S. N. Kramer, *op. cit.*, pp. 40–41.

Ginnungagap, пустота, бездна хаоса, в которую все погружается в конце цикла («Сумерки Богов») и из которой все появляется снова после вневременной стадии реинкубации.

Младшая Эдда, «Видение Гюльви». См. также: *Старшая Эдда*, «Прорицание вёльвы».

Старшая Эдда — это собрание, состоящее из тридцати четырех древнескандинавских поэм о языческих германских богах и героях. Поэмы создавались певцами и поэтами (скальдами) в различных частях мира викингов (одна, например, в Гренландии) в 900–1050 г. н. э.

Младшая Эдда — это своего рода пособие для юных поэтов, написанное в Исландии христианским поэтом и военачальником Снорри Стурлусоном (1178–1241). В ней суммируются языческие германские мифы и пересматриваются риторические приемы скальдов.

В мифологии, представленной в этих текстах, можно различить ранний, крестьянский слой (ассоциирующийся с громовержцем, Тором), более поздний — аристократический (Вотан-Один) и третий — четко выраженный фаллический комплекс (Ньерт, Фрейя и Фрейр). Влияние бардов из Ирландии смешалось с классическими и восточными темами в этом глубокомысленном и, вместе с тем, гротескном мире символических форм.

Энума элиш, Табл. IV, строчки 35–143. См.: L. W. King (tr.), *Babylonian Religion and Mythology* (London and New York: Kegan Paul, Trench, Trubner and Co. Ltd., 1899), pp. 72–78.

Роза, открывшаяся человечеству через крест. См.: Данте, Рай, XXX–XXXII.

Бытие, 3:7.

Ясно выраженное различие можно провести между мифологиями действительно примитивных (рыбная ловля, охота, собирательство) народов и тех цивилизаций, которые культивировали агротехнику и скотоводство (VI тысячелетие до н. э.). Но большинство из так называемых примитивных народов на самом деле являются колониальными, т. е., претерпев своего рода диффузию из центров некой высокой культуры, они были ассимилированы в условиях более простого общества. Чтобы избежать неоднозначности термина «примитивный», я называю такую неразвитую или выродившуюся традицию «народной мифологией». Термин вполне адекватен для целей данного элементарно-компаративистского исследования универсальных символических форм, хотя он определенно неприменим для строго исторического анализа.

George Bird Grinnell, *Blackfoot Lodge Tales* (New York: Charles Scribner's Sons, 1892, 1916), pp. 137–138.

J. S. Polack, *Manners and Customs of the New Zealanders* (London, 1840), Vol. I, p. 17. Рассматривать такую сказку как космогонический миф было бы столь же неуместно, как иллюстрировать Святую Троицу абзацем из детской сказки «Дитя Марии» (*Сказки братьев Гримм*).

С. Крашенинников, *Описание земли Камчатской* (СПб., 1819), т. II, с. 101; цит. по: Narva, *op. cit.*, p. 109.

Потанин, *op. cit.*, т. II, с. 153; цит. по: Harva, *op. cit.*, р. 109.

P. J. Meier, *Mythen und Erzählungen der Küstenbewohner der Gazelle-Halbinsel (Neu-Pommern)* (Anthropos Bibliothek, Band I, Heft I, Münster i. W., 1909), pp. 15–16.

Ibid., pp. 59–61.

«Вселенная не сводится к единому акту, как будто за всем этим стоит личная воля всевидящего и всемогущего существа. Когда я слышу иной раз гимны, молитвы и т. п., основанные на якобы доказанных или воспринимаемых с наивной простотой утверждениях, что этот необозримый космос, со всеми его чудовищными случайностями, является четко спланированным и лично руководимым действием, я вспоминаю куда более разумную гипотезу, представляющую мировоззрение одного восточно-африканского племени. «Они утверждают, — пишет наблюдатель, — что если даже сам Бог добрый и желает для всех добра, то все равно он, к несчастью, имеет слабоумного брата, который всегда вмешивается во все его деяния». Это по крайней мере хоть как-то отвечает фактам. Слабоумный брат Бога позволяет объяснить некоторую болезненность самой жизни и нездоровые трагедии, которые идея об индивидуальном всемогуществе безграничной доброй воли по отношению к каждой душе не может объяснить вполне внятно» (Harry Emerson Fosdick, *As I See Religion*, New York Harper and Brothers, 1932, pp. 53–54).

W. Radloff, *Proben der Volksliteratur der türkischen Stämme Süd-Siberians* (St. Petersburg, 1866–70), vol. I, p. 285; цит. по: Harva, *op. cit.*, pp. 114–115.

Освобождаясь от космогонических ассоциаций, негативное воплощение могущества демиурга в демоническом шуте стало излюбленным персонажем в сказках, рассказываемых для забавы. Живой пример — Койот американских равнин, а Лис Ренар является европейской инкарнацией этого образа.

Калевала (Земля Героев) в ее нынешней форме является произведением Элиаса Лённрота (1802–1884), сельского врача и исследователя финской филологии. Собрав обширный корпус народных сказаний о легендарных героях, таких как Вяйнямёйнен, Ильмаринен, Лемминкяйнен и Куллерво, он объединил их в единую поэму (1835, 1849). Произведение Лённрота включало в себя 23000 стихов.

Немецкий перевод *Калевалы* попался на глаза Генри Уодсворту Лонгфелло, который на ее основании разработал общий план и выбрал размер своей *Песни о Гайавате*.

Калевала, руна 1, стихи 123–142. Стихи приводятся в русском переводе Л. Бельского (Л.: Худ. лит., 1979).

Т. е. десятое лето после того, как разбились утиные яйца.

Там же, стихи 255–280.

Там же, стихи 289–328.

Там же, стихи 329–344.

Этот рог и масло играют важную роль в фольклоре Южной Родезии. Рог нгона — это чудодейственный инструмент, обладающий силой, способной производить огонь и свет, оплодотворять живое и воскрешать мертвое.

Leo Frobenius and Douglas C. Fox, *African Genesis*, pp. 215–220.

Приблизительное значение слова «Зимбабве» — «королевский двор». Огромные доисторические руины близ Форта Виктория называются «Великий Зимбабве», другие каменные руины на всей территории Южной Родезии именуются «Малыми Зимбабве» (прим. Фробениуса и Фокса).

Кости хаката, которые бросают в поиске ответа дети Мвуетси, см. выше: § 2.

Евангелие от Псевдо-Матфея, гл. IX.

Noticias historiales de las conquistas de Tierra Firme en las Indias Occidentales, Cuenca, 1627.

Kingsborough, *op. cit.*, Vol. VIII, pp. 263–264.

Kalidasa, *Kumarasambhavam* («The Birth of the War God Kumara»).

E. E. V. Collocott, *Tales and Poems of Tonga* (Bernice P. Bishop Museum Bulletin, No. 46, Honolulu, 1928), pp. 32–33.

Giles, *op. cit.*, pp. 233–234; Rev. J. MacGowan, *The Imperial History of China* (Shanghai, 1906), pp. 4–5; Friedrich Hirth, *The Ancient History of China* (Columbia University Press, 1908), pp. 8–9.

Giles, *op. cit.*, p. 656; MacGowan, *op. cit.*, pp. 5–6; Hirth, *op. cit.*, pp. 10–12.

Giles, *op. cit.*, p. 338; MacGowan, *op. cit.*, pp. 6–8; Edouard Chavannes, *Les memoires historiques de Sema Ts'ien* (Paris, 1895–1905), Vol. I, pp. 25–36. См. также: John C. Ferguson, *Chinese Mythology* («The Mythology of All Races», Vol. VIII, Boston, 1928), pp. 27–28, 29–31.

Эта формулировка, конечно же, не совсем соответствует общепризнанному христианскому учению. Иисус сказал: «Царствие Божие внутри вас», однако Церковь утверждает, что если человек создан только «по образу и подобию» Бога, то различие между душой и ее Создателем абсолютно, таким образом защищая, как конечный предел своей мудрости, дуалистическое различие между «вечной душой» человека и божественностью. Выход за рамки этой пары противоположностей не одобряется (безусловно отвергается как «пантеизм» и в свое время был наказуем смертью на костре); тем не менее молитвы и свидетельства христианских мистиков изобилуют экстатическими описаниями объединительного, потрясающего душу переживания, а видение Данте в конце *Божественной Комедии*, несомненно, выходит за рамки ортодоксальной, дуалистичной, конкретической догмы о конечности ипостасей Троицы. Там, где эта догма не нарушается, миф о путешествии к Отцу понимается буквально, как описывающий конечную цель человека.

В том же, что касается проблемы подражания Иисусу как человеческому образцу или размышления о Нем как о боге, историю христианских представлений на сей счет можно грубо обобщить следующим образом: 1) буквальное следование учителю, Иисусу, с таким же, как и у него, отречением от мира (примитивное христианство); 2) созерцание распятого Христа как божества в своем сердце и вместе с тем жизнь в мире как служение богу (раннее и средневековое христианство); 3) отказ от большинства инструментальных приемов созерцания и жизнь в мире в качестве слуги или орудия Господа, которого отныне человек не должен мысленно представлять себе (протестантское христианство); 4) попытка интерпретировать Иисуса как образец человеческого существа, но без принятия его аскетического пути (либеральное христианство).

Эти три легенды представлены в прекрасном психологическом исследовании Отто Ранка: О. Ранк, *Миф о рождении героя* (М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1997). Иной вариант третьей легенды можно найти в *Gesta Romanorum*, LXXXI.

См. Joseph Bedier, *Les legendes epiques* (3rd edition; Paris, 1926).

Louis Ginzberg, *The Legends of the Jews* (Philadelphia: The Jewish Publication Society of America, 1911), Vol. III, pp. 90–94.

George Bird Grinnell, *Blackfoot Lodge Tales* (New York: Charles Scribner's Sons, 1892, 1916), pp. 31–32.

Elsie Clews Parsons, *Tewa Tales* (Memoirs of the American Folklore Society, XIX, 1926), p. 193.

См.: Nivedita, Ananda K. Coomaraswamy, *Myths of the Hindus and Buddhists* (New York: Henry Holt and Company, 1914), pp. 221–232.

Смысл этого совета, который западному читателю может показаться странным, заключается в том, что Путь Посвящения (*bhakti márga*) должен начинаться с вещей известных и милых сердцу ступающих на этот путь, а не с далеких, невообразимых абстракций. Так как Бог присутствует во всем, то Он даст познать Себя через любой глубоко почитаемый объект. Кроме того, именно Бог внутри посвятившего Ему себя делает для него возможным открытие Бога во внешнем мире. Это таинство иллюстрируется двойственным присутствием Кришны во время акта поклонения.

Parsons, *op. cit.*, p. 193.

Циклы средневекового ирландского эпоса включают: 1) *мифологический цикл*, который описывает переселение на остров доисторических народов, их великие сражения и свершения расы богов, известных как Дети Великой Матери Даны; 2) *Милезианские летописи*, или полуисторические хроники о последнем из прибывших народов, сыновьях Милезия, основателях кельтских династий, которые жили до прибытия англо-норманнов во главе с Генрихом II в XII столетии; 3) *Ольстерский цикл Рыцарей Красной Ветви*, который, в первую очередь, описывает свершения Кухулина при дворе его дяди Конхобара; этот цикл в значительной мере повлиял на развитие Артурова цикла в Уэльсе и в Британии — двор Конхобара послужил моделью для двора короля Артура, а подвиги Кухулина — для подвигов племянника Артура, сэра Гавейна (Гавейн был первоначальным героем многих приключений, приписываемых Ланселоту, Персивалю и Галахаду); 4) *Фенианский цикл* — о героических воинах под предводительством Финна МакКула; самой важной в этом цикле является история любовного треугольника (Финн, его невеста Грианни и его племянник Диармид), множество эпизодов которой дошли до нас в известной легенде о Тристане и Изольде; 5) *легенды Ирландских святых*.

«Маленький народец» из популярного сказочного фольклора христианской Ирландии является трансформацией прежних языческих божеств, Сынов Великой Матери Даны.

Táin bo Cúalnge (Book of Leinster, 62a–b): ed. by Wh. Stokes and E. Windisch, *Irische Texte* (Extraband zu Serie I bis IV; Leipzig, 1905), pp. 106–117; английский перевод: Eleanor Hull, *The Cuchullin Saga in Irish Literature* (London, 1898), pp. 135–137.

Book of Leinster, 64b–67b (Stokes and Windisch, *op. cit.*, pp. 130–169);
Hull, *op. cit.*, pp. 142–154.

См.: Eleanor Hull, *op. cit.*, p. 154; перевод из: *Book of Leinster*, 68a (Stokes and Windisch, *op. cit.*, pp. 168–171).

Hull, *op. cit.*, pp. 174–176; из: *Book of Leinster*, 77 (Stokes and Windisch, *op. cit.*, pp. 368–377). Сравните с преображением Кришны, см. выше: Часть I, Глава IV, а также илл. II, IV, XII.

Н. Горохов, *Юрунг-Уолан. Якутская сказка, ч. 1* (Известия Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества, XV. 5-6), с. 43 слл.; цит. по: Uno Holmberg (Uno Harva), *Der Baum des Lebens* (Annales Academiae Scientiarum Fennicae, Ser. B, Tom. XVI, No. 3; Helsinki, 1923), pp. 57–59.

Калевала, III, 295–300.

Здесь я придерживаюсь различия раннего героя-титана-полуживотного (основателя города, дарителя культурных ценностей) — и более позднего героя в его чисто человеческом облики. Сверхшения последних часто включают уничтожение первых — Питонов и Минотавров, щедрых дарителей благ прошлого. (Устаревший бог немедленно становится разрушающим жизнь демоном. Его телесная форма должна быть разрушена, а энергии — высвобождены.) Нередко сверхшения, относящиеся к ранним стадиям цикла, приписываются человеческому герою, или же один из ранних героев очеловечивается и доживает до более поздних времен; но такие контаминации и вариации не меняют общей формулы.

Clark Wissler and D. C. Duvall, *Mythology of the Blackfeet Indians* (Anthropological papers of the American Museum of Natural History, vol. II, Part I; New York, 1909), pp. 55–57. См. также: Thompson, *op. cit.*, pp. 111–113.

Jacobus de Voragine, *op. cit.*, CIV, «Saint Martha, Virgin».

Одна из категорий жрецов, которым вверялось приготовление и нанесение священных притираний.

Главный жрец, правящий как наместник бога.

Занимательный и поучительный пример полной неудачи великого героя представлен в финской *Калевале* (руны IV–VIII), где Вяйнямёйнен терпит неудачу в своих ухаживаниях вначале за Айно, а затем за «девушкой из Похьёлы». Сам этот рассказ слишком пространный для настоящего контекста.

The Wooing of Emer (используется перевод Куно Мейера в издании: Hull, *op. cit.*, pp. 57–84).

Parsons, *op. cit.*, p. 194.

Фирдоуси, *Шахнаме*, 937–982 (М.: Издательство АН СССР, 1957, Т. 1, с. 38–40). Перевод Ц. Бану.

Корни персидской мифологии уходят к общей индо-европейской основе, которая распространилась из Арало-Каспийских степей в Индию и Иран, а также в Европу. Основные божества *Авесты* — самых ранних священных персидских писаний — имеют близкие аналогии в самых ранних древнеиндийских текстах. Но в новых регионах распространения образовавшиеся две ветви подверглись совершенно различным влияниям: ведическая традиция постепенно подчинялась воздействию индийских дравидов, а персидская — шумеро-вавилонской традиции.

В начале I тысячелетия до н. э. персидская вера была коренным образом пересмотрена пророком Заратустрой (Зороастром) в соответствии со строгим дуализмом принципов добра и зла, света и тьмы, ангелов и дьяволов. Этот перелом глубоко повлиял не только на персидское, но и на подчиненные иудейские верования, а через них (столетия спустя) — на христианство. Произошел радикальный отход от более распространенных мифологических интерпретаций добра и зла как следствий, истекающих от единого источника бытия, который, будучи выше любых противоположностей, объединяет их в себе.

В 642 г. н. э. Персию наводнили фанатические приверженцы Магомета. Тех, кто не принимал новой веры, убивали. Оставшиеся в живых нашли прибежище в Индии, где они сохранились по настоящее время как парсы («персы») Бомбея. Однако примерно три столетия спустя произошла магометано-персидская литературная «Реставрация». Великими именами этого периода являются: Фирдоуси (940–1020?), Омар Хайям (?–123?), Низами (1140–1203), Джалаледдин Руми (1207–1273), Саади (1184?–1291), Хафиз (?–1389?) и Джами (1414–1492). *Шахнаме* Фирдоуси («Эпос царей») является пересказом в простой и возвышенной повествовательной стихотворной форме истории древней Персии до магометанского господства.

Opler, *op. cit.*, pp. 133–134.

См.: Nivedita and Coomaraswamy, *op. cit.*, pp. 236–237.

Coomaraswamy, *Hinduism and Buddhism*, pp. 6–7.

Матфей, 10:34–37.

Бхагавадгита, 18:51–53.

Антифоны монахинь при их освящении как Невест Иисуса; из *Католического Архиерейского Обрядника*. См.: *The Soul Afire*, pp. 289–292.

Ginzberg, *op. cit.*, Vol. I, pp. 305–306.

Wilhelm Stekel, *Die Sprache des Traumes*, No. 421. Смерть здесь появляется, как отмечает Штекель, в четырех символах: старый скрипач, косоглазый скрипач, старуха и молодой крестьянин (крестьянин является Сеятелем и Жнецом).

Bernardino de Sahagún, *Historia general de las cosas de Nueva España* (México, 1829), Lib. III, Cap. XII–XIV.

Thomas A. Joyce, *Mexican Archaeology* (London, 1914), p. 46.

Táin bó Regamna, ed. by Stokes and Windisch, *Irische Texte* (zweite Serie, Heft 2; Leipzig, 1887), pp. 241–254. См. также: Hull, *op. cit.*, pp. 103–107.

Parsons, *op. cit.*, pp. 194–195.

Tathagata: «достигший или пребывающий (*gata*) в таком состоянии (*tatha*)», то есть Просветленный, Будда.

Buddhism in Translations (Harvard Oriental Series, 3), Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1896, pp. 95–110.

Сравните со стадиями космической эманации, см. выше: Часть II, Глава I, § 3.

Бхагавадгита, 10:20.

Брихадараньяка-Упанишада, 4. 3. 36–37.

James Henry Breasted, *Development of Religion and Thought in Egypt* (New York: Charles Scribner's Sons, 1912), p. 275.

Сравните с поэмой о Талиесине, см. выше: Часть II, Глава I, § 1.

Franz Boas, *Race, Language, and Culture* (New York, 1940), p. 514. См.
выше: Часть I, Глава II, § 1.

Sahagún, *op. cit.*, Lib. I, Apéndice, Cap. I; ed. Robredo, Vol. I, pp. 284–286.

Белые и черные собаки не могли переплыть реку, потому что белая сказала бы: «Я уже помылась!», а черная: «Я запачкалась!» Только ярко-рыжие собаки могли добраться до берега мертвых.

«Н.»: приводится имя умершего; то есть — Осирис Ауфанкх, Осирис Ани.

Е. А. W. Budge (tr.), *The Book of the Dead, The Papyrus of Ani, Scribe and Treasurer of the Temples of Egypt, about B. C. 1450* (New York, 1913). См. Э. А. Уоллис Бадж, *Путешествие души в царстве Мертвых*, М.: Золотой век, 1995, с. 178 слл.

См.: Henry Clarke Warren, *Buddhism in Translations*, pp. 38–39.

Sylvanus G. Morley, *An Introduction to the Study of the Maya Hieroglyphics* (57th Bulletin, Bureau of American Ethnology; Washington, 1915), Plate 3 (facing p. 32).

Ibid., p. 32.

См. *Старшая Эдда*, «Прорицание вёльвы», 45, 54, 57; *Младшая Эдда*, «Видение Гюльви».

Матфей, 24:3–36.

Гомер, *Одиссея*, IV, 417–418. Перевод В. Вересаева.

Гомер, *Одиссея*, IV, 400–406.

Т. е. индейских.

Фридрих Ницше, *Так говорил Заратустра*, 1. 22. 3 (Т. 2, М.: Мысль, 1996, с. 57). Перевод Ю. Антоновского.